

КОСМИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

КОСМОС БУДЕТ НАШИМ!

Аркадий и Борис СТРУГАЦКИЕ,
Владимир МИХАЙЛОВ, Андрей БАЛАБУХА
и многие другие

КОСМИЧЕСКАЯ
ФАНТАСТИКА

или КОСМОС БУДЕТ НАШИМ!

Санкт-Петербург
Издательство «ФАНТАСТИКА»
2008

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)1+6
К 71

Оформление Александра Золотухина

- © В. Владимировский, А. Первушин, составление, 2008
- © А. Первушин, предисловие, 2008
- © А. Балабуха, А. Бессонов, Ю. Буркин, А. Громов, О. Дивов, А. Етоев, А. Измайлов, С. Логинов, С. Лукьяненко, В. Михайлов, А. Первушин, Е. Первушина, Г. Прашкевич, В. Рыбаков, А. и Б. Стругацкие, 2008
- © «Фантастика», 2008

ISBN 978-5-91377-018-9

Антон Первушин

ГРАНИЦЫ ВОООБРАЖЕНИЯ В БЕЗГРАНИЧНОМ КОСМОСЕ

4 октября 1957 года мир кардинальным образом изменился. Запуск на орбиту первого искусственного объекта, получившего название «Спутник», открыл космическую эру в истории человечества. В том же году увидел свет утопический роман Ивана Антоновича Ефремова «Туманность Андромеды», который считают рубежным для советской фантастики. Космическая фантастика, переживавшая как подъемы, так и спады, получила мощную поддержку. В те времена о космических полетах так и писали: «Фантастика, ставшая реальностью».

Основоположителем жанрового направления считается французский писатель Жюль Верн. Именно он в 1865 году выпустил в свет роман «С Земли на Луну прямым путем за 97 часов 20 минут», в котором описан первый технически осуществимый проект космического перелета. Роман вызвал широкое обсуждение, «отцы» теоретической космонавтики признавались позднее, что проект Жюль Верна подтолкнул их к изучению вопроса, к новым расчетам, к полемике и в конечном итоге позволил нащупать самый прямой и верный путь к осуществлению космических запусков — через создание и совершенствование ракетной техники.

Идея космического полета очень быстро стала одной из магистральных сюжетобrazующих идей научной фантасти-

ки. Поскольку она была непривычной для большинства читателей, авторы, обращающиеся к ней, долгое время занимались исключительно описаниями космических кораблей, принципов действия их двигателей, процесса постройки корабля, старта и полета — на проведение через текст каких-то философских или социальных идей, на раскрытие характеров вымышленных персонажей места уже не оставалось. Довольно часто, впрочем, фантасты использовали космический полет для того, чтобы просто отправить героев на другую планету, описав при этом экзотику чуждого нам мира. Так, например, появились романы «Красная звезда» Александра Богданова (1907) и «По волнам эфира» Бориса Красногорского (1913). Довольно смутные представления того времени о природе космического пространства и законах, действующих там, породили волну текстов, изобилующих «детскими» ошибками. Грамотные романы о космических полетах были большой редкостью. К последним, кстати, относится, хотя и с оговорками, знаменитая «Аэлита» Алексея Толстого (1923).

В 1920-е годы отношение к космической тематике изменилось. Фантасты описывали космические полеты как принципиально новую среду обитания. В космос отправлялись не просто исследовательские корабли с экипажами из двух-трех человек, но настоящие ковчеги, рассчитанные на многолетние полеты с большим количеством пассажиров на борту. Наполнением таких произведений служили уже не примитивные описания кораблей, их строительства и межпланетных перелетов как таковых, а изменения, которые неизбежно претерпят межличностные отношения участников такого полета, живущих в условиях скученности, невесомости, в окружении враждебного всему живому пространства. Авторы задавались вопросами: как космос изменит традиционную земную иерархию? как изменится уклад семьи? как будет организовано воспитание детей? только ли выживание станет основным побудительным мотивом к деятельности экипажа?

В первой половине XX века все эти вопросы еще не имели осмысленно-прикладного значения, но будили воображение. В итоге появились весьма своеобразные повести, кото-

рые ныне принято считать классическими: «Вне Земли» Константина Циолковского (1918), «Страна Гонимых» Вивиана Итига (1922), «Планета КИМ» Абрама Палея (1930), «Прыжок в ничто» (1933) и «Звезда КЭЦ» (1936) Александра Беляева.

После войны в советской фантастике произошло взаимопроникновение двух основных тем: темы неизбежности победы коммунизма во всем мире и темы космической экспансии. Считалось само собой разумеющимся, что космическое пространство будут осваивать только люди с коммунистическим мировоззрением. Хотя популяризаторы уверяли, что космическая эра начнется со дня на день, фантасты считали иначе. В первом журнальном варианте «Гуманности Андромеды» действие происходит через две тысячи лет «после нас». Зашуки «Спутника», Лайки, «лунников» и Юрия Алексеевича Гагарина давали надежду, что космическая экспансия пойдет куда более быстрыми темпами, чем предполагали фантасты пятидесятых, — до коммунизма еще нужно дожить, а в космос уже летают простые советские парни. Сроки сдвинулись, и вот Аркадий и Борис Стругацкие прогнозируют в романе «Страна багровых туч» (1959), что уже через тридцать лет, в августе 1991 года, фотонный плането-лет «Хиус» отправится на штурм Венеры — Марс к тому времени будет уже изучен и частично освоен. А там — всего полшага до Первой межзвездной экспедиции.

В 1960-е годы вдохновленные успехами засекреченных ракетчиков советские фантасты начали населять Вселенную своими современниками. Если персонажи Ефремова являлись нашими отдаленными потомками, даже с прописано измененной психологией, то космонавты из фантастических повестей братьев Стругацких, Владимира Михайлова и Сергея Жемайтиса почти ничем не отличались от современных авторов представителей опасных профессий: ракетчиков, летчиков-испытателей, полярников, геологов. Дальше всех в деле привнесения в космическую сферу элементов земной (советской!) организации труда и быта продвинулся Кир Булычев. Если в произведениях других авторов в космос все же летают специально отобранные люди (в отряд летчиков-испытателей или в штат полярной станции

тоже случайных товарищей не берут), то персонажи Булычева подчеркнуто приземленные, похожие на соседей по коммуналке: в романе «Последняя война» (1970) на звездолете пахнет свежесваренным борщом, а капитан тушит сигареты в пепельнице, прикрепленной к ободу обзорного экрана.

События начала 1970-х годов вновь изменили отношение к космонавтике в литературном сообществе. Впервые Советский Союз уступил лидерство Соединенным Штатам, проиграв в лунной «гонке» и отказавшись от масштабной программы по достижению и освоению Луны. Новейшие открытия по Марсу, показавшие, что Красная планета является пустым вымороженным миром, вызвали разочарование у энтузиастов, мечтавших о ее скорой колонизации. Проекты экспедиции на Марс были отложены в долгий ящик, а вместо них для поддержания паритета были приняты стратегически «тушиковые» программы по развитию орбитальной космонавтики: создание тяжелых долгоживущих станций на низких орбитах и корабля многоразового использования для их обслуживания.

Даже самым отвязным фантастам стало понятно, что межпланетные и межзвездные перелеты откладываются на неопределенный срок. В космической фантастике возобладало «молодогвардейское» направление. В огромных количествах начали публиковаться совершенно одинаковые рассказы и повести о том, как безликие советские (или американские, или международные) космонавты прилетают в неопределенном будущем на неопределенную планету и решают различные экзотические проблемы, связанные с условиями местной окружающей среды. В большинстве своем все эти произведения, вышедшие в издательстве «Молодая гвардия» и журнале «Техника — молодежи», были настолько далеки от проблем реальной космонавтики, что не выполняли даже популяризаторской функции. Говорить же о решении литературных задач просто не приходится: из всего этого мутного потока можно выделить только романы Сергея Павлова «Лунная радуга» (1974—1976) и Юрия Тупицына «Перед дальней дорогой» (1976), хоть как-то повлиявшие на развитие жанра.

Молодое поколение советских фантастов, объединившихся вокруг Всесоюзного семинара в Малеевке (Москва) и Семинара Бориса Натановича Стругацкого (Ленинград), также довольно часто обращалось к космической тематике, но, не имея четких представлений о перспективах развития отрасли, использовало космонавтику только как заемный антураж — который при необходимости легко заменялся на другой, такой же фантастический. Эту генерацию писателей не интересовали ни реальные космические корабли, ни возможности достижения субсветовых скоростей, ни особенности формирования быта космонавтов — их интересовали исключительно глубокие морально-этические проблемы, которые привязывались к космическому антуражу для маскировки, чтобы обойти позднесоветскую цензуру, наострившуюся читать между строк. В качестве примеров тут можно вспомнить повести Вячеслава Рыбакова «Доверие» (1989) и Святослава Логинова «Я не трогаю тебя» (1990). В этих произведениях человечество сталкивается с серьезной угрозой своему существованию и фактически выпущено начать масштабную космическую экспансию, при этом, однако, и само человечество, и его отдельные представители вынуждены совершить этический выбор, от которого в прямом смысле зависит будущее Земли. С высоты сегодняшнего дня проблематика «семинарских» произведений кажется не менее надуманной, чем проблематика «молодогвардейских». Но это только кажется — и «повесть о взрывающихся звездолетах», и повесть о гибнущей биосфере рассказывают совсем не о том, о чем они написаны, и это становится очевидным, если просто вернуть персонажей с небес на Землю. Если же вытащить из «молодогвардейских» произведений космос, то там не останется ровным счетом ничего...

После крушения СССР русскоязычная фантастика начала свое медленное возвращение в общемировое литературное русло. Разумеется, на первом этапе оказались востребованы не философские или морально-этические конструкции, предлагаемые Рыбаковым, Логиновым и иже с ними, а острый, часто зубодробительный, сюжет — в моду вошла «космическая опера» в западном стиле: с галактическими империями, межзвездными флотами, космодесантниками, космо-

пиратами и прочими атрибутами классической американской фантастики. Начиная с «космоопер» и ведущий современный фантаст Сергей Лукьяненко. Наиболее ярким из его «космических» произведений является, без сомнения, дилогия, состоящая из романов «Звезды — холодные игрушки» (1997) и «Звездная тень» (1998). В ней мы видим сочетание двух вроде бы малосочетаемых космических технологий: проекты многоразовых орбитальных кораблей 1970-х годов соседствуют с гиперпространственными двигателями, позволяющими совершать моментальные прыжки между звезд. На базе этого сочетания можно было бы предложить интересные концепции, описывающие альтернативные подходы к дальнейшему развитию земной космонавтики, но автор сам отказался от оригинальной находки в пользу традиционных схем развития сюжета, известных нам по классике жанра, — в результате, однако, получился очень неплохой антиутопический роман, включающий критику наиболее известных советских утопий.

И сейчас, в начале XXI века, космонавтика остается всего лишь антуражем, который легко видоизменяется при решении тех или иных литературных задач. Это может быть и «бумажная» космонавтика, как в повести Виктора Пелевина «Омон Ра» (1992), и тайная космонавтика, как в романе Федора Березина «Лунный вариант» (2004), и межпланетная космонавтика под контролем враждебных сверхцивилизаций, как в романе Алексея Бессонова «Концепция лжи» (2006) — космонавты, космонавтика и космическая экспансия в этих произведениях остаются лишь декорациями при выражении идей, очень далеких от космоса.

В современной русскоязычной фантастике мало текстов, использующих и описывающих космонавтику как среду обитания. Чтобы восполнить этот пробел, и возникла идея выпустить сборник, который вы держите в руках.

В этом сборнике представлены фантастические рассказы, уже издававшиеся и, что называется, проверенные временем. Все они — о космосе и космонавтике. Причем космонавтика в отобранных произведениях является средой обитания персонажей, неразрывно связанной с сюжетом и определяющей

как раскрытие центральной авторской идеи, так и мотивацию литературных героев.

В возвращении к истокам жанра есть особый смысл именно сегодня. Ведь космическая эра в истории человечества с исчезновением СССР отнюдь не закончилась. Можно сказать, именно сегодня она обретает новое рождение. Благодаря революции в сфере высоких технологий космонавтика получила дополнительные стимулы к развитию. Появление дешевых мощных компьютеров упростило работу конструкторов. Большие не нужны десятки тысяч чертежниц и копировальщиц, входивших в штат любого КБ. Один опытный космический инженер сегодня может легко сделать работу целого проектного отдела, а более серьезные исследования можно провести группой, согласовывая действия по глобальной сети. Кстати, широкое распространение этих сетей позволило подключить к изучению космического пространства миллионы рядовых пользователей — данные, поступающие с межпланетных автоматических станций, становятся доступными для анализа почти сразу. Всё это способствует развитию частной космонавтики, которая в ближайшие десятилетия может составить серьезную конкуренцию государственным структурам — бюджет отдельных компаний уже сопоставим с бюджетом Российского космического агентства. Впрочем, и агентства не собираются сдавать свои позиции на этом фронте. НАСА приняла масштабную программу возвращения на Луну, свои космические проекты есть у европейцев, китайцев и индусов. Таким образом, открывается новый этап в изучении и освоении Солнечной системы, который еще не описан в массовой литературе. Россия может принять участие в нем, а может отказаться от претензий на космос. От того, какое решение будет в конце концов принято, зависит не просто будущее наших детей, но и будущее русского языка и культуры. Ведь память о народе сохраняется в истории только через великие дела — а что может быть величественнее космической экспансии? В межпланетных пространствах должны говорить на русском языке!

Поэтому главную задачу этого сборника его составители видели в том, чтобы напомнить современным авторам и чита-

телям, что космическая тема в фантастике жива, что она неразрывно связана не только с макромиром окружающей Вселенной, но и микромиром человека, что она позволяет ставить и обсуждать качественно новые вопросы человеческого бытия.

Когда-то один фантастический роман Жюль Верна о полете на Луну породил всю теоретическую космонавтику, и через сто лет после его публикации люди действительно высадились на Луну. Может быть, благодаря этому сборнику и под его влиянием сегодня или завтра появится роман, который перевернет представления инженеров-конструкторов о дальнейшем развитии космонавтики и даст через это России шанс на восстановление статуса ведущей космической державы.

Всё в наших руках. Вопрос лишь в границах воображения. Но у фантастов оно безгранично.

Космос должен быть нашим!

Космос будет нашим!

ПРОБНЫЙ ШАР

В первом разделе сборника «Пробный шар» представлены космические рассказы советского периода, объединенные очень важной темой, которая до сих пор не утратила актуальности. Тему можно сформулировать следующим образом: допустимо ли для человечества расплачиваться человеческими жертвами за проникновение в неведомое?

Во времена более простые, называемые ныне героическими, никакой проблемы по этому поводу не существовало. Западная цивилизация охотно расплачивалась тысячами жизней молодых «авантюристов» за освоение планеты Земля, за познание тайн Природы, за создание колониальной инфраструктуры. Удачливый авантюрист получал возможность разбогатеть на этом и даже основать династию. Однако в XX веке Запад стал куда гуманнее относиться к своим детям; жизнь и здоровье отдельных (особенно молодых) индивидуумов были объявлены высшей ценностью, а любителей экстремальных видов спорта записали в маргиналы. В Советском Союзе, который по своей идеологии и культуре всегда был частью современной ему западной цивилизации, лишние жертвы никогда не одобрялись (хотя в действительности допускались), а потому в литературе рядом с произведениями, прославляющими жертвенность и подвиг, всегда находилось место текстам, отстаивающим право человека на личное самосохранение в острых ситуациях. С каждым годом, впрочем, вслед за европейскими тенденциями, доля последних в литературе росла, а первых — снижалась. К концу существования Советского Союза слово «героическое» восприни-

малось уже с негативным оттенком, а герои изображались в литературе либо дураками, либо подлецами.

Дискуссию о допустимости-недопустимости человеческих жертв при проникновении человечества в космос развязали братья Аркадий и Борис Стругацкие. Если в романе «Страна багровых туч» (1959) они с большим вдохновением описывали совершенно дикий и кровопролитный штурм Венеры, то уже в повести «Должен жить» (сокращенный вариант «Стажеров», 1962) наглядно демонстрируют, что жертвенность недопустима, что никакие тайны Вселенной не стоят одной человеческой жизни: «Главное — на Земле!»

Тут можно вспомнить, что между «Страной багровых туч» и «Стажерами» был издан журнальный вариант утопической повести «Полдень, XXII век: Возвращение» (1961), в котором имелась самостоятельная новелла «Десантники», рассказывающая о буднях тех, кто станет осуществлять непосредственное изучение чужих планет.

Новелла выделяется из ряда схожих научно-фантастических рассказов прежде всего тем, что в ней показаны трудности, которые придется преодолевать когда-нибудь реальным космодесантникам, — обычно фантасты не задумываются о том, сколь непросто высадиться на чужую планету из космоса и вернуться назад. Кроме того, в новелле содержится четко вычленимый приоритет — братья Стругацкие первыми в мировой художественной литературе обыграли неподтвердившуюся гипотезу советского астрофизика Иосифа Шкловского о том, что Фобос, спутник Марса, является искусственным сооружением.

В новелле жертвенному порыву молодого космодесантника Сидорова противопоставляется взвешенный подход опытного космодесантника Горбовского. Оба они герои, оба стремятся высадиться на планету Владиславу, однако между ними есть принципиальная разница: Сидоров готов рискнуть своей и чужими жизнями ради прорыва, Горбовский готов отказаться от прорыва, если есть хоть малейший риск для членов экипажа десантного корабля. Симпатии авторов остаются на стороне Горбовского, хотя и стремление юного Сидорова к самопожертвованию они прямо не осуждают: в конце концов готовность к самопожертвованию во

имя некоей высокой цели — это часть молодежного менталитета.

Со своим взглядом на обсуждаемую тему выступил и другой известный советский фантаст — Владимир Дмитриевич Михайлов. В рассказе «Ручей на Япете» (1968) он описывает возвращение Первой межзвездной экспедиции. Ее участники предстают перед нами не полубогами, а обычными тружениками, приземленными и скромными, не ищущими легкой и шумной славы, а просто выполняющими свою работу. Автор как бы подчеркивает: космическими первопроходцами станут не желторотые юнцы, а зрелые люди, вполне отдающие себе отчет, что их работа связана с риском для жизни. Конечно же, они не рискуют понапрасну, но трудно удержаться от того, чтобы не полететь еще дальше и не нырнуть еще глубже. Те, кто уходят за «тонкую красную линию», выполняют важную функцию, расширяя ареал обитания человека как вида и давая человеческой культуре новые образы и смыслы, и потому они имеют право на подвиг и самопожертвование, они — пробный шар цивилизации, и даже если они совершат ошибку, она станет вкладом в будущее, ведь другие получат опыт и двинутся дальше.

Однако идея о необходимости жертвы и жертвенности во имя проникновения в неведомые пространства находила все меньше откликов в сердцах советской творческой интеллигенции. Подтверждением этому служит рассказ «Могильщик» (1983) из научно-фантастического цикла «Люди кораблей» Андрея Дмитриевича Балабухи. В рассказе звездолетчики отдаленного будущего встречают в Дальнем космосе корабль, исчезнувший на заре эпохи межзвездной навигации. Этот корабль хранит в себе смертоносную тайну, и шеф-пилот Борис Болл (один из постоянных персонажей Балабухи), кредо которого сформулировано просто и жестко: «Существует ли вообще информация, за которую нужно было бы отдавать жизнь?» — вопреки коллективному решению коллег уничтожает старый корабль. Болл (а вместе с ним и автор рассказа) уверен, что совершил благое дело, став добровольным охранителем «над пропастью во ржи». Он надеется, что его выбор когда-нибудь поймут и оценят.

На то же самое надеялся и персонаж другого ленинградского фантаста Вячеслава Михайловича Рыбакова из рас-

сказа «Пробный шар» (1983), написанного в рамках полемики с Балабухой. По свидетельству самого Рыбакова, его в свое время поразила безысходность, заложенная в произведении коллеги, — Болл совершает необратимый поступок, отмечая какие-либо варианты и приняв единоличное решение за все человечество. Именно необратимость вызывала сильное неприятие, и «Пробный шар» получился как рассказ-предупреждение: окончательный отказ от попытки разгадать тайну может привести не просто к тупику в развитии, но к гибели всего человечества.

Промежуточный итог этого спора символичен: Вселенная требует особого отношения к себе, она испытывает нас на прочность, и если когда-нибудь мы откажемся от этого испытания, человечество обречено на судьбу быть и оставаться просто еще одним биологическим видом, конец которого предопределен законами эволюции.

А. и Б. СТРУГАЦКИЕ

Десантники

Братья Аркадий (28 августа 1925 года — 12 октября 1991 года) и Борис (15 апреля 1933 года) Стругацкие, советские писатели, соавторы, сценаристы, классики современной научной фантастики. Первая художественная публикация Аркадия Стругацкого — повесть «Пепел Бикини» (1956), написанная совместно с Львом Петровым. В январе 1958 года в журнале «Техника — молодежи» была опубликована первая совместная работа братьев — рассказ «Извне», переработанный позже в одноименную повесть. В 1959 году издана первая книга Стругацких — повесть «Страна багровых туч». Практически все произведения писателей вошли в «золотой фонд» отечественной НФ. Соавторы писали киносценарии (в том числе к знаменитому фильму А. Тарковского «Сталкер», снятому по мотивам повести «Пикник на обочине»), под псевдонимами С. Бережков, С. Витин, С. Победын переводили с английского романы Андре Нортон, Хола Клемента, Джона Уиндэма. Аркадий Стругацкий является также переводчиком с японского рассказов Акутагавы Рюноске, романов Кобо Абэ, Нацумэ Сосэки, Номы Хироси, Сантьяго Энте, средневекового романа «Сказание о Есицунэ». Произведения Стругацких издавались в 33 странах мира в переводах на 42 языка (более 500 изданий). Лауреаты многочисленных литературных премий. Б. Н. Стругацкий выступает в качестве единственного члена жюри одной из старейших «жанровых» премий «Бронзовая улитка». Именем братьев Стругацких названа малая планета № 3054, открытая 11 сентября 1977 года в Крымской астрофизической обсерватории.

Спутник был огромен. Это был тор в два километра в поперечнике, разделенный внутри массивными переборками на множество помещений. В кольцевых коридорах было пусто и светло, треугольные люки, ведущие в пустые светлые помещения, были распахнуты настежь. Спутник был покинут невероятно давно, может быть, миллионы лет назад, но шершавый желтый пол был чист, и Август Бадер сказал, что не видел здесь ни одной пылинки.

Бадер шел впереди, как и полагается первооткрывателю и хозяину. Горбовский и Валькенштейн видели его большие оттопыренные уши и светлый хохолок на макушке.

— Я ожидал увидеть здесь запустение, — неторопливо рассказывал Бадер. Он говорил по-русски, старательно выговаривая каждый слог. — Этот спутник заинтересовал нас прежде всего. Это было десять лет назад. Я увидел, что внешние люки раскрыты. Я сказал себе: «Август, ты увидишь картину ужасающего бедствия и разрушения». Я даже приказал жене остаться на корабле. Я боялся найти здесь мертвые тела, вы понимаете.

Он остановился перед каким-то люком, и Горбовский чуть не налетел на Бадера. Валькенштейн, который немного отстал, догнал их и остановился рядом, насупившись.

— Абер здесь было пусто, — сказал Бадер. — Здесь было светло, очень чисто и совершенно пусто. Прошу вас, взгляните. — Он сделал плавный жест рукой. — Я склонен полагать, что здесь была диспетчерская Спутника.

Они протиснулись в помещение с куполообразным потолком и с низкой полукруглой стойкой посередине. Стены были ярко-желтые, матовые и светились изнутри. Горбовский потрогал стену. Она была гладкая и прохладная.

— Похоже на ягтарь, — сказал он. — Попробуй, Марк.

Валькенштейн попробовал и кивнул.

— Все демонтировано, — продолжал Бадер. — Но в стенах и переборках, а равно и в тороидальной оболочке Спутника остались скрытые пока от нас источники света. Я склонен полагать...

— Мы знаем, — быстро сказал Валькенштейн.

— Вот как? — Бадер посмотрел на Горбовского. — Но что вы читали? Вы, Марк, и вы, Леонид?

— Мы читали серию ваших статей, Август, — ответил Горбовский. — «Искусственные спутники Владиславы».

Бадер наклонил голову.

— «Искусственные, неземного происхождения спутники планеты Владислава звезды ЕН 17», — поправил он. — Да. В таком случае, разумеется, я могу не излагать вам свои соображения по поводу источников света.

Валькенштейн пошел вдоль стены, озираясь.

— Странный материал, — заметил он. — Металлопласт, наверно. Но я никогда не видел такого металлопласта.

— Это не металлопласт, — возразил Бадер. — Не забывайте, где вы находитесь. Вы, Марк, и вы, Леонид.

— Мы не забываем. — Горбовский еле заметно улыбнулся. — Мы бывали на Фобосе, и там действительно совсем другой материал.

Горбовский и Валькенштейн бывали на Фобосе. Это был спутник Марса, и долгое время его считали естественным спутником. Но он оказался четырехкилометровым тором, окутанным металлической противометеоритной сеткой. Густая сеть была изъедена метеоритной коррозией и местами прорвана. Но сам спутник уцелел. Внешние люки его были открыты, и гигантский бублик был пуст точно так же, как этот. По изношенности противометеоритной сети подсчитали, что он был выведен на орбиту вокруг Марса по крайней мере десять миллионов лет назад.

— О, Фобос! — Бадер покачал головой. — Фобос — это одно, Леонид. Владислава — это отнюдь другое.

— Почему? — осведомился Валькенштейн, подходя. Он думал иначе.

— Например, потому, что от Солнца и от Фобоса до Владиславы, где находимся сейчас мы, триста тысяч астрономических единиц.

— Мы покрыли это расстояние за полгода, — сердито сказал Валькенштейн. — Они могли сделать то же. И потом спутники Владиславы и Фобос имеют много общего.

— Но это следует доказать. — Бадер поднял палец.

Горбовский проговорил, лениво усмехаясь:

— Вот мы и попробуем доказать.

Некоторое время Бадер размышлял и затем изрек:

— Фобос и земные спутники тоже имеют много общего.

Это был ответ в стиле Бадера — очень веско и на полметра мимо.

— Хорошо, — вздохнул Горбовский. — А что здесь есть еще, кроме этой диспетчерской?

— На этом Спутнике, — важно сказал Бадер, — имеется сто шестьдесят помещений размером от пятнадцати до пятисот квадратных метров. Мы можем осмотреть их все. Но они пусты.

— Раз они пусты, — заметил Валькенштейн, — нам лучше вернуться на «Таризель».

Бадер поглядел на него и снова повернулся к Горбовскому.

— Мы называем этот Спутник Владя. Как вам известно, у Владиславы есть еще один спутник, тоже искусственный и тоже неземного происхождения. Он меньше по размерам. Мы называем его Слава. Вы понимаете? Планета называется Владислава. Естественно назвать два ее спутника Владя и Слава. Не так ли?

— Да, конечно, — согласился Горбовский. Это изящное рассуждение было ему знакомо. Он слышал его в третий раз. — Это вы очень остроумно предложили, Август. Владя и Слава. Владислава. Прекрасно.

— У вас на Земле, — продолжал Бадер неторопливо, — эти спутники называют «Игрек один» и «Игрек два». Но мы — мы называем их иначе. Мы называем их Владя и Слава.

Он строго поглядел на Валькенштейна.

— Что же касается состава этого желтого материала, который отнюдь не является металлопластом и который я называю яптарин...

— Очень удачно, — вставил Горбовский.

— Да... Неплохо... То состав его пока неизвестен. Он остается тайной.

Наступило молчание. Горбовский рассеянно оглядывал помещение.

Он пытался представить себе тех, кто строил этот Спутник и потом работал здесь когда-то очень давно. Это были другие люди. Они пришли в Солнечную систему и ушли, оставив возле Марса покинутые космические лаборатории и большой город вблизи северной полярной шапки. Спутники были пусты, и город был пуст — остались только странные здания, на много этажей уходящие под почву. Затем — или, может быть, до того — они пришли в систему звезды ЕН 17, построили возле Владиславы два искусственных спутника и тоже ушли. И здесь, на Владиславе, тоже должен быть покинутый город. Почему и откуда они приходили? Почему и куда они ушли? Впрочем, ясно почему. Они, конечно, были великие исследователи. Десантники другого мира.

— Теперь, — предложил Бадер, — мы пойдем и осмотрим помещение, в котором я нашел предмет, названный мною условно пуговицей.

— Он и сейчас там? — спросил Валькенштейн, оживившись.

— Кто «он»? — не понял Бадер.

— Предмет.

— Пуговица, — веско поправил Бадер, — находится в настоящий момент на Земле в распоряжении Комиссии по изучению следов деятельности иного разума в Космосе.

— Но я собирал материал по Владиславе, и мне не показали эту вашу пуговицу.

Бадер задрал подбородок.

— Я отправил ее с капитаном Антоном Быковым четыре локальных месяца назад.

С Быковым они разминулись в пути. Он должен был прибыть на Землю спустя два месяца после старта «Тариэля» к звезде ЕН 17.

— Так, — безучастно произнес Горбовский. — Осмотр пуговицы, таким образом, откладывается.

— Но мы осмотрим помещение, где я ее нашел, — настаивал Бадер. — Не исключено, Леонид, что в гипотетическом городе на поверхности планеты Владиславы вы обнаружите аналогичные предметы.

Он полез в люк. Валькенштейн процедил сквозь зубы:

— Надосл он мне, Леонид Андреевич...

— Надо терпеть, — ответил Горбовский.

До помещения, где Бадер нашел пуговицу, оказалось полкилометра. Бадер показал место, где пуговица лежала, и подробно рассказал, как он пуговицу обнаружил. (Он наступил на нее и раздавил.) По мнению Бадера, пуговица была аккумулятором, имевшим первоначально сферическую форму. Она была сделана из полупрозрачного серебристого материала, очень мягкого. Диаметр — тридцать восемь и шестнадцать сотых миллиметра... плотность... вес... расстояние от ближайшей стены...

В комнате напротив, по другую сторону коридора, сидели среди приборов, расставленных прямо на полу, два молодых парня в синих рабочих куртках. Они работали, поглядывая в сторону Горбовского и Валькенштейна, и переговаривались вполголоса.

— Десантники. Прилетели вчера.

- Вон тот, длинный -- Горбовский.
- Знаю.
- А другой, беловолосый?
- Марк Ефремович Валькенштейн. Штурман.
- А-а, слышал.
- Они начнут завтра...

Бадер паконсц кончил объяснения и спросил, всё ли понятно. «Всё», — ответил Горбовский и услышал, как в комнате напротив хихикнули.

- Теперь мы вернемся домой, — сказал Бадер.

Они вышли в коридор, и Горбовский кивнул парням в синем. Парни встали и поклонились с улыбками.

- Желаем удачи! — крикнул один.

Другой молча улыбался, крутя в руках моток многоцветного провода.

- Спасибо.

Валькенштейн тоже поблагодарил:

- Спасибо.

Отойдя шагов сто, Горбовский обернулся. Двое в синих куртках стояли в коридоре и смотрели им вслед.

Время в «Империи Бадера» (так насмешники называли всю систему искусственных и естественных спутников Владиславы — обсерватории, мастерские, заправочные станции, черные цистерны-плантации с хлореллой, оранжереи, питомники, стеклянные сады отдыха и пустующие торы неземного происхождения) исчислялось тридцатичасовыми циклами. К концу третьего цикла после того, как Д-звездолет «Таризель», шестикилометровый гигант, похожий издали на сверкающий цветок, вышел на меридиональную орбиту вокруг Владиславы, Горбовский предпринял первый поиск. Д-звездолеты не приспособлены к высадкам на массивные планеты, особенно на планеты с атмосферами и тем более на планеты с бешеными атмосферами. Для этого они слишком хрупки. Высадки осуществляются вспомогательными кораблями-ботами с атомно-импульсным или фотонным приводом, устойчивыми планетолетами облегченного типа с нефиксированным центром тяжести. Рейсовый звездолет несет на себе один такой бот, а десантный — от двух до четырех.

«Тариэль» имел на борту два фотонных бота, и в одном из них Горбовский предпринял первую попытку прощупать атмосферу Владиславы. «Поглядеть, стоит ли», — сказал Горбовский Бадеру.

Бадер лично прибыл на «Тариэль». Он много кивал и говорил: «О да!» — и, когда бот Горбовского оторвался от «Тариэля», сел на стульчик сбоку от наблюдательного пульта и стал терпеливо ждать.

Все десантники собрались возле пульта и следили за неясными вспышками на сером экране осциллографа — это были отпечатки сигнальных импульсов, которые посылал автопередатчик на боте. Десантников было трое, если не считать Бадера. Они молчали и думали о Горбовском, каждый по-своему.

Валькенштейн думал о том, что Горбовский вернется через час. Он терпеть не мог неопределенности, и ему хотелось, чтобы Горбовский был уже здесь, хотя он знал, что первый поиск всегда проходит благополучно, особенно если десантный бот ведет Горбовский. Валькенштейн вспомнил первую встречу с Горбовским. Валькенштейн только что вернулся из броска на Нептун, вернулся без потерь, гордился этим и хвастался ужасно. Это было на Цифэе, спутнике Луны, откуда обычно стартовали все фотонные корабли. Горбовский подошел к нему в столовой и сказал: «Извините, ради бога, вы случайно не Марк Ефремович Валькенштейн?» Валькенштейн кивнул и спросил: «Чем могу?» У Горбовского был очень несчастный вид. Он сел рядом, пошевелил длинным посом и сказал просительно: «Послушайте, Марк, вы не знаете, где здесь можно достать арфу?» Здесь — это на расстоянии в триста пятьдесят тысяч километров от Земли, на звездолетной базе. Валькенштейн подавился супом. Горбовский с любопытством разглядывал его, затем представился и сказал: «Да вы успокойтесь, Марк, это не срочно. Я, собственно, хотел узнать, на каком режиме вы входили в экзосферу Нептуна?» Это была манера Горбовского: подходить к человеку, особенно незнакомому, задать такой вот вопрос и смотреть, как человек выкручивается.

И биолог Перси Диксон, черный, заросший курчавым волосом, тоже думал о Горбовском. Перси Диксон работал в области космопсихологии и космофизиологии человека. Он

был стар, очень много знал и провел над собой и над другими массу сумасшедших экспериментов. Он пришел к заключению, что человек, пробивший в Пространстве в общей сложности больше двадцати лет, отвыкает от Земли и перестает считать Землю домом. Оставаясь землянином, он перестает быть человеком Земли. Перси Диксон сам стал таким и не понимал, почему Горбовский, налетавший полтора-два парсеков и побывавший на десятке лун и планет, время от времени вдруг поднимает очи горе и говорит со вздохом: «На лужайку бы. В травку. Полежать. И чтобы речка».

И Лю Гуань-чэн, атмосферный физик, думал о Горбовском. Он размышлял над его прощальными словами: «Посмотрю, стоит ли». Лю Гуань-чэн очень боялся, что Горбовский, вернувшись, скажет: «Не стоит». Так уже случалось несколько раз. Лю Гуань-чэн занимался бешеными атмосферами и был вечным должником Горбовского, и каждый раз ему казалось, что он отправляет Горбовского на смерть. Однажды Лю сказал ему об этом. Горбовский серьезно ответил: «Знаете, Лю, еще не было случая, чтобы я не вернулся».

Генеральный Уполномоченный Совета Космогации, директор Транскосмической звездолетной базы и лаборатории «Владислава ЕН 17», профессор и десантник Август-Иоганн Бадер тоже думал о Горбовском. Почему-то он вспомнил, как пятнадцать лет назад на Цифэе Горбовский прощался со своей матерью. Горбовский и Бадер уходили к Трансплутону. Это очень печальный момент — прощание с родными перед космическим рейсом. Бадеру показалось, что Горбовский простился с матерью очень небрежно. Как капитан корабля — тогда он был капитаном корабля — Бадер счел своим долгом сделать Горбовскому внушение. «В такой печальный момент, — сказал он строго, но мягко, — ваше сердце должно было биться в унисон с сердцем вашей матушки. Высокая добродетель каждого человека состоит в том, чтобы...» Горбовский слушал молча, а когда Бадер закончил выговор, сказал странным голосом: «Август, а у вас есть мама?» Да, он так и сказал «мама». Не мать, не муттер, а мама...

— Вышел на ту сторону! — воскликнул Лю.

Валькенштейн поглядел на экран. Всплески туманных пятен исчезли. Он поглядел на Бадера. Бадер сидел, вцепившись

в сиденье стула, и у него был такой вид, словно его тошнит. Он поднял на Валькенштейна глаза и вымученно улыбнулся.

— Одно дело, — старательно выговорил он, — когда ты сам. Абер совсем другое дело, когда некто другой.

Валькенштейн отвернулся. По его мнению, было совершенно безразлично, кто делает дело. Он поднялся и вышел в коридор. У кессонного люка он увидел незнакомого молодого человека с бритым загорелым лицом и бритым лоснящимся черепом. Валькенштейн остановился, оглядывая его с головы до ног и обратно.

— Кто вы такой? — спросил он неприветливо. Меньше всего он ожидал встретить на «Тариэле» незнакомого человека.

Молодой человек кривовато усмехнулся.

— Моя фамилия Сидоров, — сказал он. — Я биолог и хочу видеть товарища Горбовского.

— Горбовский в поиске, — сказал Валькенштейн. — Как вы попали на корабль?

— Меня привез директор Бадер...

— А-а, — протянул Валькенштейн. Бадер прибыл на звездолет два часа назад.

— ...и, вероятно, забыл про меня.

— Естественно. Это вполне естественно для директора Бадера. Он весьма взволнован.

— Я понимаю. — Сидоров поглядел на носки своих ботинок и сказал: — Я хотел переговорить с товарищем Горбовским.

— Вам придется подождать. Пойдемте, я провожу вас в кают-компанию.

Он проводил Сидорова в кают-компанию, положил перед ним пачку последних земных журналов и вернулся в рубку. Десантники улыбались, Бадер утирал пот со лба и тоже улыбался. На экране опять бились туманные всплески.

— Возвращается, — облегченно вздохнул Диксон. — Он сказал, что одного витка на первый раз достаточно.

— Конечно, достаточно, — согласился Валькенштейн.

— Вполне достаточно, — добавил Лю.

Через четверть часа Горбовский выкарабкался из кессона, на ходу расстегивая пилотский комбинезон. Он был рассеян и смотрел вверх голов.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Лю.

— Все в порядке, — ответил Горбовский. Он остановился посередине коридора и стал вылезать из комбинезона. Выпростал из комбинезона одну ногу, наступил на рукав и чуть не упал. — То есть что я говорю — все в порядке? Все ни к черту не годится.

— А что именно? — осведомился Валькенштейн.

— Я есть хочу, — заявил Горбовский. Он вылез наконец из комбинезона и направился в кают-компанию, волоча комбинезон по полу за рукав. — Дурацкая планета.

Валькенштейн отобрал у него комбинезон и пошел рядом.

— Дурацкая планета, — повторил Горбовский, глядя по-верх голов.

— Это весьма трудная планета для высадки, — подтвердил Бадер, отчетливо выговаривая слова.

— Дайте мне поесть, — попросил Горбовский.

Когда он вошел в кают-компанию, Сидоров вскочил на ноги.

— Сидите, сидите, — благосклонно сказал Горбовский и повалился на диван.

— Так что же случилось? — спросил Валькенштейн.

— Ничего особенного. Наши боты не годятся для высадки.

— Почему?

— Не знаю. Фотонные корабли не годятся для высадки. Все время нарушается настройка магнитных ловушек в реакторе.

— Атмосферные магнитные поля, — предположил атмосферный физик Лю и потер руки, шурша ладонями.

— Может быть, — отозвался Горбовский.

— Что же, — неторопливо сказал Бадер. — Я дам вам импульсную ракету. Или ионолёт.

— Дайте, Август, — оживился Горбовский. — Дайте, пожалуйста, нам ионолёт или импульсную ракету. И дайте мне поесть что-нибудь.

— Интересно! — воскликнул Валькенштейн. — Да я и не помню уже, когда в последний раз водил импульсную ракету.

— Ничего, — успокоил Горбовский. — Вспомнишь... Пожалуйста, а дадут мне сегодня поесть?

Валькенштейн извинился перед Сидоровым, снял со стола журналы и накрыл стол хлорвиниловой скатертью. Затем он поставил на стол хлеб, масло, молоко и гречневую кашу.

— Пожалуйста, Леонид Андреевич.

Горбовский нехотя встал с дивана.

— Всегда приходится подниматься, когда надо что-нибудь делать...

Он сел за стол, взял обеими руками чашку с молоком и выпил ее залпом. Затем он обеими руками придвинул к себе тарелку с кашей и взял вилку. Только когда он взял вилку, стало понятно, почему он брал чашку и тарелку обеими руками. У него тряслись руки. У него так сильно тряслись руки, что он два раза промахнулся, стараясь поддеть на кончик ножа кусок масла. Бадер, вытянув шею, глядел на руки Горбовского.

— Я постараюсь дать вам самую лучшую импульсную ракету, Леонид, — сказал он слабым голосом. — Наиболее лучшую.

— Дайте, Август. Самую лучшую. А кто этот молодой человек?

— Это Сидоров, — объяснил Валькенштейн. — Он хотел говорить с вами.

Сидоров встал опять. Горбовский благожелательно поглядывал на него снизу вверх.

— Садитесь, пожалуйста.

— О, — сказал Бадер, — я совершенно забыл. Простите меня. Леонид, товарищи, позвольте представить вам...

— Я Сидоров. — Молодой человек чувствовал себя неловко, потому что все глядели на него. — Михаил Альбертович. Биолог.

— Уэлкам, Михаил Альбертович, — сказал волосатый Диксон.

— Ладно. — Горбовский снова принялся за кашу. — Сейчас я поем, Михаил Альбертович, и мы пойдем в мою каюту. Там есть диван. Здесь тоже есть диван... — он понизил голос до шепота, — но на нем расселся Бадер, а он — директор.

— Не вздумайте взять его, — сказал Валькенштейн по-китайски. — Мне он не нравится.

— Почему? — спросил Горбовский.

Горбовский возлежал на диване, Валькенштейн и Сидоров сидели у стола. На столе валялись блестящие мотки лент видеофонографа.

— Не вздумайте взять его, — повторил Валькенштейн.

Горбовский закинул руки за голову.

— Родных у меня нет, — сказал Сидоров. — Плакать по мне некому.

— Почему — плакать? — спросил Горбовский.

Сидоров нахмурился:

— Я хочу сказать, что знаю, на что иду. Мне необходима информация. На Земле меня ждут. Я сижу здесь над Владиславой уже год. Год потратил почти зря...

— Да, это обидно.

Сидоров сцепил пальцы.

— Очень обидно, Леонид Андреевич. Я думал, на Владиславу высадятся скоро. Я вовсе не лезу в первооткрыватели. Мне просто нужна информация, понимаете?

— Понимаю. Вы ведь, кажется, биолог...

— Да. Кроме того, я проходил курсы пилотов-космонавтов и получил диплом с отличием. Вы у меня экзамены принимали, Леонид Андреевич. Но вы меня, конечно, не помните. В конце концов, я прежде всего биолог, и я больше не хочу ждать. Меня обещал с собой взять Квиппа. Но он попытался два раза высадиться и отказался. Потом прилетел Стринг. Вот это был настоящий смельчак. Но он тоже не взял меня с собой. Не успел. Он пошел на посадку со второй попытки и не вернулся.

— Вот чудак, — произнес Горбовский, глядя в потолок. — На такой планете надо делать по крайней мере десять попыток. Как, вы говорите, его фамилия? Стринг?

— Стринг, — ответил Сидоров.

— Чудак, — сказал Горбовский. — Неумный человек.

Валькенштейн поглядел на лицо Сидорова и проворчал:

— Так и есть. Это же герой.

— Говори по-русски, — строго сказал Горбовский. — Он же знает китайский.

Сидоров покраснел.

— Да, знаю. Только я не герой. Стринг — вот это герой. А я биолог, и мне нужна информация.

— Сколько информации вы получили от Стринга? — спросил Валькенштейн.

— От Стринга? Нисколько, — ответил Сидоров. — Ведь он погиб.

— Так почему же вы им так восхищаетесь?

Сидоров пожал плечами. Он не понимал этих странных людей. Это очень странные люди — Горбовский, Валькенштейн и их друзья. Назвать замечательного смельчака Стринга неумным чудачком... Он вспомнил Стринга, высокого, широкоплечего, с раскатистым беззаботным смехом и уверенными движениями. И как Стринг сказал Бадеру: «Осторожные сидят на Земле, Август-Иоганн. Специфика работы, Август-Иоганн!» и щелкнул крепкими пальцами.

«Неумный чудак». Ладно, подумал Сидоров, это их мнение. Но что делать мне? Опять сидеть сложа руки и радировать на Землю, что очередная обойма киберразведчиков сгорела в атмосфере; что очередная попытка высадиться не удалась; что очередной отряд исследователей-межпланетников отказывается брать меня в поиск; что я еще раз вдребезги разругался с Бадером, и Бадер еще раз подтвердил, что планетолета мне не доверит, но за «систематическую дерзость» вышлет меня из «вверенного ему участка Пространства». И опять добрый старый Рудольф Крейцер в Ленинграде, трясая академической ермолкой, будет приводить свои интуитивные соображения в пользу существования жизни в системах голубых звезд, а неистовый Гаджибеков будет громить его испытанными доводами против существования жизни в системах голубых звезд; и опять Рудольф Крейцер будет говорить все о тех же восемнадцати бактериях, выловленных экспедицией Квишпа в атмосфере планеты Владислава, а Гаджибеков будет отрицать какую бы то ни было связь между этими восемнадцатью бактериями и атмосферой планеты Владислава, с полным основанием ссылаясь на сложность идентификации в конкретных условиях данного эксперимента. И опять Академия Космобиологии оставит открытым вопрос о существовании жизни в системах голубых звезд. А эта жизнь есть, есть, есть! И нужно только до нее дотянуться. Дотянуться до Владислава, планеты Голубой звезды ЕН 17.

Горбовский посмотрел на Сидорова и ласково спросил:

— В конце концов, зачем вам обязательно лететь с нами? У нас есть свой биолог. Прекрасный биолог Перси Диксон. Он немножко сумасшедший, но он доставит вам образцы какие угодно и в любых количествах.

— Эх! — Сидоров в отчаянии махнул рукой.

— Честное слово, — убеждал Горбовский. — Вам бы у нас очень не понравилось. А так все будет в порядке. Мы высадимся и доставим вам все, что вам нужно. Дайте нам только инструкции.

— И вы все сделаете наоборот, — не унимался Сидоров. — Вы же не знаете условий работы на Владиславе. Вам там будет не до инструкций.

— Что верно, то верно, — вздохнул Горбовский. — Условий мы не знаем. Придется вам подождать еще немножко, Михаил Альбертович.

Валькенштейн удовлетворенно кивнул.

— Хорошо, — Сидоров сдался. Глаза его совсем закрылись. — Тогда возьмите хоть инструкции.

— Обязательно, — заверил Горбовский. — Непременно.

На протяжении последующих сорока циклов Горбовский произвел шестнадцать поисков. Он работал на превосходном импульсном планетолете «Скиф-Алеф», который ему предоставил Бадер. Первые пять поисков он произвел в одиночку, пробуя экзосферу Владиславы на полюсах, на экваторе, на различных широтах. Наконец он облюбывал район северного полюса и стал брать с собой Валькенштейна. Они раз за разом погружались в атмосферу черно-оранжевой планеты и раз за разом, как пробки из воды, выскакивали обратно. Но с каждым разом они погружались все глубже.

Бадер подключил к работе десантников три обсерватории, которые непрерывно информировали Горбовского о передвижениях метеорологических фронтов в атмосфере Владиславы. По приказу Бадера было возобновлено производство атомарного водорода — горючего для «Скиф-Алефа» (расход горючего оказался непредвиденно громадным). Исследования химического состава атмосферы бомбозондами с мезонными излучателями были прекращены.

Валькенштейн и Горбовский возвращались после поисков измученные и измочаленные и жадно набрасывались на еду, после чего Горбовский пробирался к ближайшему дивану и подолгу лежал, развлекая друзей разнообразными сентенциями.

Сидоров по приглашению Горбовского остался на «Тариэле». Ему разрешили установить в тестерных пазах «Скиф-Алефа» контейнеры-ловушки для биообразцов и биологическую экспресс-лабораторию. При этом он несколько потеснил хозяйство атмосферного физика Лю. Впрочем, толку было мало: контейнеры возвращались пустыми, записи экспресс-лаборатории не поддавались расшифровке. Воздействие магнитных полей бешеной атмосферы на приборы менялось хаотически, и экспресс-лаборатория требовала руки человека. Вылезая из кессона, Горбовский прежде всего видел бритый лоснящийся череп Сидорова и молча хлопал себя ладонью по лбу. Однажды он сказал Сидорову: «Дело в том, Михаил Альбертович, что вся биология вылетает у меня из головы на сто двадцатом километре. Там ее просто вышибает. Уж очень там страшно. Того и гляди, убьешься».

Иногда Горбовский брал с собой Диксона. После каждого такого поиска волосатый биолог отлеживался. В ответ на робкую просьбу Сидорова присмотреть за приборами Диксон прямо ответил, что никакими посторонними делами заниматься не собирается. («Просто не хватает времени, мальчик...»)

«Никто из них не собирается заниматься посторонними делами, — с горечью думал Сидоров. — Горбовский и Валькенштейн ищут Город, Валькенштейн и Лю заняты атмосферой, а Диксон изучает божественные пульсы всех троих. И они тянут, тянут, тянут с высадкой... Почему они не топяются? Неужели им все равно?»

Сидорову казалось, что он никогда не поймет этих странных людей, именуемых десантниками. Во всем огромном мире знали десантников и гордились ими. Быть личным другом десантника считалось честью. Но тут оказывалось, что никто не знал толком, что такое десантник. С одной стороны, это что-то нисомверно смелое. С другой — что-то позорно осторожное: они возвращались. Они всегда умирали естественной смертью. Они говорили: «Десантник — это тот, кто точно

рассчитает момент, когда можно быть перасчетливым». Они говорили: «Десантник перестает быть десантником, когда погибает». Они говорили: «Десантник идет туда, откуда не возвращаются машины». И еще они говорили: «Можно сказать: он жил и умер биологом. Но следует говорить: он жил десантником, а погиб биологом». Все эти высказывания были очень эмоциональны, но они совершенно ничего не объясняли. Многие выдающиеся ученые и исследователи были десантниками. В свое время Сидоров тоже восхищался десантниками. Но одно дело — восхищаться, сидя за партой, и совсем другое — смотреть, как Горбовский черепахой ползет по километрам, которые можно было бы преодолеть одним рискованным, но молниеносным броском.

Вернувшись из шестнадцатого поиска, Горбовский объявил, что собирается приступить к исследованию последней и самой сложной части пути к поверхности Владиславы.

— До поверхности остаются двадцать пять километров совершенно неизученного слоя, — сказал он, по обыкновению помаргивая сонными глазами и глядя поверх голов. — Это очень опасные километры, и здесь я буду продвигаться особенно осторожно. Мы с Валькенштейном сделаем еще по крайней мере десять-пятнадцать поисков. Если, конечно, директор Бадер обеспечит нас горючим.

— Директор Бадер обеспечит вас горючим, — величественно сказал Бадер. — Вы можете несколько не сомневаться, Леонид.

— Вот и отлично. Дело в том, что я буду предельно осторожен и потому считаю себя вправе взять с собой Сидорова.

Сидоров вскочил. Все посмотрели на него.

— Ну, вот и дождался, мальчик, — улыбнулся Диксон.

— Да. Надо дать шанс новичку, — веско произнес Бадер.

Лю только кивнул красивой головой. И даже Валькенштейн промолчал, хотя и был недоволен.

— Это будет справедливо, — сказал Горбовский. Он попятился и, не оглядываясь, с завидной аккуратностью сел на диван. — Пусть идет новичок. — Он улыбнулся и лег. — Готовьте ваши контейнеры. Михаил Альбертович, мы берем вас с собой.

Сидоров бросился вон из кают-компания.

— Зря, — сказал Валькенштейн.

— Не будь эгоистом, Марк, — ответил Горбовский лениво. — Парень сидит здесь уже год. А ему всего-то и нужно только, что добыть бактерии из атмосферы.

Валькенштейн покачал головой:

— Зря. Он герой.

— Это ничего. Я теперь вспоминаю, курсанты звали его Атосом. Кроме того, я читал его книжку. Он хороший биолог и не будет шалить. Я тоже когда-то был героем. И ты тоже. И Лю. Верно, Лю?

— Верно, командир, — согласился Лю.

Горбовский сморщился и погладил плечо.

— Болит, — пожаловался он. — Такой чертов вираж. Да еще против потока. А как твоё колено, Марк?

Валькенштейн поднял ногу, несколько раз согнул и разогнул ее. Все внимательно следили за его движениями.

— «Увы мне, чашка на боку», — пропел он.

— А вот я вам сейчас сделаю массаж, — сказал Диксон и тяжело поднялся.

«Тариэль» двигался по меридиональной орбите и проходил над Северным полюсом Владиславы каждые три с половиной часа. К концу цикла «Скиф-Алеф» с Горбовским, Валькенштейном и Сидоровым отделился от звездолета и бросился вниз, в самый центр черной спиральной воронки, медленно скручивающейся в оранжевом тумане, который скрывал Северный полюс Владиславы.

Сначала все молчали, потом Горбовский сказал:

— Разумеется, они высадились на Северном полюсе.

— Кто? — спросил Сидоров.

— Они, — пояснил Горбовский. — И если они построили где-нибудь свой город, то именно на Северном полюсе.

— На том месте, где тогда был Северный полюс, — уточнил Валькенштейн.

— Да, конечно, на том месте. Как на Марсе.

Сидоров напряженно глядел, как на экране стремительно разлетаются из какого-то центра оранжевые зерна и черные пятна. Затем это движение замедлилось. «Скиф-Алеф» тормозил. Теперь он спускался вертикально.

— Но они могли сесть и на Южном полюсе, — добавил Валькенштейн.

— Могли, — согласился Горбовский.

Сидоров подумал, что, если Горбовский не найдет поселения чужеземцев у Северного полюса, он так же методически будет копать у Южного, а потом, если не найдет у Южного, будет вылизывать всю планету, пока не найдет. Ему даже стало жалко Горбовского и его товарищей. Особенно его товарищей.

— Михаил Альбертович, — позвал вдруг Горбовский.

— Да?

— Михаил Альбертович, вы когда-нибудь видели, как танцуют эльфы?

— Эльфы? — удивился Сидоров. Он оглянулся. Горбовский сидел вполоборота к нему и косил на него нечестивым глазом. Валькенштейн сидел спиной к Сидорову. — Эльфы? — спросил Сидоров. — Какие эльфы?

— С крылышками. Знаете, такие... — Горбовский отнял руку от клавиш управления и неопределенно пошевелил пальцами. — Не видели? Жаль. Я вот тоже не видел. И Марк тоже, и никто не видел. А интересно было бы посмотреть, правда?

— Несомненно, — сухо ответил Сидоров.

— Леонид Андреевич, — спросил Валькенштейн. — А почему они не демонтировали оболочки станций?

— Им это было не нужно.

— Это неэкономно.

— Значит, они были неэкономны.

— Расточительные разведчики.

Планетолет трянуло.

— Взяли, Марк, — сказал Горбовский незнакомым голосом.

И планетолет начало ужасно трясти. Просто невозможно было представить, что можно вынести такую тряску. «Скиф-Алеф» вошел в атмосферу, где ревели бешеные горизонтальные потоки, таща за собой длинные черные полосы кристаллической пыли, где сейчас же ослепли локаторы, где в плотном оранжевом тумане носились молнии невиданной силы. Здесь мощные, совершенно необъяснимые всплески магнитного поля сбивали приборы и расщепляли плазменный шнур в реакторе фотонных ракет. Фотонные ракеты здесь не го-

дились, но и первоклассному атомному планетолету «Скиф-Алеф» тоже приходилось несладко.

Впрочем, в рубке было тихо. Перед пультом скорчился Горбовский, примотанный к креслу ремнями. Черные волосы падали ему на глаза, и при каждом толчке он скалил зубы. Толчки следовали непрерывно, и казалось, что он смеется. Но это был не смех. Сидоров никогда не предполагал, что Горбовский может быть таким — не странным, а каким-то чужим. Горбовский был похож на дьявола. Валькенштейн тоже был похож на дьявола. Он висел, раскорячившись, над пультом атмосферных фиксаторов, дергая вытянутой шеей. Было удивительно тихо. Но стрелки приборов, зеленые зигзаги и пятна на флуоресцентных экранах, черные и оранжевые пятна на экране перископа — все металось и кружилось в веселой пляске, а пол дергался из стороны в сторону, как укороченный маятник, и потолок падал и снова подскакивал.

- Киберштурман, — хрипло бросил Валькенштейн.
- Рано, — Горбовский снова оскалился.
- Сносит... Много пыли.
- Рано, черт! — крикнул Горбовский. — Иду к полюсу.

Ответа Валькенштейна Сидоров не услышал, потому что заработала экспресс-лаборатория. Вспыхнула сигнальная лампа, и под прозрачной пластмассовой пластинкой поползла лента записи. «Ага!» — закричал Сидоров. За бортом был белок. Живая протоплазма. Ее было много и с каждой секундой становилось все больше. «Что за черт», — подумал Сидоров. Самописцу не хватило ширины ленты, и прибор автоматически переключился на нулевой уровень. Затем сигнальная лампа погасла, и лента остановилась. Сидоров зарычал, сорвал заводскую пломбу и обеими руками залез в механизм прибора. Он хорошо знал этот прибор, он сам принимал участие в его конструировании и не мог понять, что разладилось. С огромным напряжением, стараясь сохранить равновесие, Сидоров ощупывал блоки печатных схем. Они могли расколоться от толчков. Он совсем забыл об этом. Они двадцать раз могли расколоться во время прошлых поисков. «Только бы они не раскололись, — думал он. — Только бы они остались целы».

Корабль трясло невыносимо, и Сидоров несколько раз ударился лбом о пластмассовую панель. Сдин раз он ударился переносицей и на некоторое время совсем ослеп от слез. Блоки, по-видимому, были целы. Тут «Скиф-Алеф» круто лег на борт.

Сидорова выбросило из кресла. Он прслетел через всю рубку, сжимая в обеих руках вырванные с корнем обломки панелей. Он даже не сразу понял, что произошло. Потом он понял, но не поверил.

— Надо было привязаться! — крикнул Валькенштейн. — Пилот!

Сидоров на четвереньках добрался по глянушему полу до своего кресла, пристегнулся ремнями и тупо уставился в развороченные внутренности прибора.

Планетолет ударило так, словно он падал на скалу. Сидоров, разинув пересохший рот, глотал воздух. Очень тихо было в рубке, только хрипел Валькенштейн, шая его наливалась кровью.

— Киберштурман, — повторил он.

И тотчас снова дрогнули стены. Горбовский молчал.

— Нет подачи горючего, — сказал Валькенштейн неожиданно спокойно.

— Вижу. — Горбовский тоже был спокоен. — Делай свое дело.

— Нет ни капли. Мы падаем. Замкнуло, черт...

— Включаю аварийную, последнюю. Высота сорок пять... Сидоров!

— Да, — отозвался Сидоров и принялся откашливаться.

— Ваши контейнеры наполняются. — Горбовский повернул к нему свое длинное лицо с сухими блестящими глазами. Сидоров никогда не видел у него такого лица, когда он лежал на диване. — Компрессоры работают! Вам везет, Атос!

— Мне здорово везет, — прошептал Сидоров.

Теперь ударило снизу. У Сидорова что-то хрустнуло внутри, и рот наполнился горькой слюной.

— Пошло горючее! — крикнул Валькенштейн.

— Хорошо... Прелесть! Но занимайся своим делом ради бога. Сидоров! Эх, Миша...

— Да, — сипло сказал Сидоров, не разжимая зубов.

- Запасного комплекта у вас нет?
- Ага. — Сидоров плохо соображал сейчас.
- Что «ага»? — закричал Горбовский. — Есть или нет?
- Нет.
- Пилот... — буркнул Валькенштейн. — Герой...

Сидоров скрипнул зубами и стал смотреть на экран перископа. По экрану справа налево неслись мутные оранжевые полосы. Было так страшно и тошно видеть это, что Сидоров закрыл глаза.

— Они высадились здесь! — услышал он голос Горбовского. — Там город, я знаю!

Что-то тоненько зазвенело в рубке, и вдруг Валькенштейн заревел тяжелым прерывистым басом:

Бешеных молний крутой зигзаг,
Черного вихря взлет,
Злое пламя слепит глаза,
Но если бы ты повернул назад,
Кто бы пошел вперед?

«Я бы пошел, — подумал Сидоров. — Дурак, осел. Нужно было дожидаться, пока Горбовский решится на посадку. Не хватило терпения. Если бы сегодня он шел на посадку, плел бы я на экспресс-лабораторию». А Валькенштейн ревел:

Чужая улыбка, недобрый взгляд,
Губы скривил пилот...
«Струсил Десантник», — тебе говорят,
Но если бы ты не вернулся назад,
Кто бы пошел вперед?

— Высота двадцать один, — крикнул Горбовский. — Перехожу в горизонталь.

«Теперь бесконечные минуты горизонтального полета, — думал Сидоров. — Ужасные минуты горизонтального полета. Многие минуты толчков и тошноты, пока они не наслаждаются своими исследованиями. А я буду сидеть, как слепой, со своей дурацкой разбитой машиной».

Планолеет ударило. Удар был очень сильный, такой, что потемнело в глазах. И Сидоров, задыхаясь, увидел, как Горбовский с размаху ударился лицом о пульт, а Валькен-

штейн раскинул руки, взлетел над креслом и медленно, как это бывает во сне, с раскинутыми руками опустился на пол и остался лежать лицом вниз. Кусок ремня, лопнувшего в двух местах, плавно, как осенний лист, скользнул по его спине. Несколько секунд планетолет двигался по инерции, и Сидоров, вцепившись в замок ремня, чувствовал, что все падает. Но затем тело снова стало весомым.

Тогда он растегнул замок и поднялся на ватные ноги. Он смотрел на приборы. Стрелка альтиметра ползла вверх, зеленые зигзаги контрольной системы металась в голубых окошечках, оставляя медленно гаснущие туманные следы. Киберштурман всл планетолет прочь от Владиславы. Сидоров перешагнул через Валькенштейна и подошел к пульту. Горбовский лежал головой на клавишах. Сидоров оглянулся на Валькенштейна. Тот уже сидел, упираясь руками в пол. Глаза его были закрыты. Тогда Сидоров осторожно поднял Горбовского и положил его на спинку кресла. «Плывать я хотел на экспресс-лабораторию», — подумал Сидоров. Он выключил киберштурмана и опустил пальцы на липкие клавиши. «Скиф-Алеф» начал разворачиваться и вдруг упал на сто метров. Сидоров улыбнулся. Он услышал, как позади Валькенштейн яростно прохрипел:

— Не смей!..

Но он даже не обернулся.

— Вы хороший пилот, и вы хорошо посадили корабль. И по-моему, вы прекрасный биолог, — сказал Горбовский. Лицо его было все забитовано. — Просто прекрасный биолог. Настоящий энтузиаст. Правда, Марк?

Валькенштейн кивнул и, разлепив губы, сказал:

— Несомненно. Он хорошо посадил корабль. Но поднял корабль не он.

— Понимаете, — Горбовский говорил очень проникновенно, — я читал вашу монографию о простейших — она превосходна. Но нам с вами не по дороге.

Сидоров с трудом глотнул и спросил:

— Почему?

Горбовский поглядел на Валькенштейна, затем на Бадера.

— Он не понимает.

Валькенштейн кивнул. Он не смотрел на Сидорова. Бадер тоже кивнул и посмотрел на Сидорова с какой-то неопределенной жалостью.

— А все-таки? — вызывающе спросил Сидоров.

— Вы слишком любите штурмы, — сказал Горбовский мягко. — Знаете, это — штурм унд дранг, так сказал бы директор Бадер.

— Штурм и натиск, — важно перевел Бадер.

— Вот именно. А это не нужно. Это па-ришное качество. Это кровь и кости. И вы даже не понимаете этого.

— Моя лаборатория погибла, — пытался оправдаться Сидоров. — Я не мог иначе.

Горбовский вздохнул и посмотрел на Валькенштейна. Валькенштейн бросил презрительно:

— Пойдемте, Лсони́д Андреевич.

— Я не мог иначе, — упрямо повторил Сидоров.

— Нужно было совсем иначе, — сказал Горбовский.

Он повернулся и пошел по коридору.

Сидоров стоял посреди коридора и смотрел, как они уходят вдвоем, и Бадер и Валькенштейн поддерживают Горбовского под локти. Потом он посмотрел на свою руку и увидел красные пятна на пальцах. Тогда он пошел в медицинский отсек, придерживаясь за стену, потому что его качало из стороны в сторону. «Я же хотел, как лучше, — думал он. — Это же было самое важное — высадиться. И я привез контейнеры с микрофауной. Я знаю, что это очень ценно. И для Горбовского это тоже очень ценно: ведь Горбовскому рано или поздно самому придется высадиться и провести рейд по Владиславе. И бактерии убьют его, если я не обезврежу их. Я сделал то, что надо. На Владиславе, планете Голубой звезды, есть жизнь. Конечно, я сделал то, что надо». Он несколько раз прошептал: «Я сделал то, что надо». Но он чувствовал, что это не совсем так. Он впервые почувствовал это там, внизу, когда они стояли возле планетолета по пояс в бурлящей нефти, и на горизонте огромными столбами поднимались гейзеры, и Горбовский спросил его: «Что вы намерены предпринять, Михаил Альбертович?», а Валькенштейн что-то сказал на незнакомом языке и полез обратно в планетолет. Затем он почувствовал это, когда «Скиф-Алеф», в тре-

тий раз оторвавшись от поверхности страшной планеты, снова плюхнулся в нефтяную грязь, сброшенный ударом бури. И он чувствовал это теперь.

— Я же хотел, как лучше, — невнятно пробормотал он Диксону, помогавшему ему улечься на стол.

— Что? — спросил Диксон.

— Я должен был высадиться...

— Лежите, — проворчал Диксон. — Первобытный энтузиазм...

Сидоров увидел, как с потолка спускается большая белая груша. Груша повисла совсем близко, у самого лица, перед глазами поплыли темные пятна, заложило уши, и вдруг тяжелым басом зашел Валькештейн:

И если бы ты не вернулся назад,
Кто бы пошел вперед?

— Кто угодно... — упрямо прошептал Сидоров с закрытыми глазами. — Любой пойдет вперед...

Диксон стоял рядом и смотрел, как тонкая блестящая игла киберхирурга входит в изуродованную руку. «Как много потерял крови, — подумал Диксон. — Много-много. Горбовский вовремя вытащил их. Опоздай он на полчаса, и мальчишка никогда уже больше не оправился бы... Но Горбовский всегда возвращается вовремя. Так и надо. Десантники должны возвращаться, иначе они бы не были десанниками».

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

Ручей на Япете

Владимир Михайлов родился 24 апреля 1929 года. Окончил юридический факультет Рижского университета им. П. Стучки. До 1950 года работал следователем в прокуратуре, служил в армии, был на партийной работе. С 1958 года перешел на литературное поприще, работал в редакциях ряда рижских изданий и писательских организациях, публиковался в антологиях. Был главным редактором журнала «Даугава», превратившегося под его руководством в годы перестройки в один из самых интересных журналов страны. Известен также как поэт и переводчик. Живет в Москве. В качестве фантаста дебютировал в литературе в 1962 году, когда в «Искателе» была опубликована его повесть «Особая необходимость». Владимир Михайлов руководил Рижским семинаром молодых фантастов, был одним из руководителей Малеевского семинара молодых фантастов. Член литературного жюри премии «Странник». Лауреат премии «Странник» по категории «Паладин фантастики», а также премий «Аэлита» и «Соцкон».

Звезды процарапали по экрану белые дуги. Брег, грузнея, вращался в кресло. Розовый от прилившей крови свет застилал глаза, приглашая забыться, но пилот по-прежнему перетаскивал тяжелеющий взгляд от одной группы приборов к другой, выполняя главную свою обязанность: следить за автоматами посадки, чтобы, если они откажут, взять управление на себя. За его спиной Сивер впился взглядом в экран кормового локатора и от усердия шевелил губами, считая еще не пройденные сотни метров, которым, казалось, не будет конца. Звезды вращались все медленнее, наконец вовсе остановились.

— Встали на пеленг, — сказал Брег.

— Встали на пеленг, — повторил Сивер.

Япет был теперь прямо под кормой, и серебряный гвоздь «Ладogi» собирался воткнуться в него раскаленным острием, завершив свое многодневное падение с высоты в миллиарды километров. Вдруг тяжесть исчезла. Сивер собрался облегченно вздохнуть, но забыл об этом, увидев, как помрачнело лицо Брега.

— М-м-м-м-м!.. — сказал Брег, бросая руки на пульт. — Не вовремя!

Тяжесть снова обрушилась.

— Тысяча! — громко сказал Брег, начиная обратный отсчет.

Он повернул регулятор главного двигателя. На экране прорастали черные скалы, между ними светился ровный «пятачок».

— Следи, мне некогда, — пробормотал Брег.

— Идем точно, — ответил Сивер.

— Кто там? — спросил Брег, не отрывая взгляда от управления.

— Похоже, какой-то грузовик. Видимо, рудовоз...

— Сел на самом пеленге, — сердито бросил Брег. — Провожу отклонение.

— Порядок, — сказал Сивер.

— Шестьсот, — считал Брег. — Триста. Убавляю...

Сивер предупредил:

— Закопотишь этого.

— Нет, — проговорил Брег, — сто семьдесят пять, уберу факел, сто двадцать пять, сто ровно, девяносто.

— А хотя бы, чего ж он так сел? — сказал Сивер.

Скалы поднялись выше головы.

— Самый паскудный спутник, — сказал Брег, — надо было именно ему оказаться на их трассе. Сорок. Тридцать пять. Упоры!

Зеленые лампочки замигали, потом загорелись ровным светом.

— Одиннадцать! — кричал Брег. — Семь, пять!..

Двигатель гремел.

— Ноль! — устало сказал Брег. — Выключено!

Грохот стих, лишь тонко и редко позванивала, остывая, обшивка кормы да ласково журчало в ушах утихомирившееся время. Сивер открыл глаза. Рубка освещалась зеленоватым светом, от него меньше устает зрение. Брег потянулся и зевнул. Они посмотрели друг на друга.

— Но ты здорово, — сказал Сивер. — И надо же: автомат скис на последних метрах.

— Я его подкарауливал, — ответил Брег. — Чувствовал, что вот-вот... С этой спешкой мы его перегрузили, как верблюда. Теперь придется менять.

- Я думал, ты мне поможешь.
- Ну, помогу, а потом займусь. Полагаю, времени хватит.
- Когда, ты считаешь, они придут? — спросил Сивер.
- Суток двое прозагораем, а то и меньше, — сказал Брег.
- Только? По расчету вроде бы выходило пять дней.

Я хотел здесь оглядеться...

— Тут одного дня хватит. Камень и камень, тоскливое место. Вот если бы они возвращались месяцем позже, на их трассу вывернулся бы Титан, там садиться благодать, и вообще цивилизация.

— Вот тогда-то, — сказал Сивер, — мы и врезались бы. Скажи спасибо, что это Япег — всего-навсего пять квинтильонов тонн массы. Титан раз в тридцать массивнее...

— Чувствую, — улыбнулся Брег, — ты готовился. Только к Титану я и не подскочил бы, как лихач. Я его знаю вдоль и поперек. Так что не удивляй меня знаниями. Кстати, их ты, пожалуйста, тоже не удивляй.

— Ну уж их-то мне и в голову бы не пришло, — сказал Сивер. — С героями надо осторожно...

— Правильно, — кивнул Брег. — Со мной-то стесняться нечего: раз дожил до седых волос на посыльном корабле — значит, явно не герой.

— Ну ладно, чего ты, — пробормотал Сивер.

— Я ничего, — спокойно сказал Брег. — Я и сам знаю, что не гений и не герой.

Они еще помолчали, отдыхая и поглядывая на шкалы внешних термометров, которые должны были показать, когда окружающие камни остынут наконец настолько, что можно будет выйти наружу. Потом Сивер сказал:

— Да, герои — это... — Он закончил протяжным жестом.

— Не знаю, — проговорил Брег, — я их не видел в те моменты, когда они становились героями, а если бы видел, то и сам бы, может, стал.

— А кто их видел? — спросил Сивер. — Герои — это рекордсмены; уложиться на сотке в девять секунд когда-то было рекордом, потом — нормой мастера, а теперь рекордсменом будет тот, кто не выйдет из восьми. Так и тут. Чтобы летать в системе, не надо быть героем; вот и мы с тобой путешествуем, да и все другие, сколько я их ни видел и ни

показывал, — тоже вроде нас. А вот за пределы системы эти вылетели первыми.

— Ну не первыми, — сказал Брег, он собрался улыбнуться, но раздумал.

— Но те не вернулись, — проговорил Сивер. — Значит, первые — эти, и уж их-то мы встретим, будь уверен. У меня такое ощущение, что мне повезет, и я сделаю прима-репортаж.

— Ну, — сказал после паузы Брег, — можно выходить.

Они закрепили кресла, как и полагается на стоянке, неторопливо привели рубку в порядок, с удовольствием ощущая легкость, почти невесомость своих тел, естественную на планетке, в тысячу раз менее массивной, чем привычная Земля. Сивер взял саквояж и медленно, разглаживая ладонями, стал укладывать в него пижаму, халат, сверху положил бритву. Брег ждал, постукивая носком ботинка по полу.

— Пижамы там есть, — сказал он.

— А я не люблю те, — ответил Сивер, застегивая «молнию».

Лифт опустил их на грузовую палубу. Там было тесновато, хотя аппаратура Сивера и коробки с медикаментами и витаминами занимали немного места: «Ладоба» не была грузовиком. Сивер долго проверял аппаратуру, потом, убедившись, что все в порядке, дал одну камеру Брегу, другую взял сам.

Вышли в предпоздковую. Помогая друг другу, натянули скафандры и проверили связь. Люк отворялся медленно, словно отвыкнув за время полета.

Башмаки застучали по черному камню. Звук проходил внутрь скафандров, и от этого людям казалось, что они слышат ногами, как кузнечики. Вспыхнули наплечные фары. Брег медленно закивал, освещая соседний корабль, занявший лучшее, центральное место на площадке. Машина на взгляд была раза в полтора ниже «Ладоги», но шире. Закопченная обшивка корабля сливалась с мраком; амортизаторы — не телескопические, как у «Ладоги», а шарнирные — вылезали в стороны, как локти подбоченившегося человека, и не вызывали ощущения надежности: частые утолщения показывали, что их уже не раз сваривали. Сивер покачал головой: зрелище было грустным.

— Да, — сказал он, — рудовоз класса «Прощай, мама». Что они делают в этих широтах? Погоди, возьмат транскура-

новые с той стороны на остальные станции группы Сатурна. Правильно?

— Давай дальше, эрудит, — проворчал Брег.

— Это срам, — сказал Сивер, — что энергетика станций зависит от таких вот гробов. Кстати, а что он вообще делает здесь? Рудник же на той стороне.

— Скорее всего техобслуживание. Рудовозам разрешено заходить на станции, как эта, если они никому не мешают.

— Нам они как раз мешают, — сказал Сивер. — Боюсь, что «Синей птице» некуда будет сесть.

— Если она и впрямь зайдет, — проворчал Брег. — Они могли изменить маршрут.

— И в самом деле, — сказал Сивер, — им не сесть. Она же, пожалуй, раза в два больше нашего, «Птица»? А этот стоит — неудобнее нельзя, и растопырился.

Они снова обернулись, поводя лучами фар по крижистому корпусу. На нем, почти на самой макушке, по рыхлой броне неторопливым жуком полз полировочный автомат, оставляя за собой тускло поблескивавшую полосу. Рудовоз прихорашивался. Сделать это ему, пожалуй, следовало бы уже давно.

— Ну и агрегат, — усмехнулся Сивер. — Корабль запущен дальше некуда. А между тем в этой зоне полагается быть инспектору. Готов поспорить, что он безвылазно сидит на Титане. Поэтому они и сели на автоматической станции, где нет людей и их никто не увидит.

Он умолк, оглябая вслед за Брегом глыбу, об острые края которой можно было порезать скафандр.

— И вообще, космодром следовало строить там, где камней поменьше.

— Камни здесь появились, когда строили космодром, — сказал Брег. — Взрывали скалы. И потом, каждая посадка и старт добавляют их: скалы трескаются от наших выхлопов. В других местах камней вообще нет: ни тебе атмосферы, ни колебаний температуры...

— Все равно надо было строить на гладкой стороне.

— Фон, — сказал Брег. — Там уран и прочее. — Он взглянул на свой дозиметр. — Даже этот кораблик поднял фон. Видишь? — Он показал Сиверу прибор.

— Что ж удивительного, если он нагружен трансу ранами по самую завязку. Но теперь потрясаешь, я вижу, ты меня, а не наоборот.

— Ну, — проворчал Брег, — я-то узнал это не из книг... Вот и пришли.

Они остановились возле небольшой, наглухо закрытой двери, ведущей в помещения станции, вырубленной в скале.

— Я найду, расположусь, — сказал Сивер, — а ты принеси остальное. — После паузы он, спохватившись, прибавил: — Если тебе не трудно, конечно.

— Нет, — ответил Брег, — чего ж здесь трудного.

Обширная комната — кают-компания станции — была освещена тусклым светом, и поэтому углы ее казались не прямыми, а острыми, глубоко уходящими в скалу. Автоматы, как им и полагалось, сэкономили энергию. Сивер поискал взглядом выключателя, хозяйским движением включил большие светильники и огляделся.

Трое с рудовоза сидели в конце длинного стола. Перед ними стояли алюминиевые бокалы с соломинками. Примитивная посуда заставила Сивера чуть ли не растрогаться — словно он попал в музей или в лавку древностей. Возле стойки автомат-бармен, гудя и звякая, сбивал какую-то смесь. Автомат не внушал доверия. Сивер перевел взгляд на сидевших за столом и внутренне усмехнулся: трудно было бы придумать людей, болсе соответствующих своему кораблю. Трое были одеты кое-как, об установленной форме не приходилось и думать. Один из них спал, опустив голову на брошенные на стол кулаки, другие двое разговаривали вполголоса.

— Этот щелкунчик сидел не там, а километром дальше, — говорил сидевший третьим от Сивера, — а они, наверно, увидели вспышки. Так что тут в любом случае был крест. Кто знал только?

— Они перетяжелились и ползли на брюхе, — яростно сказал другой, — вот в чем причина.

От яркого света он зажмурился, потом повернулся и внимательно осмотрел Сивера. Сивер подмигнул и кивнул на спящего.

— Готов?

— Не-ет, — медленно, как бы задумчиво сказал обернувшийся. — Он просто устал.

Слова, исходя из его уст, смешно растягивались, и Сивер едва удержался, чтобы не фыркнуть.

— Вы издалека?

— Да, с Земли, — небрежно ответил Сивер. — Только сели.

— Да-авно оттуда?

— Три недели.

— Ну что там, на Зе-емле?

— Все нормально, — сказал Сивер. — Земля есть Земля.

Самая последняя новость: «Синяя птица» возвращается.

Заика кивнул.

— Их успели похоронить, — сказал Сивер, растолковывая, — а они возвращаются! «Синяя птица». Звездолет, который ушел к лиганту — помните, то ли звезда-лилипут, то ли планета-гигант, — лиганти, разысканный гравиастрономами на полпути к системе Альфа Центавра! — Он повысил голос, досадуя на равнодушие, с каким была встречена новость. — Первый звездолет, ушедший к ней, так и пропал. Думали, что и «Птица»...

— Зна-ачит, рано, — сказал заика. — Рано думали. Ну что, нашли они этот лиганти?

— Ладно, — сказал сидевший третьим.

— Да уж наверное, — раздраженно проговорил Сивер. — И надо полагать, покружились около него достаточно, пока все не разведали. Иначе с чего бы опаздывать на целый год?

— Это поня-ятно, — сказал заика. — Только с облета немного увидишь, особенно че-рез инфравизоры. Им следовало бы сесть.

— Ладно, — опять проговорил третий.

— Первый корабль именно оттого и не вернулся, — наставительно сказал Сивер, — что решил сесть. Они сообщили на Землю о своем решении при помощи ракеты-почтальона. Больше о них ничего не известно. Так что «Птица» не могла сесть.

— Ра-азве «Птица» не сообщила на Землю, каковы результаты?

— Их первые сообщения разобрали кое-как, процентов на тридцать. Большие помехи, — разъяснил Сивер. — Для хоро-

шей передачи им надо бы иметь корабль вроде моего: летающий усилитель. Едва хватает места для двух человек, остальное — электроника и энергетика. У них таких устройств не было. Наверное, в последнее время они передавали что-то.

— На-аверное, передавали, — согласился заика и, держа соломинку между пальцами, принялся сосать из бокала.

— Пока мы поняли, что они возвращаются. И что-то насчет трех человек. Надо полагать, — Сивер приглушил голос, — эти трое погибли. А всего их было одиннадцать.

Заика поднял глаза на Сивера, но третий предупредил его.

— Ладно, — сказал он еще раз.

— А я ни-и-чего, — пробормотал заика. — Просто я та-ак и думал. Не так уж плохо. Все-таки значительная часть дошла...

— Правильно, — кивнул Сивер. — Трое героев погибли, но остальные восемь человек возвращаются, и, вы сами понимаете, Земля собирается принять их как надо. По сути, встреча начнется здесь. Для этого я и прилетел.

— Это хорошо придумано, — сказал третий. — А кто прилетел? Много?

— Я и пилот. Думаю, хватит... Но перейдем к делу. Как я понимаю, это ваша машина? — Он кивнул куда-то вбок.

— По-охоже на то, — сказал заика.

— Серьезный ремонт?

— Да нет. Ни-и-чего особенного.

— Значит, скоро уйдете.

Это был не вопрос, а утверждение.

— Хотели сутки отдохнуть, — сказал третий; в голосе его было сомнение.

Сивер доброжелательно улынулся. Размашистым движением отодвинув стул, он уселся у противоположного конца стола.

— Сутки, — весело сказал он. — А раньше?

— Ра-аньше? — спросил заика, выпуская соломинку.

— Скажем, через полсутки. Полировку вы закончите, а по вашим отсекам инспектор лазить не станет. — Он подмигнул и засмеялся, давая понять, что мадешские хитрости транспортников ему известны и он в принципе ничего против них не имеет.

После паузы вновь прозвучал вопрос:

— Мы меша-аем?

Сивер улыбнулся еще шире.

— Так получается. «Синяя птица» остановится здесь на денек-другой — так сказать, побриться и начистить ботинки до блеска, прежде чем прибыть на старушку. Понимаете? Возвращаются герои, которые уже давным-давно не видали родных краев.

— Ну да, — сказал третий. — А мы мешаем.

— Да вы поймите, старики, — сказал Сивер. — Они герои! Я понимаю, вы, может быть, не меньшие герои в своем деле. Только разница все же есть. А вы растопырились так, что «Птице» и сесть некуда. Представляете, какой там кораблина? И потом, ну, честно говоря, посмотрят они на ваше чудо. Вот, значит, чем встретит их благодарное человечество: ржавым сундуком с экипажем, одетым не по форме. Я ведь тут специально для того, чтобы вести прямую передачу на Землю. Репортаж. И вы, правду говоря, как-то в репортаж не вписываетесь. Еще раз прошу — не обижайтесь, старики, у каждого свое дело, и не надо осложнять задачу другим...

Двое внимательно слушали его, а один все так же спал за столом. Потом третий сказал:

— Значит, большой корабль?

— А вы что, — спросил Сивер, — никогда не видали?

— А вы?

— Ну, когда они стартовали, я еще учился... Но у меня есть фотография, наша, архивная. — Он вытащил фотографию из кармана и протянул.

Заика взял ее, посмотрел и сказал:

— Да...

И передал третьему, и тот тоже посмотрел и тоже сказал:

— Да...

— И еще, — сказал Сивер. — Их восемь человек. Восемь человек в составе экипажа. А тут на станции всего десять комнат. Их восемь, я и мой пилот.

— А кто пилот?

— Брег, — сказал Сивер. — Пожилой уже.

— Встреча-ал?

— Нет, — сказал третий. — Может, слышал. Не помню. Значит, вас двое. А родные что же, друзья?

— Я же вам объясняю: настоящая встреча состоится на Земле. Там их и будут ждать все. А мое дело — передать репортаж.

— Ну что же, — сказал третий, глядя на зайку, — мы, пожалуй, и впрямь поторопимся.

— Ты все-егда торопишься... — начал зайка.

— Так что же, решили? — спросил Сивер.

— Ладно, — сказал третий. — Попытаемся уложиться в ваши сроки. Раз уж так повернулось...

— Правильно, старики, — сказал Сивер. — Там отоспитесь. Хотя коллега ваш, я вижу, и тут не теряет времени. — Он кивнул на спящего. — Как его зовут?

Он задал вопрос не случайно: не принято было интересоваться фамилиями людей, которые не сочли нужным назвать себя, но спящий представиться не мог, и спросить о нем казалось естественным.

— Его? Край, — помедлив, ответил третий; он произнес это негромко, чтобы спящий не проснулся, услышав свое имя, как это бывает с людьми, привыкшими к срочным пробуждениям.

— Край, — повторил Сивер, запечатлевая имя в памяти и одновременно проверяя ее; нет, такого человека не было в числе одиннадцати, составлявших экипаж «Синей птицы» в момент старта. — Ну, значит, договорились?

— Мешать мы не хотим, — сказал третий.

Считая разговор законченным, он взглянул на часы, замечая время, от которого теперь следовало вести отсчет.

— Кстати, — сказал он зайке и, порывшись в кармане, вытащил коробочку с таблетками, дал одну зайке, вторую, морпашу, проглотил сам.

— Спорамин? — сочувственно спросил Сивер.

— Антирад, — неохотно ответил третий. — Машина слегка излучает.

Сивер кивнул, думая о том, что в трюме «Ладоги» стоит несколько коробок с медикаментами, и среди них — одна с антирадом. Несколько секунд он колебался.

— У вас много?

— Вам нужно?

— Вообще-то фон здесь действительно несколько повышен...

Третий, не удивляясь, кивнул и протянул Сиверу таблетку. Сивер проглотил ее и с облегчением подумал, что люди с «Синей птицы» получают свои лекарства в целости и сохранности.

— Береженный уберется, — сказал третий.

Он поднялся в странно замедленном темпе, тяжело ступая, словно нес на себе тяжесть планеты, вышел из-за стола и подошел к стене, на которой был наклеен стандартный земной пейзаж. Пластиковый пол возле стены образовывал неглубокий желоб, долженствовавший изображать продолжение нарисованного на стене ручья. «Ручей на Япете, — подумал Сивер, — надо же придумать такое! За этой переборкой наверняка ванная. А может, ванны нет, только душ». Человек с рудовоза ткнул пальцем в пейзаж.

— Ничего, а? — сказал он и взглянул на Сивера, словно ожидая подтверждения.

Пейзаж был тошнотворен, но Сивер кивнул: он был доволен тем, что разговор с «извозчиками» прошел без осложнений. Третий засмеялся, рот его оказался очень большим, растянулся от уха до уха, а взгляд неселым и пристальным. Сивер замстил это с удивлением: до последнего мига люди эти казались ему очень похожими друг на друга — быть может, потому, что главное внимание привлекали не их лица, а необычно потрепанная одежда. Поняв это, Сивер почувствовал легкое недовольство собой, но в это время прозвучал звонок, означавший, что кто-то входит в станцию, и, поскольку это мог быть только Брег с камерами, Сивер поднялся и вышел в коридор, чтобы встретить пилота.

Брег уже успел внести камеры и теперь стоял, откинув забрало шлема и успокаивая дыхание. Сивер осмотрел камеры и убедился, что они в порядке. Потом кивнул пилоту.

— Раздевайся, поужинаем.

— Нет, — сказал Брег. — Хочу сначала наладить автомат. Не могу отдыхать, пока на корабле что-то не в норме.

— Ну что же, это правильно, — сказал Сивер, подумав. — Наладишь — приходи.

— Само собой. Что за ребята?

Сивер пожал плечами:

— Ничего интересного. Известные.

— Не герои, — усмехнулся Брег.

Сивер нахмурился:

— Определенно. Ты зря смеешься. Я было тоже подумал... Нет, просто труженики космоса. Я часто думаю об этом. Должно же все-таки быть что-то, что отличает героев с первого взгляда. Люди совершили подвиг — и у них особый блеск в глазах и такое учащенное дыхание, когда они начинают понимать всю величину того, что совершенно ими. И вот человек становится другим...

— Теория, — сказал Брег. — Все потрясает?

— Брось, милый, — сказал Сивер, — логика! Да и корабль — типичный рудовоз. «Синяя птица» куда длиннее. Кстати, на фотонной тяге — это сказано во всех справочниках. А этот? У него и рефлектора-то нет.

Он проводил Брега и вернулся в кают-компанию. Двое снова сидели за столом, спящий шумно дышал. Сивер заказал ужин, взял тарелки и ушелся.

— Где это вы так заездили машину? — спросил он.

— А что, заметно? — хмуро поинтересовался заика, даже не растягивая слов.

— Да ладно, — сказал большепотый.

Заика встал. Он сделал это неожиданно порывисто, так, что стул отлетел и бокалы на столе звякнули; он взглянул на большепотогого, развел руками и смущенно засмеялся. Заика оказался неожиданно большого роста, длинноногий. Подойдя к автомату-бармену, он выцедил смесь в стаканы, поставил их на стол и слегка тронул спящего за плечо.

— Про-оспишь все на свете.

— Пускай спит, — сказал большепотый. — Ему хватило. Успеем.

— Ну, пусть, — согласился заика и, не садясь, отхлебнул из стакана. Соломинку он вынул.

Сивер поморщился: ко всему, брюки были чересчур коротки долговязому, а застежка одного из карманов кургузой куртки болталась полуоторванная. Сивер не любил нерях. Заика, должно быть, почувствовал его взгляд, он оглянулся на Сивера и сказал, чуть улыбаясь:

— Не по фо-орме, да? Но мы успеем переодеться.

Сивер пожал плечами. Заика поставил полупустой стакан, подошел к стене с пейзажем, завоzilся, нащупывая кнопки. Найдя, он нерешительно ткнул пальцем одну из них. В желобе, тонко журча, заструилась вода. Скрытая подсветка делала ее золотистой и теплой. Заика уселся на пол и снял башмаки. Сивер зажевал быстро-быстро, чтобы не расхохотаться. Заика опустил босые ступни в воду.

— Ух т-ты! — сказал он, блаженствуя.

— Вода, — пробормотал большеротый, отпивая из стакана.

Заика вскочил. Оставляя мокрые следы, он подбежал к столу и взял стакан. Усевшись и вновь свесив ноги, поднес стакан к губам.

— Со-овсем другое дело, — сказал он.

Сивер отодвинул тарелку.

— Пожалуй, пора, — проговорил он задумчиво.

Спустив тарелку в щель мойки, он прошел вдоль стен кают-компаний, ища стеной контакт. Найдя его в углу, он вынул из сумки вольтметр и замерил напряжение.

— Вот еще новости, — пробормотал он.

— Тока нет? — сочувственно поинтересовался большеротый.

— Здесь двадцать вольт, а мне пужно двести.

— А на автоматических все сети низковольтные.

— Это я вижу, — проворчал Сивер. Он постоял около стены, раздумывая. — Ничего не поделаешь, придется тянуть силовой кабель от корабля. Хорошо, что есть резерв времени.

— Ду-умаете? — спросил заика, не оборачиваясь.

— Они придут не раньше чем через сутки.

— Они о-обещали?

— Да ладно тебе, — сказал большеротый, сердясь.

— В пределах системы, — сказал Сивер голосом лектора, — они вынуждены будут убавить скорость: концентрация свободного водорода здесь куда больше, чем в открытом пространстве.

— Это спра-аведливо, — согласился заика.

Сивер подошел к столу, взял камеру и походил по каюте, прицеливаясь.

— Передача будет что надо! — сказал он. — Земля таких и не видывала.

— Мы еще не мешаем? — спросил большеротый. Чувствовалось, что он борется со сном.

— Еще нет, — сказал Сивер. — Мало света. Включите, пожалуйста, настенные. Так. Пожалуй, подойдет. Вы не могли бы встать сюда? Я примерюсь.

— Это для кино? — спросил большеротый нерешительно.

— Теле. Попозируйте немного. Ну, представьте, что вы командир «Синей птицы».

— Трудно, — сказал большеротый, улыбаясь и окидывая Сивера тем же внимательным взглядом.

— Да нет, — с досадой сказал Сивер. — Очень легко. Семь с половиной лет вы были в полете. Теперь возвращаетесь. Могучие парни на великольном, все перенесшем корабле...

— Попозируй, мо-огучий парень, — сказал заика. — Что тебе стоит?

Сивер строго поглядел в его спину.

— А вы не иронизируйте, — посоветовал он. — Итак, преодолено много препятствий, совершены подвиги — и теперь, когда у вас все в порядке...

— Стартовые не в порядке, — сказал заика, не оборачиваясь по-прежнему. — Бо-ольшой разброс.

— Это ведь не о вас... Хотя предположим, что стартовые немного не в порядке — это даже интереснее. Видите, у вас фантазия работает. Но вы их, конечно, уже исправили, прямо в пространстве, совершили еще один подвиг. Говорите об этом. Мне нужно видеть, как это будет выглядеть, надо выбрать лучшие точки, откуда можно передавать. Итак, вы капитан...

Большеротый покачал головой:

— Боюсь, не получится.

— Слу-ушай, — сказал заика; на этот раз он повернулся. — А ты представь, что ты — ко-пилот.

— Или ко-пилот, — сказал Сивер. — Все равно.

— Да нет, — сказал большеротый грустно. — Я лучше не буду.

Сивер вздохнул.

— М-да... — проговорил он выразительно, но все же взял себя в руки. — А ведь они заслужили, чтобы вы немного постарались ради них.

— Могучие парни, — пробормотал заика. — Со-овершавшие подвиги. Легенда...

Сивер недружелюбно взглянул на него.

— Это факты, — сказал он.

— Плюс вы-ымыслы, — проговорил заика, шевеля погами в воде. — Плюс домыслы. Все берется в скобки и возводится в ква-адрат. Возникает легенда. Умирая, кто-то сказал что-то. А как он мог сказать, если...

— Прошу, — четко произнес Сивер, — не оскорблять память погибших!

Спящий поднял голову, просыпаясь.

— Кто? — спросил он.

— Нет, — сказал большеротый. — Отдыхай, спи. Все в порядке.

— Ага, — пробормотал проснувшийся. — Где мы сейчас? — Он пошарил рукой рядом со стулом. — Где?

— На станции. Вспомни. На вот. — Большеротый вложил стакан в пальцы проснувшегося. — Выпей.

— Тут красиво?

— Кра-асиво, — отозвался заика у ручья.

— Ага, — сказал проснувшийся. — И ты здесь. — Он выпил. — Ах, хорошо! Отлично!..

Он повернул голову к Сиверу, и Сивер понял, что человек еще не проснулся по-настоящему: веки его были плотно сомкнуты, очень плотно, как если бы человек боялся, что даже малейший лучик света просочится сквозь них и коснется глаз. Человек повел рукой с опустевшим стаканом, пашупывая стол, и по привычности этого движения Сивер вдруг понял, что под этими веками вообще нет глаз, есть лишь пустые глазницы, предназначенные природой для того, чтобы в них были глаза, но глаз не было, и веки были сморщены и опали. Сивер нечаянно сказал:

— Ой!..

— Здесь есть еще кто-то? — спросил слепой.

— С Земли, — сказал большеротый.

— Ага, — пробормотал слепой. — Ну да, станция. Отлично.

— Спи дальше.

— По-огоди, — сказал заика. — Нам надо сняться часов через десять. Иначе мы помешаем.

- Кому?
- Тут готовится встреча героям, могучим парням. С великой pompой. Прямая передача на Землю. Двое: репортер и пилот.
- Неудобно, — медленно сказал слепой.
- Ка-анитан будет произносить речь, — сказал заика. — Представляешь?
- Нет, — сказал слепой после паузы. Потом тряхнул головой и потянулся. — А я выпался, — сказал он весело.
- Третья и четвертая магнитные линзы совсем никуда, — пробормотал заика.
- А мы без стартовых, — решительно сказал слепой. — Оттолкнемся маршевым — и все. Нет, это безопасно.
- Пожа-алуй, да, — сказал заика.
- Ну, общий подъем, по-видимому? — проговорил большеротый.
- Раз так — общий подъем, — сказал заика и стал натягивать носки.
- Ты вытри, — сказал большеротый. — На.
- Он кинул смятый носовой платок.
- А земляне нам не помогут? — спросил слепой, поворачивая лицо к Северу.
- Нам еще надо установить большие камеры на космодроме, — почти виновато сказал Север, — и прожекторы. Иначе мы не сможем передать момент посадки. А нас только двое.
- Зря вы родных не привезли, — сказал слепой, проводя руками по одежде.
- Собрались по тревоге. А у них, сами понимаете, постоянной медвизы в космос нет. И конечно, здоровье небогатое после всего.
- Ну, поня-атно, — сказал заика. — Попили.
- Погоди, — сказал большеротый, кивнув на Севера. — А может, они нам отсюда помогут связаться?
- Пренебрежем, — сказал слепой. — Отсюда мы и сами.
- Нет, — сказал Север, — если мы можем чем-то помочь, не нарушая своих планов, то, конечно...
- Спа-асибо, — сказал заика. — Не надо.
- Они вышли, держа ладони на плечах слепого, направляя его. Было слышно, как в гардеробной они открывают шкаф-

чики и натягивают скафандры; гладкая пластическая ткань омерзительно свистела, и звякал металл.

— Это вас на руднике так? — запоздало крикнул Сивер вдогонку, но они уже надели шлемы и не услышали его.

Тогда Сивер подошел к бармену и налил себе. Это был коктейль из фруктовых соков, обычный и не очень вкусный. Сивер пожал плечами и тоже пошел одеваться.

Брег открыл ремонтный люк, вывел через него кабель. Вышел сам, и кабель потянули к станции. Черная гладкая змея медленно извивалась между осколками камня. Брег, нагибаясь, тащил конец. Сивер подтягивал кабель к себе, чтобы облегчить труд пилота. В сероватом свете небольшого, но яркого Сатурна кабель отбрасывал тень, и тень эта, ползущая по камням, тоже казалась живым существом. Другая, более слабая тень ползла в стороне, потому что серебристый корпус «Ладоги» отражал лучи Сатурна. Они дотащили конец кабеля до входа в станцию. «Самое сложное осталось позади», — начал было Сивер, но Брег покачал головой: следовало еще каким-то образом ввести кабель внутрь, преодолев герметические двери и избежав утечки воздуха из помещений, где запас его был ограничен. Пришлось идти на корабль за инструментами.

На обратном пути Сивер остановился и спросил:

— А ты подключил кабель?

Брег ответил:

— Ясно, а то чем бы мы вертели дыры? — Он помахал плоским ящичком, взятым на корабле.

— Хорошо, а то я забыл, — признался Сивер.

Они долго возились у станции, пытаясь пробить узкий канал под дверью. Электроэрозионный бур рассыпал фонтаны голубых искр, трансформатор калился на пределе, но вязкая порода поддавалась с трудом.

— Так мы провозимся до утра, — проворчал Сивер. — Нсужели нельзя придумать чего-нибудь?

— Здесь подошла бы обычная дрель. Со спиральным сверлом.

— Что же ты не взял?

— Взял. Только сверл такого диаметра у нас нет. У нас ведь набор для внутренних работ.

— Грустно, — сказал Сивер.

Брег приложил ладонь к трансформатору, чтобы услышать его гудение, и, не колеблясь, выключил ток.

— Что будем делать? — спросил Сивер.

— погоди, — сказал Брег. — А у этих нет такого сверла? У них как раз может оказаться.

— Светлая мысль, — согласился Сивер. — Может, ты сходишь на их баржу?

— Сходи уж ты, — сказал Брег. — Я с ними незнаком.

Сивер разогнулся покряхтывая.

— Старость не радость, — сказал он. — Дай какое-нибудь сверлышко.

Порывшись в сумке, Брег вытащил плохо гнущимися в перчатках пальцами маленькое спиральное сверло и протянул его Сиверу. Зажав сверло в ладони, Сивер отправился к рудовозу.

Сатурн стоял уже почти в зените. Под его лучами холодно отблескивали грани скал. Обогнув высокую глыбу, Сивер увидел старый корабль — верхнюю половину его, которая, казалось, висела в пустоте, ни на что не опираясь. Сивер замер на миг, изумившись, потом усмехнулся. Все оказалось на месте; трудолюбивый автомат-полировщик, описывая виток за витком, успел пройти уже половину корпуса, и очищенная и отполированная часть обшивки голубовато светилась, отражая лучи, а нижняя, рыхловатая на поверхности и густо закопченная, поглощала свет и терялась в темноте. Вблизи она все же становилась видной, и можно было окинуть взглядом весь корпус корабля, нелепый, напоминающий старинный конический артиллерийский снаряд. Амортизаторы, числом шесть, все так же нависали над окружающими камнями, словно стрелы подъемных кранов.

Подойдя совсем близко, он остановился и посмотрел на дозиметр; корабль излучал, хотя и умеренно. Сивер подошел еще ближе, вплотную. Полировочный автомат снова вынырнул, сделав виток; он двигался теперь быстрее, и это понравилось Сиверу.

Люк оказался неожиданно высоко, не в нижней, самой широкой, а в средней части корабля, выше верхнего крепления амортизаторов. К нему веда странно массивная лесенка, кое-как сваренная из труб. Любопытствуя, Сивер искал глазами

название корабля — ему положено было находиться над люком, но эта часть была еще покрыта нагаром, и разглядеть ничего не удалось. Поднявшись, Сивер постучал в крышку люка сверлом, но кора, в которую превратился верхний слой обшивки, глупила звук. Удивляясь про себя тому, как такой давно уже созревший для переплавки корабль ухитряется еще проходить через контроль сверхдительного космического регистра, Сивер несколькими скользящими ударами сбил корку нагара и постучал вновь.

Ждать пришлось долго; очевидно, люди были далеко, да к тому же требовалось время, чтобы один из них мог облачиться в скафандр. Наконец люк медленно распахнулся; на этой старой машине — а кораблю было наверняка больше десяти лет, век же космических машин не длиннее собачьего — люк не откидывался, образуя площадку, и не расходился створками в стороны, а отодвигался назад, влекомый сгибающимися в шарнирах рычагами. Когда-то такие конструкции существовали, и если напрячь память, можно было, пожалуй, даже вспомнить, когда именно и на каких кораблях. Но Сиверу сейчас было не до того, да и воспоминания были ни к чему: он был не на свободной охоте, у него было конкретное задание, и очень важное к тому же, а искусством не отвлекаться он овладел давно.

На фоне отступившей крышки показался человек в скафандре; судя по габаритам, это был долговязый занка. Вытянув левую руку, согнутую в кисти, он указательным пальцем правой постучал по окошку на запястье, где виднелись часы, и затем погрозил этим пальцем, показывая, очевидно, что условленный срок не кончился. Сивер тоже показал свои часы, затем несколько раз провел над ними ладонью, как бы говоря, что время сейчас не имеет значения. И что он пришел не для этого. Он протянул свое маленькое сверло и двумя пальцами обозначил требуемый диаметр — плюс-минус пять миллиметров. Долговязый помедлил, затем, наверное, сообразил. Он осторожно взял сверло, затем сделал движение, приглашавшее зайти в тамбур. Сивер решил было переступить порог, но взглянул на свой дозиметр и отказался от этой мысли: фон в корабле был наверняка выше, чем вне его, но и так он был достаточно велик, чтобы за-

ставить считаться с собой. Сивер отрицательно поводит рукой, обратив ее ладонью к долговязому; тот сразу понял, отступил, и пластина люка выдвинулась, закрывая вход.

Ждать пришлось минут пятнадцать. Сивер провел это время, отойдя от корабля на несколько шагов, — все-таки фон был слабее.

Наконец люк открылся. Долговязый, появившись на пороге, подождал, пока Сивер поднялся к нему, и протянул корреспонденту маленькое сверло и еще одно — такое, какое было нужно. Сивер благодарно прижал руки к груди, долговязый поклонился в ответ; луч света от маленькой лампочки, освещавшей порог и верхнюю ступеньку трапа при открытом люке, упал на верхнюю часть шлема, старомодного, почти шарообразного, и осветил полустершееся слово — от него остались лишь буквы «Сол...». Сивер знал, что на его собственном шлеме, под фарой, золотом было напылено слово «Ладога» — название корабля; так что рудовоз именовался, вернее всего, «Солнце» или как-нибудь в этом роде. Хорошо еще, что не «Галактика» — в старину обожали даже небольшим кораблям давать звучные имена. Сивер еще раз помахал рукой и двинулся в обратный путь, а долговязый остался стоять на пороге люка, глядя корреспонденту вслед.

Теперь работа пошла быстрее, несмотря на то, что сверло оказалось изрядно затупленным. Через час канал под дверью станции был высверлен и кабель протянут. Сивер облегченно вздохнул и вытер пот.

— Заработали по коктейлю, — сказал он.

— Не откажусь, — согласился Брег.

— Принеси. Вообще-то, наверно, придется мобилизовать ресурсы «Ладоги»: звездолетчики вряд ли станут утолять жажду тем, что лили эти трое с «Солнца».

— Почему с «Солнца»?

— Похоже, так называется их сундук, — засмеялся Сивер и принялся копать в многочисленных жилах кабеля.

Он подключил пульт дистанционного управления телекамерами, монитор и сами камеры и принялся уже подключать дистанционный пульт радиостанции «Ладоги», когда Брег вынес стаканы с охлажденной смесью соков.

— Долгонько, — сказал Сивер, беря стакан.

— Вспоминал, — сказал Брег. — Но такого названия никак не разыщу в памяти. «Солнце» — нет, не помню, чтобы такое было.

— И все-таки «Солнце». Так написано. Гаснущее солнце. Или еще лучше: солнечное затмение. Корпус так оброс нагаром, что я боялся стучать в борт — опасался, что сверло пройдет насквозь. — Он допил и вытер губы. — Правда, там, где прошел полировщик, металл начинает блестеть. Так что, по видимому, на сей раз они дойдут до Титана благополучно, а в следующий рейс, я убежден, сюрвейер их не выпустит. — Сивер осмотрел штекер фидера, предназначенного для питания пульта радиостанции. — Немного болтается. Я сейчас укреплю его, а ты отдыхай, потому что придется еще устанавливать камеры снаружи. Или лучше установи камеры, а потом отдыхай. — Сивер быстро действовал отверткой. — Ты ведь умеешь?

— Со Сказом я полетал немало, — проворчал Брег и снова стал натягивать скафандр.

Сивер помог ему одеться и снова взялся за работу. Брег захватил две камеры и скрылся в тамбуре. Сивер заизолировал соединение и минуту постоял, наблюдая, как мягкая лента схватывается и образует твердый футляр. Затем он подключил телепульт радиостанции и в последнюю очередь присоединил монитор к питанию и к антенному кабелю. «Теперь порядок», — сказал он сам себе, потер руки и включил монитор. Брег успел уже установить камеры и теперь появился в гардеробной и откинул шлем.

— Вот теперь отдыхай, — сказал Сивер.

— Если я не нужен, — сказал Брег, — я лучше пойду доделаю свой автомат.

— погоди, — сказал Сивер, — сейчас испробуем радиостанцию, тогда пойдешь. Возьми еще коктейль и захвати для меня заодно.

Он включил радиостанцию «Ладоги». Механизмы сработали, неясный шум наполнил помещение. Сивер медленно пошарил в эфире, в районе той частоты, на которой работал передатчик «Синей птицы».

— Сейчас попробуем, — сказал он, — и вызовем Землю, сообщим, что у нас полный порядок. — Он смотрел на стрелку индикатора настройки, она покачивалась вправо-влево.

Внезапно Сивер вздрогнул: из помех вырвалось слово, оно было громким, но хриплым и трудноразличимым.

— Расстояние, — едва слышно повторил Сивер.

Снова послышался громкий шорох, но Сивер уже включил автоподстройку. «Произведем посадку, — так же хрипло сказал репродуктор. — Квитанции не жду, отключаюсь, сеанс через два часа, привет вам, Земля, милые, стоп». Шорох в динамике сделался сильнее, затем опал. Брег подбежал, расплескивая жидкость из стаканов; Сивер посмотрел на него счастливыми глазами и тихо проговорил:

— Это они.

— Где-то очень близко?

— Наверное, будут часа через два. Как стремятся! Я думаю, следующий сеанс они хотят провести отсюда. Но вместо них это сделаем мы! — Сивер затоптался, будто хотел тутчас же бежать куда-то. — А эти еще тут? Им пора бы убраться!

Он снова включил монитор, направил камеры на рудовоз. Обшивка корабля была чиста, люк закрыт. Полукруглая решетка антенны медленно поворачивалась наверху. Зажглись навигационные огни, затем разом погасли, загорелись снова и теперь уже не выключались.

— Смотри, — сказал Сивер, — кажется, уходят. Наверное, тоже приняли эту передачу и поняли. Торопить их не придется. — Он почувствовал, что начинает испытывать даже некоторую симпатию к людям с рудовоза, которые так хорошо все поняли. — Вызываю Землю!

Он повернулся к пульту, но Брег сказал:

— Погоди. Этот сейчас стартует, мы не пробьемся сквозь помехи.

— А ничего этот кораблик, если его оттереть, — сказал Сивер. — Даже жаль, что ему больше не придется летать.

— Об этом не нам судить.

— Уверен, что он вылетал уже все сроки.

— А вот посмотрим, — сказал Брег.

Он подошел к библиотечному шкафчику, который гостеприимно раскрылся перед ним, и, порывшись, обнаружил «Справочник космического регистра» между томами Салтыкова-Щедрина и Стендаля. Полистав его, Брег пожал плечами и сказал:

— Такого названия все же нет. Ничего связанного с Солнцем. Впрочем, погоди-ка... — Он снова занялся справочником.

Сивер уселся поудобнее, подвигал пульт по столу, приправляясь.

— Попробуем свет... — пробормотал он и повернул выключатель. Сильные прожекторы «Ладоги» извергли потоки света.

Сивер немного подумал, промывчал что-то и включил главный прожектор, укрепленный в поворотной оправе на самом носу. Обшивку рудовоза вспыхнула, словно холодное пламя охватило ее.

— Вот, — сказал Сивер. — То, что требовалось. А что это он? Погляди-ка...

Брег повернулся к экрану монитора. Было видно, как корабль замигал ходовыми огнями. «Благодарю», — вслух прочитал Брег. Сивер усмехнулся.

— Думают, что это в их честь иллюминация, — сказал он.

Огни все мигали. «Счастливо оставаться», — прочитал Брег.

— Слушай, — сказал он торопливо, — они и в самом деле стартуют! У них еще есть время, но они стартуют!

— И хорошо, — сказал Сивер.

— Ты отдал сверло?

— Нет, — сказал Сивер. — Забыл.

— Напрасно, — сказал Брег. — Так не делают.

Он, спеша, достал сверло из инструментальной сумки и стал ногтем счищать загустевшую, перемешанную с пылью смазку с хвостовика инструмента. Затем коротко выругался. Сивер недоуменно поднял брови. Через секунду он настиг Брега в гардеробной: пилот рвал скафандр из зажимов.

— Вызывай же их! Быстро! — прорычал Брег.

Сивер пожал плечами:

— Они уже втянули антенну. — Но все же стал влезать в скафандр, который Брег уже держал перед ним.

В тамбуре пилот танцевал на месте от нетерпения. Они выскочили из станции в тот миг, когда корабль трижды промигал: «Внимание!.. Внимание!.. Внимание!» Брег рез-

ко остановился, хватаясь за глыбы, чтобы не взлететь высоко.

— Смотри! — сказал он негромко.

Согнутые ноги амортизаторов стали медленно выпрямляться в коленях, словно присевший корабль хотел встать во весь рост, в то же время он еще и вставал на цыпочки, упираясь в грунт лишь концами пальцев, и дальше — становясь на пуанты, как балерина. Ровно обрезанный снизу корпус поднимался все выше, но не весь: нижняя, самая широкая часть его так и осталась на уровне приподнявшихся пяток, с которыми была намертво связана, а остальное уходило вверх, вверх... Брег опустился на колени и стал смотреть снизу вверх. Нос корабля поравнялся с вершиной «Ладogi» и продолжал расти.

Брег, наверное, увидел что хотел, потому что быстро поднялся и ухватил Сивера за плечо.

— Немедленно назад! — прокричал он. — В станцию! Ну же!

Сивер возразил:

— Лучше посмотрим отсюда, мне не приходилось видеть...

— И не придется, кретин! — рявкнул Брег и толкнул Сивера ко входу.

В станции они, не снимая скафандров, кинулись к монитору. Корабль теперь стоял неподвижно. Брег повернулся к пульту и начал поворачивать внешние камеры так, чтобы они смотрели на корабль снизу вверх и давали самым крупным планом.

Сивер взглянул на экран, на Брега, опять на экран; объективы приблизили нижнюю часть корабля и взглянули на нее искоса вверх, и Сиверу показалось, что он увидел бездонное озеро с тяжелой, спокойной водой, знающей, что под нею нет дна.

— Понял? — крикнул Брег.

Сивер не успел ответить. Скалы дрогнули. Сивер ухватился за стол: планету качало. Миллионы фиолетовых стрел ударили в камень. Полетели осколки. Сивер замычал, мотая головой. Корабль висел над поверхностью Япета, выпрямившийся, стройный. Фиолетовый свет исчезал, растворялся,

становился прозрачным и призрачным, но люди с «Ладоги» представляли, какой ураган гамма-квантов бушует теперь за стенами станции. Корабль поднимался все быстрее.

— Мои камеры! — закричал Сивер. — Черт бы его взял!

Он быстро переключил. Первая камера ослепла, дождь осколков еще сыпался сверху. Сивер вновь включил вторую. Корабль был уже высоко; он светился, как маленькая, но близкая планета.

— Красиво, — уныло сказал Сивер. — Он мне угрожал. Все шло так хорошо — и под конец разбил камеру.

— Да зачем тебе камера?

Сивер покосился на пилота.

— Кто мог знать, что рудовоз окажется на фотонной тяге?

— Да почему рудовоз? — с досадой спросил Брег. — Кто сказал, что это рудовоз?

Несколько секунд они молчали, глядя друг на друга.

— Да нет, брось! — сказал Сивер. — Не может быть.

— На, — сказал Брег.

Он толкнул толстое сверло, и оно покатилося по столу, рокоча.

Сивер взял сверло и прочитал выбитую на хвостовике, едва заметную теперь надпись: «Синяя птица». И следующей строчкой: «Солнечная система».

— Их так и делали, первые субзвездолеты, — сказал Брег. — При посадке они складывались, корпус почти садился на зеркало. Если на планете плотная атмосфера и ураганные ветры, им иначе бы и не выстоять. Ждали, что такие планеты будут. Гордились, что впервые в истории вышли за пределы Солнечной системы. Эта надпись под названием — от такой гордости. Она, конечно, не для тех, кто мог с ними встретиться: они все равно бы не поняли ее. Она — для самих себя. Для тех, кто летел и кто оставался. Солнечная система! Как сразу милее становится свой дом, когда смотришь на него со стороны!

— Ага, — без выражения сказал Сивер. — Вот как. — Он сидел на стуле и глядел на земной пейзаж на стене. Вода все еще булькала в желобе, в единственном ручье на Япете. Сивер поднялся и выключил воду. — Мы его не догоним? — спросил он равнодушно.

— Нет, — ответил Брег, — у нас же автомат разобран.

— Ну да, — сказал Сивер, — вот и автомат разобран. — Он умолк.

Брег включил камеру, потом начал отсоединять кабель от пульта.

— погоди, — сказал Сивер.

Брег взглянул на него.

— Чего ждать? — спросил он. — Больше ничего не будет. — Он надел на кабель изолирующий наконечник и тщательно завинтил его.

— Ну да, — повторил за ним Сивер. — Больше ничего не будет.

— Что будем делать с кабелем? — спросил Брег.

— Оставим, — сказал Сивер. — Кому-нибудь пригодится. Только не мне... Почему они не сказали? А я даже не подумал. Вернее, подумал, но не понял. Я дурак!

Брег сказал:

— Наверное. Ничего, ты еще молод, а они не последние герои на Земле и в космосе.

— Молчи, не надо, — сказал Сивер.

— А я и молчу, — сказал Брег.

Они вышли из станции и потащились к кораблю. Сивер сказал:

— И все же, почему?..

Брег ответил:

— Наверное, они не хотели легенд. Они хотели просто выпастся или посидеть, опустив ноги в воду. У них на корабле нет ручья.

Кончив закреплять груз, оба поднялись наверх и сняли скафандры.

— Да, — сказал Сивер, — а на Япете они нашли ручей. А пейзаж был плохой.

— Им было все равно, — проговорил Брег. — Им была нужна Земля. — Он подошел к автомату. — Займемся-ка трудотерапией: замени вот эту группу блоков.

— Давай, — торопливо согласился Сивер и стал вынимать блоки и устанавливать новые. Потом, выпув очередной сгоревший, он швырнул его на пол. — Нет, — сказал он, — все не так! Это не они! Там не было человека с фамилией

Край. Совершенно точно! Ну проверь по справочнику! — Он вытащил корабельный справочник из ящика с наставлениями и техническими паспортами. — Ну посмотри!

— Да нет, — ответил Брег, прозванивая блоки, — я тебе и так верю.

— Нет! — сказал Сивер. — Нету! Понятно?

— Тогда посмотри, нет ли такой фамилии в другом месте, — сказал Брег, задумчиво глядя мимо Сивера. — Поищи, нет ли такого в экипаже «Летучей рыбы».

— «Летучей рыбы»?

— Той самой, что не вернулась оттуда.

Пожав плечами, Сивер перелистал справочник. Он нашел «Летучую рыбу», прочитал и долго молчал.

— Кем он там был? — спросил Брег после паузы.

— Штурманом, — сказал Сивер, едва шевеля губами.

Они снова помолчали.

— Они садились там, — тихо сказал Брег. — Садись, чтобы спасти его — единственного уцелевшего. Да, так оно и должно быть.

— Садись на лиганте — и смогли подняться?

— Выходит, так, — сказал Брег. — Не сразу, наверное...

Он снова нагнулся за очередным блоком и стал срывать с него предохранительную упаковку.

— Выходит, их осталось всего трое, считая со спасенным? И они смогли привести корабль?

— Да, — сказал Брег. — Спать им было, пожалуй, некогда.

— Но ведь, — нахмурился Сивер, — в живых должно остаться восемь!

Брег грустно взглянул на Сивера.

— Просто мы оптимисты, — сказал он. — И если слышим цифру «три», то предпочитаем думать, что это погибшие, а вернутся восемь. Но иногда бывает наоборот. — Он взял у Сивера блок и аккуратно поставил его на место.

— По-твоему, лучше быть пессимистом? — спросил Сивер обиженно.

— Нет. Но оптимизм в этом случае — в том, что трое вернулись оттуда, откуда, по всем законам, не мог возвратиться вообще никто. — Брег установил на место фальшпанель автомата. — Ну, можно лететь.

Сивер уселся в кресло.

— Жаль, — сказал он, — что нельзя махнуть куда-нибудь подальше от Земли.

— Нельзя, — согласился Брег и включил реактор.

Замерцали глаза приборов, пульт стал похож на звездное небо.

— Он слепой, Край, — сказал Сивер, — он больше не видит звезд. Я думал, он потерял глаза на рудниках.

— Нет, — Брег покачал головой, — на рудниках пилоты даже не выходят из рубки, там вообще нет людей — автоматика.

Сивер только зажмурился.

— Слушай, — спросил он, — а если бы ты был все время со мной, ты разобрался бы?

Брег ответил, помедлив:

— Думаю, что да. Для меня каждый пилот — герой, если даже он и не был на лиганте, а просто возит руду с Япета на Титан. Потому что и в системе бывает всякое.

Сивер опустил голову и не поднял ее.

— Что мне скажут на Земле? — пробормотал он. — Меня теперь никуда больше не пошлют?

— Нет, отчего же, — утешил Брег, — пошлют со временем. Но вот они — они никогда уже не будут возвращаться в Солнечную систему и останавливаться на Япете. Это бывает раз в жизни и, наверное, могло получиться иначе. — Он несколько раз зажег и погасил навигационные огни, затем трижды промигал слово «внимание», хотя внизу не осталось никого, кто нуждался бы в предупреждении.

— Я хотел... — отчаянно сказал Сивер.

— Да что ты мне объясняешь! — сказал Брег.

Он положил руку на стартер, автоматически включилась страхующая система.

— Действует, — слабо улыбнулся Сивер.

— Теперь его хватит надолго, — ответил Брег. — Наблюдай за кормой.

Сивер кивнул; он и без того смотрел на экран, на котором виднелась поверхность Япета, маленькой планетки, на которой нет атмосферы, но есть ручей с чистой водой, необходимой героям больше, чем торжества.

АНДРЕЙ БАЛАБУХА

МОГИЛЬЩИК

Андрей Балабуха родился 10 апреля 1947 года. Окончил семь классов 157-й средней экспериментальной школы Академии педагогических наук (бывшей гимназии принца Ольденбургского), два года учился в Ленинградском топографическом техникуме, в 1970 году окончил 12-ю ИПРМ Октябрьской ж.-д. Работал топографом, шлифовщиком на зеркальной фабрике, фотографом в Центральном военно-морском музее, рентгено-дефектоскопистом на листопрокатно-штамповочном заводе, легкового лаза, прошел путь от чертежника до начальника отдела строительства и генплана в проектно-конструкторском бюро Управления местной промышленности. В 1966 году участвовал в создании коллективной радиоповести ленинградских писателей-фантастов «Время кристаллики говорить». Первый рассказ «Аппендикс» был опубликован в 1967 году в ежегоднике «Фантастика» издательства «Молодая гвардия». С 1974 года — профессиональный литератор. Член Профессиональной группы писателей при Ленинградском отделении Литфонда РСФСР, затем — член Союза писателей СССР и Союза писателей Санкт-Петербурга; председатель секции фантастической и научно-художественной литературы. С 1983 года соруководитель (совместно с Анатолием Федоровичем Брижиковым), а с 1996 года — руководитель Студии фантастики. В 1994—1999 годах президент благотворительного литературного Беляевского фонда. Автор многочисленных переводов с английского, публицистических статей. В 1999 году избран членом-корреспондентом Метрологической академии Российской Федерации.

I

— Через час, — сказал Болл. — Устроит? —
— Вполне, — ответил Котть. — Спасибо, Боря.
Болл, отключаясь, резко повернул радиобраслет. В сущности, он не слишком удивился экстренному вызову, хотя именно сейчас, когда «Сиррус» стал на профилактику, это было более чем странно. Но чего еще ждать, если ты вернулся домой в пятницу, да еще — тринадцатого числа, а на поддороге с космодрома обнаружил к тому же, что забыл

в каюте раковину зубчатой фоллады, привезенную в подарок Зденке, и за ней пришлось возвращаться?

Вставать было лень: все-таки лег вчера достаточно поздно.

Ну да ладно. Он рывком сел, опустил ноги на пол, уткнув ступнями в мягком щекочущем ворсе. Этот пол Зденка сделала без пего; раньше, помнится, был другой — серый, эластичный... как его? Пергацетовый, что ли? А этот как называется? Надо будет спросить...

Болл сделал зарядку — упрощенный, «отпускной» комплекс, вызвал инимобиль и даже успел наскоро перекусить, прежде чем под окном раздался переливчатый сигнал.

Еще через полчаса он уже вышел из лифта и, пройдя по длинному коридору, сводчатым потолком напоминавшему корабельный, оказался перед кабинетом координатора ксенийской базы Пионеров. Он машинально, по старой, курсантской еще привычке одернул куртку и шагнул в распахнутую услужливой пневматикой дверь.

Кроме самого Коття в кабинете было еще двое: Свердлуф, генеральный диспетчер Транспортного Совета (вот так и осознаешь, как идут годы, — постарел Гаральд, ох, постарел...) и еще какая-то дородная блондинка с умопомрачительным профилем. Все трое сидели вокруг маленького столика и потягивали что-то из высоких конических стаканов. Судя по цвету, синт.

Котть поднялся ему навстречу. Был он невысок, коренаст и угловат.

— Знакомьтесь. Доктор Уна Барним из Обсерватории — шеф-пилот Борис Болл.

Блондинка небрежно кивнула; Болл в ответ поклонился подчеркнуто церемонно. На Ксении было две обсерватории: Андроновская на Архипелаге и Верхняя в Готических горах; года три назад к ним прибавилась еще одна, вынесенная на искусственный спутник; ее-то и называли просто Обсерваторией.

— С Гаральдом тебя, надеюсь, знакомить не надо?

Болл кивнул и пожал Свердлуфу руку. В свое время они были добрыми приятелями, но в последние годы несколько отдалились друг от друга: Боллу очень мало приходилось бывать на Ксении.

— Так в чем, собственно, дело, Миша? — спросил Болл, садясь и принимая из рук Свердлуфа стакан. Это действительно был синт.

— Как тебе сказать... Оно, конечно, ты в отпуске, так что имеешь полное право отказаться... Но понимаешь, возникло тут одно обстоятельство... Вот мы и решили побеспокоить тебя...

— Короче, Миша.

-- А короче... Уна, может быть, вы введете Болла в курс дела?

Блондинка заговорила. Голос у нее оказался под стать фигуре: полный, сочный, глубокий — было в нем что-то такое... рубенсовское. Но говорила она толково: сжато, четко, даже суховато, пожалуй, — одно удовольствие слушать.

Одиннадцатого числа Обсерватория, проводя наблюдения Хурры, засекала некий объект, входящий в систему со скоростью шестьсот шесть плюс-минус два километра в секунду и первоначально принятый за ядро возвращающейся из афелия кометы. Однако последующие наблюдения заставили пересмотреть такую точку зрения. Объект движется под углом $47^{\circ}13'$ к плоскости эклиптики, которую 21 марта в 16 часов 27 минут по среднегалактическому времени пересечет между орбитами Орки и Гаазы. Орка в этот момент будет находиться на расстоянии достаточном, чтобы не вызвать возмущений в орбите объекта, а более близкая Гааза не сможет этого сделать в силу своей малой массы. Затем объект, продолжая свое прямолинейное движение (а движение его является именно прямолинейным), начнет удаляться в мировое пространство в направлении Беты Ахава, которой при условии сохранения существующей скорости и достигнет через 4960 лет. От Ксении он пройдет на расстоянии сто пятнадцать плюс-минус полтора миллионов километров. Снимки объекта, переданные автоматической станцией «Парабола-79», позволяют предположить, что он имеет искусственное происхождение, то есть, попросту говоря, является космическим кораблем. Последнее косвенно подтверждается и прямолинейностью движения.

— Только почему он не отвечает на вызовы? — подал голос Свердлуф. — Аларм-то в любом случае работать должен!

Болл кивнул: ему дважды приходилось встречать мертвые корабли, по несколько лет шедшие на автомедонте и регулярно — с пятнадцатой по восемнадцатую и с сорок пятой по сорок восьмую минуту каждого часа — испускавшие в эфир традиционное CQD.

— Мы запросили Совет Астрогации, — продолжал Свердлуф. — Ни о каких внеплановых или ведомственных кораблях в нашей зоне там неизвестно. Корабли ксенийской приписки идут в графике, так что ни один из них с данным объектом идентифицирован быть не может.

— А в чужака мне что-то не верится. Ведь до сих пор... ни с одной цивилизацией... достигшей космической фазы... мы не столкнулись. — Болла всегда раздражала манера Коття говорить длинными периодами, разделенными этакими псевдоодышечными паузами. — В любом случае мне кажется... Налить тебе еще, Боря? — Болл отрицательно помотал головой. — Ну и зря... Так вот. Мне кажется, посмотреть надо. Потому-то мы тебя и побеспокоили.

— Спасибо. — Болл послал Коттю самую нежную улыбку, на какую только был способен. — Это я уже понял. Но «Сиррус», как тебе, Миша, может быть, известно, стоит на профилактике. И поднять его я могу минимум через пять суток.

— Это мне известно, — хладнокровно подтвердил Котть. — Но вот у Гаральда есть на этот счет свои... соображения.

— Я не могу снять с линии ни одного корабля, Боря. Да и не слишком подходят для этого каботажники, сам понимаешь.

Конечно, пузатенькие каботажные каргоботы не для таких операций.

— А транссистемников у меня сейчас нет. «Дайпа» будет только через двадцать семь суток. Так что не думай, будто мы переваливаем все на Пионсров...

— Я и не думаю.

— Но один вариант все же возможен. У нас есть космоскаф...

— Какой?

— Серии КСГ. Тебе с ними приходилось иметь дело?

КСГ — с маршевыми гравитрами. Это хорошо. Во всяком случае, лучше, чем, скажем, атомно-импульсный: и maintenance, и в управлении проще.

— Приходилось.

— Чудесно. В общем-то, я так и знал. У меня, понимаешь, все пилоты в разгоне, а те трое, которых я могу отозвать, — чистые каботажники с наших курсов, они космоскафа, кроме как в учебнике, и не видели.

— Ясно. — Болл встал, отошел к окну. Из окна открывался вид на обширную техпозицию Лорельского космодрома. Хотя, кроме «Сирруса», ни единого корабля здесь не было, машины техобслуживания деловито сповали по полю, с высоты сорок седьмого этажа напоминая диковинных наскокомых. Крейсер сейчас больше всего походил на готическую башню со сверкающим шпилем: по его броне ползали неразличимые отсюда полировщики и носовая оконечность — как раз до гребнаторной опояски — приобрела уже первозданную голубизну, тогда как ниже корпус оставался бурным и бугристым, словно древесная кора. «Сиррус» был кораблем заслуженным, теперь таких уже не строили. Серия «С» кончилась «Скилуром», ее сменила серия «К» — «Капова», «Коннор»... Боллу эти тяжеловесные на вид полусферические корабли почему-то не нравились, хотя были они и мощнее, и надежнее.

«Старею, что ли?..»

— Задание? — спросил он, не оборачиваясь.

— Готово, — мгновенно ответил Котть. — Спасибо, Борис. Я знал, что ты не откажешься.

— Еще бы тебе не знать! Меня только интересует...

— Что?

— Откуда у вас космоскаф, Гаральд?

— Это ты у Хардтмана спроси, — ухмыльнулся Свердлов. — Он все может.

— Помню. — Все-таки Болл не один год провел в Линейной Службе. — Но зачем он вам нужен?

— Понадобился, как видишь.

— Убедительно.

Болл требовательно протянул руку, и Котть вложил в нее неведомо откуда взявшуюся панку.

— Кого ты возьмешь, Борис?

— Астрогатором — Наана. Со связистом хуже: Варенцова трогать нельзя. Пожалуй, возьму стажера. Ему же лучше — больше практики... И вот еще что. Я со Зденкой говорю с дороги, а потом ты с ней свяжись, побей себя немножко кулаком в грудь, у тебя это здорово получается, и покайся, что ты меня принудил.

Доктор Барним посмотрела на Болла с явным интересом. Котть хмыкнул:

— Ладно, не впервой! Ну, счастливого пути!

В лифте Болл не выдержал и спросил Свердлуфа:

— Объясни ты мне, зачем ему эта обсерваторская дива понадобилась? Он что, сам не мог того же сказать?

— Может, им просто нужен был повод повидаться?

Это было похоже на правду.

II

— Неужели... чужак? — не выдержал Шорак.

— И чему вас учили в Академии, стажер? — не оборачиваясь, насмешливо произнес Наан. — Ну и молодежь нынче пошла, а, шеф?

Болл всматривался в силуэт, медленно проползающий по кормовому экрану. Силуэт этот казался странным, необычным, непривычным и все же как-то смутно знакомым.

Двое суток космоскаф и сопровождавшие его «мирмеки» висели здесь, поджидая «гостя». И теперь он нагонял их, уже попав в поле зрения кормового локатора.

— Оставь стажера в покое, Айвор. Кстати, Карел кончал Академию Связи, а не Астрогации, заметь. Скорость?

Болл имел в виду скорость «гостя», и Айвор понял.

— Шестьсот шесть в секунду. Идет инерциальным.

Силуэт неизвестного корабля незаметно переполз с кормового экрана на бортовой.

— Уравняй скорости. Дистанция сто по траверзу.

— Есть, шеф-пилот! — Обиженный, Наан всегда переходил на уставное обращение. Руки его запорхали над ходовым пультом.

— Шорак! «Мирмекам» — строй треугольника, дистанция пятьдесят, «делай, как я».

Шорак бойко затараторил в микрофон:

— КСГ борт семьдесят три к Эм-двести тринадцать, Эм-двести семнадцать, Эм-двести двадцать два. Даю перестроение...

— Уймись ты, — улыбаясь, проворчал Наан, и Шорак перешел на ключ.

Тем временем изображение «гостя» замерло на экране левого борта, и теперь Болл мог рассмотреть его во всех подробностях. Конечно, корабль был явно земной постройки. Вот только — что это за ребристые диски, расположенные перпендикулярно диаметральной плоскости примерно там же, где у крейсера серии «С» проходит гребнаторная опояска? Словно на иглу-рыбу падали кружевной воротник...

— Айвор?

— Не знаю... Это похоже...

— На рогаповский, Айвор?

Наан кивнул.

Это был один из немногих кораблей, построенных в короткий период между открытием каналов Рогана — узких природных туннелей вырожденного пространства и появлением настоящих аутспейс-кораблей, превращающих на своем пути обычное пространство в аутспейс, где только и возможно движение со сверхсветовыми скоростями. Таких крейсеров было построено немного, коротким оказался их век, почти совпавший с вском легендарного Бовга, человека, первым увидевшего за открытием рогаповских каналов не космологический феномен, а дорогу к звездам, человека, почти пять десятилетий определявшего космическую политику Человечества. «Вот так оно и бывает, — подумал с горечью Болл, — прожил человек жизнь, долгую жизнь, и всю ее посвятил одному — прорыву к звездам, рогаповским своим кораблям, рогаповской астрогации. И всего через каких-то два-три года после его смерти пришли аутспейс-корабли, и об этих, которым отдал жизнь Борис Бовг, забыли. Только в учебниках да монографиях по истории астрогации остались их изображения — изящные заостренные обводы и эти огромные ребристые диски, выполнявшие функции нынешних гребнаторов». Только как они назывались, эти... «протогребнаторы»? Болл никак не мог вспомнить. Впрочем, и не важно это.

— Свет! — отрывисто приказал он.

Неуловимое движение руки Наана — и на борту «гостя» вспыхнул яркий голубой овал.

— К корме.

Световое пятно томительно медленно поползло по броне «гостя». Если память не подводила Болла, то название и приписка должны быть обозначены где-то сразу после этих «протогребноторов».

— Увеличение, Айвор!

Изображение дрогнуло и поплыло навстречу. Болл ощутил легкую перегрузку — так бывает всегда даже после тридцати лет полстов: когда изображение надвигается на тебя, из-за отсутствия неподвижных ориентиров кажется, что это твое собственное движение, и тело привычно реагирует на него.

Место для надписи было выбрано с расчетом: здесь, позади дисков (они назывались синхроторами, вспомнил-таки Болл), броня пострадала меньше всего. Тем не менее прочесть можно было только:

«В.. ОС. Зем... д. я». Земляндия — это ясно. Но как же он назывался, этот корабль?

— Свяжитесь с Коттем, Карел. И транслируйте ему изображение.

Котть возник на экране секунд через двадцать.

— Ну и динозавра вы поймали, Борис! Я такой только в «Истории астрогации» видел...

— Я тоже, — отозвался Болл. Он никак не мог оторвать взгляда от «динозавра» — есть в старых кораблях что-то завораживающее. — Откуда он, Миша?

— Это мы выясним. Ждите. — Котть отключился.

На выяснение ушло больше часа.

— Это «Велос», — сказал Котть, возникая на экране. — Первый из рогановских кораблей... и, судя по всему, последний... сохранившийся. Построен двести восемьдесят восемь лет назад на верфях Ганимеда... Кстати... «Велос» на каком-то из древних языков — «Быстрый». Каково, а? Только-только за световой барьер выскочили... в каналы рогановские влезли... и сразу же «Быстрый»? Самохвалов чуть не подскочил, когда я ему доложил, что мы рогановский корабль обнаружили...

Болл не мог не восхититься: за час отсюда, с Ксении, связаться с Землей, что само по себе непросто, ибо прижимистость связистов вошла уже в поговорку, и чтобы вышибить из них экстренный канал, нужно обладать административным гением Коття, а там, на Земле, добраться до самого Председателя Совета Астрогации... Вот это да!

— К нам направили спейрейс, — продолжал Котть. — Не знаю уж, кого они там набрали... историков, наверное... из техотдела кого-нибудь... Но начальствует не кто-нибудь — сама Баглай...

Тамара Баглай, специальный помощник Председателя Совета? Вот это уже совсем непонятно. Конечно, старинный корабль — это ЧП. Но не до такой же степени все-таки? Боллу никогда не приходилось сталкиваться с Баглай, по он знал, что пустяками она заниматься не станет. «В чем все-таки дело?» — недоумевал он. Но уже через несколько секунд все встало на свои места.

— Потому что... Знаешь, откуда он идет? — В голосе Коття появилось что-то, заставившее Болла оторваться от созерцания старинного крейсера и уставиться на координатора Базы. — С Карантина.

Наан присвистнул. Болл почувствовал, что у него заныли скулы. И только Шорак пока ничего не понимал.

Карантин! Наан, тот знает о нем понаслышке. И то, что он тихонько рассказывает сейчас Карелу, — лишь сухая обьективная информация. Боллу же в бытность свою стажером, таким же, как сейчас Шорак, случилось несколько месяцев проработать в орбитальном патруле у Карантина: тогда еще не был создан электронный барраж, не позволяющий ни одному кораблю совершить посадку, даже просто выйти на атмосферную орбиту, — независимо от воли экипажа.

Карантин! Единственная планета, оказавшаяся не только губительной ловушкой, но и до сих пор еще неразгаданной загадкой.

Первый корабль, посланный к НИС-981, второй планетой которой и был Карантин, — этот самый «Велос», неизвестно как оказавшийся теперь здесь. О судьбе его ничего не известно. Он стартовал с Пионерского космодрома на Плутоне, Земляндия. Все.

Семьдесят лет спустя туда ушел аутспейс-крейсер первого ранга «Хаммер». Они оставили на орбите спутник-капсулу, в которой дождалась третьей экспедиции информация об их полете, протекавшем вполне благополучно, дальше о них ничего не известно, если не считать того, что еще через девяносто три года третья экспедиция обнаружила в первые и единственные сутки работы на планете «Хаммер», целый и невредимый. И — никаких следов его экипажа, экипажа из ста двадцати человек. «Велоса» на Карантине ни тогда, ни впоследствии найти не удалось, что, впрочем, скорее естественно, чем удивительно: найти на планете корабль при условии его полного молчания можно разве что случайно или же после многолетних систематических поисков.

Сама третья экспедиция достояла из аутспейс-крейсера первого ранга «Криста» и приданного ей вспомогательного каргобота «Анна», оставшегося на орбите, когда «Криста» пошла на посадку. «Криста» была вполне современным по тому времени кораблем, а об ее шеф-пилоте, Юване Шайгине, Болл немало слышал от деда, ходившего с Шайгиным еще на «Океане». Экспедиции было предписано произвести детальную зонд-разведку и только затем сесть и развернуться по процедуре «А». Но зонды передавали лишь белый шум, а на планете экспедицию не спасли ни защитное силовое поле, ни непробиваемая броня крейсера, ни умение людей. Первая передача сообщала об обнаружении «Хаммера» и заканчивалась традиционным: «Все в порядке». Вторая — шесть часов спустя — состояла из нескольких слов: «Высадка невозможна... Это страшно... Посадку запрещаю (последнее относилось к „Анне“). Только автоматы!»

С тех пор люди больше не пытались высаживаться на Карантин, объявленный запретной зоной. Была создана орбитальная станция. Вокруг планеты организовали патрулирование, потому что легионы энтузиастов ринулись туда на самых что ни на есть удивительных кораблях, вплоть до одномастных гоночных «арсов». На планете работали автоматы, но до сих пор не удалось выяснить ничего, хоть в малой мере объяснявшего бы гибель трех экспедиций. Когда вместо людей были высажены традиционные собаки — они попросту исчезли. Не погибли, а исчезли, как будто их никогда не было.

И что самое удивительное — от этого не спасали даже скафандры высшей защиты. Скафандры оставались целыми, но живые существа, в них заключенные, исчезали.

Загадки, сплошные загадки.

Почему исчезали на Карантине биоструктуры?

Загадка.

Почему третьей экспедиции все же удалось продержаться сутки?

Загадка.

Почему автоматы, проверенные на других планетах, вместо осмысленной информации передавали на станцию белый шум?

Загадка.

И вот теперь к ним прибавилась еще одна: исчезнувший «Велос» объявился здесь, в системе НИС-6411, в трехстах пятидесяти семи парсеках от Карантина и девяноста восьми от Земляндии.

— Что будем делать, Миша? — спросил Болл.

И впервые за много лет услышал:

— Не знаю. Надо организовать совещание. Один я этого решить не могу. И мы с тобой — не можем.

III

Бедняга стажер умотался, организовывая это совещание. Но в конце кошмов на мозаике черно-белых экранов АС-связи возникли все участники: Котть, восседающий за столом в своем кабинете; координатор Транспортного Совета Дубах, словно подтаявший за последние годы, поседевший, чуть сторбившийся, но все тот же бессменный и бессмертный, как называли его за глаза в Совете, и его правая рука, генеральный диспетчер Свердлуф (обоих с трудом удалось поймать в Исследовательском центре); член Совета Миров Нильс Брюн, председатель Совета Ксении; Жоао Банши, ксенобиолог; последним был некто из Совета Геогигиены, присутствовавший незримо, потому что нашли его где-то, где не было экрана, и он включился через экстренный канал. Звали геогигениста Вацлавом, он был из новеньких, и Болл его не знал.

Котть насколько мог бегло обрисовал положение, после чего слово взял Дубах. Поскольку данное совещание прямо интересов Транспортного Совета не затрагивает, а усиленное участие в организации встречи «Велоса» Совет уже принял, выделив свой космоскаф, участие членов Совета в данном, и без того представительном, совещании кажется ему, Дубаху, нецелесообразным. Если же выяснится, что Транспортный Совет может оказать в исполнении решения данного совещания какую-то помощь, — его, Дубаха, в течение всего сегодняшнего дня можно будет застать в Исследовательском, а в крайнем случае — найти по экстренному каналу. С чем он и отключился, а вместе с ним исчезла с экрана и смущенная физиономия Свердлуфа.

Брюн предложил было посадить «Велос» где-нибудь в северной оконечности Пасифиды, откуда до ближайшего поселения больше пятнадцати тысяч километров, но после исчерпывающих пояснений Коття об опасности заражения тут же сыграл отбой.

— В таком случае мне представляется единственно правильным оставить корабль на достаточно высокой орбите, с тем чтобы впоследствии исследовать его силами специальной комиссии, которую, несомненно, организует Совет Астронавтики.

— На ксеноцентрической орбите оставлять «Велос» нельзя, — вмешался Вацлав. — Слишком близко к планете и слишком оживленная зона. Вообще же вопрос об опасности, которую может представлять собой «Велос», находится в компетенции Института ксенобиологии. Может быть, доктор Бапши скажет по этому поводу что-нибудь определенное?

Доктор Бапши, увы, ничего определенного сказать не может. И прежде всего потому, что неизвестно, относится ли вообще проблема Карантина к области ксенобиологии или же к какой-то другой области. Но поскольку исключать возможность биологической опасности, если «Велос» действительно побывал на Карантине, нельзя — лучше всего законсервировать его на достаточно нейтральной орбите.

— Слушайте, шеф-пилот, а люди? — тихонько сказал Шорак. — Если там люди?

Болл отключил микрофон.

— Нет там людей, Карел, — как мог мягко улыбнулся он, глядя на побледневшее лицо стажера. — Нет и быть не может. Они в космосе уже без малого триста лет. В экипаже были одни мужчины. И анабиованн у них не было.

— Итак, — резюмировал Котть, — можно считать единодушным следующее решение. Космоскаф шеф-пилота Болла силами автоматических буксиров «мирмека Эм-двести тринадцать», «мирмека Эм-двести семнадцать» и «мирмека Эм-двести двадцать два» отбуксирует «Велос» на орбиту, параметры которой определит расчетный центр нашей Базы и которую согласует Транспортный Совет. Все согласны?

Болл прямо-таки задохнулся от восхищения. Суметь найти единодушное решение там, где все от этого решения уходит как могут, — для этого талант нужен! Нет, не зря Коття сделали координатором Базы...

Брюн согласен.

Доктор Банши полностью поддерживает такое решение, и к нему присоединяется Вацлав-геогигиенист.

— Заводить буксиры, шеф? — спросил Наан.

Болл кивнул. Это надо делать в любом случае.

— А если они не были на Карантине? — спохватился Наан. — Ведь рогановская астрогация — дело ненадежное, да и непонятно, как они очутились здесь, если садились на Карантине...

— Они могли включить старт-автоматику, — возразил Котть.

— И главное, — сказал Болл, — главное — вдруг они все же там были?

— Но ведь на корабле, — вмешался в общий разговор Шорак, — может быть ценнейшая информация! И ради нее стоит рискнуть! Пусть кто-то один отправится туда. В крайнем случае мы рискуем только одним человеком. Добровольцем. — Он замаялся. — Мной.

— А если нет там этой ценнейшей информации? — спросил Котть.

— И существует ли вообще информация, за которую нужно было бы отдавать жизнь? — холодно поинтересовался Болл.

— Но ведь вам самому случалось рисковать, шеф-пилот!

— Однако я до сих пор жив. Что вряд ли оказалось бы возможным, рискуй я так.

— Совещание окончено, — объявил Котть. — Спасибо. Расчетная орбита «Велоса» будет сообщена вам через...

— Нет, — жестко прервал его Болл. — Расчетная орбита «Велоса» нам не нужна.

Напряженное ожидание последних часов превратилось теперь у Болла в холодное, злое упорство. Если все уклонится от решения, кому-то надо брать ответственность на себя.

Котть воззрился с экрана, как будто ему показали инопланетянина.

— То есть?

— Я не собираюсь отводить «Велос» на стационарную орбиту, Миша.

— Почему?!

— Потому что это не дает гарантии. Потому что всегда найдутся энтузиасты вроде нашего стажера, которые полезут за гипотетической информацией...

— На столь же, между прочим, гипотетическую гибель... — вставил Наан. — Я согласен со стажером, Борис.

— Бунт на корабле... — Болл улыбнулся, но улыбка была чисто механической. — Теперь ты понимаешь, Миша, что его надо...

— Уничтожить? Последний из рогановских кораблей?! Пойми, его нужно сохранить — как музейную ценность, наконец! Ведь опасность в самом деле гипотетична, а ценность — несомненна. Да и с опасностью сумеем же мы справиться... когда-нибудь. А пока — выставим надежную охрану, со временем — поставим барраж...

Когда-нибудь... Болл знал цену этому «когда-нибудь». Потому что была еще и четвертая высадка на Карантин. Высадка, о которой знал только Болл. Патрульный космоскаф пошел на посадку, и остановить его Боллу было нечем. Вагин, второй пилот «Синдбада», проработавший в патруле всего месяц, направленным лучом передал на космоскаф Болла: «Хочу попытаться. Иначе не могу. Кто-то ведь должен...» Официально Болл доложил, что космоскаф Вагина потерпел аварию в результате столкновения с метеоритным те-

лом. Потому что сказать правду — значило слишком многим доставить горе большее, чем от известия о такой вот случайной гибели. Но с тех пор Болл не верил в «когда-нибудь».

— Минпа, меня зовут Болл, Борис Эдуардович Болл, и мой карт-бланш двадцать шесть-А-ноль двадцать девять.

— Ты хочешь?..

— Да. И отчитываться буду только перед Советом Астрогации.

Пилотам Пионсров и Дальней Разведки часто приходилось принимать решения, выходящие за пределы компетенции обычных командиров кораблей. Поэтому наиболее опытные из них получали карт-бланш, предоставлявший им автократию на неисследованных планетах и даже в нейтральных пространствах освоенных уже систем — вне ста миллионно-километровой территориальной зоны, в пределах которой по космическому праву любой корабль подчинялся местным Советам.

Космоскаф находился в ста двадцати семи миллионах километров от Ксении, и Болл решил использовать свой карт-бланш.

Котть понял это.

— Боря, — сказал он, — эх, Боря...

И отключился.

— Шорак! — Слова Болла были отрывисты и сухи. — Пристыкуйте «мирмеки» к «Велосу».

— Шеф-пилот...

— «Походный устав», параграф семнадцать, три?

— Есть, шеф-пилот! — мертвым голосом сказал Шорак и забубнил: — КСГ борт семьдесят три к Эм-двести тринадцать, Эм-двести семнадцать, Эм-двести двадцать два...

— Наан, дайте траекторию на НИС-шестьсот сорок один.

Наан молча отвернулся к вычислителю. По экрану траектографа поползли разноцветные кривые. Их движение все убыстрялось. Постепенно их становилось все меньше, они сливались и вдруг замерли одной четкой зеленой чертой, тут же возникшей и на курсографе. Болл положил руки на клавиатуру ходового пульта. Наан, рывком развернув свое кресло, ударил командира каменно-холодным и тяжелым взглядом.

— Это трусость, — очень тихо и очень зло сказал он. — Вы просто трус, шеф-пилот. И ответите за это.

Рядом с линией расчетной орбиты, заданной Нааном, на курсографе появилась вторая, пунктирная, и когда они совместились, Болл медленно вывел гравитры на крейсерский режим.

— Отвечу, — кивнул он.

IV

Соединенные усилия трех «мирмек» уверенно влекли «Велос» к НИС-641, солнцу Ксении, а на расстоянии двух десятых мегаметра параллельным курсом следовал космоскаф.

В рубке царило молчание, наполненное комариным звоном гравитров да изредка простреливаемое короткими диалогами, состоящими из строго уставных фраз. Болл и не пытался пробить брешь в немоте, отделившей его от экипажа, зная, что сейчас это бессмысленно. Может быть, потом...

Дважды Шорак связывался с Базой, и Болл разговаривал с Коттем. Хотя тот явно поостыл, разговор все же носил несколько натянутый, подчеркнуто официальный характер. Впрочем, Болла скорее удивило бы обратное. Он знал, что поймут его не сразу и не все.

На пятые сутки Болл начал маневр расхождения. «Велос» и «мирмеки» продолжали идти прежним курсом, все ускоряясь, — уже не только за счет энергии гравитров, но и притягиваемые исполинской массой светила. Космоскаф же понемногу отставал, не выпуская их из поля зрения локаторов.

Трое в тесной ходовой рубке не сводили глаз с экрана, на котором медленно таяла в огненном буйстве хромосферы точка последнего рогановского корабля. Затем Болл передал Наану управление и приказал возвращаться на Ксению.

— Это славная могила, Айвор, — устало сказал он. За эту неделю он действительно очень устал. — Лучшая, какую они могли получить...

Ни слова, ни тон их не перекинули даже шаткого мостика между ним и его молчащим экипажем. Да Болл и не рассчитывал на это. Шорак, прекрасный — побольше бы та-

ких! — мальчик; Наан, великолепный астрогатор, хотя для командира и чересчур, пожалуй, горячий, — оба они не могли принять горькой правоты его решения.

Решения приходят по-разному. Одни рождаются мгновенно, и трудно сказать, принимаются они разумом или инстинктом. Другие стоят дней и ночей мучительных раздумий, тревоги, боли — пока наконец откуда-то из глубин подсознания не начнет медленно, словно стратостат, подниматься, постепенно оформляясь, то искомое, что можно уже не только сказать, но и претворить в действие. Но бывают иные решения; чтобы приять их, нужен опыт всей жизни. А потом они, казалось бы, такие мгновенные, переворачивают эту жизнь, обрушиваясь на тебя десятикратной перегрузкой, — как при малом пилотаже.

За полвека, отделявшие тощего курсанта Академии Астрогации от нынешнего шеф-пилота, Болл ни разу не думал, что внутренне готовится подобное решение принять. Но эта готовность зарождалась и крепла в нем помимо его воли, неподвластная его сознанию, крепла по мере того, как он постигал свое дело.

В его деле сплавлялись воедино рутина одиноких вахт и непрерывно давящая тяжесть ответственности за корабль и людей, изматывающее напряжение десантов, радость встреч и боль расставаний. Это была работа, но не война. И космос в его бесконечном многообразии миров был не врагом, а постепенно узнаваемой страной. В этом узнавании не было места древней кровавой романтике битв и самопожертвования. Потому что жертвовать собой можно только спасая других. И только тогда, когда другого выхода нет и быть не может.

Нет, не тень одного лишь Вагина стояла сейчас за спиной Болла. Весь опыт собственной жизни определял его решение. И ему казалось даже, что плечом к плечу стояли рядом с ним все те, для кого делом и домом стали черное небо Пространства и ссрая хмури аутспейса, люди кораблей, прожившие такую же жизнь, как и он.

Наан и Шорак — оба, при всей разнице в возрасте, — пока еще были просто молоды, слишком молоды. Но были и другие. Шайгин, шеф-пилот «Кристы»; Трессель, поведший свой «Хаммер» на последнюю посадку потому лишь, что его ждала

не известная опасность, а неизвестность; и наверное, даже тот, чей труп только что был кремирован в командирской рубке «Велоса», — эти поняли бы его сразу. И там, в Земляндии, в Совете Астрогации найдется немало таких, кто понимает не только умом, но и сердцем, что прошло уже время, когда за любую крупницу знания Человечество жертвовало жизнями людей. И старик Самохвалов, и летящая сюда Баглай, с которой Болду скоро предстоит впервые встретиться (дорого бы он дал, чтобы встреча их произошла при других обстоятельствах!), — оба они, да и не только они, конечно, не могут не понимать, что сейчас, когда жизнь человека стала высшей ценностью Человечества, пришла пора пересмотреть многие критерии и понятия. Слишком это дорогая цена за знания — кровь. Ею могли платить в те времена, когда Человечество было заперто на одной планете и с неспостижимой расточительностью бросалось всем: людьми, природными ресурсами, — едва не погубив при этом себя. Но сейчас это уже невозможно. И кто почувствует себя вправе воспользоваться знанием, добытым такой ценой? И если правда, что индивид в своем развитии повторяет историю вида, тогда понятно, откуда в молодых так много этой реликтовой жертвенности — той, которая заставила Шорака требовать, чтобы его пустили на «Велос». Это можно понять, но нельзя допустить. И Болл не допустит, — как электронный барраж вокруг Карантина не дает ни одному кораблю совершить посадку, даже просто выйти на атмосферную орбиту, — независимо от воли экипажа.

— Вы не станете возражать, если я спущусь с «Сирруса», шеф-пилот? — нарушил молчание Шорак. Он мог и не спрашивать, но поступить иначе было бы неэтично, да и вообще не в характере стажера.

Болл покачал головой:

— Нет нужды, Карел. А вы, Наан, готовысь принять «Сиррус». Вот вы и дождались...

Когда три года назад Болла перевели на «Сиррус», Наан, к тому времени уже несколько лет ходивший с Боллом первым астрогатором, надеялся либо остаться командиром на «Скилуре», либо получить другой корабль, тем более что как раз тогда не было командиров на «Казани» и «Кондо-

ре». Естественно — кому из космолетчиков не хочется иметь свой корабль. Но в Совете решили иначе, и Наан последовал за Боллом на «Сиррус» — снова первым астрогатором. К этому решению Болл не был причастен ни в коей мере, но на их отношениях это не могло не сказаться. И хотя ни тот ни другой ни разу не обмолвились об этом, понадобилось почти два года, чтобы их отношения из несколько отчужденных снова превратились в дружеские. Ненадолго, увы.

— С «Сирруса» спишусь я, Айвор. И вам обоим не придется летать с могильщиком, — да, я слышал ваш вчерашний разговор. — Шорак густо покраснел и отвернулся. Болл продолжал: — Через полтора месяца пойдет в Земляндию «Дайна», и я полечу докладывать Совету Астрогации. Вместе с Коттем, вероятно. Потом останусь на Земле: меня приглашали преподавать в Академии, и я, пожалуй, это приглашение приму.

Охотнее всего Болл ушел бы в каюту и постарался уснуть — будь он на «Сиррусе» или любом другом корабле. Но космоскаф есть космоскаф и здесь никуда не денешься из своего кресла. И он продолжал сидеть, молча глядя на носовой экран, где сверкающая точка Ксении медленно превращалась в диск.

ВЯЧЕСЛАВ РЫБАКОВ

Пробный шар

Вячеслав Рыбаков родился 19 января 1954 года. Один из наиболее значимых авторов «четвертой волны» советской фантастики. Окончил восточный факультет ЛГУ в 1976 году. По основной специальности — синолог, работает научным сотрудником в Ленинградском отделении Института востоковедения РАН. Имеет более 30 научных публикаций. Член семинара Бориса Стругацкого с 1974 года. Участник Всесоюзного семинара фантастов и приключенцев 1976 года, Малеевского семинара 1983 года, Дубулятинского семинара 1986 и 1988 годов. Дебютировал в 1979 году рассказом «Великая сушь» (в журнале «Знание — сила»). Лауреат Государственной премии РСФСР им. братьев Васильевых 1987 года за сценарий фильма «Письма мертвого человека», литературных премий «Старт», «Великое Кольцо», «Бронзовая улитка», «Интерпресскон» и ряда других наград.

1

Спрогз, везиший сменные экипажи для мирандийских станций, сообщил, что встретил за орбитой Юпитера искусственный объект внеземного происхождения. Новость быстро облетела всю Солнечную, к месту встречи потянулись корабли. Объект оказался идеальным шаром полутора километров в диаметре. Ни на какие сигналы шар не отвечал, локация и интролокация не дали результатов. Но шар словно играл в поддавки. Явно видимая кнопка оказалась слишком соблазнительной, и кто-то не удержался.

Как и следовало ожидать, сразу за люком оказалась небольшая камера, отделенная вторым люком от недр Шара. Второй люк открылся столь же легко. Загадки сыпались одна за другой, все быстрее — первый люк закрылся, но связь с исследовательской группой не прервалась. Захлебываясь от волнения, перебивая друг друга, исследователи сообщили, что попали в совершеннейшим образом смоделированные земные условия и что им очень неловко оставаться в скафандрах, — по пояс в траве они шли к зарослям кустарника, тянувшимся по берегу реки.

— Ужас, как мы давим траву, — сказал начальник группы. — За нами такой след остается...

Уже тогда мелькнула мысль: это — ловушка.

Он вошел в стадо.

Овцы переговаривались почти человеческими голосами. Если прикрыть глаза, могло показаться, будто впрямь это люди нескончаемо дурачатся, взмемекивая кто во что горазд. Когда в разноголосом множественном блеянии проскальзывала пауза, становился отчетливо слышен звонкий, плотно висящий в воздухе хруст отщипываемой травы. Овцы безо всякого интереса скользили взглядами по Андрею и флегматично отодвигались, если он подходил слишком близко. Одного, очень уж симпатичного, увлекшегося едой барашка, Андрей, не удержавшись, погладил по спине — тот, не разгибаясь, сгинул в сторону и тут же опять захрумкал. Пастух дремал поодаль, прикрыв коричневое лицо соломенной шляпой и подложив под голову эластичный кожан радиобича, а рядом лежала собака и неприязненно косилась на Андрея, вывалив широкий язык. Воздух был мягок, словно шелковист, и полон то сладковатых, то горьковатых запахов вечерней степи; желтые лучи солнца медленно катились по склонам холмов, и все умиротворенно занимались своими делами: овцы лопали траву, пастух спал, собака следила за праздным чужаком. И только он, чужак, шлялся попусту и, наверное, мешал.

«Все-таки вечер — самое красивое время суток, — подумал Андрей и стал неторопливо всходить по отлогому склону. — В утре есть что-то ложно-бравурное...» Он посмотрел на часы. Сима никогда не опаздывала.

На гребне холма, шагах в двадцати от могилы Волошина, раздвинув колючую траву прозрачным днищем, стоял маленький гравилет. Андрей откинул фонарь и еще раз обернулся.

Степь волнами уходила вдаль. Громадное медное солнце плавало в пепельном небе, едва не касаясь неровного, туманного горизонта; низины утопали в дымке, над которой парили серо-синие округлые вершины далеких холмов. Овцы теперь казались не больше блох, но стояла такая тишина, что даже сюда долетало из прозрачной глубины едва

слышное, но отчетливое бление и позвякивание колокольчиков. Благодать-то какая, с печальным восторгом думал Андрей. Вот идти бы туда, идти просто, ни для чего, взлетать, словно лодка на гребень одной волны, потом другой, третьей, без конца — только простор, ветер, трава... От красоты и покоя щемило сердце. Лолу бы позвать, она так хорошо красоту чувствует, даже сама хорошест... Стало совсем грустно. Сима сюда точно не полетит. Хоть бы кусочек этого до нее донести... Поколебавшись — жаль было убивать цветы, — он осторожно сорвал три прекрасных мака, сел в гравилет и, положив цветы на сиденье рядом с собой, поднял машину в воздух. Холмы уплыли вниз, и от горизонта поползло, затекая между отрогами холмистых гряд, плоское темное море.

Трасса была плотно забита — после рабочего дня с севера спешили к морю любители вечернего купания и, спускаясь со скоростных уровней, в одном ряду с Андреем растекались по побережью. Андрей задал программу и на семь минут отдался во власть диспетчерской, бездумно глядя на скользящие тут и там верткие силуэты; в авторежиме он вписался в посадочную спираль и, снова перейдя в приземном уровне на ручное управление, неспешно повел гравилет над Ялтой, высматривая с высоты двухсот метров посадочную площадку на крыше «Орсанды».

Набережная, как всегда, была переполнена. Но под Большим Платаном было, как всегда, хорошо. Переложив маки в левую руку, Андрей похлопал Платан по необъятному стволу, затянутому теплой, как человеческая кожа, корой, глянул вверх, в бездонное варево листьев, а потом, будто испросив у Платана удачу, в который раз за последние дни набрал номер Соцера. Соцера, в который уже раз, не ответил. Андрей подбросил кругляшок фона на ладони. Ему больше некуда было звонить. Он хотел было спрятать фон, но какой-то седой мужчина с тонким лицом музыканта попросил дать его на минутку — позвонить. Андрей с удовольствием протянул ему фон и, чтобы не смущать, отвернулся к морю. «Нет; они сказали — нет, — негромко и поспешно втолковывал музыкант. — Меркурий совсем закрыт, что-то строят. Придется ограничиться астероидами и Марсом, там есть очаровательные места...» Ин-

интересно, подумал Андрей. Что там могут строить опять? Может, нужны пилоты-одиночки? Впрочем, Соцero бы сказал. Хотя Соцero куда-то сгинул, звоню ему, звоню... Но это же последний друг, настоящий. Гдесъ ушел в Звездную. А Марат — погиб на этом... этом проклятом... Неужели в Марате все дело, в сотый раз спросил он себя. Неужели, если бы среди других не оказался мой Марат — я спокойно сообщил бы на Землю координаты, спокойно дождался бы патруля... как ни в чем не бывало поволок бы дальше свои семсот двадцать тысяч тонн паутиных металлоконструкций? Он не мог вспомнить, думал ли тогда о Марате. В памяти осталось лишь ощущение ледяной, непреклонной ненависти.

Ближе к «Эспаьболе» расфуфыренная круговерть становилась все гуще. Здесь уже никто не смотрел с восхищением и завистью на неистовый пламень диких маков, которые полчаса назад Андрей сорвал для Симы далеко в степи, стремясь донести до нее хотя бы тень степного великолепия. Идти среди фланирующей толпы было неприятно. Андрей спустился на пляж и сразу заметил одинокого мальчика лет семи, скучливо играющего на пустующем к вечеру берегу, — он неумело и словно бы чуть принужденно пускал «блинчики» по гладкой поверхности дымчато-розового моря. С удовольствием загребая стучащую гальку туфлями, Андрей подошел к мальчику.

— Ты что творишь, убоище? — спросил он. — Там же девочка плавает, смотри, какая красивая. Ты ей голову разобьешь.

Мальчик обернулся. Он совсем не был похож на сына Андрея — длиннолицый, мрачный — и глядел исподлобья.

— Не разобью, — угрюмо ответил он. — Мне туда не дострелить.

— А если случайно дострелится? Несчастный случай на то и случай, что происходит случайно. — Андрей, присев, собрал несколько плоских гольшей. — Да ведь и девочка не знает, что тебе не дострелить, ей страшно. Видишь, уплывает?

— И пусть уплывает.

— Ну ты, брат, загнул, — возмущенно проговорил Андрей и аккуратно положил маки на гальку. — Прежде чем стрелять, проверь, нет ли кого на линии выстрела, причем обязательно с запасом. Потом берешь камешь за ребрышки, приседаешь и кидаешь параллельно воде. Вот так. — Андрей

показал. Мальчик слегка взвизгнул. «Да, — усмехнулся Андрей, — такого рекорда мне до конца своих дней не повторить. Бывает же... Чуть в Стамбул не ускакал». — Понял? — спросил он мальчика. — Смотри еще раз.

Он тщательно изготовился, внутренне уже оплакивая свое фиаско, и камень едва не сорвался, но ничего — проплюхался бодренько, а через секунду там, где он прошел, вынырнула лысая голова в маске и стала шумно, с удовольствием отфыркиваться. «Тьфу ты, черт, — ругнулся про себя Андрей, мгновенно покрываясь потом. — Вот же — опять неконтролируемые последствия, сейчас бы как вцепил... Муравейник».

— Дерзай, — сказал он. Мальчик смотрел на него с восторгом. — Во-он туда кидай.

Мальчик взял голыш и спросил:

— Я правильно делаю?

— Правильно, — одобрил Андрей, сел рядом с мальчиком, обхватил колени руками и уставился на море — громадное дышащее зеркало, расплеснутое от горизонта до горизонта.

Мальчик отставил одну ногу и пригнулся, смешино оттопырив попу.

— Я правильно делаю? — Он хотел, чтобы на него все время смотрели.

— Правильно, — сказал Андрей.

Мальчик замахнулся, задал опять свой вопрос и выронил голыш.

— Неправильно, — сказал Андрей.

Несколько минут они так играли, но мальчику быстро надоело. Лицо его вновь стало унылым. Андрей вскочил и выворотил изрядный валунище.

— А вот сейчас будет блин так блин! — закричал он и, как ядро, пустил камень в воду.

Поверхность вздрогнула, лопнула, выбросила вверх длинный, шипящий белый всплеск. Мальчик с облегчением засмеялся, схватил первый попавшийся булыжник и, с трудом его подняв, неумело кинул метра на полтора от берега.

— Вот блин так блин! — завопил он тоненьким голоском.

— А вот сейчас будет всем блинам блин! — завопил Андрей тоже тоненьким голоском, подхватил мальчика и, как был в одежде, вломился в воду.

Вода была чудесная, нежная, теплая — казалось, если попробовать ее, она окажется не соленой, а ароматно-сладкой, настоящей на розовых лепестках. Мальчик визжал, заходясь от смеха, и бил по воде руками и ногами; с берега, улыбаясь, смотрели человек двадцать. «Бли-ин!» — закричал мальчик, но Андрей уже увидел мужчину в очень яркой рубашке, завязанной на животе узлом, и очень ярких плавках; мужчина озабоченно спешил с громадным, очень ярким полотенцем в руках.

Андрей сразу же выволок мальчика на сушу, и тот бросился навстречу спешащему с криком «Папа! Пап! Во здорово!». С Андрея текло. Мужчина подошел ближе и — остолбенел, глядя Андрею в лицо. «Узнал, что ли», — с досадой подумал Андрей.

— Это вы? — потрясенно спросил мужчина.

С давних пор есть лишь один ответ на этот вопрос.

— Нет, — сказал Андрей, — это не я.

На подмогу мужчине перемерцала полная, тоже очень ярко одетая красивая женщина. Мальчик еще дергал отца за руку: «Ты почему никогда не пускаешь блинчики, пап?», но отчетливо повеяло морозом. Мужчина поколебался секунду, а потом решительно набросил полотенце на сына, как набрасывают платок на клетку с птицей, чтобы птица замолчала.

— Как вам не совестно, — процедила женщина. — Я вас давно заметила и позволила темного развлечь Вадика, но это слишком.

— Простите, — локаянно сказал Андрей. Ему было неловко и совестно. — Знаете, пацан стоял такой одинокий, прямо жалко стало...

— Духовно богатый человек никогда не бывает одинок. Я поощряю, когда Вадик оказывается в состоянии развлечь сам себя.

— Простите.

Ожесточенно растираемый Вадик что-то сдавленно загугукнул из-под полотенца.

— Он уже купался сегодня свои два раза. Третий может оказаться вредным для его здоровья. Кроме того, это крайне вредно для духовного развития. Мы говорим: два и только два, и вдруг появляется совершенно чужой человек и раз-

рушает все запреты! Во-первых, это подрывает уважение ребенка к ним, во-вторых — к нам.

— Простите, — сдерживаясь, сказал Андрей.

— Взрослый человек, а ведете себя, как недоразвитый. В одежде полезли в воду!

— Ах, простите, — сказал Андрей, уже откровенно издеваясь, но издевку понял лишь мужчина.

Его глаза сузились, он прекратил растирание.

— Клара, прошу тебя...

Мальчик высунул из складок полотенца всклокоченную голову и смотрел снизу то на отца, то на мать. Он был похож на черепашонка.

На набережной мужчина догнал Андрея.

— Подождите, — выдохнул он и схватил Андрея за локоть. — Я хочу сказать... я всегда мечтал встретить вас и сказать... Я вам завидую!

— Да что вы говорите?! — ахнул Андрей. — Да не может быть!

— Да. Да! Вы... — Мужчина дышал, как после долгого бега. — Вы так свободны. Захотел одетый в воду — пошел. Захотел уничтожить Шар — пожалуйста.

«Вот чудак, — с тоской подумал Андрей. — Ему бы эту свободу».

— Зря вы Шар со штанами в одну кучу мешаете...

— И с моим сыном вы свободнее меня!..

— Зато своего я уже лет сто не видел, — утешительно сообщил Андрей.

Мужчина помолчал, хмурясь.

— У меня была такая возможность! — выпалил он отчаянно. — Была! Но я не... Я когда услышал потом про вас... Господи, подумал, хоть один настоящий человек нашелся! Ведь пилоты уже стали побаиваться. А ну как встретится... подманит!.. И я боялся. Не признавался никому — а боялся. Как он исчез, подманив тех со станции, многие стали говорить — взорвать его, сжечь плазмой! Говорили, говорили... — У него запрыгали острые, крупные желваки. — Говорили! А духу только у вас хватило...

— Знаете, — ответил Андрей, — мне давно пришло в голову, что человек должен делать только то, что хочет. Если

человек поступает не так, как ему хочется, а так, как хочется другим, мир становится беднее на одного человека. Но ведь чем шире спектр, тем динамичнее и перспективнее система. Выполнять свои желания — это просто наш долг. Иначе — одервенение социальной структуры, стагнация. В итоге — беззащитность.

«Разболтался, подумал Андрей, слыша самого себя как бы со стороны. — Напляжная проповедь... Истинно, истинно говорю вам — стагнация... Тьфу!»

— Любые желания?

Андрей неловко усмехнулся.

— Я понимаю, что приведет вас в ужас... Но дикие, бесчеловечные поступки совершаются, по-моему, теми, кто вообще уже не имеет желаний, только придумывает, какой бы очередной фортель выкинуть... Такие есть... — Он умолк.

— Я вам завидую, — после долгой паузы сказал мужчина и отпустил локоть Андрея.

— А голосовали вы «за» или «против»? — спросил Андрей просто из интереса, но мужчина реннил, что это упрек, и отвел глаза.

— Если бы я голосовал за ваше оправдание, товарищи не поняли бы меня, — произнес он изменившимся голосом.

— Ясно.

— Негодование тогда было очень велико.

— Я помню.

— Поймите меня правильно. Я как раз получил новое назначение. Прекрасный новенький пассажирский лайнер. Тот экипаж не сталкивался с Шаром. Никто не мог так бояться и ненавидеть Шар, как вы или я!

Андрей честно попытался вспомнить, боялся ли он Шара. Да нет, мысль о том, что Шар может подманить его прямо из кабины планетолета, даже в голову ему не приходила.

— Я впервые получил место третьего пилота. И Клара мною гордилась! Что же мне — против всех?

Андрей спокойно кивнул:

— Конечно... я понимаю. Человеска уничтожить легче, чем Шар...

Мужчина вздрогнул.

- Вы не поняли, — проговорил он со всепрощающей укоризной. — Вы все-таки не поняли. А я так переживал за вас.
- Ах, простите, — сказал Андрей.

2

Первая партия благополучно вернулась на корабль, но судьба второй, более многочисленной и оснащенной, оказалась непостижимо трагической. Она проработала в Шаре более восьми часов, затем программа была исчерпана, и Спрогз, державший с исследователями постоянную связь, командовал возвращение. Получение приказа было подтверждено, и связь прервалась. Через четверть часа, прошедшую в непрерывных попытках связаться с умолкнувшей группой, Спрогз отправил на выручку еще трех человек. Поговаривали, что именно из-за этих троих Спрогз впоследствии застрелился. Спасатели с порога Шара сообщили, что трава не смята. Спрогз приказал им войти в Шар и попытаться найти хоть какой-нибудь след — правда удаляясь от входа не более чем на сто метров и, если беглые поиски окажутся безрезультатными, немедленно возвращаться. Связь с тройкой прервалась через двенадцать минут. Буквально сразу после этого Спрогз вызвали со спешащего к месту встречи грузовика — он должен был, как планировалось, отбуксировать Шар ближе к Земле — и сообщили, что их радар зафиксировал впереди, несколько в стороне от курса, металлическую цель, которую сразу смогли дешифровать. Это был медленно летящий скафандр, автоответчик которого давал позывные корабля Спрогз. Сообщению невозможно было поверить — все скафандры были налицо, за исключением тех, в которых ушли в шар исследователи. Через полчаса, однако, грузовик сообщил, что взял скафандр на борт. Внутри был обнаружен труп человека. Причину смерти, как сообщили с грузовика, выяснить пока не удается (не удалось и впоследствии). Изображение передали на корабль Спрогз — это был химик, из второй партии. Его обнаружили через сорок минут после прекращения связи в тридцати шести миллионах километров от Шара.

Оставив возле Шара три кибербакена, Спрогз пошел навстречу грузовику, с помощью своей мощной аппаратуры просматривая пространство. Мысль его была ясна — если один

исчезнувший член экспедиции оказался далеко в открытом космосе, там же могут оказаться и другие, которых, возможно, еще удастся спасти, — надежда явно иллюзорная, но разве можно было отказаться даже от такой надежды. Спрога встретил грузовик, никого не найдя, а еще через два часа все бакены одновременно сообщили, что перестали фиксировать объект слежения.

Он заулыбался издалека.

Одинок и строго сидела Сима за столиком у бушприта «Эспаньолы», в глухом, до пят, со стоячим воротником платье из тяжелой, сумеречной парчи. Лицо да кисти рук с двумя массивными перстнями на длинных тонких пальцах — вот все, что она открыла светлому воздуху, настоящему на кипарисах и олеандрах.

Они познакомились год назад, и Сима сразу потянулась к Андрею. Ей было очень плохо в ту пору — она никогда не рассказывала почему, — и он поддерживал ее, как умел, и постепенно полюбил ее, насколько может вообще полюбить уставший от самого себя человек: стал нуждаться в ней. Иначе ему совсем не для кого было бы жить, а только для себя — он не умел.

— Это тебе, — сказал он, лихо падая на одно колено и протягивая букет.

— Спасибо, — рассеянно ответила она, подержала цветы на весу, как бы не зная, что с ними делать, а потом положила на стол.

Андрей встал. Ему вдруг стало жалко цветов, которые он напрасно убил. От его колена на полу осталось круглое влажное пятнышко.

— Ты почему мокрый? — спросила Сима и сделала маленький глоток из бокала.

— Купался, — ответил Андрей, засмеявшись. — Такой сейчас смешнувший случай вышел...

— Принеси мне соломинку.

Он с удовольствием принес желто-красную, какие ей нравились больше всего.

— Представь себе, — проговорил он, садясь, — пятый день звоню Соцеро и никак не могу дозвониться.

— Что он тебе вдруг понадобился? — удерживая соломинку в углу губ, спросила Сима.

— Он мне всегда нужен... как и ты.

Она усмехнулась чуть презрительно, потом выронила соломинку изо рта в бокал и, не поворачиваясь к Андрею, нехотя произнесла:

— Неделю назад мне Ванда рассказывала, что большую группу опытных пилотов завербовал меркурианский филиал Спецработ. По-моему, она упоминала фамилию Соцера.

Андрей удивленно склонил голову набок.

— Вот как? А цель?

Сима пожала плечами. Видно было, что мысли ее где-то очень далеко и она с трудом поддерживает разговор.

— Что ж он мне не позвонил...

— А зачем ему, собственно, перед тобой отчитываться?

— Ну, как... Друзья же. Знаешь какие! Знаешь, как мы в войну играли?

Да это было великолепно! Впятнадцатером все лето в замшелых лесах Западной Белоруссии прорывать окружения, спланированные учителями с великим хитроумием, чувствовать надежную сталь оружия, верить в себя и в тех, кто рядом, вдыхать пороховой дым. А на привале вдруг впервые в жизни задуматься и понять, каково это было на самом деле...

— И что чудесно, — мечтательно сказал Андрей и даже глаза прикрыл. — Всемогущество какос-то, правда, Единство. Как мы взорвали мост! Ох, Сима, как мы взорвали тот мост! Это же сказка была, поэма!.. — Он вздохнул. — А Ванда случайно не обмолвилась, в чем там дело?

Сима, чуть скривившись, качнула головой отрицательно. Потом произнесла:

— Ты же знаешь Ванду. Кто-то при ней сказал потрясающую фразу: «Не исключено, что благодаря нелепой случайности вскоре мы раскроем тайну подпространства, но цена за это может оказаться чрезмерно высокой». Эту фразу она повторяет без конца и делает вот такие глаза.

«При решении любой из крупных проблем цена может оказаться чрезмерно высокой, — подумал Андрей. — За атомную энергию пришлось платить атомным кризисом, и больше полувека человечество висело на волоске. За создание инду-

стрии начального типа пришлось платить кризисом экологии, который едва не сгноил, к черту, все живое. Нет, похоже, тут есть какая-то система. Каждый крупный рывок, сама природа которого должна изменить жизнь и направление развития, по инерции — сиречь по близорукости людской — совершается в прежнем, с момента рывка уже фатальном направлении. И лишь в последний момент, сплотившись на платформе всеобщего ужаса, с потерями, с жертвами, удастся вырулить на спасительный поворот, мимо которого пролетели с ветерком, с посвистом много лет, а то и десятилетий, назад...»

Трое парней за соседним столиком, горячася и ожесточаясь, повысили голоса. «Бун дошел на своей яхте до Луны за три двенадцать!» — «Что ты несешь, козел! Бун дошел за три семь, потому что Миядзава дошел за три девять и взял только серебро!»

— Послушай, Андрей, — задумчиво произнесла Сима и повернулась наконец к нему. От соломинки на ее губе осталась маленькая алая капля. — Я тебе пужна?

— Да, — ответил он удивленно.

Она покачала головой.

— Тебе никто не нужен. — В ее голосе были слезы и торжество. — Ты одного себя любишь, настолько, что стараешься всем быть пужным. Все равно кому. Быть нужным женщине, в общем, самый простой способ быть кому-то нужным... особенно если женщина так нуждается в опоре, как я. Со мной ты был лишь потому, что был нужен мне, я-то тебе вот ни настолечко не дорога!

Она умолкла, глядя на него непримиримо и выжидательно. Он молчал.

— Разве я не права?

— Права, — ласково произнес он. — Как ребенок. Для ребенка ведь любая ситуация решается однозначно.

— Какой ты специалист по детям!

Когда ей хотелось, она была беспощадно, не задумываясь. Андрей погладил ее холодные пальцы, полуприкрытые длинным жестким рукавом. Ему всегда казалось, что человек, сделавший другому больно, сам мучается и жаждет прощения и тепла.

Она отняла руку и сухим тоном судьи спросила:

— Когда ты последний раз виделся с сыном?

— Давно, — отвистил он негромко. — Зачем тебе?.. После всего, что случилось, я...

— Знаешь, — перебила она, — я не касаюсь этих твоих космических дел. Меня твой Шар мало трогал, даже когда он был, и уж совершенно перестал волновать с тех пор, как ты спалил его. Хотя я бы, конечно, такой глупости не сделала, да и любой здравомыслящий человек... Геростратов комплекс нсудачника, так я сразу решила, еще не зная тебя. А узнала — подивилась. Ты же был приличный пилот! И только недавно поняла — ты просто любишь ломать то, что дорого другим. Тебя это возвышает в собственных глазах... Но не сваливай на Шар свою несостоятельность в семье. Надо честно сказать: да, мне захотелось сломать и тут! Честно, понимаешь?

— Ох, Сима, Сима, — выговорил он. — Ну хорошо. Вот представь: твой сын говорит тебе...

— У меня нет детей, — резко сказала она. — Ты намеренно стараешься ударить побольнее?

Он только стиснул зубы.

— У меня слишком много важной работы, товарищи не поймут меня, если я их оставлю! Тем более что на помощь мужчин, как видно по тебе, рассчитывать не приходится!

«Генных инженеров действительно зверски не хватает, — поспешно подумал Андрей ей в оправдание. — Но где я слышал про непонимающих товарищей, совсем недавно...»

— Ладно, — примирительно сказал он. — Пойдем лучше купаться.

— Нет уж, договаривай!

— Да не стоит. Пустяки все. Прости.

Ты просто смешон! — Она резко поставила на столик свой опустевший бокал. — Посмотри! Ведь за что бы ты ни взялся, все ты делаешь не так, все — вкривь и вкось! И хоть был бы ты просто подлец, это бы еще полбеды! Нет, эта вечная поза! Я ведь думала, ты необыкновенный... добрый... все знаешь и все можешь. — Она замотала головой внутри своего громадного воротника. — А ты просто болтуш.

— Ты сегодня так говоришь, будто меня ненавидишь.

— Да. Я непавижу тебя. Слова, слова... Живешь в своем выдуманном мире!

— Каждый живет в своем мире, — мягко ответил он. — И каждый такой мир в той или иной степени выдумал.

— Ну уж нет! Я никого не мучила, никогда!

Он только усмехнулся.

— Ты очень плохой человек, Андрей. Ты разрушитель. Ты и меня искалечил. Но не сломал. Не обольщайся — не сломал!

Она резко встала. С хрустом распрямилась парча.

— Не провожай. Мне больше, чем тебе. Мне гораздо больше.

Рывком повернувшись, она пошла прочь.

— Цветы! — глупо крикнул он.

Но она даже не сбилась с шага.

Парни с соседнего столика, скалясь, смотрели на Андрея. Сидевший поодаль от «Эспаньолы» мужчина, расцветая в улыбке, поднялся Симе навстречу. Она взяла его под руку, мельком оглянувшись, как бы оправляя воротник — видит ли Андрей, — удостоверилась, поцеловала спутника в щеку, и они двинулись по набережной. Андрею показалось, что это музыкант, недавно просивший у него фон. Но он не успел разглядеть. «Бедный мужик, сколько времени ждал, — подумал он. — Интересно, за кого она меня ему выдала? Товарищ по работе... У нас очень важная работа, у нас очень много важной работы. Срочный разговор на четверть часа. Ты не обидишься, милый, если я попрошу подождать вот здесь? Бедняга. Ищет, ищет того, кто за нее бы прожил ее жизнь, а она лишь при сем бы присутствовала в качестве томного, манерного, бесконечно хрупкого украшения... претендуя на воплощение бездейственной горней справедливости, но на деле, по слабости своей, лишь сварливо беспощадная. Как тут поможешь? Это в детстве складывается. Неуверенность, страхи, запреты...» Он вспомнил Вадика, глухо и тисцно гугукающего под полотенцем.

Тоска была хоть вой. И еще — неловкое, стыдное какое-то сочувствие и досада, словно Дездемона на сцене, вдруг споткнувшись, выматерилась хриплым басом и закурила.

«Странно все устроено, — подумал Андрей совсем уже отстраненно. — Обычную измену или подлость простят, может не заметят даже. Но доброты и любви, проявленных не так,

как хотелось бы ожидающим их, не прощает никто и никогда. В них видят наихудшую подлость, наипростейшую измену. Потому что знают: если лучшее уже отдано им, и отдано, пользуясь выражением Симы, „не так“ — больше не на что надеяться. И надо уходить».

3

Второй раз на Шар наткнулись спустя восемь лет, совсем в другом месте. Патрульный катер сообщил на Землю о встрече и на большом удалении остался ждать. Через неделю прибыла подготовленная в кратчайший срок мощная экспедиция.

Кибернетики открыли люк и ввели в камеру набитый аппаратурой кибер. Однако дальнейший путь оказался заблокированным. Все попытки кибера пробраться за второй люк, длившиеся несколько дней, оказались тщетными. Заседания ученого совета шли почти непрерывно, к ним подключались те или иные специалисты с Земли, прибыл даже грузовик со специальной режущей установкой — все впустую. Наконец третий пилот, Трамбле, предположил, что требуется человеческое присутствие. С научной точки зрения эта гипотеза была абсолютной чепухой, и так чепухой и осталась бы, если бы Трамбле, после двухдневных мучений, не вышел из корабля якобы для профилактического осмотра наружных маршевых конструкций. Лишь будучи у Шара, он связался с рубкой; задержать его не смогли. Люк открылся от первого же прикосновения человеческой руки, и Трамбле сразу вернулся. Медленно продвигаясь, кибер транслировал изображение спирального коридора, в котором царили космический холод и вакуум. Кто-то предположил, что им встретился совсем не тот Шар, который встретился Спрогэ, — но это был явный абсурд, на микроскопическом слое пыли, скопившейся на Шаре (по его толщине определили приблизительный возраст Шара в полтора миллиона лет), еще в первые часы экспедиция обнаружила следы, оставленные людьми Спрогэ. Прошло восемь часов, узкий металлический коридор казался бесконечным. Затем связь с кибером прервалась. Немедленно был послан второй, его сопровождал навигатор Марат Блейхман, который

должен был открыть люки. Внешний люк закрылся, и по напряженным нервам столпившихся в рубке людей хлестнул крик: «Там Земля, я вижу! Только человеку дано видеть живое!» Затем связь прервалась. Послали человека с приказом открыть внешний — только внешний! — люк. В камере находился лишь кибер. Открывать внутренний люк не стали. Неделя прошла в бесплодных попытках что-то сделать. За полсутки до окончания срока автономности Марата сам командир, не сказав никому ни слова, улетел к Шару. Он открыл внутренний люк и действительно увидел высокую нетронутую траву и голубое небо. В течение получаса, не переступая границ камеры, командир вызывал навигатора по радио, а затем ввел кибер в Шар — ломая траву, тот двинулся вперед. Командир вернулся на корабль. Более суток кибер передавал в рубку изображение коридора, проделал почти тринадцать километров по узкому, извилистому каналу, затем связь с ним прервалась. Запас киберов иссяк; оставив на разном расстоянии от Шара восемь бакенов, экспедиция в тот же день ушла к Земле. Через сорок две минуты после старта все бакены сообщили об исчезновении объекта слежения.

Он вздрогнул.

— Вы ли это Андрей? — раздался сзади певучий женский голос.

Нет, конечно, это не Сима возвратилась. Перед ним стояла женщина ослепительной красоты, в несоизмеримо тонком балахоне до пят. Балахон слегка колебался, повторяя колебания бриза, на миг прорисовывая и тут же скрадывая гибкие очертания безупречного смуглого тела. Рядом с женщиной высился не менее яркий мужчина в короткой, перекинутой через плечо пантерьей шкуре; длинные синие волосы его были завиты. Андрей узнал женщину, их знакомил зимой Гарднер — один из всем недовольных, которые с некоторых пор крутились вокруг Андрея, ошибочно принимая его за своего.

— Добрый вечер, Гульчехра, рад видеть вас.

— Мы не помешаем? — спросила женщина, изящным движением отбрасывая прядь волос на плечо.

— Нет, что вы.

— Андрей, познакомьтесь, это Веспасиан, — пропела Гульчехра. — Сиап, это Андрей. Это он сбросил Шар на Солнце.

Она произнесла это, словно предлагая урода в банке. «Это у него две головы».

— Ах, я слышал об этом, — молвил Веспасиан.

Гульчехра серебристо рассмеялась.

— Веспасиан совершенно особый человек, — с гордостью произнесла она. — Он пребывает в своем и только своем мире.

— Это удобно, — светски сказал Андрей. «Слышала бы Сима», — подумал он.

— Да. Мой мир прекрасен, — сказал Веспасиан. — Я придумываю его сам и объективирую ежесекундно. Гуль...

Гульчехра с готовностью удалилась к стойке, в то время как Веспасиан утвердился в кресле, в котором недавно сидела Сима, и уставился на Андрея своими громадными коричневыми глазами. Очевидно, это был его, так сказать, пронизывающий взгляд. Андрею стало смешно, но он сдержался.

— Ты был ее мужем? — бабахнул вдруг Веспасиан.

— Я? — опешил Андрей. — Да нет... где уж...

— Не надо лжи, не надо! Я чувствую тебя — ты прост и незамысловат, ты усреднен. Сам ты никогда не смог бы. Это Гуль, она шакти. Рядом с нею мужчина не может не стать гением. Шар! Ход гениальный! Так плюнуть в хари всем этим!.. — Породистые темные губы его дрогнули от презрения, он сделал широкий жест рукой. Из-под шкуры мелькнула жуткая звериная подмышка. — Великолечно! Гениально, я так сказал! Прекратить всю их суету, все их потуги разом! Саморазвертывание, самореализация такого масштаба, такой хлесткости в нашем мире пошлых, сусальных добродетелей — это подвиг! Перфектная деструкция стереотипа! Я никогда не поверю, что ты обошелся без соприкосновения с высшими силами.

— С чем, с чем?

— Там, — он воздел руки к небесам, — на перекрестках астральных путей, соединяющих поля восходящих и нисходящих инкарнаций...

Подошла Гульчехра, осторожно неся золоченый подносик с тремя бокалами. Непроизвольно Андрей вскочил по-

мочь — от неожиданности женщина шарахнулась и едва не уронила поднос прямо на Андрея.

— Простите, — сказала она, обретая равновесие, — я такая неловкая... Ну, о чем вы здесь? — Она уселась и немедленно вцепилась в свой бокал.

— О тебе, солнце мое, — сказал Веспасиан.

— Гульчехра, — проговорил Андрей нерешительно, — я задам вам вопрос, который, быть может, не вполне сейчас уместен...

— Да-а? — заинтересованно пропела Гульчехра, наклоняясь к Андрею всем телом.

— Когда вы виделись с Гарднером в последний раз? Я к тому всего лишь, простите, что брат его работает, если мне память не изменяет, в хьюстонском управлении грузоперевозок. Может, вы помните, случайно... не упоминал ли он о новом строительстве на Меркурии?

При имени Гарднера женщина с отработанной загадочностью заулыбалась было а-ля Мона Лиза, но конец ее явно разочаровал. С соломинкой в зубах и бокалом в руке она откинулась на кресле — груди ее упруго вздрогнули.

— Оставь это! — гневно вскричал вдруг Веспасиан и так стукнул кулаком по столу, что с маков посыпались лепестки. — Я так сказал!

Гульчехра и Андрей с почти одинаковым испугом повернулись к нему.

— Рядом с тобой, — он ткнул в лицо Андрею длинным пальцем, — прекраснейшая из женщин мира! А ты говоришь о какой-то возне! Труси! Ты ищешь забвения в мелочной суете вещей, боясь освобождения духа из контраверзов ложно и гипертрофированно усвоенных социальных облигаций! Ты никогда не достигнешь просветления и вечно будешь задавлен рефлексией, как и пристало ничтожеству!

— Успокойся, милый, пожалуйста, — испуганно залепетала восхищенная Гульчехра. — На каком пакале ты живешь, ты совсем не щадишь себя...

— Да, — с грустью произнес Веспасиан и обмяк в кресле. — Идти ввысь нелегко... Но я иду! — Он опять устремил взгляд на Андрея. — На пляже. В горах. Дома. Даже когда ем. Даже когда сплю. Самосовершенствование не может быть

дискретным. Хвала Вседержителю, странствующим святым теперь не нужно просить подаяние, чтобы не умереть с голоду. — Он небрежно вышвырнул соломинку из бокала прямо на пол, крупными глотками допил коктейль и встал. — Гуль, нам пора.

Царственно повернувшись к Андрею спиной, он взял за руку послушно вскочившую Гульчехру и удалился, сообщив во всеуслышание: «Странные у тебя знакомые. Он мне испортил настроение!»

Андрей резким движением выплеснул свой нетронутый коктейль. Его тошнило. «А ведь я чуть ли не теми же словами объяснял Вадькиному отцу про желания... Или нет? Слова, что вы с нами делаете. — Неожиданно для себя он рассмеялся. — Я же их спас! Спас!!»

Всех, кто по собственному почину или выполняя приказ, раньше или позже опять полез бы в этот проклятый Шар! Неужели мы сами не додумаемся до подпространства и до всего на свете, без этого зверства, когда один посылает на смерть, а потом стреляется, а другой идет на смерть и пропадает без следа!

А они сочли себя униженными, потому что я поставил на одну доску и тех, кто стремился бы вперед, и тех, кто отполз бы назад...

Да, я знал: и настаивающие на консервации, и рвущиеся в Шар равно расписываются в бессилии понять, постигнуть, подняться на новый уровень осмысления мира. Но разве бессилие будет длиться вечно?

Нет, нет, не вечность меня интересовала, а те несколько десятков — или даже просто несколько — человек, которых Шар сожрет, прежде чем мы сами, без его помощи, не поймем загадку, не придем к нему во всеоружии...

Наверное, существует принцип: нет ничего, что подлежало бы насильственному уничтожению. Но с молоком матери впитанное стремление оберегать и радовать диктовало другое. Люди не должны погибать! Люди не должны страдать! То, что опасно, должно уничтожаться! В глубине души Андрей до сих пор был уверен в этом. И это оказывалось страшнее всего — потому что теперь он не мог доверять никому, даже глубине собственной души.

4

Шар стал легендой; старые капитаны рассказывали о нем жуткие сказки. Смертельная опасность исследований придавала Шару особое очарование — вероятно, сродни тому, которым обладали прежде таинственные кладбища и заколдованные замки, — что же касается спящих красавиц, их с лихвой заменяла перспектива овладеть подпространством, которым, очевидно, пользовался Шар.

К тому времени как на него набрела яхта с молодоже-нами, на счету его было уже два десятка загадочных смер-тей. Парочка в панике вызвала патруль, а сама, едва до-ждавшись его, прервала путешествие. По слухам, с тех пор оба зареклись покидать Землю. Диспетчерская едва сумела убедить их не улетать до патруля — дело в том, что одно из бесчисленных поверий, нагроздившихся к тому времени вокруг Шара, гласило: он не ускользает в подпространство, покуда рядом находится и наблюдает его человек; диспетчер же, отлетавший возраст профессиональный космонавт, безо-говорочно верил профессиональным суевериям. Патруль за-нял позицию слежения, а Совет Космологии и Космогазии тем временем уже собрался на заседание, которое с корот-кими перерывами длилось несколько суток. Решено было ис-следований не предпринимать, но держать Шар под непре-рывным наблюдением. Действительно, более полутора лет рядом с Шаром находилась станция, на которой, сменяясь каждые две недели, дежурили наблюдатели. Научные резуль-таты этого дежурства оказались практически нулевыми, и существование станции было бы бессмысленным, если бы, во-первых, не подтверждение дикого поверья — Шар не ис-чезал. А во-вторых, что совсем не имелось в виду при созда-нии станции, наблюдатели предотвратили семь самочинных попыток проникнуть в Шар.

Однажды смена не вышла в положенное время на связь. Патруль, посланный немедленно, нашел станцию пустой, а Шара уже и в помине не было. Инцидент был расценен как повышение агрессивности Шара: прежде он только ждал до-бычи, теперь стал подманивать ее — на пульте рубки стан-ции был найден кристаллофон, и десятки ученых самых раз-

ных специализаций часами вслушивались потом в заикающийся от волнения голос: «Он сам позвал, и мы пошли. Как мы могли не пойти, раз он сам?! Меня он отпустил, но Чэн и Джошуа остались, они меня ждут. Ваш проклятый патруль уже рядом, он все испортит! Но мы вернемся, я знаю, он сказал, мы уцелеем, мы вернемся!» Они не вернулись.

Грузовой планетолет Андрея, везший на Меркурий тяжелое оборудование, встретил Шар между орбитами Меркурия и Венеры три года назад. Оставив груз болтаться в пространстве, Андрей взял Шар в гравизахваты и, не сообщая на Землю, на большом ускорении поволок к Солнцу. Едва не возник бунт. Но Андрей подавил его в зародыше, просто заперев людей в каютах, хотя решиться на это было едва ли не тяжелее, чем на само уничтожение Шара. Он продолжал разгонять Шар далеко за орбитой Меркурия и лишь вблизи короны выпустил его. Перегрузка при торможении и повороте была почти предельной, но Андрей в течение нескольких часов не отрывался от телескопа, чтобы Шар не ушел, — врачи поражались потом, как он не потерял сознания. Уже далеко в глубине верхней фотосферы Шар начал разрушаться. Отчетливо было видно — эти кадры потом смотрела не раз вся Земля, — как он, прокалывая бушующие слои твердого пламени, медленно начал оплывать, а потом вдруг упруго распался на вереницу ослепительных громадных капель, которые со страшной, все увеличивающейся быстротой, соскальзывали в огненную глубину.

Он очнулся.

Совсем стемнело, над сонной громадой моря вспорхнули первые звезды. «Исккупаться, что ли», — вяло подумал Андрей и тут же вспомнил, как они с Лолой, совсем молодые, купались в ночном море, как теплая вода баюкала их, мягко разъединяя и вновь поднося друг к другу, как сумеречно вскипало в них желание от прикосновений... Сейчас он ничего не почувствовал — как будто кино вспомнил.

Он достал фон, машинально подбросил его на ладони, а потом набрал номер справочной и запросил данные на Соцеро.

— Место пребывания — Меркурий, станция слежения, — ответил автомат после очень долгого молчания. — Долж-

ность — пилот-оператор. Беседа в настоящее время невозможна, поскольку доступ персонала станции к меркурианским переговорным пунктам в силу специфики осуществляемых работ затруднен.

— Что это за работы?

— Информация отсутствует. Станция находится в процессе ввода в строй, информация пока не полная. Приносим свои извинения.

«Ну вот, — подумал Андрей. — Что за станция объявилась? Из-за станции закрывать планету?» Его вдруг зазнобило, почему-то стало тревожно. Он несколько раз подброясил фон на ладони, а потом позвонил приятелю из Бюро Спецработ.

— А, привет, — обрадованно сказал Семен, растолстевший еще больше с момента их последней встречи. Он совсем стал похож на Винни Пуха. — Ты как снег на голову. Я, знаешь, думал, тебя и на Земле-то давно нету...

— Я по делу. Что вы там строите на Меркурии?

Семен заморгал.

— Может, нужны пилоты-одиночки?

— А ты что... — осторожно спросил Семен. — Так все и бездельничаешь?

— Ну, нет, конечно. Мы работать приучены. Всю весну вот у вулканологов отбарабанил. Побираюсь, где придется... Но это ж — летать, Семен.

— Побираюсь... Экий ты, знаешь, ядовитый, Андрюха. Ты ж добряк был!

— Добряк с печки бряк, — буркнул Андрей.

Семен тяжело вздохнул.

— С Лолой так и не видишься?

— Так и не вижусь.

— И с парнем?

— И с парнем. Есть там мне работа?

Семен шевельнул губами, будто собираясь что-то спросить еще, но смолчал; через мгновение открыл было рот и опять закрыл.

— Слушай, черт возьми, — проговорил Андрей. — Я же люблю его. Не годится человеку... Однажды он подошел ко мне и спросил: пана, почему тебя никто не любит? К пя-

ти ему шло... Я так и сел. Как же, говорю, а мама, а дядя Соцеро. А он говорит: ты когда уходишь, мама, если думает, что я не вижу, плачет и спрашивает: за что мне такое наказание. — Он помедлил. Больно было складывать эти мысли в слова. — Я ведь до сих пор не знаю, может, я и впрямь сделал это неправильно. Значит, не имею права сказать ему: они не поняли, а ведь я у тебя самый лучший. Но, с другой стороны, не годится человечку с малых лет знать, как жестоко иногда наказывают тех, кто совершает поступки. — Он загнулся, словно закончил фразу, но потом все же добавил: — Необычные. — Опять загнулся. — Знать, что такое остракизм. Рабом вырастет, сможет лишь повторять за другими, а сам — ни-ни... И хватит, говори дело!

— Нахватался слов умных, — проворчал Семен. — Остракизм, остракизм... Лола твоя до сих пор эдак небрежно, знаешь, осведомляется, как ты... здоров ли... модны ли рубахи, которые тебе подружки твои подбирают...

— Подружки? — сквозь внезапно вснухший ком в горле спросил Андрей, а потом надтреснуто рассмеялся.

— Га-га-га! — передразнил его Семен. — Враг ты себе, чудила. Ты бы с парнем поцацкался хоть пару дней... по грибы сходил бы, или что... Знаешь, как с ними здорово? Сразу бы сообразил, что настоящее, а что — так... из пальца высосано...

Андрей молча смотрел ему в глаза. Семен опять тяжело вздохнул.

— Нет там для тебя работы, — почти мстительно сказал он. — Черт его знает, что за станция, я сам толком не знаю. Она не по моему отделу шла. Астрономы что-то вынюхали на Солнце и взбесились. Из-за станции этой, знаешь, два объекта законсервировано, а еще у семи отложено начало работ на неопределенный срок.

— Ого! Но туризм-то с чего закрыли?

— Какой туризм?

— На Меркурий.

— Откуда я знаю? — Семен развел руками. — Впервые слышу. Туризм... У меня, знаешь, своей работы навалом! Да и дочурки в основном па мне... Если я еще туризмом начну... Станция и станция! Не поставили меня в известность, не

сочли нужным — и спасибо от всей моей души! Если я еще туризмом и станциями начну заниматься, кто тогда мою работу сделает? Надо делать свое дело! Как можно лучше! Между прочим, сам-то ты, знаешь, на этом и сгорел! А теперь мне советуешь!

— Да угомонись! — опять засмеялся Андрей. — Я слова не сказал!

— Я вижу, куда ты гнешь. Полез не в свое дело — вот как твой подвиг называется. Я даже голову не хочу, знаешь, себе ломать — стоило Шар жечь или нет. Но наказали тебя... я, знаешь, давно собирался тебе сказать по-дружески... наказали тебя справедливо. Потому что взялся не за свое дело. И разумеется, дров наломал. А как иначе? Для каждого дела есть специалисты. И не смей, знаешь, меня обвинять, что я про туризм твой слыхом не слыхал!

«Твой Шар», — вспомнил Андрей Симу. Теперь и туризм уже «мой».

— Ладно, — сказал он. — Счастливо оставаться, прости, что вторгся.

— погоди, — запнувшись, пробормотал Семен. — Ты бы, знаешь... зашел бы как-нибудь?..

— Да что я тебя отрывать буду...

— Оторви ты меня, пожалуйста, — вдруг тихо попросил Семен. — Знаешь, как все... Изю дня в день, изю дня в день одно и то же. И так ведь до конца. Оторви, а?

— Хорошо. — Андрей улыбнулся, и Семен нерешительно улыбнулся в ответ. — Обязательно.

Андрей бросил погасший фон на столик. Непонятный ужас все усиливался. И вот все тревожные намски собрались воедино, и догадка режущее, жгущее хлестнула Андрея.

Солнце!!!

Да нет, не может быть, что за бред! Разве мог Шар... Я же видел сам, как он расплавился!

Что я знаю? А если при разрушении оболочки раскрылся подпространственный канал? И теперь отсасывает плазму неведомо куда?!

Полный бред... Почему я не подумал об этом тогда? Ведь даже в голову не пришло!

Не может быть, слышите? Быть не может!

Он позвонил в ближайшую гелиообсерваторию. Директор был в командировке на неопределенный срок. Где? На Меркурии. Он позвонил в Космологический отдел Европейского Космоцентра. Там ничего тревожного не знали. Он позвонил на Гиндукушскую Обсерваторию. Трое ведущих ученых, занятых исследованиями Солнца, в командировке на неопределенный срок. Где? На Меркурии.

Он позвонил в космопорт.

И через пять минут убедился, что ему ни под каким видом не попасть на Меркурий. Почти бегом он вырвался на набережную.

Где-то там... в ста пятидесяти миллионах километров отсюда... в непостижимой, сверкающей глубине... Что там? Что?!

Вот они, неконтролируемые последствия! Лысая голова в маске... Цена может оказаться слишком высокой...

С таким трудом подавили планетарный кризис экологии — так теперь без Солнца останемся по моей милости? Андрей даже застонал.

Вот почему мне не дает покоя сторевший Шар! Он — такая же часть природы, как человек, как планета, и только наша вина, что мы сдуру подвернулись под его «не так».

«Не так» еще не зло. Зло возникает, когда встретившийся с «не так» человек не понимает его, называет злом, не в силах задохнуться в привычные рамки и оттого духовно уже мертвый и бесплодный набрасывается на свое «не так», словно мельница на Дон Кихота. А ведь только «не так», при всей болезненности встреч с ними, при всей угрозе уничтожения, которую они несут, дают возможность мыслить. Встреча с «не так» — это и кризис, и проба сил, и выходов только два — гибель или подъем на новую ступень.

И тогда он заказал одноместную скоростную яхту.

«Будь все проклято, но ясности я добьюсь, — думал он, краем уха слушая ответ автомата. — Поднимусь над эклиптической, а потом сверху разгонюсь, как в мишень — черта с два меня успеют перехватить. Или я зря в тех местах столько лет корабли гонял? Или зря мне терять нечего?» Его охватило дикое возбуждение. Он заказал гаилет до кос-

мопорта, выключил фон и, бросив его в траву, каблуком втоптал поглубже, а потом пошел купаться.

Он невесомо, беззвучно скользил в прохладной жемчужной дымке — не понять было, где кончается море и начинается небо, все светилось равномерным серебряным сиянием, и только висящая над морем луна горела, почти слепя.

Он хохотал, пеня воду растопыренными ладонями. Он вспоминал Лолу, и от принятого решения воспоминания вновь стали свежи и болезненны, будто в разлуке, а не в одиночестве, будто ничего не кончилось, а только прервалось. Что-то плеснуло поодаль — Андрей весело закричал на полморя: «Водяной лохматка, не хватай за пятки, меня дома ждут малые ребятки!...»

Его ждали на пляже.

— Привет, — сказал Андрей. — Ты что тут делаешь, Вадик?

— Смотрю, когда ты вылезешь, — сказал, сидящий возле его одежды мальчик. — Я видел, как ты залезал. Мама разрешила тебе со мной играть.

— Ох, Вадик, прости. — Андрей поспешно натягивал брюки, прикидывая про себя, как давно гравилет уже стоит на стоянке. — Мне сегодня больше некогда играть. Очень важное дело, я сейчас улетаю.

— Давай играть! — потребовал мальчик.

— Вадим, дорогой, правда не могу, — виновато сказал Андрей, застегивая рубашку. — Через три часа меня будет ждать яхта на космодроме, какая уж тут игра. Сам посуди.

— Ты плохой! — крикнул мальчик и довольно ощутимо ударил Андрея кулаком по ноге. Его интонация удивительно была похожа на интонацию Веснасиана: «Он мне испортил настроение». — Стой здесь, я маму приведу. Она тебе скажет!

Андрей молча покачал головой и двинулся к набережной. Вадим ожесточенно замолотил его по ногам обоими кулачками.

— Дядька-долдон! — закричал он. На них смотрели, делали Андрею неодобрительные мины. — Долдон-блин! Ты врешь! У тебя нет дел! Папа сказал, тебя в космос не пускают! Играй со мной! Играй со мной!

5

Вначале Андрей не был наказан, но никто не захотел летать под его командованием, экипажи один за другим выносили ему вотумы недоверия. Это его не удивляло, он знал, на что шел, когда блокировал двери кают.

Месяц спустя состоялось специальное заседание Совета Космологии и Космогации, призванное урегулировать то ненормальное положение, в котором из-за своего беспрецедентного и малопонятного поступка оказался великолепный специалист. Дать Совету официальное объяснение своим действиям Андрей отказался; когда ему предоставили слово, он сказал лишь: «Я считаю, что поступил честно, следовательно, должным образом. Одна проблема, давно требовавшая решения, наконец решена; то, что на ее месте возникла другая, вполне естественно. Я выполнил свой долг так, как его понимал, и теперь с благодарностью приму любое решение высокого Совета». Его долго обвиняли в высокомерии потом — и в глаза, и за глаза.

Мнения членов Совета разделились; дискуссия быстро зашла — или ее участникам показалось, что зашла — в тупик. Во всяком случае, стало ясно, что директивно вопрос решить нельзя.

Тогда Совет призвал ко всеобщему референдуму пилотов, в результате которого Андрей довольно значительным большинством голосов был отстранен не только от командования, но и от пилотирования в составе экипажей навечно.

Не раз Андрею снилось с тех пор, что на Солнце сброшен он сам; не раз он с криком просыпался, чувствуя нестерпимый жар протуберанца...

Он шагнул вперед.

Люк еще не успел полностью раскрыться, еще не успокоился воздух в переходной камере, встревоженный выравниванием давлений, а он шагнул вперед, потому что там, по ту сторону распахивающегося панциря, он уже видел глаза Соцера.

За спиной Соцера были какие-то люди. Андрей видел их смутно, у него все плыло перед глазами.

Так они стояли.

— У тебя рубанка в крови, — произнес наконец Соцero.

— Пришлось резко тормозить, — сухо ответил Андрей. — Да еще расхождение с этим дурным космоскафом... Текло из носу.

— И на ушах...

Андрей потрогал и тут же отдернул руку.

— Значит, и из ушей.

В глазах Соцero стояли слезы. И гордость, и жалость, и только что пережитый страх.

— У тебя отнимут права, — сказал он, подразумевая яхт-права.

— Не привыкать, — ответил Андрей, и Соцero понял, что Андрей имеет в виду гораздо большее.

— Ты мог крышку ангара пробить.

— Черт с ней.

— Ты чуть скаф с академиками не размазал.

— Провалились бы они все!

— Андрей, тебя же немедленно отправят обратно!

— Ха, посмотрим, как у них это получится. Я обогнал ближайший патруль на полтора часа. К тому же я, может, еще и нетранспортабелен, — добавил он почти кокетливо.

У Соцero задрожали губы. И только тогда он обнял Андрея, а уж тогда Андрей обнял Соцero. И повис на нем. Соцero понял. Так и не успев расплакаться, он подхватил Андрея на руки и поволок прочь из залитого ослепительным светом ребристого ангара.

— Это мой друг, — сообщил он расступившимся людям.

Один из них бросился вперед и раскрыл перед Соцero тяжелую дверь.

— Как я летел, — шмыгая носом, сладостно прошептал Андрей, прикрыв глаза. — Это же сказка... поэма... Если бы ты видел, как я летел.

— Я видел кое-что, — ответил Соцero. — Псих. Бандит. Это мой друг, — сообщил он двум шедшим навстречу людям, которые молча прижались, пропуская их, к стене коридора.

— Ой! Дай я ногами! — вдруг опомнился Андрей.

— Ради бога, не гони волну, — ответил Соцero. — Помолчи, подыхни глубоко и умиротворенно. Умеешь?

— Умел когда-то, — улыбаясь, ответил Андрей.

Так они шли минуты три. Потом Соцero остановился.

— Жми сюда, — велел он.

Андрей, продолжая блаженно улыбаться, оттопырил левый мизинец и изящно ткнул им в кнопку. Дверь беззвучно спряталась в стену.

— Здесь я живу, — проговорил Соцero, внес Андрея в комнату и бережно уложил на койку.

Потом уставился Андрею в глаза. Губы его опять задрожали.

— Андрей... я правда ничего не мог сообщить. Если бы просто нарушение режима секретности — знаешь, я бы куда его послал. Но это же ты... первопричина... — Он глотнул, дернув головой. — Кто мог тогда предположить, что эта ситуация даст такую исключительную возможность скакнуть лет на пятьдесят вперед! Если не успеем, — его лицо помрачнело, — ты и так бы обо всем скоро узнал... как и все. А если успеем — я бы к первому к тебе, к первому, веришь? Знаешь, мне даже снилось несколько раз — все уже хорошо, хочу рассказать, порадоваться, пришел к тебе, а ни слова вымолвить не могу. — Он надорванно засмеялся, продолжая ищуще заглядывать Андрею в глаза. — Ы! Ы! А больше — ни звука...

— Да ладно тебе, — сказал Андрей. — Давай подышим умиротворенно.

— Тебе не мерзнет? Не укрыть одеялом?

— Да нет, что ты! — Андрею было так уютно и тепло, как, наверное, с детства не было. — Посиди.

— Нет, но как ты догадался? Откуда?

Андрей заулыбался опять.

— Магическим путем, — загробным голосом сказал он. — Там, на перекрестках астральных путей, соединяющих поля восходящих и нисходящих инкарнаций...

Соцero облегченно захохотал.

— Может, кофе хочешь? Или чаю? Хочешь чаю с медом, а?

— погоди. Все в порядке, — сказал Андрей, — сейчас я прочухаюсь. Ты давай-ка излагай, что у вас стряслось.

ВРАГ
на ОРБИТЕ

Тема «звездных войн» всегда была большой редкостью в советской фантастике. Ее расцвет пришелся на 1920-е годы. И это понятно, ведь писатели того времени не только принимали участие в военных действиях (Первая мировая и Гражданская), но и жили в ожидании новой войны — за победу Мировой революции.

Можно вспомнить произведения Виктора Гончарова «Психо-машина» (1924) и «Межпланетный путешественник» (1924), в которых описаны межзвездные войны, или роман Николая Муханова «Пылающие бездны» (1924), в котором описана космическая война между Землей и Марсом.

После Великой Отечественной, благодаря усилиям Ивана Ефремова, восторжествовало мнение, что войн в космосе не будет, поскольку все цивилизации перед началом космической экспансии должны достигнуть высшей общественной формации, то есть коммунизма. Подразумевалось, что коммунисты друг с другом не воюют. Тем не менее, когда в США была принята к разработке программа СОИ, названная в прессе программой «звездных войн», в советских журналах и сборниках снова начали появляться небольшие и совершенно корявые рассказы, в том или ином виде критикующие эту программу, — читая их, можно было подумать, что у нас самих никогда не было военных космических проектов (хотя на самом-то деле вся советская космонавтика с момента ее рождения курировалась Министерством обороны).

В период разрушения стереотипов, обусловленный падением СССР, идея о мирном сосуществовании в космосе была

быстро похоронена. Значительное влияние на этот процесс оказало бурное проникновение на книжный рынок англоязычной фантастики, в частности — «звездной оперы». В качестве образца российские фантасты взяли далеко не шедевры, а потому тема реальных военных разработок в космической сфере осталась без внимания и художественного осмысления.

Положение несколько улучшилось в начале XXI века. Взять хотя бы выход такого романа, как «Лунный вариант» Федора Березина (2004).

В разделе «Враг на орбите» представлены два рассказа, связанные общей и довольно необычной историей появления на свет. Один петербургский научно-популярный журнал (назовем его, допустим, «НС») заказал фантасту и популяризатору космонавтики Антону Ивановичу Первушину фантастический рассказ на произвольную тему, но «чтобы было про орбитальные войны». Первушин написал этот рассказ, озаглавив его «Выступление космонавта Комарова в сельском клубе» и снабдив небольшой статьёй с кратким пересказом истории реальной военной космонавтики. Рассказ в том виде, в каком он был представлен в журнал, главреда не устроил, и со схожей просьбой сотрудники «НС» обратились к известному петербургскому писателю Андрею Наримановичу Измайлову, который, воспользовавшись научно-популярной книжкой вышеупомянутого Первушина, написал свой вариант войны на орбитах под названием «Наш ответ Чемберлену». Но и этот вариант не устроил редакцию. В результате эти два рассказа были отпущены в «свободное плавание» и были позднее опубликованы в журналах и сборниках.

Представляем их здесь именно в том виде, в каком они были написаны. Четко прослеживается разница во взглядах двух авторов на недавнюю историю. Антон Первушин возлагает вину за гипотетическое боевое столкновение на околоземной орбите в равной степени на обе стороны: СССР и США, — но утверждает, что такая война способствовала бы прогрессу, избавив планету от многих бед. Андрей Измайлов более категоричен: он считает, что если бы такая война началась, то ее инициатором стал бы Советский Союз. Так или иначе, но эти два рассказа — первые ласточки новой российской фантастики, оперирующей реально существовав-

шими или существующими на сегодняшний день космическими технологиями.

Рассказ популярного харьковского писателя Алексея Бессонова «Возвращение в красном» (2003) стоит в этом разделе особняком. Перед нами небольшая изящная вариация на классические темы американской «звездной оперы», однако здесь нет супергероев или богов-императоров. Таким образом автор пытается «очеловечить» откровенно эскапистский поджанр, приблизив его к нам и к нашим проблемам. «Возвращение в красном» — это рассказ о том, как мир (и в смысле отсутствие войны, и в смысле Вселенная) возвращает любовь. А значит, смерти нет — космос даст нам надежду на возрождение...

АНТОН ПЕРВУШИН

Выступление космонавта Комарова в сельском клубе

Антон Первушин родился 27 мая 1970 года в городе Иванове. Среднюю школу закончил в 1987 году в Мурманске. В 1988 году поступил на кафедру турбиностроения энергомашиностроительного факультета Ленинградского политехнического института. Фантастикой занимается с 1986 года. Стал победителем викторины «Фантастика под микроскопом» журнала «Уральский следопыт». Дебютировал рассказом «Иванушка и автомат» (журнал «Измерение-Ф». 1990. № 2). В настоящий момент профессиональный литератор. Автор научно-фантастических и приключенческих романов, а также публицистических книг, посвященных истории космонавтики и истории оккультизма. Лауреат премий «Звездный мост», «Еврокон», премии имени А. Беляева, Международной премии имени А. и Б. Стругацких и ряда других. С 1997 года — действительный член семинара Бориса Стругацкого.

КАК ЭТО МОГЛО БЫТЬ

— Это здесь, товарищ генерал-майор, — сказал сопровождающий офицер, и водитель сразу затормозил.

... «Волга» остановилась у большого бревенчатого дома, стены которого почернели от времени и дождей, а крыша местами прохудилась, обнажив дранку. Над входной дверью была прибита доска с надписью: «КЛУБ».

Сопровождающий офицер первым выбрался из машины, обошел «Волгу» и предупредительно распахнул дверцу со стороны старшего по званию. Комаров тяжело вздохнул и полез наружу, ступив начищенным сапогом в грязь.

Из-за угла клуба выглядывали дети. Им явно очень хотелось подойти и поговорить с самым настоящим космонавтом, но они, воспитанные в строгих правилах русской деревни, не репались этого сделать и только пугливо глядели, как невысокий генерал в огромной фуражке и кожаном плаще выбирался из черной блестящей машины —

вроде той, на которой ездят «большие начальники» из райцентра.

Комаров снова вздохнул, но улынулся и поманил детей пальцем. Не все рискнули преодолеть стеснительность — к машине подошли четверо: три мальчика лет по двенадцать-тринадцать и совсем маленькая девочка, которую один из пацанов вел за руку, — наверное, сестра. Одеты все четверо были бедно, но добротно. При том выглядели вполне здоровыми и сытыми, а уж Комаров в войну насмотрелся на отошавших до сипевы детей и знал, чего на самом деле стоит и эта сытость, и ухоженность.

Вперед выступил один из мальчуганов — вихрастый и краснощекий.

— Разрешите обратиться, товарищ генерал-майор? — спросил он звонким голосом, встав по стойке «смирно».

Комаров чуть не рассмеялся от неожиданности. И с удивлением про себя отметил, что настроение, напрочь испорченное долгой поездкой, бездорожьем, осенней хмарью и слякотью, постепенно улучшается.

— Обращайтесь, — дозволил он пацану.

Но паренек отчаянно заволновался и нарушил правила игры:

— А вы ведь космонавт... дяденька... товарищ генерал? Космонавт, правда ведь?

— Космонавт, он самый, — кивнул Комаров.

— А кто вы? — задал уточняющий вопрос подросток.

— Летчик-космонавт Комаров. Владимир Михайлович.

Мальчишка отступил к сверстникам, и они зашептались, поглядывая на Комарова с нескрываемым обожанием. Затем вихрастый вернулся на исходную позицию и сказал важно:

— Это вы управляли «Звездой-7», а потом — «Звездой-9»? И вы летали на «Алмаз-1»?

— Я, — не стал отрицать своих заслуг Комаров.

Тем временем дверь клуба распахнулась, и крыльцо быстро заполнилось народом. Навстречу гостям двинулись председатель местного сельсовета в выходном костюме с орденскими планками и девушка в русском национальном сарафане при кокошнике. На вытянутых руках девушка удерживала поднос: хлеб, соль, стопарик водки. Комаров пожалел девушку: было

хорошо видно, что она мерзнет на холодном сыром ветру, да и ступать по жидкой грязи в маленьких сапожках вряд ли доставляло ей удовольствие.

Впрочем, сначала нужно было подумать о мальчишках. Комаров сунул руку в карман плаща и вытащил горсть сувениров. Издалека каждую из этих безделушек можно было принять за патрон от автомата Калашникова, однако на самом деле то были миниатюрные модели космических кораблей, выточенные из «космической» стали умельцами Куйбышевского завода. Пока председатель и девушка приближались, Комаров роздал ракеты пацанам и попрощался с ними так:

— Бывайте, орлы! Захотите стать космонавтами — милости просим в Звездный. А пока надо учиться. Неучей среди космонавтов не бывает.

— Так точно, товарищ генерал-майор! — вновь перешел на язык устава вихрастый; глаза его сияли.

Сопровождающий офицер кашлянул, и Комаров переключился на председателя сельсовета. Сердечно пожал его мозолистую руку, поинтересовался делами и здоровьем. Потом пришлось выпить водки и закусить ломтем теплого хлеба.

— Призывники ждут, — сообщил председатель. — Пожалуйте, товарищ генерал.

— Не надо так, товарищ председатель, — поморщился Комаров. — Я же моложе вас. Называйте меня просто Владимиром.

— Не могу, товарищ генерал, — отозвался председатель, пряча глаза. — Никак не могу.

— Воля ваша, — согласился Комаров и двинулся к дому.

Люди на крыльце смотрели на него во все глаза: кто с удивлением, кто с любопытством, кто с обожанием. Многие улыбались. Комаров, не задерживаясь, прошел прямо в клуб.

Внутри было тепло, почти жарко. В большой комнате стояли лавки и высилась импровизированная трибуна. На лавках тоже сидели мальчишки, но постарше — в возрасте от семнадцати до двадцати. Было тут человек сорок, и Комаров понял, что «призывников» собирали со всех окрестных деревень. При появлении генерала-космонавта общий гомон стих, и «призывники», как один, поднялись на ноги.

— Садитесь, товарищи, — сказал тот и прошествовал к трибуне.

Краем глаза он заметил, что сопровождающий офицер не последовал за ним, а остался у входа, прислонился плечом к косяку.

Комаров повернулся лицом к собранию и взгляделся в лица сидящих перед ним молодых людей. В который уже раз перед ним стояла непростая задача: он должен был найти контакт с этой аудиторией и как можно более понятно объяснить ей, почему так неотвратимо изменилась жизнь в стране и почему большинству из этих здоровых и уверенных в себе ребят никогда не придется служить в армии. А еще он должен рассказать, что такого особенного в этой космонавтике и почему лучшие люди страны отдают ей все свои силы и всю свою жизнь. Для детей, которые встретили его на улице и получили за это заслуженные сувениры из космической стали, таких вопросов просто не существовало, но в зале сельского клуба собрались те, кому в скором времени предстояло сделать самый главный выбор в жизни — определить путь, по которому идти, а в этот период человек очень подвержен чужому влиянию и сиюминутным порывам.

Что же им рассказать? Как начать?..

...Может быть, рассказать, как прекрасен в космосе солнечный восход? Корабль движется по орбите быстро, и в течение рабочих суток можно успеть многократно полюбоваться этим незабываемым зрелищем. Огненно-красный диск начинает подниматься над горизонтом, спектральные полосы расстилаются по темно-фиолетовому краю, а над Солнцем на короткое мгновение вспыхивает необычайный по красоте ореол, напоминающий по форме русский кокошник. Еще несколько секунд — и Солнце становится золотым, и в его лучах отливают позолотой восьмиметровые колонны орбитальных боевых кораблей, в тесных кабинах которых сидят твои друзья...

...А может, рассказать о напряжении старта? Словно струна, натянут каждый нерв, секунды становятся текучими, замедленными до умоисступления, а предстартовый отсчет доносится будто бы из далекого далека — с другой планеты или со звезды:

«Пять... Четыре... Три... Два... Один...»

Медики советуют в эти минуты «расслабиться и получать удовольствие», но, наверное, это невозможно. Потому что впереди не просто еще один полет в космос, впереди — бой!

«Пуск!» — произносит наконец «стреляющий».

«Поехали», — шелчут привычно губы.

Полковник аэрокосмических сил Владимир Комаров не может видеть лица своего напарника по этому полету — подполковника Бориса Белоусова, сидящего сзади, но знает твердо: напарник тоже шелкнул эту фразу, ставшую в отряде космонавтов традиционной с подачи начальника летной подготовки Марка Галлая.

Перегрузка возрастает, вдавливая в кресло. Поле зрения сужается, перед глазами стелется дымка, сердце отчаянно бьется в груди, проталкивая по венам враз потяжелевшую кровь. Однако первейшая обязанность командира экипажа — контролировать все этапы полета, не отвлекаться на трудности и частности и поддерживать связь с пультуовой Центра управления полетами.

«„Звезда-9“, время — семьдесят, — сквозь треск сильнейших помех доносится голос с Зсмли. — Как чувствуете себя? Прием».

«Понял вас, — отвечает Комаров. — Время — семьдесят. Чувствуем себя отлично. Вибрация и перегрузки в норме. Продолжаем полет».

Оттикало еще десять секунд. Шум от работы двигателей усиливается, а вибрация разом прекращается. Это отделилась первая ступень ракеты-носителя. Нужно доложить.

«„Заря“, я „Звезда-9“. Закончила работу первая ступень. Полет продолжается нормально. Прием».

На третьей минуте полета с громким характерным шелчком срабатывает система сброса головного обтекателя. В иллюминатор корабля брызжет яркий солнечный свет.

«„Звезда-9“, сброшен конус, — информирует ЦУП. — Все нормально. Как ваше самочувствие? Прием».

«„Заря“, я „Звезда-9“. Сброс прошел хорошо. Самочувствие отличное. Присм».

Ложемент командира экипажа в космическом корабле класса «Звезда» располагается не так, как на классических

«Востоках», «Восходах» или «Союзах». Чтобы увидеть Землю, Комарову пришлось бы отстегнуть привязные ремни, встать и подобраться к иллюминатору. Однако делать этого, пока не отработали вторая и третья ступени, не стоило — можно переломать кости. Впрочем, полковник и так хорошо представлял себе, как выглядит планета. Высота еще относительно невелика, а значит, вид Земли мало отличается от того, какой можно увидеть с борта реактивного истребителя — сине-зеленая поверхность, складки местности, реки, белые и аккуратные прямоугольнички городов.

На девятой минуте полета раздастся резкий отрывистый звук — сработали пиропатроны, отстрелив третью ступень ракеты, а значит, корабль вышел на орбиту. Теперь можно вздохнуть полной грудью и дожидаться, когда со своих площадок в Тюратаме стартуют «Звезда-10» и «Звезда-11»...

...А может, рассказать о спрессованных до предела минутах космического боя? Свора космопланов класса «Дайна-Сор» выходит на обратную приполярную орбиту, чтобы уничтожить автономную платформу «Ураган», несущую на себе шесть ракет с термоядерными боеголовками. Но разведка успела вовремя сообщить о готовящейся операции, и на перехват истребителей устремляются три «Звезды». На борту этих изящных космических кораблей, спроектированных в бюро Дмитрия Козлова, находятся по паре пилотов — итого в перехвате участвуют шестеро. Из них двое — новички, впервые вышедшие в космос. Это противоречило существующей инструкции, однако у командования аэрокосмических сил не оставалось другого выхода — «потенциальный противник» нагледел день ото дня, и за участвовавшими в последнее время катастрофами на околоземных орбитах чувствовалась злонамеренная деятельность. Чашу терпения переполнила ничем не спровоцированная атака на орбитальный танкер, обслуживающий запуски в поддержку постоянной научной базы на Луне. На высшем правительственном уровне было постановлено: подобные акции отныне должны встречать самый решительный отпор. Но в последний момент оказалось, что не хватает подготовленных экипажей, и в бой вместе со стариками пошли новички...

Корабли летят наперехват; они наводятся на вражеские космопланы с помощью радиолокационных пеленгаторов;

источником электроэнергии для них служат термогенераторы на плутонии, а маршевые двигатели на перекиси водорода позволяют свободно маневрировать и ускоряться при необходимости. Единственным оружием космических кораблей класса «Звезда» является пушка НР-23, ее двадцатитрехмиллиметровые снаряды способны поражать цель на расстоянии прямой видимости, а видимость в космосе преотличная.

Полковник аэрокосмических сил Владимир Комаров, выполняющий обязанности ведущего в группе, пытается связаться с вражескими истребителями на УКВ-частоте в 121,75 мегагерц. На хорошем английском он предупреждает пилотов «Дайна-Сор», что если они приблизятся к автономной платформе на расстояние десяти километров, то будут уничтожены. При этом Комаров чувствует, как намочка хлопчатобумажная рубашка под полетным костюмом, а голос становится хриплым и слова чужого языка даются с трудом. Противник продолжает сохранять радиомолчание и на полной скорости входит в зону отчуждения. Белоусов без приказа поворачивает «Звезду», удерживая передовой космоплан в перекрестии прицела, и тогда Комаров, поколебавшись всего мгновение, нажимает спусковую скобу. Пушка выплевывает двухсотграммовые снаряды, и они на скорости семисот метров в секунду устремляются к цели. Маршевым двигателям приходится выдать компенсирующий импульс, чтобы стабилизировать корабль после выстрела. А Комаров продолжает напряженно следить за экраном радиолокатора — визуально попадание снарядов и степень повреждения корабля противника не определишь: в космосе нет привычных нам взрывов с ярким пламенем, столбом черного дыма и оглушительным грохотом. Но цель явно сошла с курса, и от нее отделились объекты поменьше — значит, есть попадание и кто-то уже никогда не увидит восхода Солнца...

Потом были и другие схватки. Разведывательный рейд к одной из вражеских орбитальных станций «МОЛ» едва не закончился гибелью «Союза» со всем экипажем — пришлось выручать ребят. Ответный визит боевых «Блю-Джемини» к «Алмазу-1» обошелся обеим сторонам в потерю десятка пилотируемых кораблей. Хотя его корабль был в числе подбитых, Комарову удалось выжить в выморожен-

ном аду космического пространства, но порой он жалел об этом — особенно когда приходилось встречаться с женами и матерями пилотов, навсегда оставшихся там, наверху...

Нет, наверное, об этом не следовало говорить молодежи. Эти мальчишки еще успеют познать и радость побед, и горечь утрат... Успеют...

Пока Комаров размышлял, выбирая тему для разговора, в клубе стало тесно от подошедших посмотреть и послушать сельчан. Десятки глаз были устремлены на генерала-майора, и он понял, что момент настал.

— Друзья мои, — начал он, — один умный человек как-то сказал: «Существа, которые не осваивают космос, ничем не отличаются от животных». Это утверждение очень категорично, и с ним можно спорить, но несомненным представляется одно — человек должен летать в космос, потому что такова природа человеческого разума. Мы, граждане Советского Союза, первыми поняли это и находимся теперь в авангарде космической экспансии. Сначала Юрий Гагарин проложил дорогу на орбиту; затем Алексей Леонов первым высадился на Луну; скоро мы полетим на Марс, чтобы увидеть вблизи марсианские каналы и, может быть, познакомиться с жителями этой загадочной планеты. Нас ждет увлекательное будущее... — Комаров откашлялся в кулак, перевел дыхание и продолжил: — Однако для осуществления всего этого нам пришлось от многого отказаться. Мы продемонстрировали всему миру свою готовность к добрососедским отношениям, мы до предела сократили свою сухопутную армию и флот. На высвободившиеся средства мы построили аэрокосмический флот, который дал нам возможность не только осваивать межпланетное пространство, но и защищать себя в случае атаки. А такие атаки, как вы знаете, уже были и, наверное, еще будут. Кое-кто на Западе считает наши космические устремления претензией на «мировое господство». Это неправда. Мы готовы сотрудничать на Земле и в космосе, но нам пытаются навязать не сотрудничество, а гонку... — Комаров сделал паузу. — Что я хочу сказать? Я прекрасно знаю, что многие из вас мечтают послужить Родине в рядах Вооруженных сил. Но наша современная армия не такая, как прежде. Ей больше не нужны

миллионы солдат в шинелях и с автоматами, не нужны тысячи танков и боевых машин, не нужны сотни крейсеров и подводных лодок. Аэрокосмические силы вполне способны охранить Родину от вражеского нашествия, но служить в аэрокосмических силах должны высокообразованные и специально подготовленные люди. Чтобы служить в современной армии, нужно не только закончить среднюю школу, но еще от четырех до шести лет провести в академии. И даже после этого нет гарантии, что вы будете зачислены в состав Вооруженных сил, — конкурс очень велик и отбирают лучших из лучших... По этой причине я призываю вас задуматься, прежде чем подавать заявление о зачислении, — вполне может оказаться, что вам не хватит сил и воли, чтобы стать когда-нибудь пилотами космических кораблей. Но при этом я призываю вас помнить, что все специальности хороши; вся страна работает на нашу космонавтику, а это означает, что на любом месте любой из вас уже участвует в освоении космоса, вносит свой посильный вклад и подготовку экспедиции на Марс, и в защиту страны... А теперь я расскажу вам, какой замечательный межпланетный корабль мы строим на орбите...

* * *

Уехали затемно. После «лекции» Комарова и его спутников пригласили за стол и накормили до отвала. Когда поселок скрылся за поворотом, сопровождающий офицер наклонился к Комарову и тихо спросил:

— Товарищ генерал-майор, вы и вправду считаете, что все мы работаем на космос?

Комаров вдруг поскурился, нахмурился, но ответил:

— Да, я так считаю. Иначе всё, чем мы жили, зря...

ИСТОРИЯ ОРБИТАЛЬНЫХ ВОЙН. КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

Уже в те времена, когда вся космонавтика сводилась к обсуждению формул и идей, а первые ракеты, шипя и плюясь огнем, с трудом отрывались от земли, чтобы тут же

упасть обратно, многим было ясно, что этот новый вид человеческой деятельности будет неразрывно связан с военным делом. К сожалению, ожидания эти оправдались в полной мере. Страшные ракеты «Фау-2», которыми нацисты обстреливали Лондон, появились на свет как продукт псевдинных мечтаний группы немецких инженеров — энтузиастов идеи межпланетных полетов. После победы союзников по антигитлеровской коалиции эти ракеты вместе с чертежами и теми, кто их делал, оказались в руках Советского Союза и США и практически сразу были использованы для войны. Предложение британцев создать на основе «Фау-2» космический корабль для полета на Луну просто проигнорировали, а все усилия конструкторов-ракетчиков были направлены на то, чтобы воспроизвести успех инженеров Третьего рейха и поставить ракеты на вооружение в качестве носителей боевых (и прежде всего атомных) зарядов.

Вся современная космонавтика тоже выросла из боевых ракет. Например, знаменитая «семерка» (ракета «Р-7», созданная под руководством Сергея Королева), с помощью которой наши ученые запустили первый спутник, вымпел — на Луну и Юрия Гагарина — на орбиту, изначально предназначалась для решения куда менее мирной задачи — доставить атомную боеголовку до Вашингтона или Нью-Йорка.

Однако то, что было понятно специалистам, стало всеобщим достоянием лишь 4 октября 1957 года, когда маленький серббристый шарик с четырьмя антеннами пролетел над планетой по круговой орбите. Мы, жители России, привыкли воспринимать запуск первого искусственного спутника Земли как триумф научной мысли и достижение всего человечества. Совсем по-другому его восприняли на Западе.

Признанный мастер «литературы ужасов» Стивен Кинг в одной из своих книг признается, что самым сильным страхом в его жизни был именно страх перед советским спутником. В тот октябрьский день русские показались ему завоевателями с Марса, которые запустили свою «летающую тарелку» над Америкой, чтобы уничтожить его родину. Этот же страх породил в США волну публикаций, в которых красочно расписывалась угроза появления на орбите советских «орбитальных боеголовок». И в первые дни октября 1957 года особо

горячие головы из Пентагона предложили «закрыть небо», то есть выбросить на орбитальные высоты толпы металлолома: шарики от подшипников, гвозди, стальную стружку, что привело бы к прекращению любых космических запусков. Однако расчеты показывали, что это очень дорогая затея с сомнительным исходом, а потому исследовательские лаборатории вооруженных сил США начали экспериментальные работы по созданию космических перехватчиков, способных сбивать вражеские спутники.

Уже 19 июня 1959 года американцы провели первое испытание ракеты «Балд Орион», которая была запущена с бомбардировщика «Б-52» и должна была поразить спутник «Эксплорер-6», к тому времени выработавший свой ресурс. Ракета прошла в четырех милях от цели. Это было преподнесено как первый успешный перехват спутника. Но последующие пуски не отличались высокой эффективностью, и работы над этой ракетой постепенно сошли на нет.

Понятно, что и советские военные не остались равнодушными к идее орбитального перехвата. Так, один из проектов практически повторял американские испытания 1959 года. А именно предполагалось создание небольшой ракеты, запускаемой с самолета с высоты около тридцати километров и несущей заряд около пятидесяти килограммов взрывчатки. Ракета должна была сблизиться с целью и взорваться не далее как в тридцати метрах от нее. Работы по этому проекту были начаты в 1961 году и продолжались до 1963 года. Однако летные испытания не позволили достигнуть тех результатов, на которые надеялись разработчики. Система наведения оказалась не настолько эффективной, как это было необходимо. Испытаний в космосе даже не стали проводить.

Следующий проект родился на волне той эйфории, которая царил в СССР в период первых полетов советских пилотов в космос. 13 сентября 1962 года, после совместного полета «Востока-3» и «Востока-4», когда эти маневрирующие орбитальные корабли за счет точности запуска удалось свести на расстояние пяти километров, Научно-техническая комиссия Генштаба заслушала доклады космонавтов Андрияна Николаева и Павла Поповича о военных возможностях кораблей «Восток». Вывод из докладов звучал так: «Че-

ловек способен выполнять в космосе все военные задачи, аналогичные задачам авиации (разведка, перехват, удар). Корабли „Восток“ можно приспособить к разведке, а для перехвата и удара необходимо срочно создавать новые, более совершенные космические корабли».

Такие корабли тем временем уже разрабатывались в конструкторском бюро ОКБ-1 Сергея Королева. На основе пилотируемого орбитального корабля «7К-ОК» («Союз») планировалось создать космический перехватчик — «7К-П» («Союз-П»), который должен был решать задачи осмотра и вывода из строя космических аппаратов противника.

Проект получил поддержку в лице военного руководства, поскольку уже были известны планы американцев о создании военной орбитальной станции «МОЛ», а маневрирующий космический перехватчик «Союз-П» был бы идеальным средством для борьбы с такими станциями.

Однако из-за общей перегруженности проектами ОКБ-1 пришлось отказаться от заманчивой военной программы. В 1964 году все материалы по «Союзу-П» были переданы в филиал № 3 ОКБ-1 при Куйбышевском авиазаводе «Прогресс». В то время филиал возглавлял ведущий конструктор Дмитрий Ильич Козлов. «Союз-П» был не единственной разработкой военного назначения, переданной в филиал. Здесь, в частности, создавались спутники фоторазведки «Зенит-2» и «Зенит-4».

Первоначально предполагалось, что «Союз-П» будет обеспечивать сближение корабля с вражеским космическим объектом и выход космонавтов в открытый космос с целью обследования объекта. Затем, в зависимости от результатов осмотра, космонавты либо выведут объект из строя путем механического воздействия, либо «снимут» его с орбиты, поместив в контейнер корабля.

По здравому размышлению от такого технически сложного и опасного для жизни космонавтов проекта отказались. В то время практически все советские спутники снабжались аварийной системой подрыва, страхующей его от захвата. Адекватных действий ожидали и от потенциального противника, потому резонно заключили, что при таком варианте космонавты могут стать жертвами мин-ловушек.

Теперь предполагалось создать корабль «Союз-ППК» («Пилотируемый перехватчик») на двух космонавтов, оснащенный восемью небольшими ракетами. Изменилась и схема действия системы. По-прежнему корабль должен был сблизиться с космическим аппаратом противника, но теперь космонавты не должны были покидать корабль, а визуально и с помощью бортовой аппаратуры обследовать объект и принять решение об его уничтожении. Если такое решение принималось, то корабль удалялся на расстояние километра от цели и расстреливал ее с помощью бортовых мини-ракет.

Ракеты класса «космос—космос» для этого перехватчика должно было делать оружейное КБ Шипунова. Аппарат представлял собой модификацию радиоуправляемого противотанкового снаряда, уходящего к цели на мощном маршевом двигателе и маневрирующего в космосе путем зажигания маленьких пороховых шашек, которыми была буквально утыкана его передняя часть. При подлете к вражескому объекту (например, к американскому спутнику-шпиону) по команде от радиовзрывателя боевая часть подрывалась, и ворох осколков на огромной скорости попадал в цель, уничтожая ее.

Помимо корабля-перехватчика «Союз-П» в филиале № 3 Дмитрия Козлова разрабатывались военные корабли «Союз-ВИ» («Военный исследователь») и «Союз-Р» («Разведчик»).

Проект корабля «7К-ВИ» («Союз-ВИ», «Звезда») появился во исполнение постановления ЦК КПСС и Совета Министров от 24 августа 1965 года, предписывающего ускорить работы по созданию военных орбитальных систем. За основу «Союза-ВИ», как и в предыдущих случаях, была принята конструкция орбитального корабля «Союз», но начинка и система управления сильно отличались. Конструкторы филиала № 3 обещали военным создать универсальный боевой корабль, который мог осуществлять визуальную разведку, фоторазведку, совершать маневры для сближения и уничтожения космических аппаратов врага.

Серьезные сбои в программе испытаний орбитального «Союза» заставили Козлова в начале 1967 года пересмотреть проект своего военного корабля. Новый космический корабль «Звезда» с экипажем из двух человек имел полную массу шесть тысяч семьсот килограммов и мог работать на

орбите в течение трех суток. Однако ракета-носитель «Союз» могла вывести на расчетную орбиту только шесть тысяч триста килограммов полезного груза. Пришлось дорабатывать и носитель — в результате появился проект новой модернизированной ракеты «Союз-М».

Проект очередного варианта комплекса «Союз-ВИ» был одобрен, правительство даже утвердило срок испытательного полета — конец 1968 года.

В корабле «Союз-ВИ» изменилось расположение основных модулей. Спускаемый аппарат располагался теперь на самом верху. Позади кресел экипажа имелся люк для доступа к цилиндрическому орбитальному отсеку, который был больше, чем по стандарту «Союза». В отличие от других модификаций, места экипажа располагались не в ряд, а друг за другом. Это позволило разместить приборы контроля и управления по боковым стенам капсулы. На спускаемом аппарате находилась авиационная пушка Нудельмана-Рихтера НР-23 — модификация хвостового орудия реактивного бомбардировщика «Ту-22», доработанная специально для стрельбы в вакууме. Для отработки этой пушки был построен динамический стенд — платформа на воздушных опорах. Испытания на стенде показали, что космонавт мог бы нацеливать космический корабль и пушку с минимальным расходом топлива.

В орбитальном модуле имелись различные приборы для наблюдения за Землей и околоземным пространством: оптические системы, радары, фотоаппараты. На внешней подвеске орбитального модуля были закреплены штанги с пеленгаторами, предназначенными для поиска вражеских объектов.

Еще одним новшеством, примененным на «Звезде», стала энергоустановка на базе изотопного реактора. Вначале Дмитрий Козлов рассматривал возможность использования солнечных батарей, но быстро отказался от этой идеи, поскольку хрупкие панели батарей делали корабль чрезвычайно уязвимым.

Уже в сентябре 1966 года была сформирована группа космонавтов, которым предстояло осваивать новый космический корабль. В нее вошли: Павел Попович, Алексей Губарев, Юрий Артюхин, Владимир Гуляев, Борис Белоусов

и Геннадий Колесников. Экипажи Попович—Колесников и Губарев—Белоусов должны были отправиться в космос первыми.

Однако на проект корабля «Союз-ВИ» ополчился Василий Мишин, пришедший на место Королева после смерти генерального, и ряд других ведущих конструкторов ОКБ-1 (ЦКБЭМ). Противники проекта утверждали, что нет смысла создавать столь сложную и дорогую модификацию уже существующего корабля «7К-ОК» («Союз»), если последний вполне способен справиться со всеми задачами, которые могут поставить перед ним военные. Другим аргументом стало то, что нельзя распылять силы и средства в ситуации, когда Советский Союз может утратить лидерство в «лунной гонке».

Был и еще один мотив. Конструктор Борис Черток пишет в своих мемуарах предельно откровенно: «Мы (ЦКБЭМ. — А. П.) не хотели терять монополию на пилотируемые полеты в космос».

Интрига сделала свое черное дело, и в декабре 1967 года проект военного космического корабля «Союз-ВИ» («Звезда») был закрыт. А разработки системы противоспутниковой обороны сосредоточились на создании беспилотных перехватчиков класса «ИС».

АНДРЕЙ ИЗМАЙЛОВ

Наш ответ Чемберлену

Альтернатива

Андрей Измайлов родился 5 июня 1953 года в Баку. Писатель, журналист, автор фантастических и детективных романов. Окончил факультет журналистики ЛГУ в 1981 году. Работал дезактиваторщиком на ЛАЭС, литконсультантом в Доме писателей, журналистом. Литературный дебют — повесть «Дело принципа» в газете «Балтийский луч» (г. Ломоносовск) в 1977 году. С 1979 года — член семинара Бориса Стругацкого. Большую известность приобрел в конце 1980-х годов как автор интеллектуальных триллеров. На Конгрессе писателей в Красноярске в 1995 году получил литературную премию «Самому читаемому автору».

*Все совпадения с реальными событиями
и реальными героями намеренны, но случайны.*

...Однако инженер Джеймс Чемберлен
выдвинул предложение использовать
«Джемини» в качестве лунного косми-
ческого корабля...

*Битва за звезды.
Космическое противостояние*

Мы никогда первыми не нападем. Но
наш удар может быть упреждающим.

Доктрина

ПРОЛОГ

См. эпилог.

1

- ...Шнурки сначала завяжи!
- А вот за это тем более! Выбирай -- одно из трех: или сразу извиняешься, или два раза по морде.
- Ну, извини.
- Не верю.

— Ну, еще раз извини.

— Снова не верю.

— Тыфу! Многоуважаемый Егор Алексеевич! Товарищ Гариин! Полковник Бобович нижайше просит прощения за невинный намек, который вами, первым и единственным, истолкован как неуместный! Удовлетворен? Хоть частично? Гош?

— Вот другое дело! Верю, Вик! Частично.

— Могу для полного удовлетворения... твоего... подползти на коленях, склонить повинную голову.

— Это вряд ли! В невесомости-то? Подползти?

— Ну, допустим, в невесомости и у тебя бы не получилось по морде мне дать. Тем более два раза! Я тебе не Губарь, и тут тебе не «Охотничий зал» в Звездном.

— Не понял!

— Да все ты понял, Гош!

— Нет, я не понял, откуда ты знаешь, что Губарь на меня попер в «Охотничьем зале». Нас тогда двое было в сортире, он и я.

— ...А из унитаза на него смотрели проницательные глаза майора Пронина. То бишь полковника Бобовича.

— Нет, кроме шуток!

— Кроме шуток? Вас двое было? Ты мне ничего не говорил. Значит?

— Что, тебе Губарь рассказал?

— Рассказал. Губарь. Мне.

— А еще кому?

— Вот подойдем к «Алмазу» — сам у него и спросишь. Без свидетелей. Я отвернусь. И Вольту отвлеку. И обещаю из унитаза не подглядывать.

— Плохо...

— Что?

— Все плохо! Если Губарь наябедничал кому-то еще, кроме тебя, не видать мне...

— Ну-ну?

— Да ладно, так...

— Так, да не так, Гош. Насчет вашей стычки в сортире Губарь никому не ябедничал. Тем более руководству.

— Никому?! А тебе?!

— Мне — потому что не ябедничал, а попросил через меня перед тобой извиниться. Ну стресс, минутное затмение, нервы, лишний стакан. Короче, извини. Губаря. Гош?

— А сам он не мог мне сказать? По-мужски! Почему через тебя?

— Когда? Он же сразу, через трос суток, — на Байконур, в ТКС, и — к «Алмазу». Вместе с Вольной.

— Ну да, ну да...

— Он больше не будет. Гош?

— Ладно, проехали.

— Он сказал «Проехали!» и махнул рукой...

— Вик-тор! Все-таки напрашиваясь?

— Шутка!

— Плохая шутка!

— Хуже, чем про шнурки?

— Да елки-палки!!! Не шнурки это были. Тесемка от кальсон вылезла!

— О, это, конечно, в корне меняет дело! Тесемка от кальсон — абсолютно иное!

— Виктор Степаныч, почему вы все меня так не любите?

— Да ты что, Егор Лексеич! Наоборот! Обожаем! Весь советский народ! От мала до велика! В едином порыве! И беспробудно пьем твое здоровье! Как Хрущ в Георгиевском зале: «Хочу выпить за первого нашего человека, поднявшегося в Космос и опустившегося там, где ему приказано!»

— Серьезно. Не про народ. Про наш отряд.

— Серьезно? Не про народ? Про отряд?.. А за что, Гош? Любить тебя — за что?.. Первый? Ну первый! Погрузили, как чурку с глазами, намалевали на лбу «СССР», запустили, потом встретили как *опустившегося там, где ему приказано*. Улыбочку, улыбочку!

— Я ведь мог тогда и не вернуться, Вик...

— Каждый из нашего отряда мог тогда не вернуться. Пусть номером вторым-третьим-четвертым. Гера, Толя, Анд-рон... я, в конце концов. Да что там! Саша Комарин на «Звезде» — не вернулся.

— Моя вина?!

— Никто тебя не вишит. Просто...

— Зависть?

— Н-не так. Досада. Легкая. В манере «на его месте мог быть я».

— На месте Комарина?

— Не юродствуй, Гош... Впрочем, по сути, мы на месте Комарина сейчас, на «Звезде».

— Тьфу-тьфу-тьфу.

— Брось! Дважды в одну воронку...

— Нет, если задаться целью...

— У нас ведь с тобой другая цель. Так, Гош?

— А то ж!

— Итак, цель — потенциальный противник, ракетоплан-перехватчик «Дайна-Сор-2».

— Почему?

— Гош?

— Почему потенциальный? Оч-чень даже кинетический!

— Угу, смешно.

— Не смешно.

— Не смешно, да. Попытаемся быть первыми, чтобы смеяться последними. Как-то они там, Губарь с Волиной, «орланы» наши...

— Думаю, сложно.

— Успеем, Гош?

— Должны, Вик..

— А что если...

2

— «Орлан-2», «Орлан-2»! Ответьте «Антею»! «Орлан-2»! Ответьте!!! «Орлан-2»! Ответьте «Антею»!

— Волина, оглох?! Алик!!! Ответь! Видишь, я занят! Я ж пленку проявляю! Ответь, ну! Это же ЦУП! ЦУП на связи! ЦУП, твою мать!

— Да тумблер заклинило, Костя, тумблер! Сейчас! Сейчас-сейчас... Вот! Уф!.. «Антей», «Антей»! Я — «Орлан-2», я — «Орлан-2»! Слышу вас хорошо, слышу вас хорошо!

— Да ты не слышь меня, майор, а докладывай! Это я тебя слушаю! Ну?! Докладывай!

— Есть! Мм... Значит, так... Тут такая петрушка... В общем, на первый взгляд всё паршиво, но если присмотреться...

— Вольна! Вернешься на Землю с «Алмаза» -- разжалую в сторожа! По периметру Байконура! И Губаря — до кучи!

— ...но если присмотреться, то так оно и есть.

— Вол-л-л-лына!!! Дай-ка Губаря!

— Виноват! Докладываю! Полковник Губарь занят про-
явкой пленки. Сейчас подойти не может. А то засветит. Тут интересная петрушка... «Антей», «Антей»! Слышишь меня? Кажется, мы их зафиксировали. Буквально с минуты на минуту *они* способны запустить «Джемини» к Луне. С последующей посадкой и высадкой... Ну понятно, да? Так что делайте что-нибудь, делайте.

— Это мы — делайте?! Это вы дслайте!!!

— Что?

-- Что-нибудь!

— Виноват, не понял!

— Так-к-к! Вольна, дай-ка все-таки Губаря!

— Я ж говорю, он...

— И это уже приказ!!!

— Есть!.. Губарь! Костя! Тебя...

— Я ж говорю, я...

-- А они говорят: и это уже приказ.

— Вот блин!.. Да, здесь «Орлан-2»! «Антей»?

— Костя, давай открытым текстом. Не до того! Это ЦУП, ЦУП!

— Понял я, понял, товарищ генерал.

— Значит, Костенька, родненький... Значит, вот ситуация... Нам звонили из... Тебе понятно, да? Нахмурь брови и пойми. *Брови*, понял, нет? Сказали, если на первом году после пятидесятилетия советской власти на Луне высадутся *астронавты*, а не *космонавты*, то... Понимаешь?

— Так точно, товарищ генерал!

— Пленку проявил?

— Почти.

— Ай, не важно уже! Но ты на сто процентов уверен, что *они* запускают свое... свой... к Луне, на Луну?

— На девяносто девять, товарищ генерал.

— Достаточно. Теперь послушай меня, сынок. Внимательно, Костенька, меня послушай. Ты же советский чело-

век! Была бы страна родная, и нету других... Понял меня, понял?

— Понял вас, понял!

— Значит, задача тебе, сынок! Следи! Следи за *ними*! Внимательно, Костенька, *внимательно*! И как только *они* будут пролетать мимо тебя... постарайся — *не мимо*. Понял меня, сынок, понял меня?

— Виноват, не понял вас, не понял.

— Постарайся понять! Ты не виноват. Во всем виноваты... а, черт с ним!.. евреи! По фамилии... ну?!

— Ну?..

— ...дслъ...

— ...ман! Понял вас, понял... Я вас правильно понял, «Антей»?

— Правильно, сынок, правильно. А дирижер — Рихтер! Такой... энергичный. Можно сказать скорострельный.

— Да понял я, понял!

— И молодец!.. И еще!

— Еще?

— В твоих интересах, Костенька... Сынок... Мы никогда первыми не падаем, но...

— Дальше знаю!

— Молодец! И постарайся. Чтобы, понимаешь, никаких... В смысле, они были первыми. То есть в смысле агрессии.

— Товарищ генерал, простите, какос вооружение на «Джемиши»?

— Никакого, никакого! Откуда нам знать?! Но что-то есть! Должно быть! Не может не быть!

— Понял вас, понял!

— И еще!

— Еще?!

— Олять в твоих интересах, *генерал-майор* Губарь! Не исключается, что они просчитали нашу реакцию. С мыса Кеннеди час назад совершен пуск ракетолапана-перехватчика «Дайна-Сор-2».

— Ох-ё!

— Вот тебе и ох-ё! Я о чем и толкую!

— И?

- Да по твою душу, по твою, сынок.
- А я? А как же я?! Скажи ему, Губарь!
- Отстань, Волына!
- Нет, пусти!.. Товарищ генерал! А я?!
- Слышу вас, *полковник* Волына, отчетливо слышу. Ну и вы, конечно. Тоже.
- Тоже — что?
- Тоже — всё!..
- Служу Советскому Союзу!!!
- Уж послужи, герой, послужи. Дай-ка снова Губаря... Костенька, ну ты *всё* понял?
- Нет.
- Что-о-о?!!
- Товарищ генерал, вы меня неправильно поняли. Я на данный момент не понял только одного...
- Слушаю тебя, «Орлан-2», слушаю.
- Если... *если* нас не грохнет «Дайна-Сор» до того, как мы с Волыной *постараемся* не пропустить «Джемини» к Луне, то... Кто потом, впоследствии, станет первым... на Луне?
- Мы!
- Мы — кто? Конкретней?
- Вы что, торгуетесь со мной, *рядовой*?
- Никак нет!
- То-то! И слýшай сюда, сынок! Сначала выполни поставленную задачу, а по возвращении мы... рассмотрим вопрос. Обещаю тебе, что буду за тебя. Слово офицера. Это во-первых. А во-вторых... Слушай сюда, сынок... Никакая «Дайна» вас не грохнет, понял? Мы им на перехват уже послали наш «Союз-ВИ»! Нашу «Звезду»! Вся аппаратура работает нормально! Ждите! Они уже на подлете! Они подстрахуют. В крайнем случае двумя ихними меньше, двумя *ихними*... меньше...
- Они — кто? Наша «Звезда» — кто? Состав экипажа? Товарищ генерал?
- Это так принципиально, сынок?
- Да!.. Волына, отстань! Мне терять нечего! Отстань, сказал! А по сопатке?! Ну, п-на!!! Гм... Да, товарищ генерал, так принципиально.

— Гм. Экипаж «Звезды» в составе... гм... боргинженера Виктора Бобовича и...

— ...командира корабля Егора Гарина. Нет?

— Сынок, видишь ли...

— Всё я вижу! А потом в перспективке он, Гоша наш Гарин, — не только первый в космосе, не только первый в отражении *ихней* агрессии, но и первый на Луне. Да?!

— Ты что, снова торгуешься, Костенька?

— Я думаю.

— Не о том! Не о том думаешь, сынок!

— И это всё о нем!

— А-а-атставить!!! Отставить думать! Думает он, мать твою ЦУП!!! Выполнять!

— Есть!

3

— ...И что если? Гош?

— А что если чуть скорректировать? И — не к нашей «Звезде», а — к *их* орбитальной! Что мы будем витки наматывать?! Их орбитальный «МОЛ» — ближе. Тут каждая секунда на счету, а тут совпадем с «МОЛ-ом» на час раньше, чем с нашим «Алмазом». А?

— И на кой нам?

— Элементарно! Берем *их* «МОЛ» на прицел и говорим: если вы — наших, то мы сразу — ваших!

— Блеф?

— Почему? По правде!.. Они же не посмеют тогда! Вик?

— Или посмеют.

— А мы тогда *им* по правде — ка-ак вдарим! Замолотим их «МОЛ» — мало не покажется!

— А много?

— Что — много?

— Много тебе не покажется, Гош?

— Объяснись.

— Вот только не надо! Сам ты себе всё объяснил. И сам с собой договорился. С кем проще всего договориться, так это с самим собой.

— Объяснись!

— Уверен, что хочешь этого?

— Уверен!

— Что ж... Предположим... Только предположим — мы берем на прицел орбитальный «МОЛ» в качестве ответной меры на то, что *они* взяли на прицел наш орбитальный «Алмаз». Действуем на нервы. Так?

— Так!

— Ну и... У *них* нервы сдают, и *они* все-таки бьют по «Алмазу». Как?

— А мы тогда в «МОЛ»! Прямой наводкой! Гори всё сишим...

— Всё — это и Губарь? И Волына?

— Да не посмеют они!

— Неужто?

— Мм...

— И еще одно, Гош. Небольшой такой нюанс. Когда и если *они* таки посмеют грохнуть наш «Алмаз» с нашими ребятами, тебе точно легче не станет... Стоп-стоп-стоп! Ты из ложементов не выпрыгивай — не в «Охотничьем зале», чай. Сидеть!!! Слушать!!! Так вот, Гош, пока мы тут на орбите друг дружку будем нечаянно или... чаянно... изничтожать, «Джемини» проскочит мимо и — благополучно прилунится. А?

— Еще вопрос, насколько благополучно!

— Не вопрос! Не вопрос, Гош. Главное — прилунится. Даже если «Джемини» вдруг не вернется с Луны, их президент изречет нечто вроде того, что... Мол, судьбе было угодно, чтобы представители человечества, которые стали первыми покорителями Луны, остались там навеки. Мол, эти двое мужественных астронавтов знают, что надежды на их спасение нет, но знают они и о том, что их жертва несет человечеству надежду. Мол, они жертвуют своей жизнью во имя самой благородной мечты человечества, во имя поиска истины и понимания. Мол, оплакивать их будут друзья и близкие, все народы мира и сама Земля, которая осмелилась послать их в неизвестность. Мол, своим подвигом они заставили людей всей планеты почувствовать свое единство и укрепили человеческое братство...

— Спиши слова, Вик!

— Так запомнишь! Тебе ж пригодятся, когда снова будешь первым — уже на Луне.

— Запо-о-омню! Ой, запо-омню! И припомню. Тебе.

— Слушай, Гарин! Не там ты ищешь врагов, где они есть. А там, где их нет.

— Поговори у меня, поговори!

— Эх! Вот смотрю сейчас на тебя и прихожу к выводу... А ты, оказывается, действительно не такой, как...

— Ну?! Как кто?! Говори, пу!

— Как все.

— Моя вина?!

— Вина? Нет. Беда...

— Семь бед — один ответ! Подпой-ка! «Время выбрало на-а-ас!»

— Извини, командир! Медведь на ухо наступил, слуха нет!

— Извиняю, бортинженер! Чего не дано, того не возьмешь!.. Теперь так! Слушай мою команду, полковник Бобович... Ракеты к бою! Сблизиться с противником на расстояние километра и уничтожить! Цель — ракетоплан-перехватчик «Дайна-Сор-2»!

— Есть, командир!.. Вижу!

— Вик?!

— Вижу! Это наши! Это «Алмаз»! Губарь, Волына!.. Там!

— Не то! Витя, не то!

— Не учи ученого, Гош! Сам знаю!

— Витя! Ну?! Где?! Где *они*?!

— Где-где! В... вот *они*! Вижу цель!.. Она! «Дайна»! Сво-лочь, с тыла к нашим подходит, с тыла! В спину, блин! Нашим никак не сманеврировать! Пушку не навести! Пикак! Ой, никак! Не успеют, Гош! Ой, нет!

— Витя, гаси ты *их*! Напрочь!

— Лексеич! Никак! Наши — на линии огня!

— Витя! Родной ты мой! А подпырнуть?!

— Как?! Как ракетой подпырнуть, Лексеич! Она ж дура! Она — по прямой!

— Витя! Витя!!! Не ракетой, Витя!!! Сами! Пошли! Нырнем. А?! Мимо наших! И — в *них*! Таран! Таран!

— Гоша?!

- Да, Витя! Да! *Они* ж сейчас пальнут!!! Витя!
- Да, Гоша! Да!
- Поехали!!!

* * *

Дальше — тишина.

4

Режиссер Джордж Лукас на премьере «Звездных войн»:

— Друзья мои! Вы, конечно, знаете, что звук в вакууме не распространяется. И я об этом знаю. И в космосе, даже если взрываются целые планеты, они при этом не бабахают. Так вот, у меня в фильме планеты, взрываясь, — бабахают!

* * *

Дальше — тишина...

* * *

Из рапорта полковника ВВС, Героя Советского Союза т. Губаря Константина Васильевича:

«...совместно с бортинженером, майором Волыной Альбертом Глебовичем на орбитальной станции „Алмаз“ выполняющая задачу по наблюдению и фиксированию в обычном и инфракрасном режиме земных объектов потенциального противника...

...отмеченного старта космического корабля „Джемини“ с мыса Кеннеди (США) 6 ноября 1968 года...

...приняв к исполнению команду, поступившую из ЦУПа, скорострельная пушка Нудельмана-Рихтера (НР-23) была нацелена экипажем „Алмаза“ на...

...ввиду того, что НР-23 предназначена только для отражения нападения, но никак не для нападения как такового, экипажу „Алмаза“ не удалось...

...став свидетелями столкновения в открытом космосе американского ракетоплана-перехватчика „Дайна-Сор-2“ и советского „Союза-ВИ“ („Звезда“), никак и ничем не могли...

...прошу принять рапорт об отставке и...»

* * *

6.11.68.

ТАСС уполномочен сообщить:

Очередной неудачей завершилась попытка американской военщины расширить сферу своего влияния теперь уже и на Луну. Широко разрекламированный проект «Джемини» потерпел полную неудачу. Космический аппарат с двумя астронавтами Джеймсом Олдрином и Робертом Чарффи на борту, как утверждают американские средства массовой информации, совершил успешную посадку в районе кратера Тихо. Но это обернулось настоящей трагедией для самих астронавтов, лишенных возможности вернуться обратно на Землю из-за недоработок в конструкции корабля.

Президент США выступил с речью, поражающей своим цинизмом и звериным оскалом. Вот что он сказал:

«Судьбе было угодно, чтобы представители человечества, которые стали первыми покорителями Луны, остались там навски. Эти двое мужественных людей знают, что надежды на их спасение нет, но знают они и о том, что их жертва несет человечеству надежду. Они жертвуют своей жизнью во имя самой благородной мечты человечества, во имя поиска истины и понимания. Оплакивать их будут друзья и близкие, все народы мира и сама Земли, которая осмелилась послать их в неизвестность. Своим подвигом они заставили людей всей планеты почувствовать свое единство и укрепили человеческое братство».

Слова президента — лишнее свидетельство тому, что в безнадежно проигранной Америкой гонке за лидерство в космосе она готова идти на любые жертвы. В том числе — человеческие. И даже если эти жертвы — из числа собственных граждан. Но и не только! Стоит отметить, что траектория полета «Джемини» к Луне проходила таким образом, что создалась реальная угроза столкновения американского космического аппарата с советской орбитальной станцией «Алмаз». Только благодаря самоотверженным и слаженным действиям космонавтов Константина Губаря и Альберта Волыны в последний момент удалось избежать...

5

...Доезжаешь от Москвы в электричке до станции «Циолковская». Там еще потом пройти чуток надо... И — Звездный городок!

Направо — Центр подготовки за тройным кордоном колючей проволоки. Там — тренажеры и все такое.

А налево — городок как городок. Точечные домики. Правда, в каждом подъезде — охрана. На то космонавты и народное достояние — беречь их надо.

В центре городка — памятник Королёву. Весь такой цветной металл, целеустремленно шагающий... Шагающий — к?.. Шагающий — от?..

Если — к... то ясно — к звездам.

Если — от... не менее ясно для старожилов: за спиной у Королева — цветмет — Музей космонавтики. Двухэтажный. На первом — непосредственно музей. На втором — «Охотничий зал»... Тот самый, да... Натуральный — с рогами, с мордами по стенам! Там «звездные братья» традиционно *отдыхают* перед подвигами и после!

А чем, собственно, *отдыхают*? Водку-то в Звездном не продают, нету ее!

Мм... Она есть, но... не продают. Мм... Она есть, и ее продают, но не везде! То есть ее — нигде. Но продают. (На заметку отрокам-энтузиастам, упорствующим с молодых ногтей: «Буду космонавтом!» Когда и если вы, отроки-энтузиасты, действительно станете, и вдруг вам в Звездном приспичит... идите в овощной магазин! Там — тетка за прилавком. Просто даste ей денег и произносите: «Вот вам денег!» В зависимости от количества денег и получаете! И не овощи!)

* * *

— Устал я что-то, парни!

— Ничего! Мы отдохнем, мы отдохнем! Ну? Давай еще по одной, Губарь?

— Мне хватит.

— А за Гошу?

— За Гошу? Паливайте! И за Витю...

— И за Витю, и за него! Слушай, Губарь, ну а вот так, между нами... что там у вас было?

— Где?

— Ну не в сортире же! Хоть теперь-то расскажи! Все ж свои, ну! И звезда с звездой говорит! Давай-давай! Как первый ступивший на Луну про первого шагнувшего в космос. Губарь, а?

* * *

Дальше — тишина.

ЭПИЛОГ

Сведения, почерпнутые из книги «Битва за звезды. Космическое противостояние» А. Первушина:

«Звезда», или «Союз-ВИ» (СССР).

Перехватчик, модифицированный «Союз». На спускаемом аппарате находилась авиационная пушка Нудельмана-Рихтера НР-23 — модификация хвостового орудия реактивного бомбардировщика «Ту-22», доработанная специально для стрельбы в вакууме. Наведение пушки осуществлялось маневрированием корабля. Испытания на стенде показали, что космонавт способен нацеливать космический корабль и пушку с минимальным расходом топлива. На внешней подвеске орбитального модуля закреплены штанги с пеленгаторами, предназначенными для поиска вражеских объектов.

«Однако на проект корабля „Союз-ВИ“ ополчился... и ряд ведущих конструкторов ОКБ-1. Противники проекта утверждали, что нет смысла создавать столь сложную и дорогую модификацию уже существующего корабля „7К-ОК“...»

«Дайна-Сор-2» (США).

Ракетоплан-перехватчик. Вооружен управляемыми ракетами. Экипаж — точно неизвестен, но не более двух человек.

«10 декабря 1963 года министр обороны Макнамара отменил финансирование программы „Дайна-Сор“ в пользу программы создания орбитальной станции „МОЛ“». (См.)

«Алмаз» (СССР).

Орбитальная станция. Экипаж — два человека. Станция работает с пристыкованным транспортным кораблем ТКС (крупнее «Союза-Т»). Задачи — наблюдение за Землей в видимом и инфракрасном диапазоне (спецбинокли), фотографирование и проявка пленок на борту, изучение космических объектов противника и (с выходом в открытый космос) уничтожение их или съем с орбиты. Для самообороны — скорострельная пушка Нудельмана. Наведение — всей станцией.

«В 1968 году уже появились макеты комплекса „Алмаз“ на заводе № 22 (ныне — завод имени Хруничева). Однако работы над приборным составом станции затянулись и...»

«МОЛ» (США).

Орбитальная станция. Экипаж — два человека. Задачи те же, что и у «Алмаза».

«В марте 1968 года был закончен и отправлен на статистические испытания основной блок станции „МОЛ“, однако в течение года было принято решение о полном сворачивании всех работ по программе...»

«Джемини-Центавр-ЛМ» (США).

Проект, предложенный Чемберленом и фирмой «Макдоннел», был намного дешевле аналогичного этапа, предусмотренного в рамках программы «Аполлон».

«Однако руководство НАСА предпочло не замечать инициативного конструктора, ведь схема прямого полета с использованием сверхтяжелого носителя получила одобрение на уровне президента...»

АЛЕКСЕЙ БЕССОНОВ

Возвращение в красном

Алексей Бессонов (настоящее имя Алексей Ена) родился 16 декабря 1971 года в Харькове в семье врачей. После службы в Вооруженных силах некоторое время работал в автомастерской, профессионально занимался рок-музыкой. Литературный дебют состоялся в 1996 году, когда в свет вышел роман «Маска власти». На настоящий момент — один из ведущих авторов так называемой «боевой фантастики». Живет в Санкт-Петербурге.

Десант благополучно высадился на заранее намеченный плацдарм — двоих рядовых и одного унтера санитары споро утащили в реанимацию с переломами позвоночника, а один молоденький лейтенант умудрился свернуть себе шею, с разбегу всунувшись в люк боевой машины, — «синие» лихо отстреляли «красных» и подготовили плацдарм к приему тяжелых кораблей, после чего все пошло как и положено, то есть по плану. Офицеры от капитана и выше достали из сапог контрабандные фляги со спиртом, пьянство очень скоро перешло в феерическую стадию, но летальных случаев не наблюдалось.

Откланявшись, отбыли посредники из союзных миров. Маневры закончились: командующий поставил свою размашистую подпись под резолюцией, приложил к идентификатору ладонь и поднял голову — крупный, слегка погрузневший вице-маршал с гренадерским черепом над левым карманом темно-зеленого кителя.

Он смотрел на наблюдателя от военно-космических сил, седого, с висячими усами, генерал-коммодора, который сидел, прихлебывая лимонад, в соседнем с ним переносном креслице.

Генерал встал: синий мундир липко облегал его ладную юношескую фигуру.

— Благодарю вас, ваша милость, — произнес он, склоняясь над почтительно придвинутым к нему штабным документом.

Росчерк пера; маршал вскочил и протянул старику широкую пухлую ладонь.

— Нас ждет ужин, ваша милость. — Маршал сверкнул глазами и с трудом подавил в себе желание облизнуться.

— Польщен, старина. — Теперь, после того как чернила легли на пластик тесным, трудноразборчивым узором, генерал позволил себе дружелюбную улыбку. — И чем же вы станете потчевать старика?

Коммодор был не тщедушен, а узок, словно вытянувшийся от долгой службы канат. Здороваясь со штабным офицером, он неизменно касался пальцами его плеча, и молодой здоровяк с аксельбантским шнуром тянулся в нитку, испытывая страстное желание пасть ниц перед этим стариком с Рыцарским крестом на небрежно завязанном узле черного форменного галстука.

Даже фуражка всегда сидела на нем как-то криво, фатовски, будто бы сдернутая ветром и небрежно водруженная на место.

В нескольких метрах от серебристого пенного блока штабного узла уже был накрыт стол. Слабый ветерок гнул бирюзовую траву — то был новый, недавно открытый мир, и вокруг штаба охрана рассыпала цепь силовых эмиттеров, отсекающих наружу все живое. Впрочем, генераторы уже готовились отключить. Энергорота сворачивалась, теперь на ее место заступали обычные караульные, а биологи клялись, что опасных насекомых здесь нет в принципе.

В прохладном, наполненном травяными ароматами воздухе витал запах жарящегося на огне мяса. Четверо поваров в белых халатах поверх формы колдовали над вертелами и мангалами, еще несколько их коллег поспешно проверяли, все ли приборы стоят там, где положено.

Офицеры, потягиваясь и перешучиваясь, высыпали на скошенную поляну. Под высокими ботфортами штабных хрустнули чужие камешки: поплыл сигарный дымок, и вице-маршал, улыбаясь, махнул рукой, призывая всех к столу.

Адъютант подвел генерала к столу под правую руку командующего, но маршал вдруг замялся, глядя на старика в синем: тот мягко улыбнулся, обвел глазами стоящих у стола офицеров и разомкнул узкие губы:

— Прошу... леди и джентльмены.

Адъютант ловко поправил за ним стул. Гомон возобновился. Маршал налил наблюдателю полную рюмку виски и постучал по своему бокалу вилкой.

Шум стих — командующий, враз посерьезнев, встал, вроде бы нечаянно стукнул ножнами меча по столешнице и каплянул.

— Первый тост — за нашего уважаемого гостя!..

Командир отдельного дивизиона атмосферных машин, сидевший на противоположном конце стола, неожиданно поморщился. Вчера, после окончания учебно-босвых действий, старик вдруг попросил у него целую роту наблюдательных катеров и, прихватив с собой старшего офицера связи, умчался в неизвестном направлении. После десяти часов отсутствия связист рассказал ему, что они наvertели бесчисленное количество витков вокруг планеты, разыскивая обломки какого-то старинного корабля. Ни обломков, ни вообще каких-либо следов катастрофы найдено не было, но вежливый старикашка заморил экипажи до такой степени, что люди едва добрались до своих коек. Не иначе, решил «атмосферник», он связан с флотской разведкой, а все эти маневры всего лишь ширма... настроения эта мысль ему не прибавила.

Выпивка привела штабных в приятное расположение духа, и поданный к столу шаплык был встречен одобрительным ревом. Седой генерал вполголоса разговаривал с командующим, сидящий напротив него начальник штаба от нечего делать рассматривал красивые руки главного энергетика — крупной, немного флегматичной блондинки, а фланги давно уже перестали обращать внимание на начальство и погрузились в размышления по поводу предполагаемых отпусков. Кто-то визгливо толковал о политике.

Неожиданно взгляд начштаба сосредоточился на лаково-черном кресте, висевшем чуть ниже левого кармана флотского старца.

— Ваша милость, — начал он, видя, что тот умолк и задумчиво глядит куда-то вдаль, — я вижу, вы участвовали в Винийском побоище?

Коммодор недоумевающе взмахнул ресницами, словно не понимая, о чем его спрашивают, потом вдруг опустил глаза.

— Это было так давно... — негромко произнес он.

— Чуть меньше ста лет тому, — услужливо подсказал начштаба. — Ваш крест...

— Да, вы, конечно, правы... понимаете ли, я тогда был совсем молод...

Начштаба встал и поднял свою рюмку:

— Имею честь предложить тост! За вас, генерал, за то мужество, которое...

— Ах, что вы, — взмахнул рукой коммодор. — С этим временем связано слишком многое...

Он умолк, проглотил свою порцию и в задумчивости повертел вилок с наколотым на нее куском мяса — но все сидящие рядом умолкли, поняв, что старик не просто переполнен своей памятью, нет, с черным крестом действительно связано нечто, во многом определившее всю его дальнейшую жизнь.

— Я командовал тактическим разведчиком. — Вилка мягко легла на тарелку, в зубах генерала сама собой возникла тонкая черная сигара, и командующий поспешил поднести ему зажигалку. — Это были малюпкие кораблики, нас отстреливали от линкора-носителя, и мы лили — часто на верную смерть. Пять человек, стиснутые в крохотной, кое-как бронированной корбочке, мы не имели ни мощного оружия, ни моторов, способных унести нас от противника, — только аппаратура наблюдения и связи, ничего больше. Но — война: кто из нас выбирал?.. Я... мне было чуть больше двадцати, и у меня была она: мы росли с ней вместе, потом мы закончили одну и ту же академию и, так уж сложилось, получили назначение на один и тот же корабль. Она была моим штурманом: сейчас уже совершенно не важно, как ее звали... Я, знаете ли, не боюсь запутаться в событиях, я помню все так, словно это произошло вчера. Приблизительно в этом районе, может быть, в парсеке отсюда, ожидалась незначительная концентрация сил неприятеля. Знаете, как это бывает: аналитики предполагают... Цель казалась слишком заманчивой, и нам следовало проверить, насколько их домыслы похожи на реальность. В таких случаях, как вы понимаете, не очень принято думать о жертвах и потерях. Задача ставится — и все, тем более что бортиразведчик есть единица, расходуемая... изначально.

Генерал умолк и сам палил себе виски. Командующий и остальные слушатели поспешили сделать то же самое, но старик, по-видимому, не обращал на них ни малейшего внимания.

— Она была рыжая, даже, я бы сказал, красная: мутации Парадайз-Бэй, мы родились там, уже потом наши родители перебрались в другое место. В экипаже мы шутили, что ее необыкновенные волосы служат нам чем-то вроде талисмана. Удивительно — в ту прагматичную эпоху, очень далекую от сегодняшнего романтизма, мы не искали друг в друге выгоды, мы были друзьями... Боюсь, сегодня это понять нелегко, мы вернулись к стародавнему идеализму, а тогда, уж поверьте мне на слово, хорошенькие девушки гнались за контрольными пакетами акций, а не за лейтенантскими погонами.

Кто-то негромко фыркнул. Генерал с улыбкой посмотрел на светловолосую женщину-энергетика и пригубил из своей рюмки.

— Мы не просто любили друг друга — мы жили только в те минуты, когда оказывались вместе. Нет-нет, мы не давали никаких клятв, тогда они были не в ходу, но все прекрасно знали, что наши отношения... э-э-э... далеки от предписанных уставами. Как ни странно, мы совершили несколько весьма удачных вылетов, не получив ни единой царапины. Нас считали удачливым экипажем, постепенно мы и сами поверили в собственную неуязвимость. Мы надеялись, что пройдем всю войну без потерь... В тот день мы благополучно отстрелились и пошли к точке поиска. Операция была спланирована тщательно: нам следовало пройти на пределе разрешения поисковых систем, передать на борт лучшую информацию и немедленно возвращаться обратно. Но на войне самые лучшие планы часто превращаются в ничто: в точке поиска никого не оказалось, и мы получили приказ следовать к этой системе. Тогда она была еще не исследована, никто не знал даже точного количества планет. Спустя сутки мы вытормозились после сверхсветового броска и буквально через минуту были атакованы малым сторожевиком охраны. Мы отпрыгнулись: у нас были две легкие башни, и он слегка отошел, но следующим же залпом снес нам главную антенну. У нас была необходимая информация, однако передать ее мы не могли. Я понимал, что обязан вернуться на посетитель любой ценой, но...

Шум за столом постепенно стих, и офицеры, немного удивляясь сами себе, завороченно слушали ровный, лишенный эмоций голос генерала. Он рассказывал свою историю так, словно читал академическую лекцию — и в то же время громадная, странная для них сила его страсти заставляла штабных недоуменно щуриться, прислушиваясь к этому сухому, казалось бы, рассказу. Вокруг них едва слышно шумел травами ветер.

— Проблема заключалась в том, что на тактических разведчиках типа «Рифи» штурманский пост расположен в корме. Залп сторожевика уничтожил бортинженера и оператора систем наблюдения, вся средняя часть корабля была изуродована и перекручена, но мы с офицером информационного узла могли уйти и добраться до базы на отстреливаемой носовой части. Она оставалась в корме... В ее распоряжении находились двигатели и навигационное оборудование, но перейти на свёрхсвет она не смогла бы, так как залп сторожевика уничтожил главный генератор. Она могла двигаться в пределах этой самой системы и даже смогла бы сесть, — скорее всего используя спасательную аппаратуру, подала бы сигнал. Возникал вопрос: мог ли я бросить ее?

— Уйти вместе вы не могли? — тихо спросил командующий.

Генерал пожевал губами, потом опрокинул в рот остатки виски и взял тлеющую в пенальнице сигару.

— «Рифи» был устроен по-дурачки, — ответил он, не поднимая на гренадера глаз. — Я убил бы того, кто его сконструировал. Генератор!.. До носителя могла дойти только носовая часть, но у моей... у нас, видите ли, не было возможности туда пробиться. Я... — он глубоко вздохнул и провел рукой по лицу, — принял решение искать место для посадки. Тогда офицер обработки достал бластер и приставил его к моей голове. Я ударил его в висок, он отлетел в угол рубки и потерял сознание. И через секунду я услышал ее последние слова... а потом — толчок, она отстрелилась.

Командир дивизиона атмосферных машин ощутил, как на лбу у него выступили капли пота. Он незаметно сплюнул себе под ноги и, схватив ближайшую бутылку с коньяком, налил себе полную рюмку, а потом, убедившись в том, что

на него никто не смотрит, одним махом всунул коньяк себе в глотку. Через несколько секунд очертания командующего приобрели несвойственную им четкость, комдив моргнул и дал себе слово сегодня же ночью напиться по-настоящему.

— И что же она сказала вашей милости? — осторожно поинтересовался вице-маршал.

— А? — Генерал облизал губы и ответил ему своей обычной вежливой улыбкой. — Она сказала: «Ты пайдешь меня»...

— И что же, ее не искали? — удивилась блондинка-энергетик.

— Тогда не искали даже генералов, кто ж стал бы искать какого-то лейтенанта... Мой офицер обработки выжил, но не сказал ни слова: эта история забылась, и я...

Над столом повисло молчание. Некоторое время штабные сидели как истуканы, пораженные только что рассказанной драмой — сухой и короткой, однако же потрясшей их до того, что хмель неожиданно ушел, оставив после себя лишь тяжесть в сердце, — а потом генерал как ни в чем не бывало подлил командующему виски, и они опять тихонько заговорили о каких-то своих делах. Повара подали нескольких поросят, выпивки было достаточно, кто-то уже принялся целовать хохочущих дам, посреди стола икотно цитировали Мольтку, а далекое солнце разлило над бирюзовой стеной спелую закатную медь. Небо приобрело удивительный, непривычный глазу лиловый оттенок, и вряд ли кто различил в нем небольшую тень, кругами снижающуюся над серебряным куполом командной временки. Начальник штаба спохватился только тогда, когда над столом промелькнуло ярко-красное пятно и довольно крупная птица с красивым, отливающим золотым блеском алым оперением неожиданно уселась на левое плечо генерал-коммодора. Начштаба вскинул бластер, но генерал вдруг предупреждающе поднял руку.

Птица наклонила свою изящную, украшенную черным хохлом голову к его уху и мелодично промурлыкала что-то. Командующий замер с рюмкой в руке — он смотрел на старика-генерала и видел, как разглаживаются лучики морщинок, разбегающиеся от его светлых, как у ребенка, глаз.

— Это... ты? — прошептал генерал, осторожно касаясь оранжево-красного крыла.

НАШИ
В КОСМОСЕ

В разделе «Наши в космосе» собраны преимущественно юмористические рассказы.

Дело в том, что в условиях масштабной космической экспансии наши приземленные представления неизбежно будут изменяться под воздействием новой среды обитания, что приведет к различным забавным коллизиям, которые на самом деле можно разглядеть даже из сегодняшнего дня. Ведь все мы — взрослые люди, прекрасно знаем свои достоинства и недостатки, а следовательно, способны проэкстраполировать их в виртуальное будущее, придав милым сердцу мелочам поистине вселенский размах.

В небольшой повести Олега Игоревича Дивова «Эпоха великих соблазнов» (2003) международный экипаж космической станции, болтающейся на промежуточной орбите между Землей и Луной, против своей воли вступает в контакт с представительницей древней сверхцивилизации. Казалось бы, классический сюжет, но прописан он «дивно» по-дивовски — вот такой, антуражной и остроумной, должна быть любая современная фантастика. А главное — повесть Дивова при всей ее фантастичности совершенно реалистична: описание космонавтики ближайшего будущего не вызывает нареканий даже у специалистов.

Рассказ Сергея Васильевича Лукьяненко «Мальчик-монстр» (2005) был написан специально для литературного сетевого конкурса «Рваная грелка-10». На первый взгляд можно подумать, что перед нами — юмореска, литературная «безделушка», однако это обманчивое впечатление. На самом деле «Мальчик-монстр» — один из лучших рассказов Сергея Лукьяненко.

Если попытаться изложить в общих чертах все идеи и смыслы, заложенные в этом маленьком шедевре, то получится текст, по объему значительно превышающий сам рассказ. Мы не возьмем на себя решение этой благородной задачи, но упомянем лишь о некоторых идеях, затронутых Лукьяненко.

«Мальчик-монстр» — это прежде всего пародия (и в какой-то степени автопародия!) на распространенные сюжетные ходы, характерные для так называемой социально-психологической фантастики. Автор выступает как остроумный, но незлой пародист. Затем в рассказе обыгрывается классическая тема, оказавшая в свое время значительное влияние на развитие жанра. Мы знаем, что космос — это враждебная среда, способная убить человека за пару секунд. Но всё ли мы знаем об опасностях космоса? Может быть, в космосе таится нечто, способное так повлиять на нас, что изменится сама суть человека? Не превратятся ли отважные космонавты из передового отряда человечества в непонятных и враждебных человечеству существ? Насколько мы готовы принять эти превращения? Готовы ли мы противостоять им, сохраняя в чистоте земную породу? На все эти вопросы автор вместе с персонажами дает совершенно неожиданный ответ, переворачивающий старую тему с ног на голову.

В рассказе Александра Васильевича Етоева «Экспонат» (1992) из цикла юмористических рассказов «Наши в космосе» советская командно-административная система, проникнув в Дальний космос, сталкивается с вездомными формами жизни и терпит полный крах. Рассказ Етоева особенно хорошо смотрится на фоне романа «Фиаско» Станислава Лема — вроде бы о том же самом, но гораздо веселее и, как следствие, злее.

Представленные в разделе «Наши в космосе» произведения не только остроумны, но имеют одну общую черту. Они возвращают нас к традициям фантастики 1960-х годов, когда космос казался близким, а энтузиасты верили, что сегодня или завтра наш мир расширится до размеров Галактики, включив в себя всевозможные чудеса и диковины, но по сути оставшись прежним. Похоже, на каждом новом этапе развития космонавтики и фантастики авторы будут переосмысливать эту традицию в надежде, что как раз их поколению повезет и в наш вялотекущий быт ворвется Вселенная во всем ее бесконечном великолепии...

ОЛЕГ ДИВОВ

Эпоха великих соблазнов

Олег Дивов родился 3 октября 1968 года. Профессиональный литератор, с 14 лет публикуется как журналист. Служил в армии (1987—1989, самоходная артиллерия большой мощности, сержант). С 1990 года копирайтер (реклама всех видов, концепты, кампании «под ключ»). Работал в крупнейших рекламных агентствах страны. Летом 1995 года ушел на волынне хлеба. Первый крупный художественный текст (фантастический триллер «Мастер собак») опубликовал в 1997 году. Лауреат премий «Странник», «Бастикон», «Звездный мост», «Роскон», «Интерпресскон» и многих других. Входит в редколлегию журнала «Если» и жюри Мемориальной премии Кира Булычева. Член Союза литераторов России и Совета по фантастике и приключенческой литературе при СП РФ.

Рожнов прижимал Аллена к стене, а Кучкин с наслаждением хлестал американца по физиономии. В отдалении болтался Шульте и что-то нудил про нетоварищеское поведение и утрату командного духа — причем к кому именно это относится, не уточнял. Русские поняли начальника так, как им показалось удобнее: поменялись местами, и теперь уже Рожнов наваял астронавту по первое число...

Увы, первый орбитальный мордобой — событие, безусловно, историческое, сравнимое по значимости, если разобратся, с лунным шагом Армстронга — случился лишь в мечтах летчика-космонавта РКА подполковника Кучкина. Верных полсуток он воображал, что именно и каким образом сделает с насовцем, когда удастся выколупать того из спускаемого. Кучкин не был по натуре злым или жестоким, просто мысли о справедливом возмездии помогали держаться в тонусе.

Примерно о том же все это время размышлял инженер Рожнов. Правда, он еще прикидывал, как удержать Кучкина, чтобы тот, паче чаяния, Аллена не забил.

Начальник экспедиции посещения «лунной платформы» Шульте не поддавался эмоциям, бессмысленным перед ли-

цом смерти. Он думал только о борьбе за станцию. Когда стало ясно, что Аллен не отделит спускаемый аппарат, Шульте догадался, какая беда приключилась с несчастным астронавтом, пожалел его и забыл. Тут как раз и Кучкин утихомирился — он сначала метался по отсекам, искал биг рашен хаммер, но потом Рожнов что-то рассказал ему, оба русских вдруг принялись хихикать, просветлели лицами и доложили: командир, распоряжайтесь нами.

Было холодно, сыро и душно. Отвратительное сочетание.

Королёвский ЦУП помогал советами. Судя по бодрому и деловому тону, все ответственные лица там просто с ума сходили.

В Хьюстоне, стораю от стыда, вычитывали по буковке контракт астронавта Аллена. Их главный уже заявил русскому и европейскому коллегам: «Что я могу сказать? Мне нечего сказать. Давайте сначала попробуем спасти нашу станцию. А там посмотрим».

Коллеги решили, что это разумно. Аллен давно мог отделиться и идти на посадку. Но не стал. Он просто сидел в ТМ4, глух и нем — спрятался, как мышь в норке, отгородившись крышкой люка не только от надвигающейся на станцию гибели, но и от всего мира. Когда так поступает бывший военный летчик, значит, плохо с человеком. Ну и пусть сидит пока.

Русских только бесило, что Аллен заперся не где-нибудь, а именно в «Союзе». Ладно бы в «Осу» залез... Бешенство это было по сути абсолютно иррационально, и люди из Королёва постарались его в себе подавить.

А вот Кучкин именно о том орал, когда искал по станции биг рашен хаммер, — мол, падла насовская, ты чей спуск-кач угнал?!

Шульте мог приказать русскому прекратить истерику — и тот, без сомнения, немедленно прекратил бы. Но командир сам на какое-то время потерял ощущение реальности — висел посреди головного модуля, тупо глядя в развернутую инструкцию, не в силах разобрать ни буквы, и пытался вспомнить, где он в последний раз видел кувалду. Очень уж кучкинское озверение было заразительным.

На самом деле продолжалось это состояние вселенской паники от силы несколько минут. Экипаж собрался с духом

очень быстро, потому что не имел права тратить время на страх — и по инструкции, и по совести, и чтобы выжить. Нужно было намотать на себя все, что найдется, теплого и хвататься за инструмент.

До визита Железной Девы оставалось восемнадцать с половиной часов.

* * *

Когда система жизнеобеспечения начала рушиться, в головном отсеке работал Чарли Аллен. Не исключено, что более опытный космонавт приближение опасности почувствовал бы спинным мозгом, наострил уши и обнаружил: из привычного звукового фона станции выпало тихое, на пороге слышимости, гудение вентиляторов. Но Аллен был на орбите третьи сутки — в жизни вообще, — чувствовал себя неважно, двигался опасливо, слышал плохо и соображал туго. Остальные члены экспедиции уже адаптировались настолько, что успешно делали вид, будто их не подташнивает. Аллен знал: через недельку ему положено освоиться с постоянным ощущением желудка под горлом — и старался не переживать. Невесомость — дело привычки. За всю историю орбитальных полетов не тошнило двоих. Оба были русские, но не какие-то там особенные, а просто отставной боевой водолаз и очкарику-научник, что окончательно сбilo с толку медицину.

Аллен как раз думал об этой забавной прихоти судьбы, когда ему стало неудобно дышать. Некоторое время он прикидывал, какой внутренний орган мог засбоить, не придется ли снимать кардиограмму, жаловаться Земле, и вообще, не слишком ли много напастей на одного астронавта. Потом заставил себя полегоньку раздышаться и еще пару минут относительно спокойно вставлял штекеры в разъемы. Потом забеспокоился, обернулся и увидел мигающую лампочку.

Воздух в головном сразу показался влажным, мокрым, тяжелым — каким он, собственно, и был.

— Ох, дерьмо! — выпалил Аллен и полез за аварийной инструкцией, благо та была закреплена в пределах досягаемости.

«Если красный предупредительный сигнал мигает, сначала прислушайтесь. Слышно ли гудение вентиляторов? Да, нет. Если нет, плотно закройте ладонью решетку воздухо-

вода. Ощущается ли циркуляция воздуха? Да, нет. Если нет...»

— Ох, дерьмо! — повторил Аллен совсем другим голосом.

— Да! — согласился кто-то за спиной.

Аллен резко, по-земному, обернулся и начал взлетать, но Шульте его поймал.

— Извините, — сказал начальник экспедиции, принудительно втыкая астронавта на рабочее место. — Не хотел вас путать.

— Я ничего не делал! — сообщил Аллен, имея в виду моргающую лампочку и подозрительное состояние атмосферы.

— Вы и не могли, — успокоил Шульте. — Дайте мне инструкцию. Спасибо. Та-ак... Угу. Кажется, это серьезно. А который час? Ага. Плановая связь через... Двадцать три минуты. Ничего, пока сами попробуем.

— Почему не дать сигнал «паника»? — осторожно спросил Аллен.

— Потому что я еще не готов паниковать, — отрезал Шульте. — И не понимаю, о чем спрашивать у Земли. Нужно хотя бы разобраться, что именно у нас сломалось.

— Да все сломалось. Даже аварийный зуммер! Наверняка это компьютер.

— Зуммер молчит, но лампочка мигает... Безумие какое-то. Эй, господа!

— Я здесь, — сказал Рожнов, просовываясь из переходного модуля в головной. — Кто испортил воздух? Ха-ха. Черный юмор.

— Не смешно. — Шульте уже перебрался на командный пост и, припав к монитору, щелкал клавишами. — Как там в инженерном?

— Немного лучше, чем здесь. Менее влажно. Командир, я потрогал руками то, до чего дотянулся. Впечатление такое, будто упало три контура одновременно. Смотрите компьютер. Это он их уронил.

— Компьютер доволен. Говорит, порядок.

— Значит, точно он. Давайте быстро поменяем блоки и перезагрузимся. Ну-ка, пустите меня.

— Быстро? — переспросил Шульте с нажимом. — Поглядите, что на приборах.

- М-да... Согласен, опоздали. Чарли, что же вы?..
- Он не виноват, звуковой сигнал не сработал, — вступился за американца командир.
- У-у-у... А лампочка мигает? Фантастика. Спонтанное бешенство электропроводки. Не бывает так, понимаете? Все очень плохо, командир. Знаете, я не удивлюсь, если платформа сейчас развалится.
- Она не может развалиться! — сказал Шульте строго. — Модули скреплены механически.
- Это была гипербола. Черный юмор. Ну, какие планы? Допустим, кислород мы подадим вручную. Отсечем головной от других модулей, чтобы не расходовать попусту. Регенерация... Она точно не сломана, там нечему — когда запустим подачу, сама заработает. А вот что с климат-контролем? Без него и воздух не понадобится. Без него платформа гибнет. Черт! Тут хуже, чем на субмарине!
- Лучшие, — возразил Шульте. — У нас есть тээм-четыре. Но платформу жалко. Будем чинить.
- Будем, конечно! Эй, где мой тестер? Нужно сначала померить несколько цепей. А то как оно взорвется... Спокойно, командир, черный юмор. Но вы, серьезно, ничего не трогайте пока. С такими сумасшедшими неисправностями не шутят... Хорошо, только блоки придется менять в любом случае! Представляете, если мы починимся — чего я не могу гарантировать, — а компьютер снова все обрушит? Давайте так: я делаю машину, остальные берут на себя по контуру. Нет, виноват, пусть лучше Чарли займется блоками, а меня поставьте на воздух. Чарли, вы знаете, где запасные части для компьютера?
- Появился Кучкин, мокрый и трясущийся.
- Дерьмо, как это моментально! — выпалил он, и все его поняли. Английский у Кучкина был сугубо прикладной, зато доходчивый.
- И вправду, атмосфера на станции испортилась поразительно резко.
- Все не работает! Это конец! — сообщил Кучкин, оглядывая коллег и веселясь на глазах. — Командир, жду приказаний!
- Несколько часов мы продержимся, — сказал Шульте. — Думаю, не меньше двух. Через двадцать минут будет

Земля, они смогут проконсультировать нас. Давайте займемся диагностикой. Поделим роли. Господин Рожнов смотрит, как у нас с подачей, господин Кучкин разбирается с обогревом, на мне контроль влажности. Каждый идет по цепи и, что видит, тут же комментирует голосом. Есть поломка, нет поломки — говорите вслух. Господин Аллен... Э-э... Не понял. Чарльз! Где вы?

— Здесь он. — Кучкин мотнул головой. — Сзади меня. Думаю, пошел за блоками в инженерный. Они там.

— Я еще не поставил ему задачу!

— Чарли умный.

— Мне не понравилось его лицо. Оно не было умным. Оно было... Незнакомым.

— Остановите это, — попросил Кучкин. — Каждый нервничает. Очень странное положение. Финально нештатное. Так начнем работать?

Они расплозились по стенам и потолку. Минуту-другую в головном слышны были только пыхтение и возгласы «Я не понимаю!», «Ох, дерьмо!», «Но тут все в норме!», «Ох, дерьмо!», «У нас точно напряжение не падало?», «Что за чертовщина?!», «Я совсем ничего не понимаю!», «Кто-нибудь что-нибудь понимает?» Потом Шульте спросил:

— Какого черта он делает в спускаемом?

И тут мягко хлопнула крышка люка.

На миг воцарилась тишина.

— Убийца... — негромко констатировал Рожнов.

— Наша ошибка, — сказал Шульте. — Мы его запугали. Он же новичок.

— Может быть, это случайность, — туманно предположил Кучкин.

Еще через секунду все трое хором заорали:

— Ча-ар-ли!!!

И бросились, нещадно толкая друг друга, в переходной.

Им понадобилось совсем немного времени, чтобы уяснить: астронавт НАСА Чарльз Аллен заперся в четырехместном спускаемом аппарате российского производства, на вызовы по интеркому не отвечает, чем занимается — непонятно, и, в общем, бог знает, чего теперь от упомянутого астронавта ждать.

Шульте натурально позеленел. Рожнов схватился за голову. А Кучкин деловито спросил:

— Куда подевался биг рашен хаммер?

— Зачем? — простонал Рожнов. — Молотить по крышке?!

— Да-а!!! — заорал Кучкин. — Именно! Падла! Гнида! Распибу! Изуродую! Где?!

И улетел в инженерный.

— Похоже, наш коллега слегка потерял голову, — через силу выдавил из себя Шульте. — Рожнов. Помогите. Чарли может отстыковаться быстрее, чем мы думаем. Нужно закрыть внутренний люк.

— Ни черта он не отстыкуется, — сказал Рожнов очень уверенно. — Но люк давайте закроем, да.

— Я тоже знаю, что он не отстыкуется, — непоследовательно согласился Шульте.

— Почему вы знаете это? — заметно удивился Рожнов. На родном языке он наверняка ляпнул бы «А вы-то откуда знаете?», выдавая себя с головой любому мало-мальски сообразительному русскому.

— Понимаю людей. Но... Закрываем?

— Безусловно.

В переходной влетел Кучкин, еще злее, чем был.

— Нарочно прятал?! — накинулся он на Рожнова. — А что это вы тут делаете?! Зачем?! Пусти! Дай! Убью гада! Сучара насовская, ковбой сраный, ты чей спускач угнал, техасская вошючка?! Наш родной тээм-четвертый! Да за такое полагается яйща на кардан намотать!..

— «Союз» не «Жигули», кардана нет, — сказал Рожнов спокойно. — И вообще не мешай. Командир! Я взял. Толкаем.

— Свины! — рывкнул Кучкин и опять улетел.

— Да, — вздохнул Шульте, — немного потерял голову...

— Я думал, вы это про Аллена.

— Нет, Чарли потерял голову совсем. Так, закрыли. Теперь подтягиваем.

— Есть. Уф-ф... Нечем дышать. И давит на уши. Как тяжело.

— Дальше будет еще тяжелее. Как вы считаете, господин Кучкин скоро успокоится? Работать должны все. Или мы погибнем.

— Увидите, через пару минут он будет о'кей. Поразительное невезение! Трое суток до «Осы»! И поразительная неисправность. Вам не кажется, что это саботаж?

— Я не знаю, — сказал Шульте. — Честно. Посмотрим. Давайте пока выживать.

Снова появился Кучкин.

— Нету... — выдохнул он с таким похоронным выражением, будто у него пропал не биг рашен хаммер, а смысл жизни. — И что делать?

— Пустите меня, пожалуйста, — грустно попросил Шульте и просочился в головной.

— Это ж надо так влипнуть! — снова набрал обороты Кучкин. — Это ж надо так влететь! Это же какой-то просто конец! Это же не поверит никто, если рассказать!.. Между прочим, а чего наш дорогой американский гадецыш там вошкается? Почему не отстыковался до сих пор?

— А он не может, — сказал Рожнов, через плечо коллеги наблюдая, как Шульте потерянно висит посреди головного, развернув перед собой инструкцию.

— Чего — не может?

— Да ничего. Тебе будст легче, если я расскажу?

Кучкин захлопал глазами. В других обстоятельствах это выглядело бы комично.

— Мы вообще-то как бы помираем, — сказал он. — Времени кот наплакал. Но ты давай, говори. Тем болсе я на этой лайбе за пилота. И если ты ее испортил...

— А драться не будешь?

— Совсем дурак?! Ну, докладывай.

— Я сегодня утром это сделал и просто не успел тебе сказать. Тумблер ручного отстрела нужно сначала повернуть на девяносто градусов, иначе он не замыкает.

— Ну-ка, повтори!

Рожнов повторил. Кучкин поскреб затылок и поглядел на инженера с плохо скрываемым опасением.

— Ты не думай, я там ничего такого! — быстро выпалил Рожнов. — Просто махнул штатный тумблер на секретку. Мне ее ребята дали. Сказали, на всякий случай. А почему нет? Согласись. Извини, конечно, за самоуправство, но...

— Вот так работаешь с человеком бок о бок долгие-предолгие годы... — протянул Кучкин.

— Нет, ты хочешь, чтобы Чарли взял и удрал?

— Пет, я хочу, чтобы он вместе с нами подох! Да плевать мне на Чарли! Меня некто Рожнов волнует! С его загадочными «ребятами»!

— Давай обойдемся без имен. Но это не ФСБ, а просто хорошие ребята. Которые не очень доверяют американцам. Правильно делают, как мы теперь видим. И вообще, я же у тебя не спрашиваю, кто залихнул кувалду в тээм-четвертый ЗИП... Вы бы еще домкрат положили, хохмачи. Кстати, юмор допелзья типичный, военной авиацией отдаст за версту.

— Чем тебе не нравится биг рашен хаммер? — почти обиделся Кучкин. — И каким местом я бы выравлял ту паскудную трубу в инженерном? Головой о нее биться прикажень?

— Ты про трубу что, заранее все знал?.. — Теперь настала очередь Рожнова оторопеть.

Кучкин рассмеялся. Заржал в полный голос. Рожнов сначала несмело улыбнулся, потом тоже хохотнул.

— Эх, дурачина ты подозрительная, — сказал Кучкин ласково. — Но я тебя прощаю. Даже разрешу поддержать Чарли, когда бить его буду. Чтобы отдачей не сносило. Ну? Полезли бороться за живучесть, пока еще дышится?

— Слушай, ты кроме шуток, извини меня! — попросил Рожнов.

Шульте в головном что-то с громким хрустом отломал. Кучкин ободряюще хлопнул Рожнова по плечу. Душевно, но легонько.

Чтобы не снесло отдачей.

* * *

Через два часа они едва дышали. Чувствительность перчаток русских скафандров позволяла вдеть нитку в иголку. Но сама перчатка не пролезала, хоть ты тресни, туда, где приходилось орудовать руками.

Поэтому еще часом позже, когда они почти умерли, в скафандр запихнули измученного Рожнова, поминутно терявшего сознание, и продолжили работать вдвоем. Инженер немножко отошел и взялся помогать, но толку от него почти не было.

Еще через полчаса, совершенно уже погибая, они все-таки запустили один контур. На «платформе» в тот момент было плюс три градуса при нечеловеческой влажности, но зато пошел воздух. Оставалось всего ничего — продолжить гонку, починить обогрев и кондишн, пока модули не обледенели изнутри. Рожнова попросили из скафандра обратно и, двигаясь как сомнамбулы, почти не чувствуя прилива сил, полезли ломать климат-контроль.

Потом стало еще холоднее и влажнее — хотя уж почти некуда — но как-то веселее, что ли. Живее. Шульте приказал по очереди поесть горячего — это было умно и вовремя. Рожнов, заправившись супчиком, выдвинул теорию, объясняющую, почему упали сразу все три контура. Его догадка оказалась неверна, зато помогла чинить отопление.

Влажность уже регулировали в психологической обстановке, более-менее приближенной к норме. То есть стало очень страшно, у всех тряслись руки, Шульте совершенно окаменел лицом, Кучкин без конца шепотом матерился, Рожнов по поводу и без повода нервно хихикал.

Значит, обошлось.

В начале двенадцатого часа командир доложил Земле, что станция — как новая, местами даже лучше, только почти не осталось запчастей, а еще в ходе ремонта испортили тестер, согнули две отвертки, сломали гаечный ключ и потеряли кувалду... Ну эту, сами знаете, не совсем кувалду, а на короткой ручке — в общем, биг рашен хаммер из ТМ4. Обидно, полезная вещь, и главное, совершенно непонятно, куда мы ее могли засунуть...

Внизу, услышав про кувалду, занервничали, по виду не подали. Только из ФСБ товарищ записал себе в блокнотик: «Молот на короткой ручке. Кто использует в МИКе и на стартовой? Проверить наличие. Подозреваемых в разработку. Комплектность инструмента на контроль. Составить рапорт о необходимости. Запросить помощь кадрами. Провести совещание. Назначить ответственных. Доклад еженедельно». Подумал и «еженедельно» исправил на «ежедневно сдача всего инструмента под подпись». Почувствовал, что это уже смахивает на идиотизм, и зачеркнул.

Видел бы главный, чего он там кропает, — заставил бы, невзирая на чины и подчинение, блокнот съесть. Давясь и тужась, сожрать. А дальше пускай органы сами разбираются, кого умнее назначить верблюдом.

Но главный был занят, он решал сложную задачу — думал, как прошупать Шульте пачет Аллена. То ли из-за помех, то ли, наоборот, вопреки им, три оставшихся в наличии члена экспедиции визуально так и просились в дешевый фильм ужасов... Вроде знаешь всех как облупленных. Хорошие люди, отличные работники. Вот только Чарльз Аллен тоже был редкий симпатяга и надежный парень. Всего полсуток назад. Что теперь с ним сделают эти зловещие мертвецы... Если, конечно, удастся вытащить американца из спускаемого. Но ведь не прописался же он там!

— Самое поразительное, что неисправность не цепная, — говорил Шульте. — То есть мы думаем так. Контроль влажности точно сломался от перегрузки, а обогрев и подача воздуха обрушились спонтанно и почти одновременно. Конечно, в основе электронный сбой — иного быть не может, — но мы его не установили. Вероятно, из-за спешки. Я прошу разрешения сейчас поспать, а потом мы с отдохнувшими головами начнем тестировать снятые блоки и, наверное, разберемся, что это было. Тут и Аллен придет, он нам поможет. Так правильно?..

Земля с облегчением сказала — да, конечно, правильно. Умученная троица расплзлась по спальникам. Дежурить не стали — Рожнов поклялся, что сигнализация теперь будет орать как резаная, или пусть зарежут его.

— И все-таки, где кувалда? — спросил Шульте, зевая.

— Вы будете смеяться, командир, — сказал Рожнов. — Вчера она летала за мной весь день и пыталась стукнуть. Поэтому я закрепил ее в спускаемом.

«Пусть Чарли ею там убьется», — буркнул Кучкин себе под нос.

— Ничего смешного, — возразил Шульте. — Это очень хорошо, и я доволен. Все на месте, мы ничего не потеряли. Значит, на платформе снова порядок. Благодарю. Приятных сновидений.

Начальник экспедиции отключился мгновенно. Русские, напротив, долго ворочались, просили друг у друга транкви-

лизатор, вычисляли, кому ближе до аптечки, спорили, как делить ушаковку — по-братски или поровну, — и за этим делом безо всяких таблеток впали-таки в дрему.

Через шесть часов все трое одновременно проснулись и увидели своего американского коллегу.

Потом явилась Железная Дева.

* * *

Рожнов на орбите ни разу не чувствовал себя по-настоящему выпавшимся. И снов не видел. А тут ему впервые нечто пригрезилось, только он не успел толком разглядеть, что именно. И открыл глаза ну очень злой на Аллена. Чарли вроде бы не шумел, просто его заждались и сразу почувствовали.

Астронавт выглядел чрезвычайно виновато, что, впрочем, не мешало ему интенсивно жевать. В одной руке он держал тубу с пангетом, в другой поилку с соком.

— Вот гляжу и поражаюсь — ведь это летчик-истребитель... — лениво протянул Кучкин. — Подумать страшно. Летает и истребляет, летает и истребляет... Фу! Доброе утро, коллега. Мне такие чудеса снились, просто восторг. Просыпаюсь — и вот.

— Доброе утро, — кивнул Рожнов. — Дома хуже бывает: проснулся, в зеркало глянул, а там типичный мудака в типичных обстоятельствах. Тут, на платформе, вставать интереснее — и обстоятельства нештатные, и мудака из НАСА. Ну, каковы наши планы? Я держу, ты колотишь? Только чур не до крови, лови ее потом по отсекам...

— Здравствуйте, — сказал Аллен невнятно. — Я приношу вам свои извинения.

— Нет, ты только представь, как он истребляет! — обратился Кучкин к Рожнову, демонстративно не обращая внимания на астронавта. — Что ни подсунь, истребит! Знаешь, давай и вправду набьем ему морду! За всё сразу! За Фолкленды, за Гренаду, за Балканы, за соколов Хуссейна!

— Фолкленды-то при чем? А Хусейн вообще козел. Ну его.

— Тогда за Вьетнам! — предложил Кучкин.

— А вот за Вьетнам я согласен. И за то, что со вторым фронтом тянули, и за интервенцию в восемнадцатом году.

О-о, ты еще забыл блокаду Кубы. А кто Чс Гсваре руки оттяпал?!

— И нашу Аляску прикарманил!

— Блин! — заорал вдруг Рожнов. — Они же, гады, Леннона убили!

Аллен сносно понимал по-русски и издевательство терпел стойчески — жуя, — но когда дошло до Леннона, бедняга просто окаменел. Сразу бросилось в глаза, до чего астронавт побледнел и осунулся — страшнее, чем остальные трое.

— Доброе утро, господа, — очень вовремя сказал Шульте.

— Коллеги! — взмолился Аллен. — Я не знаю, что со мной случилось! Все это время я был в депрессии. В настоящей глубокой депрессии. Не хотел двигаться. Не хотел есть и пить. Не хотел жить. Понимаете? Как только закрылся люк, я словно умер. Это было ужасно! Мне стало легче около часа назад. Тогда я немедленно вернулся к вам. Простите.

— «Сорри», «сорри», — передразнил Кучкин.

— Вы недостаточно опытни, господин Аллен, мы должны были учитывать это, — произнес Шульте холодно. — Мы напугали вас и оставили без поддержки в трудную минуту. Мы виноваты. Простите вы нас.

Аллен посмотрел на пачальника экспедиции так, будто тот ни за что ни про что опрокинул ему на голову ведро помоев.

— Вот таким он мне офигенно правится, — заметил Кучкин. — Красавец. Слышите, Чарли? Мне нравятся слезы в ваших глазах. Расскажите нам про депрессию. Я серьезно.

— Это было ужасно. Я внезапно испытал острое желание спрятаться, — пробормотал Аллен. — Впервые в жизни. Спрятаться, закрыться. Было невозможно преодолеть это. А когда спрятался — началась депрессия...

— Вы могли бы залезть в спальный мешок, — предположил Рожнов. — Головой вперед. Мы бы поняли.

Аллен выронил еду и закрыл руками лицо.

— Мы беспокоились за вас, — сказал Рожнов. — Очень. Все это время.

— Да, — поддержал Кучкин. — Мы спрашивали: почему Чарли не улетел? Может, ему очень плохо? Финально плохо?

— Я не мог улететь... — простонал Аллен. — То есть даже не хотел. Мне просто надо было спрятаться. Я закрыл люк,

сел в кресло — и исчез. Перестал существовать. Это было ужасно! Сейчас мне кажется, это был сон. Кошмарный сон. Не представляю, как я мог сделать так!

— В следующий раз, — сказал Рожнов, — мы сами засунем вас в мешок. Головой вперед.

— Следующего раза не произойдет! — отрезал Шульте. — У нас нет для этого запасных частей. Мы будем вынуждены оставить платформу. Кстати, «Оса» теперь задержится. Это позволит нам закончить текущие работы без спешки и получить больше времени на личные программы. Хорошо, не правда ли?..

Рожнов подумал, что на станции, которой больше не доверяешь, хорошо только с ума сходить, но промолчал.

Кучкин хотел объяснить, как Аллену повезло, что биг-раш-ен хаммер оказался заперт в «Союзе», но не вспомнил достаточно убедительных английских слов и тоже промолчал.

Аллен хотел сказать, чтобы на него не обращали внимания, потому что он больше не тот Чарли, с которым все дружили и работали, а какой-то совсем другой Чарли, и бросил товарищей в беде третий Чарли, вообще чужой... В итоге он ничего не сказал, потому что даже мысленно запутался.

А Шульте подумал, что, раз проснулись, надо жить дальше. Жить и работать.

— Итак... Кто первый в туалет? — спросил он.

— Первый — командир! — заявил Кучкин. — Командир всегда первый. Везде. На белом коне.

— И с кувалдой. Признайтесь, господин Кучкин, вы ее украли? Мне только сейчас пришло в голову, что я никогда не видел никакой кувалды в тээм-четыре. Извините, кажется, я выдал вас, докладывая Земле о потерях инструмента. Клянусь, не хотел.

— Расслабьтесь. Хорошая вещь? Я знаю, почему она вам так нравится.

— Коллеги, если вы намерены поболтать, тогда я пошел, — сообщил Рожнов, выбираясь из спальника.

— Дуй. Пусть идет, да, командир? Так вот, кувалда вам нравится, потому что это ваша мифология. Бог Тор. Я прав? Не смейтесь. Это еще психология. Вы берете кувалду в руки,

и э-э... нечувственно?.. Нет. В общем, часть вашего сознания понимает: вот именно та штука, которую должен иметь реальный немец. Вы не думаете, что вы могучий Тор, но чувствуете себя богом. И вы счастливы. Знаете, я подарю ее вам. После всего. Если посмотреть научно, это не кувалда, а просто биг рашен хаммер. Но это хаммер, который был в космосе! Три раза.

— Три раза?! — поразился Шульте. Слушая вдохновенный монолог Кучкина, он усмехался, а тут у немца глаза полезли на лоб.

— Ну... Мужик без кувалды не мужик, — скромно заметил Кучкин.

— Я понял, не переводите. А вы пробовали сосчитать, каких денег ваш хаммер стоит теперь, после трех подъемов на орбиту? Он же золотой.

— Хм... Я как-то не думал об этом.

— Три килограмма? Четыре?

— Три. Оптимальная масса для монтажа и демонтажа всяких... Устройств, которые тут есть. А вы решили, я могу взять в космос бесполезную вещь?

— О нет, я же видел ее в деле! Но вы посчитайте! Три подъема! Девять килограммов! Почти сто тысяч долларов!

Кучкин глубоко задумался. Шульте с интересом наблюдал, как у русского пилота идет процесс осознания.

На Аллена, скорчившегося в углу, оба старались не смотреть.

Как и Рожнов, они едва-едва свыклись с мыслью, что находятся на станции, которой больше нет доверия. Родная, своими руками собранная, любимая до последней заклепочки «лунная платформа» — третий подъем у Кучкина, по второму у Рожнова и Шульте — попробовала их убить, причем самым коварным и эффективным способом. Для полного счастья не хватало провести тут полгода бок о бок с коллегой, тоже пытавшимся убить их.

Шульте подумал, что, если Аллен не восстановится — или они не смогут нормально работать с ним, — можно будет отправить астронавта домой обратным рейсом «Осы». Никто не осудит. Только переживет ли Чарли такое унижение?

Кучкин умножал разные суммы на три и жалел, что закончилась эпоха шаттлов. А то кувалда легко набрала бы

тысяч под триста. И в шаттле удобнее прятать контрабанду. Впрочем, американские «Оу-Эс-Эй»¹ по сравнению с «четвертными» «Союзами» тоже были просторными и не могли похвастаться низкой стоимостью заброски грузов на орбиту. Между прочим, Шульте, подобно большинству европейцев, успевших поработать с русскими, называл маленький космический самолетик не «Оу-Эс-Эй», и даже не «ОСА» — он говорил «Веспа». Американцы почему-то считали это прозвище уничижительным, все остальные совсем наоборот.

— Если бы я летал на «Осе»!.. — сказал Кучкин наконец.

— О да! — согласился Шульте. — Кувалда стала бы намного дороже. Но и так неплохо.

— Плохо. — Кучкин удрученно помотал головой. — Как мне подтвердить остальные два раза? Есть свидетели, но они не смогут уверенно сказать, что это именно тот биг рашен хаммер. Я не догадался просить ставить автографы на нем. Я брал инструмент, а не э-э... Артефакт.

— Слушайте, но этот инструмент не положено иметь на платформе. Теперь ваше начальство знает, что он здесь. А если РКА решит потребовать оплаты провоза багажа? — спросил Шульте нетактично.

Кучкин так посмотрел на немца, что тот нырнул в свой мешок по самые глаза.

Рожнов за переборкой расхохотался.

— Извините, — буркнул Шульте, подавляя смех. — Как сказал бы коллега Рожнов — черный юмор...

— Пусть сначала оплатят мне все нештатные ситуации, в которых работал биг рашен хаммер, — сообщил Кучкин хмуро. — В первый раз мы просто забили болт. Но во второй — это было реально круто — чинили телескоп.

— Телескоп?!

Кучкин тяжело вздохнул.

— Надо было просить автографы? — спросил он с интонацией ребенка, поздно осознавшего, что упустил шанс до отвала наесть мороженого.

— Вы сместесь надо мной! — понял Шульте.

¹ «OSA» (Orbital-Space-Aircraft) — облегченный аналог шаттла, первый запуск в 2010-х гг.

— Конечно. Но клянусь, биг рапшен хаммер правда чинил телескоп. Не оптику, вы понимаете! Механику. Наш хаммер, тот, который я подарю вам.

— Простите, я не смогу принять такой подарок. Не имею права. Это больше не кувалда, а именно артефакт. Предмет истории русской космонавтики. Оставьте себе. Потом внуки отдадут в музей. А как понимать — забили болт?

— Не завинчивался. И не отвинчивался. Мы решили обстучать его. И случайно забили. Я ударил с большей силой, чем было нужно.

Шульте начал оглядываться.

— Не ищите. Он спаружи.

— Спокойно. Я командир, — пробормотал Шульте. — Я впереди, на белом коне. С артефактом. Воображаю себя богом Тором. Меня ничем не удивить... Господин Рожнов, как вы там?

— Милости прошу, свободню. А я готов подавать завтрак. Есть деловое предложение. Земля, наверное, думает, что мы будем спать еще два часа. Может, не надо их разубеждать? Они наверняка имеют десять версий насчет того, что тут случилось. И все версии ложные, но придется ведь проверять их. Зачем нам лишняя суета? Поедим, достанем запасной тестер, прозвоним сомнительные блоки и устроим мозговой штурм.

— Вы постоянно меня провоцируете на нарушения, господа. Но поскольку система жизнеобеспечения — вашей конструкции, и сам модуль русской сборки...

Шульте осекся.

— Вы знаете нас, — сказал Рожнов, появляясь в поле зрения.

— Мы вместе пили водку, — добавил Кучкин.

— И если мы обнаружим, что был саботаж...

— Командир, они не станут обманывать, — подал голос Аллен.

— Ты вообще молчи, чмо! — неожиданно сорвался Кучкин. — У тебя права голоса больше нету! Вот Юлька прилетит, она настоящий американец, с ней будем разговаривать. А ты — знаешь куда пошел? Туда и пошел. Урод моральный и физический!

— Ты чего?! — удивился Рожнов. — Брось. Пожалей его чуточку, и так лица на человеке лет. Еще от тоски само-

убьется, возись потом с трупом. Гы-ы, черный юмор. Хотя я не шучу.

— Легче, коллеги! — Шульте взял приказной тон. — Это не командное поведение.

— Не беспокойтесь, я все равно почти ничего не понял, — сказал Аллен. — Простите, господин Кучкин, что заговорил с вами. Больше не буду. А Джулия вряд ли прилетит теперь. После аварии нам скорее всего приплот второго инженера... Слушайте, я же извинился! Ну простите меня! Пожалуйста! Я виновен! Я так виновен!

— Сорри, сорри... Они еще вместо Юльки подсунут нам зануду и страшилку какую-нибудь! Ну народ! Ну страна! Командир, мои извинения. Я вспомнил сейчас, зачем искал хаммер. И очень разозлился. Потому что этот урод Чарли сделал меня таким, таким... Уродом! Хотите знать, что я планировал сделать?

— Нет! — отрезал Шульте, вынырнул из мешка и скрылся за переборкой.

— Хочешь знать ты, Чарли?!

— У вас не будет со мной проблем! Я попрошу отвезти меня вниз на «Оу-Эс-Эй»! — простонал Аллен. — Скажу, что заболел. Я, наверное, и правда болен. Ради всего святого, простите! Я так несчастен! Мне нужен психиатр! Я виновен!

— Еще одно «сорри», и тебе будет нужен патологоанатом!

И тут появилась Железная Дева.

* * *

Шульте сначала обрадовался, что в головном успокоились. Ему было дискомфортно в ситуации, когда такие славные люди ссорятся, а долг командира требует резко одергивать их. Он давно знал русских и американца, они много тренировались вместе, но никогда еще за компанию не летали — судьба разводила. Если ты не «чемодан»-турист, а настоящий работник на зарплате, попадание в космос требует удачи. Например, общий стаж Аллена был ничуть не меньше, чем у остальных членов экспедиции. И полететь он мог раньше всех. Но тогда отлаживали систему «Оса», долго и мучительно, прямо сдувая пылинки — ведь не дай бог навернется, конец пилотируемой космонавтике. И экипажи

Чарли дважды снимали с пуска, один раз прямо со «стола», по откровенно ерундовым поводам. Специфика профессии. Многие ждали полета всю жизнь и не дожидались ничего.

«А кое-кто слетал аж на Луну и потом все равно умер глубоко несчастным человеком».

Эта мысль так расстроила немца, что он перестал орудовать зубной щеткой и замер в глубокой задумчивости — пристегнутый к унитазу. Его всегда занимали судьбы участников программы «Аполло». Таинственная гибель, сумасшествие, алкоголизм, уход в тень — Шульте подозревал, что за этим кроется.

Никакой мистики. Просто человеческая трагедия. Одна на всех.

Ну да, они забрались туда, где до них не ступал никто. Сначала было очень здорово. Подвиг, риск, приключение, слава, адреналиновая эйфория. Потом наступило сильнейшее похмелье. То, что иногда называют «Гагарин-синдром». Но так говорят только дураки, подонки или недостаточно компетентные умники. У Гагарина были совсем другие проблемы. Он рвался в новый полет — насладиться сполна тем, что почувствовал едва-едва. Хотел быть не первым, а настоящим космонавтом. А ему не давали.

С «Аполлонами» вышло хуже, они сработали почти вхолостую. Умчались от родного дома невероятно далеко. Но там уже валялась куча нашего железа, по большей части русского.

Ничего интересного они на Луне не увидели. Русские давно все сфотографировали, да еще и с обеих сторон.

Ничего полезного они оттуда не привезли. Русские уже нарыли достаточно для исследований и честно поделились.

Ничего такого особенного своими полетами они не доказали. Только сэкономили русским деньги и, возможно, спасли жизни. Советы ведь тоже собирались штурмовать Луну, какой-то сырой корявой системой на базе «Восхода», Америке назло, чисто из принципа, — и с заметным облегчением бросили эту рискованную затею.

Одни ходили по лезвию, другие гибли — зачем? Полноценной лунной программы, с дальним прицелом, все равно не было. А словосочетание «гелий-три» что-то говорило только узкой группе специалистов, чьи робкие голоса успешно

глушило нефтяное лобби... Вот и получился вместо прорыва — пшик, запуск ракеты клубом юных астронавтов. Высота подъема этажей пять-шесть, отстрел спускаемого аппарата, парашютирование экипажа в составе лягушки и таракана. Ракета взлетела, посадка успешная, лягушка прыгает, у таракана обморок, все довольны, можно с чувством глубокого удовлетворения идти пить кока-колу и жевать чипсы.

Ликующие толпы на улицах — о-о, маленький шаг одного человека! О-о, звезды и полосы гордо реют! Возьми любого и спроси: а зачем они там реют и для чего был маленький шаг?! А этот любой тебе сразу в морду. Потому что знать не знает, для чего и зачем. И ты своим дурацким вопросом сделал ему больно. Зерно сомнения посеял.

Ведь действительно — зачем?

Ни одна зараза не знала.

Если бы кто-то авторитетный сказал тогда: люди, максимум через сто лет мы должны летать на Луну и обратно как из Москвы в Нью-Йорк! И если бы добавил — не потому что «так надо», а потому что иначе нельзя! Не позже две тысячи семидесятого — а лучше пятидесятого — Море Спокойствия должен пахать наш бульдозер. И будет на нем написано «Катерпиллер» или «сделано в СССР», не принципиально.

Все равно в одиночку не потянуть.

«И тогда многие, слетав на Луну, умерли бы счастливыми».

Сам Шульте на межпланетную экспедицию даже в мечтах не замахивался. При удачном стечении обстоятельств ему светила должность сменного начальника космического депо, «лунной платформы» — в широких массах известной как МКС «Свобода» — и не более того. При серьезной удаче он успеет принять и загрузить на «Осу» первый контейнер с Луны. Если все пойдет совсем хорошо, в контейнере окажется не порода, а уже сжиженный гелий-3. Достаточные основания считать, что жизнь удалась.

«Если, конечно, платформа не выкинет еще какой-нибудь фокус».

Сколько влиятельных господ и мощных корпораций на Земле кровно заинтересованы в провале «лунной топливной программы», Шульте старался даже не думать. Хотя его волновали прикладные аспекты проблемы — например, не

было ли вправду саботажа, и достаточно ли надежны в этом отношении русские члены экспедиции. Все-таки Россия по-прежнему страна очень небогатых людей. И если, допустим, Кучкин человек безусловно честнейший, то вот его приятели со старта, которые могут бесплатно, за красивые глаза, трижды забросить на орбиту кувалду... С ними Шульте водки не пил и насчет их моральных качеств сомневался.

Немца не так беспокоил личный риск — хотя вчера он перепугался очень — по сравнению с тем, что «платформа» может погибнуть. Отголоски былых катастроф еще звенели в ушах, пилотируемая космонавтика висела на волоске, и аварии системы жизнеобеспечения с избытком хватило бы для закрытия программы. Безвозвратного закрытия. Чего стоят объединенные усилия нескольких правительств, если они угрожают интересам тех, кто может правительства — менять? И как легко, как спокойно воспримут крах программы миллиарды землян, которым годами вдалбливают: осваивать космос дешевле и удобнее автоматами.

Лунный город, завод и железную дорогу вы тоже автоматами строить будете?

Шульте понимал: если первые десятки тонн гелия-3 не придут вовремя, значит, не будет смысла расконсервировать экспериментальные установки термоядерного синтеза. И тогда вероятность девяносто процентов, что скоро начнется большая война. Система обкатана — устроить провокацию и сразу бить. На опережение, чтобы успеть первыми. Выгнать планету для себя... Да, Шульте понимал, насколько все серьезно.

Про это федеральный канцлер очень прозрачно намекнул ему.

«Мы живем в эпоху великих соблазнов, — сказал канцлер. — Надвигается такой страшный энергетический кризис, перед лицом которого можно совершить любое бесчинство — и потомки нас простят. Значит, кризиса быть не должно».

Шульте очень бы смутился, узнай он, в каких именно выражениях примерно то же самое говорил его русским коллегам на инструктаже товарищ из ФСБ.

А пока что он собрался с мыслями, слил воду, подмылся, закрыл унитаз, натянул штаны, смотал с зубной щетки салфетку, закинул ее в мусорный контейнер, щетку вставил

в личный пенал... И снова испугался, почти так же сильно, как вчера. Потому что тишина за переборкой стояла чересчур напряженная.

А когда раздались голоса, стало еще страшнее.

— Голые бабы по небу летят, — сдавленно произнес Кучкин по-русски. — В баню попал реактивный снаряд...

— Вы тоже ее видите? — громко прошептал Аллен.

— Железная Дева, — сказал Рожнов. — Может, у нас проблемы с наркотиками, а мы и не знали?

Шульте сделал глубокий вдох, потом еще один.

— Приветствую экипаж станции «Свобода»! — провозгласило чистое и удивительно приятное на слух контральто. — Сохраняйте, пожалуйста, спокойствие. Вы вступили в контакт с иным разумом!

Шульте погляделся в крошечное зеркало и подумал, что не мешало бы побриться. Еще чуть-чуть подышал и решительно вытолкнул себя навстречу свежей проблеме.

Посреди головного висела женщина.

* * *

— Железная Дева — это шкаф с гвоздями! — возразил Кучкин. — А тут просто голая баба окраски металл. Ну ты, чего застопорила? Батарейки сели?

— По-моему, у нее со связью нелады. Она рябит, видишь?

Женщина была, по земным меркам, очень даже ничего, хотя смотря на какой вкус — атлетическая фигура, приличный рост, совершенно лысая голова. Всё золотистого цвета с металлическим отливом. Шульте пригляделся и отметил странную форму черепа — от висков назад у Девы уходили какие-то ребра, вполне техногенного вида, словно она носила плотно охватывающий голову щлем. Черты лица усредненно-правильные, даже слишком правильные, чтобы быть красивыми. Глаза как у статуи, будто отлитые вместе с лицом. Но живые — Шульте заметил, что Дева медленно переводит взгляд с Кучкина на Рожнова.

Поза женщины вызвала в памяти дешевый манекен — руки немного в стороны, ноги слегка раздвинуты. Гладкий лобок и груди без сосков.

Шульте подумал, как интересно было бы увидеть Деву по-настоящему обнаженной. Ему такие нравились.

Он тоже знал, что Железная Дева — пыточный шкаф гвоздями внутрь. Но как еще называть визитершу, представить не мог.

— Итак, вы адаптировались и готовы принять знание, — сказала Дева.

Шульте поймал сразу три напряженных взгляда. Похоже, экспедиция проголосовала — ты начальник, тебе и разбираться.

— Мы слушаем, — кивнул Шульте.

Дева все так же медленно повернула к нему зрачки, и Шульте почувствовал: в головном стало теплее. Дева как-то воздействовала на людей. Это пока не выглядело опасным, но Шульте отметил про себя: быть настороже.

Кучкин выбрался из спальника и осторожно пополз по стене, заходя Деве в тыл. Выглядел русский донельзя воинственно.

Рожнов озирался, что-то выискивая в интересе.

Аллен по-прежнему сидел в уголке, скрючившись, обхватив руками колени. Даже со спины было видно, как он мечтает о психиатре. Шульте не поручился бы, что глаза американца открыты.

— Вы не будете первыми, кто спасает ваш мир, — за последнее столетие мы привлекли к этому тысячи землян, лучших из лучших. Но только сегодня мы впервые прямо обращаемся к людям. Настало время для открытого сотрудничества, и были избраны вы!..

Рожнов нашел, что искал, — протянул руку, схватил гибкий кронштейн, развернул к Деве видеокамеру и оглянулся на начальника.

— Сейчас именно вы можете совершить главное, что навсегда и бесповоротно изменит к лучшему судьбу вашего мира. Примите знание. Закройте глаза и распахните ваш разум. Так будет проще — вы увидите и поймете сразу всё...

Шульте подплыл к командному посту и включил запись.

— Пожалуйста, закройте глаза и расслабьтесь, — мягко попросила Дева. — Будьте спокойны, мы не несем зла. Мы просто дадим вам знание.

Шульте вывел изображение на монитор. Камера работала, она исправно передавала Кучкина. Деву оптика не видела. Шульте посмотрел на Рожнова, помотал головой и постучал себя по лбу согнутым пальцем. Рожнов скривился. Ему тоже, видимо, не понравилось, что Деву транслируют прямо в мозг. Это отдавало насилием.

— Посмотрите, каким прекрасным станет ваш мир, если вернуть его на истинный путь. Еще остается время, но с каждым днем его все меньше. Разве вы не понимаете, что близится закат? Неужели вам никогда не казалось, что земная цивилизация в тупике?..

Кучкин придиричиво изучал Деву сзади.

— Ну, казалось, — буркнул он. — А что делать-то? Во главе государства поставить ученых и инженеров, города скрыть и жить в единении с природой?

Он заложил вокруг гостии дугу, перевернулся головой вниз и попробовал заглянуть Деве между ног.

— Земля пошла по технологическому пути развития, губительному для нее. И произошло опасное рассогласование — психика людей не выдерживает массированного применения высоких технологий. Вы несчастливы. И уже сейчас накопили достаточно ненависти, чтобы уничтожить свой мир, — вас удерживает только голый разум, когда чувства требуют войны. Не важно с кем, лишь бы сбросить напряжение. А теперь есть повод — надвигающийся энергетический кризис. Повод и оправдание. Это так опасно для вас, что мы не можем оставаться в стороне. Поймите, землянам было предназначено совершенствовать духовную сферу — будь так, сегодня вы достигли бы невероятного могущества. Говоря в понятных вам терминах, каждый стал бы как бог. Вы общались бы со звездами и усилием мысли перемещались по Вселенной. Вам не нужно было бы убивать, чтобы жить, ибо бессмертные любят все живое и лелеют его. Вы стали бы беспредельно счастливы...

— Ничего у нее там нет, — доложил Кучкин. — Эх, дурят нашего брата!

— Это ваш естественный облик? — перебил Деву Шульте.

— Миллион лет назад. Сейчас это специально для вас. Мы выглядим, как нам угодно. И вы могли бы...

— Покажитесь.

— Вы просто не увидите. Если бы каких-то двести лет назад Земля свернула на естественный для нее путь, вы уже могли бы видеть. Сейчас -- нет. Однако еще остается время, чтобы принять верное решение...

— Интересно, если она общается со звездами, почему с нами говорит будто карманный переводчик? — вмешался Кучкин. — Не верю!

— Это не она плохо говорит, а наши мозги так дешифруют. Я, например, сплошное косноязычие слышу. И тоже не верю. Командир, у вас в голове немецкая речь?

— Да. И похоже, она не более убедительна, чем ваша русская версия. Для контакта с иным разумом это просто смешно. Я предпочел бы что-то другое. Визуальные образы, например. На словах леди слегка идиотична. Может, действительно имеет смысл посмотреть, что она собирается показать?

— Я против! — твердо заявил Кучкин.

— Вы напрасно сопротивляетесь знанию, — сказала Дева. — Поймите, нужно совсем немного доброй воли -- и вы поймете всё. Пожалуйста, закройте глаза.

— А вот... тебе! — сообщил Кучкин, делая соответствующий жест.

— Фу, как грубо, — очень по-женски сказала Дева.

Кучкин густо покраснел и отплыл от Девы подальше.

— Я не понимаю смысла, но чувствую вашу эмоцию.

— Вы действительно женщина или?.. — спросил Шульте.

— Это тоже специально для вас, образ достаточно понятный и достаточно неземной. Я могу явиться в любом виде, поскольку я -- всё. Перестаньте бояться и закройте глаза, это безопасно. Уясните простую вещь -- я говорю с вами из окрестностей Веги, где мне нравится быть. Представьте, что я хочу причинить вам зло. Да мне достаточно подумать о чем-то, и это случится.

— Тогда подумайте, что наша камера пишет вас, — предложил Рожнов.

— Вы так уверены, что пачальники на Земле готовы принять истинное знание? Отшодь. Эта запись повлечет за собой множество смертей. Не возражайте, я отчетливо вижу. В частности, погибнет ваш друг.

— Чего это я погибну? — возмутился Кучкин.

— Вы ему не друг, — сказала Дева. — Он знает, о ком я.

— Чего это я не друг?! — рявкнул Кучкин.

— Его-то за что? — очень тихо спросил побледневший Рожнов.

— Потому что он, сам не зная того, изменяет мир к лучшему. Он направлял вас, помогал и будет защищать, когда вы спуститесь на Землю. Располагая информацией о нашем контакте, служба безопасности легко раскроет и вскоре уничтожит его.

— Хорошенькое дело... — пробормотал Рожнов. — Ну, вы просто всё предусмотрели.

— Ваша группа должна вернуться без потерь, — сказала Дева. — И как можно скорее. Это для светлого будущего Земли. Вы будете первыми, кто осознанно понесет херню в массы.

У Рожнова отвалилась челюсть, Кучкин довольно хихикнул, Шульте нахмурился.

— Очень интересно, — проворковал Кучкин, — если я реально напрягусь, получится выдавить ее из головы? Так, опять помехи. Видите, по ней пошла волна? Ха-ха, это мое!

— Нежелание отдельных членов группы адекватно воспринимать передачу начинает беспокоить нас, — сообщила Дева. — В ответ будет предпринято наращивание мощности, это может негативно сказаться на вашем здоровье.

— Но ведь действительно херня! — сказал Кучкин.

— Коллега, перестаньте хулиганить, — попросил Шульте. — Я сам не в восторге от того, что слышу, и тоже э-э... Подумал, какая это глупость. Но вы, кажется, не чувствуете достаточной ответственности. Нравится или нет, мы просто должны выслушать и разобраться.

— Совершенно правильно. — Дева изобразила вполне достоверный кивок. — Тем временем нами приняты меры к обеспечению бесперебойного диалога. На случай дальнейшего сопротивления возможные искажения блокированы. Сообщите об ухудшении самочувствия.

— Пока нормально, — буркнул Кучкин. — После вчерашнего...

— Да, если вы считаете нас такими ценными и хотите вернуть на Землю, — вступил Рожнов, — почему мы вчера чуть не умерли?!

— Так было надо для полной достоверности.

— Не верю!

— Закройте глаза на минуту, расслабьтесь, и вы поймете. Верить не надо, вера — чисто эмоциональная категория, она для несвободных, закрепощенных, подавленных. Свободный оперирует сутью. Он просто видит и сразу понимает. Вы — лично вы — уже не станете всемогущими, но еще в ваших силах обрести свободу. Первое, что вы получите, — интуитивное чувство правды, дешифровку эмоций других людей, ощущение счастья.

— О-о, какое вранье! Когда это чувство правды давало ощущение счастья?! — фыркнул Кучкин. — Эх, Господи Иисусе, я сейчас усуси...

С этими словами он отвернулся от Девы, пнул ногой рундук-холодильник, стремительно пролетел головой модуль насквозь и скрылся за переборкой.

— Следите за Чарли! — раздался оттуда шепот.

Шульте сместился вперед и заглянул Аллену в лицо. Астронавт сидел с закрытыми глазами, расслабленный, безмятежный. Судя по всему, он больше не хотел психиатра.

— Эй! — крикнул Шульте. — Прекратите это! Чарли! Очнись!

— Через несколько минут, — сказала Дева. — Он недавно перенес шок, нужно сбалансировать его психическое состояние.

— Я требую немедленно! — Шульте принялся трясти Аллена, но тот был словно кукла.

— Через несколько минут.

— Чарли! — Шульте отвесил Аллену звонкую пощечину.

— Вот это по-нашему, по-бразильски! — обрадовался за переборкой Кучкин. — Слушайте, какая пакость, я эту бабу через стенку вижу!..

— Рожнов! Аптечку! Найдите стимулятор!

— Не мучайте его, — попросила Дева. — Потерпите немного. Вы ничего не измените — он все равно уже обрел знание. А сейчас мы оптимизируем психику, сильно пострадавшую из-за вчерашнего инцидента. Если не будете вмешиваться, получите своего коллегу совершенно здоровым.

— Да как вы смеете?!

— Мы смеем и не такое! — сказала Дева.

Шульте оторвался от Аллена и посмотрел на нее очень внимательно. И Рожнов замер, не дотянувшись до антечки. Впервые Дева использовала угрожающий тон, и получилось это чертовски внушительно.

— С этого места поподробнее! — крикнул Кучкин. — И хватит мне мерещиться, черт побери, я тут интимным делом занят!

— Так что же вы смее? — поддержал его Рожнов. — Менять нормально жить? Водить за руку? А убивать?

— Люди, почему с вами настолько трудно, почему вы не хотите добровольно познать, увидеть?

— А вы нас заставьте. Вот как Чарли.

Аллен вдруг негромко всхрипнул.

— Никто его не заставлял. Не будите, пусть отдохнет. Заставлять — это крайность, и к свободе не идут через принуждение. А вас мы хотим видеть именно свободными. Пришедшими к выбору через знание. Вслушайтесь: мы — это вы. Мы начинали так же. Только наша цивилизация раньше свернула с гибельного пути. У нас тоже были проблемы, кризисы, случались войны, хоть и не такие масштабные, как ваши... Но мы вовремя получили знание. Как видите, ничего страшного в этом нет...

По телу Девы снова пробежала легкая рябь.

— Это не я, — сказал Рожнов. — Наверное, у всемогущих глючит связь. Слушайте, так, значит, вы не сами выдумали это бла-бла-бла?

— Бла-бла-бла? — Лицо Девы, до этого совершенно бесстрастное, впервые показало, что может выражать эмоции. Оно изобразило легкую усмешку. А потом случилось нечто.

— Назад! — взревел Шульте. — Вернись!

Рожнов нырнул под пульт командного поста.

Кучкин выскочил в головной без штанов, сжимая в руке отвертку.

Аллен все спал.

— Значит, изначально был выбран удачный образ, — констатировала Дева, принимая свой прежний вид.

Шульте, тяжело дыша, растирал грудь в области сердца.

Рожнов, совершенно бледный, опасливо выглянул из-за пульта.

— Милая б-барышня! — произнес он с запинкой. — Зачем же так пугать?! Это грубо и негигиенично. Я чуть не испортил свежий памперс.

Кучкин медленно, поигрывая отверткой, подплыл к Деве и залепил ей оплеуху. Рука прошла насквозь, Кучкина закрутило, он с трудом остановил вращение.

— Не дури, — сказал Рожнов. — Она даже не голограмма. Это ты себе по мозгам дал. Врезал своему воображению.

— Плевать. Очень хотелось.

— Ты что видел?

— Чужого из кино. Во всех подробностях. Запах его почувствовал, сопли эти отвратительные...

— Откуда ты знаешь, как пахнет чужой?

— Теперь знаю. Командир, вы в порядке?

— Да, — кивнул Шульте. — Просто это было слишком неожиданно. И, знаете, немножко больно увидеть себя мертвым на мертвой платформе. Вчера. Я не думал, что мы прошли так близко от края.

Адлен немного пошевелился во сне и захрипел всерьез.

— Негодай, то он в депрессии, то спит! Нам бы так! — Рожнов вылез из-под пульта и уселся в кресло. Достал из нагрудного кармана белую коробочку, что-то выцелкнул себе в рот и принялся жевать.

— Дайте мне, — попросил Шульте.

— Нам доктор прописал. А вам, может, вредно.

— Дайте!

— Не спешите! — с заметным нажимом произнесла Дева. — Прием транквилизаторов сужает канал восприятия. Вам будет труднее овладеть знанием. Поймите, вы находитесь в ключевой точке. От вашего решения может зависеть судьба Земли. Тех, кто вам близок и дорог, кого вы любите. Вы же хотите, чтобы ваши дочери прожили долгую и счастливую жизнь? Или пусть они лучше задохнутся в ядовитом облаке, которое накроет Гамбург?

— Ты, сука, детей не трожь... — сказал Кучкин очень тихо, но отчетливо.

— Это касается всех. Думаете, ваш сын не попадет на войну?

— Когда начнется глобальное месиво, в армии окажется больше шансов выжить, чем на гражданке, — бросил Рож-

нов. — Слушайте, ну скажите наконец открытым текстом, чего вам надо, вашу мать?

— Это уже сказано — примите знание, а дальше решайте сами.

— Вот прицепилась, железяка хренова...

— Друзья! — подал голос Шульте. — Мы все-таки на международной станции. Можно по-английски? Я не успеваю переводить вашу ругань.

— Виноват, командир. Мы так время тянем. Скоро вызов снизу — готов поспорить, эта железная леди сразу перестанет нам мерещиться.

— Я останусь, — возразила Дева. — И буду запугивать вас до тех пор, пока вы не покинете станцию.

Трое как по команде посмотрели на спящего Аллена.

— Вспомните свою вчерашнюю истерику — разве сейчас она не кажется вам неадекватной ситуации? Мне незачем внушать людям кошмары — это была просто демонстрация силы, — я могу напрямую добиться от вас определенного поведения. Вы будете спасаться, а я снова испорчу компьютер, и станция «Свобода» перестанет существовать.

Трое заговорили одновременно.

— Обязательно губить платформу? — процедил Шульте сквозь зубы.

— Не надо ля-ля, компьютер был ни при чем! — сказал Рожнов.

— А ху-ху не хо-хо?! — спросил Кучкин.

— Вы ошибочно назвали станцию, она ведет не к свободе, а совсем наоборот. Откройтесь навстречу знанию, и уясните, что доставка энергоносителя со спутника — всего лишь отсрочка гибели вашего мира, новый шаг по тупиковому пути. Люди, как вы упорны в своих заблуждениях! Неужели трудно понять — топлива, откуда его ни черпай, никогда не хватит на всех! Меря свободу энергией, вы навсегда останетесь разобщены! Свобода вообще не измеряется, она либо есть, либо ее нет — так станьте наконец свободны!

— Ваша проповедь несет оттенок идиотизма, — сказал Шульте. — С самого начала. Для представителя такой мощной цивилизации вы недостаточно убедительны.

— Слово «цивилизация» к нам вообще неприменимо, мы просто есть — вместе и по отдельности, повсюду, и всё. Мы очень далеко отстоим от вас, нам чудовищно трудно коммуницировать с людьми, вы представить не можете, насколько, — гораздо легче прыгнуть через Галактику, чем убедить землянина. Вот, еще одно неточное сравнение — мне достаточно захотеть, чтобы переместиться куда угодно. Поэтому я и прошу — не надо говорить, надо увидеть и понять. Люди, почему вы заставляете манипулировать вами? Мы так хотим сотрудничества!

— Да на хрена, мать твою?! Виноват, командир.

— Расслабьтесь, уж это я в состоянии перевести, слишком часто от вас слышал!

— Повторяю, миллион лет назад мы были как вы, и если изъясняться в понятных вам категориях... Большое наслаждение — направить на верный путь.

— Она трахает нам мозги и кончает... — пробормотал Кучкин. — Как знакомо. На Земле полно таких. И бабья навалом, а уж мужиков...

— Мы отрицаем подчинение и манипулирование, используем его только в крайнем случае, но люди слишком часто не оставляют нам выбора — как вы сейчас. Почему вас приходится заставлять, принуждать?

— Ну... Мы такие, — сказал Шульте. — И к чему вы нас уже принудили?

— Иногда мы вынуждены бываем сразу отсекал наиболее опасные направления, иногда помогаем вам самим выстроить систему противодействия. Например, об экологии вы задумались с нашей подачи — в противном случае уже к сегодняшнему дню Земля была бы испачкана до потери восстановительного потенциала. А против сверхмощного оружия, ядерной энергетики, клонирования человека или, например, запусков к Луне мы возражали с самого начала...

— Возражали?! — перебил Кучкин. — Это, мать твою, называется «возражали»? Травить людей ипритом, бросать на них атомные бомбы...

— Мама родная! — воскликнул Рожнов. — А мы-то головы ломали, за каким дьяволом в Чернобыле взялись проводить эксперименты, от которых станции взрываются!

— И зачем было портить жизнь несчастным астронавтам? — спросил Шульте с тоской и горечью.

— Вы поняли меня совершенно правильно, — сказала Дева.

— Коллеги, только подумайте, сколько народу она должна использовать, чтобы все это организовать! И вы, сударыня, уверяете, что раньше никому не открывались?

— Предпринималось несколько экспериментальных попыток, только чтобы попробовать соприкоснуться разумами — в полноценном контакте все равно не было необходимости. С прискорбием сообщаю, что каждый раз мы терпели неудачу — интересующие нас субъекты отчаянно сопротивлялись. Но сейчас, в критической точке, сотрудничество имеет особый смысл, поэтому мы решили пойти на прямой открытый контакт. Кроме того, вы хорошо подготовлены к встрече с иным разумом и очень умны, поэтому я надеюсь, что мы найдем общий язык.

— Как это получится, если вы не в силах убедить нас?! Какой может быть общий язык, когда вы не понимаете элементарных вещей! — Шульте заметно разозлился. — Почему вы решили, что развитие человечества пойдет по вашему сценарию, когда лунная топливная программа закроется? Мы слишком далеко продвинулись по собственному пути. Нам уже не свернуть. Это просто не имеет смысла. Да, мы сейчас у критической точки. Но зато получили стимул для серьезного рывка. Наша платформа — только начало, первый шаг. Если все получится, люди перестанут глядеть друг на друга со звериным оскалом, они вместе посмотрят в небо! Вопрос стоит так — или всемирная драка за энергоносители, или объединенное человечество, способное решать любые задачи.

— Неверно! Только утрата энергии как мерила свободы...

— Да вы ни черта не понимаете в людях! Либо у Земли будет лунная энергетика, либо на планете не останется и миллиарда живых!

— Командир, — позвал Рожнов негромко. — Вы не думаете, что нашу гостью интересует второй случай? Кто останется после войны, тех она и научит говорить со звездами?

— Рассуждая логически, сй так будет намного удобнее, — заметил Кучкин.

— Коллеги, вы сами-то в это верите? — спросил Шульте. — Вы бы могли спровоцировать глобальную войну, чтобы стало намного удобнее?

— Она не человек, — веско рассудил Кучкин. — Она Железная Дева. Мы понятия не имеем об ее этике. А вы исец.

— И что? — насторожился Шульте.

— Вы не можете знать, что такое хотеть войны. У вас моральный запрет.

— Он пытается сказать, что немцы... — начал было Рожнов.

— Спасибо, я понял вашу мысль, — перебил Шульте с нескрываемым сарказмом. — Восхищен глубиной познаний особенностей германского менталитета! Может, в ответ рассказать вам про русских что-нибудь смешное?!

— Не сейчас. Командир, эта леди действительно либо не знает, во что залезла, — тогда гнать ее надо отсюда пинками, — либо хочет, чтобы земляне развалили свой мир, а выжившие попали ей в руки беспомощными. А она будет работать богом. И получать удовольствие, направляя на путь... О-о, послушайте, может, боги как раз и есть такие?!

— Я чувствую абсолютное нежелание понимать и доверять, — сказала Дева. — Это очень прискорбно, что с вами придется обращаться так же, как со всеми остальными. Поверьте, я совсем не хочу причинять вам беспокойство!

— Побеспокой меня, детка! — попросил Рожнов елевым голосом.

Повисла короткая пауза.

— Ну да, противно, — сказал инженер. — Но как-то вяло, ты не находишь?

Шульте и Кучкин переглянулись.

— Ты сколько таблеток сожрал, пока на толчке сидел? — спросил Кучкин. — Думаешь, я не слышал, как упаковка хрустит?

— Ну две. А ты будто меньше!

— Три. Сразу как проснулся.

— Думаю, не в одних таблетках дело. Вон, командир ничего не ел.

— Между прочим, я бы позавтракал, — сказал Шульте. — Слушайте, вы! Госпожа. Нас действительно сейчас вызовут.

Начнется работа, и дискутировать с вами не будет времени. Давайте сыграем в открытую. Или мы отказываемся сотрудничать.

— Я слушаю.

— Ответьте на простой вопрос. Чего вы хотите, черт побери?!

Дева замолчала надолго. В головном стало очень тихо, а храп Аллена совсем не мешал, напротив, успокаивал.

— Пока она тормозит, упакуем Чарли в спальный мешок? — предложил Кучкин.

— Головой вперед! Вот будет умора, когда проснется! Ха-ха, черный юмор.

Шульте смотрел на Деву и о чем-то думал.

— Я хочу, чтобы вы покинули станцию, — произнесла Дева очень медленно. — Если вы не сделаете это добровольно, я заставлю вас. Так понятно?

— А кто говорил, что мы должны узнать нечто и дальше решать?..

— Вы выступили против.

— Ничего подобного, — сказал Шульте. — Я готов.

— О, сумрачный немецкий гений... — буркнул Рожнов.

Кучкин захлопал глазами, и опять, как вчера, это не выглядело комичным.

— Кто-то обязан узнать все до конца, — вздохнул Шульте. — Чтобы потом сказать: мы решали не слепо.

— Давайте я! — предложил Кучкин.

— Нет. Подумайте, с технической стороны я наименее ценный член экспедиции. Вы лучший наш пилот, а господин Рожнов лучший инженер.

— Но вы командир!

— И это тоже важно. Ну, сударыня, так что мне делать?

— Вы должны расслабиться физически и ментально, — все так же медленно, будто не веря, сказала Дева. — С закрытыми глазами удастся легче, сам контакт займет несколько минут, возможно, больше или меньше, это зависит от того, как глубоко будет погружение в знание, — вы управляете самостоятельно проникновением в меня.

— Проникновением в вас? С самого начала трудно было объяснить по-человечески? — вклинился Рожнов.

— Не виделось необходимости, вы показались умнее и раскрепощеннее, чем есть, — очень по-человечески ответила Дева. — А что вы подразумеваете?

— Ну... Что это мы погружаемся, а не вы в нас кладете.

— Я не могу передать неوفиту полное знание иным путем, так просто невозможно, мне приходится распахивать себя перед вами и давать путь. Мы слишком разные, в понятных вам категориях вы песчинка, я звезда, а если говорить о взаимодействии... Человек может войти в дом, но дом не может войти в человека, он в состоянии только обрушиться на него. Казалось естественным, что вы поймете это.

— Когда показывали нам страшилки, вы именно обрушиваетесь?

Дева второй раз слегка улыбнулась. Рожнов по старой памяти напрыгся.

— Немного усиливаю давление на одну песчинку под собой. Если я обрушусь, то раздавлю Землю.

— Крутая тетя, — сказал Кучкин. — Командир, ваши приказания?

Шульте уже минуту висел в позе медитации, и у него, похоже, неплохо получалось.

— На время моего отсутствия принимайте руководство экспедицией. Начну странно вести себя — бейте по голове вашей кувалдой, — произнес он негромко, слегка приоткрыв глаза. — Пока наблюдайте.

— Но если вы... э-э... Реально овладеете знанием? И начнете спасать мир? А я вас — хаммером?

— Слушайте, Кучкин, идите в... — попросил Шульте по-русски.

— Наш человек! — гордо сказал Кучкин. — Пойду, что ли, по такому случаю надену брюки. Раз я теперь командир.

— Ох, и страшно мне... — пробормотал Рожнов, глядя, как Шульте медленно опускает веки.

— Опять тетя давит?

— Нет. Она ничего серьезного с нами сделать больше не может. Ни хре-на. Ты понял, да?

— Я могу убить вас одним желанием, — сообщила Дева.

— Цыц, дура, тебя не спросили. Понимаешь, коллега, она серьезный противник, у нее все ходы посчитаны далеко

вперед. Но если спросить — какого черта ты, зараза, сожгла два шаттла, — она тут же созрет, что так надо было. Хотя к шаттлам никакого отношения не имела. Я скорее поверю в атомную бомбардировку, Чернобыль и «Гриппис». Легко поверю — там человеческий фактор был определяющим. Но вот грохнуть платформу ей слабо. Только нашими руками. Она даже компьютер испортить не в силах. Больше скажу, мы с тобой ей уже не по зубам — потому что освоились, попривыкли и можем осознанно сопротивляться. Доставать нас она будет постоянно — тебе вот не страшно? — ага, мне тоже хреновато. Ничего, на таблетках выдержим. Конечно, недооценивать тетю нельзя. Если она с самого начала подозревала, что Чарли пуганется сильнее, чем следует, и заставила одного хорошего человека подсунуть мне скретку на всякий случай...

— На какой случай?

— Э-э...

— Зуб даю, по ее плану мы должны были сдохнуть при загадочных обстоятельствах, все четверо, — сказал Кучкин. — Понятное дело, из-за того, что Чарли тронулся умишком. Мощный стимул к русско-американскому сотрудничеству, ничего не скажешь. Платформа бы вымерзла к такой-то матери, замучаешься восстанавливать. Потом наши приземлили бы спускач дистанционно, разобрали по винтику, нашли этот проклятый тумблер... Года два тотального самоедства гарантирую — аресты, допросы и ни одного старта. Эй, чего молчишь, железяка? Я прав?

— С дураками не разговариваю, — отрезала Дева.

Кучкин и Рожнов так заржали, будто ничего смешнее не слышали в жизни.

— Другого боюсь, — сказал Рожнов, отсмеявшись. — Вдруг она права?

— Ну... Про войну не знаю и знать не хочу. А насчет упущенных возможностей и духовного пути — сон она навела красивый.

— Проклятие, мне почти уже приспилось нечто, и тут Чарли все испортил. Ты уверен — это именно она?..

— Знаешь, я раньше как-то не задумывался о райских кушах и подобной ерунде. А сегодня — взял и увидел.

— И как оно было? — спросил Рожнов с откровенной завистью.

— Хм... Честно говоря, мне показалось чересчур стерильно. Почему и говорю — Дева паваяла. Зелень, цветочки, небо голубое, водичка прозрачная, солнышко яркое. И я в этом как бы даже не кунаюсь, а присутствую. Она сказала — мы везде и мы всё — по ощущениям так и выходило. Только я почему-то безумного счастья не почувствовал. Но было интересно.

— А делать ты мог что-нибудь? Развалить дом, вырастить змью, срубить дерево?

— А я не хотел, — сказал Кучкин, поразмыслив.

— И я не хотел... — прошептал Шульте.

— Командир! За время вашего отсутствия происшествий не случилось!

— Почему-то очень хочется сесть. Как это ни бессмысленно в невесомости. Господин Рожнов, уступите кресло? Спасибо. Я должен зафиксировать себя. Значит, мы видели один и тот же сон?

— Я не видел, — сказал Рожнов, пожирая Шульте глазами. Тот выглядел неплохо, только говорил почти шепотом, а двигался осторожно, немного скованно. И смотрел мимо собеседника.

— Поверьте, вы ничего не потеряли.

— Вы потеряли всё! — сообщила Дева.

— Ой! — Рожнов от неожиданности чуть не встал головой в потолок. — Она еще здесь?! Девушка, шли бы вы!..

— Она теперь с нами очень надолго, — сказал Шульте. — Пока не потеряет надежду обратить в свою веру или выгнать с платформы. Боюсь, такое давление вредно отразится на психике членов экспедиции. Думаю, надо переходить к активным действиям. Господин Кучкин, мне чего-то не хватает, чтобы ощутить себя германским богом. Где я могу взять свой молот?

— Момент, командир.

— Ты не найдешь, я принесу. — Рожнов упорхнул.

— Как вы себя чувствуете, командир?

— Недостаточно уверенно, — сказал Шульте. — С молотом будет лучше.

Вернулся Рожнов при кувалде.

— А может, я? — спросил он. — Куда бить?

Шульте забрал у него молот и крепко прижал к груди.

— Теперь слушайте. Я сейчас буду некоторое время странно вести себя. Почему — объясню потом, если сами не догадаетесь. Но это в интересах человечества. Поверьте мне.

С этими словами он выбрался из кресла и улетел в переходной.

— Пока не поздно, скрутим его? — предложил Рожнов.

— Не имеем права. Он же старший. Командир.

— Форс-мажорные обстоятельства. Видишь же, у мужика шарики за ролики заехали. Вообразил себя богом.

— Во-первых, я ему верю, — сказал Кучкин. — Во-вторых, форс-мажор наступит, когда он натворит чего-нибудь.

Мягко хлопнула крышка люка.

— А в-третьих, уже все равно ничего не исправишь.

— Примите знание вы! — потребовала Дева. — Ваш начальник понял нас ошибочно и сделал неверные выводы.

— Отвали, галлюцинация, — отмахнулся Кучкин. — Слушай, коллега, давай и вправду засунем Чарли в спальник. А то непорядок, валяется астронавт бесхозный, вдруг его ветром сдует?

— Головой вперед засунем?

— Угу. Только молнию расстегнем, чтобы дышать мог. Все равно темно будет и страшно.

— Он принял знание, ему теперь все до фонаря.

— Вот мы и проверим...

* * *

Они действительно упаковали Аллена в мешок головой вперед и, очень довольные, принялись завтракать.

Дева им почти не мешала. Во всяком случае, Рожнов совсем не подавал виду, только Кучкин иногда вздрагивал и тихо матерился.

— Это мне кажется или приходят удары на корпус? — спросил Рожнов, жуя.

— Есть немного. Хорошо он там долбит, однако!

— Крепкий дядя. И отважный. И сообразительный.

— Дядя хороший, спору нет. А ты больше не боишься, я смотрю?

— Хрен ли теперь бояться? — усмехнулся Рожнов. — Главное, если что, мы с тобой ни в чем не виноваты. Хм... Интересно, как он собирается объяснить свой поступок.

— Думаю, никак. Чего-то нас снизу не беспокоят, а?

— Я не хочу, чтобы на вас оказывали давление, — сказала Дева.

— О боже! Это чудо природы навеки с нами?

— Да ну! Повисит и рассосется. Зачем мы ей теперь? Заставить нас сломать платформу — не на таких напала. А выгнать отсюда — как? Пешком в скафандрах? Фигушки, у нас инстинкт самосохранения. Мы теперь на своих кубометрах сели крепко и будем сидеть. Так что до «Осы» беспокоиться не о чем. А там видно будет.

В переходной высунулась мокрая всклокоченная голова.

— Я прикрою люк, чтобы обломки не летали по платформе, — сообщил Шульте. — Разогрейте мне тоже поесть, будьте любезны.

— С удовольствием. Как ваши физические упражнения?

— Жарко, — сказал Шульте, утираясь рукавом. — Можно сока? Благодарю. А это что такое? Почему из мешка ноги торчат? Опять черный юмор?

— Нет, Чарли с ума сошел. Он теперь всегда так спать будет.

Шульте выпил сока, немного поразмыслил и сказал:

— Естественно. Бедный Чарли, у него было кратковременное умопомешательство. Иначе как объяснить то, что он заперся в тээм-четыре и разбил там всю авионику?

— Финально? — спросил Кучкин.

— Летать нельзя. Мы теперь заперты на платформе.

— Какой плохой мальчик Чарли Аллен, — опечалился Рожнов. — Чем же он колотил аппаратуру? Головой?

— Ах, если бы! Чарли нашел кувалду. Не знаю, как она попала в тээм-четыре. Очень неприятная ситуация. Боюсь, кому-то придется ответить за это.

— Черт с вами, отвечу, — сказал Кучкин. — Не расстреляют же меня! Я надеюсь. Ну Чарли, поросенок! Уничтожить такой хороший спускаемый! И как! Используя реальный исторический артефакт, биг рашен спэйс хаммер!

— О-о, уже спэйс хаммер! Прогресс. Расскажите, господин Кучкин, зачем вы искали кувалду вчера.

— Но мне показалось, вы не хотите этого знать.

— Теперь хочу.

— Очень простая идея. Представьте — мы не смогли починить нашу платформу. Что мы делаем? Надеваем скафандры и ждем смерти. Но Чарли наверное будет скучно умирать без нас. Тогда я выхожу наружу. Забираюсь на тээм-четыре. Демонтирую внешнюю теплоизоляцию, нахожу клапан уравнивания давления. И выбиваю его к черту.

— Добрый ты мужик, Кучкин! — фыркнул Рожнов.

— По пятницам. А сегодня уже суббота, так что следи за спиной. Можно я тоже спрошу? Вы оба совсем не жалосте Чарли?

— Прощайте, недоумки, — сказала Железная Дева.

— А? — Трое синхронно обернулись.

И не увидели ничего особенного. Только интерьер «лунной платформы». Без гостей.

Через секунду на них свалилось невероятное облегчение и едва не раздавило. Кучкин просто тихо плакал, Рожнов вдобавок стодал, а Шульте скрипел зубами. Только Аллен все храпел, и оказался его коллеги чуточку менее озабочены собственным душевным здоровьем, они наверняка задумались бы, не пора ли будить человека. И напрасно, потому что, в отличие от них, Аллен очень давно не спал.

Они утерли слезы и разъели на троих полпачки транквилизатора.

— Кто-нибудь понимает, что это было? — спросил Рожнов, оглядывая коллег с надеждой во взоре.

— Нонконтакт, — выдал Кучкин емкий термин. — Есть контакты, а мы сделали нонконтакт. Абсолютный. Финальный. Встреча двух цивилизаций стала полным уродством! Объясните, это Дева такая дура или мы тупые? Кто виноват?! И что делать?!

Он подумал и добавил тихонько:

— Два великих русских вопроса. Таких великих, что не может быть ответа никогда.

— Извините, пожалуйста, — сказал Шульте мягко. — Но у меня есть ответы. Сегодня. Виновата, конечно, Дева. А делать пужно свою работу.

— Так просто? — усомнился Кучкин. — И мы никому не расскажем?

— А вы намерены? Я, например, хочу летать. Выполнять программу. Господин Рожнов, ваши планы?

— Я хочу водки. Много водки прямо сейчас. И летать, да.

— Думаю, водка не помешала бы каждому. А чтобы летать, придется молчать. И стереть запись, компрометирующую нас. Сделаете?

— Принято к исполнению, — кивнул Рожнов. — Это нужно понимать так, что мы трое обо всем договорились? Случилось обрушение систем, потом безумный Чарли с хаммером, и ничего больше?

— Мне кажется, судьба платформы дороже личных предпочтений. — Шульте по-прежнему говорил очень мягко и глядел на русских почти виновато. — И еще мне кажется, что вы считаете так же. Вы знаете, для чего мы строим орбитальное депо. Испорченная репутация господина Аллена — не самая большая плата за открытую трассу к Луне. Это жестокий выбор, но так надо.

— Я все еще хочу понять, — напомнил Кучкин. — Вы приговорили Чарли и не жалеете его?

— Очень жалею. Но сейчас мы должны отладить платформу, — сказал Шульте. — И прилететь сюда еще не раз. Здесь потрачено столько наших усилий — будет несправедливо, если нас отзовут.

— А Чарли принял знание, — ввернул Рожнов. — Успешно или безуспешно, все равно ему теперь веры нет.

— Ты сам говорил — эта баба постоянно врала. Что если Чарли просто заснул? Отключился на нервной почве?

— Какая разница? Вспомни: он чуть не угодил нас. И ему никогда больше не летать. Парня скрутят и увезут в психушку, едва «Оса» приземлится.

— Уроды, — вздохнул Кучкин. — Я окружен бессердечными уродами. Ну... Расскажите нам про знание, командир. Может быть, тогда я прошу вашу жестокость к невинному. И умышленную порчу русской космической техники.

— Но... Вы уже владеете знанием, господин Кучкин.

— Простите, недопонял?..

— «Сорри», «сорри»! — передразнил Рожнов. — Гады вы оба! Пустите на рабочее место!

Он уселся за компьютер и начал крепко, с излишней силой, долбить по клавишам.

— Полегче, доску разобьешь, — сказал Кучкин.

— Некоторые целый спускач разнесли, и хоть бы хны. Пойди тоже чего-нибудь сломай. Платформа большая, железа много.

— Не ссорьтесь, друзья, — попросил Шульте. — Я же говорил, что вы ничего не потеряли, господин Рожнов. Господин Кучкин правдиво описал вам свои ощущения. Ему было скучно. Мне тоже. И вам — уверяю.

— Разобрался бы как-нибудь сам, — буркнул Рожнов.

— Командир, вы же побывали в голове Железной Девы — и?..

— Я увидел развернутую версию сна, болсе яркую. Но главное впечатление не отличалось. Понимаете, это не имеет никакого отношения к нам. Не наша жизнь, не наше отношение к миру. Дева хотела, чтобы мы восприняли свой потерянный рай во всей полноте, но чего-то не учла. Наверное, она и вправду слишком далеко от нас ушла. То ли мы не можем понять, то ли она не умеет показывать... Но скорее всего она просто ошибается, и это не наше предназначение. Дева пыталась соблазнить нас, и ничего не получилось — мы испытали только интерес, не выходящий за рамки обычного любопытства. А потом стало грустно. Я делаю вывод — соблазн был не по адресу. Наверное, Деве стоит попытать счастья в другом месте. Очень жаль, что из-за этой навязчивой дамы пришлось уничтожить тээм-четыре. Но я опасался за душевное здоровье экспедиции. Мы и так потеряли одного. А Дева не собиралась останавливаться на полпути, она достала бы каждого. Вы согласны?

— В целом — да... — сказал, помявшись, Кучкин.

— Спасибо за поддержку. Вы поймите, они — небожители. Но не демиурги. Поэтому нам скучно в их икуре. Мы созданы для чего-то большего. Но чтобы до этого большего дожить, нужно сегодня решать текущие проблемы. Наша с вами задача — платформа. Вы еще, наверное, оба поработаете на Луне. А я буду встречать вас здесь. Неплохо?

— Трудно поверить, что мы никому не расскажем... — Кучкин уныло вздохнул. — Никогда? Никто не будет знать?..

— Почему? А Чарли? Уверен, при первой же возможности он раструбит о случившемся на всю планету.

— Это совсем не то.

— Я знаю, — кивнул Шульте.

— Командир, Земля спрашивает, все ли проснулись. Хотите громкую связь? Видео?

— Что с вами? — спросил Шульте, наклоняясь ближе к Кучкину. — Что с вами, дорогой мой друг?

— Командир, зовут вас. Готовы общаться?

— Это все проклятое чувство правды, — сказал Кучкин горько. — Я знал, оно не даст ощущения счастья!

— Согласен. Поговорим об этом позже, хорошо?

— Непременно, — произнес Кучкин со значением. — Теперь нам будет особенно легко разговаривать. Финально легко. Или нет?

— Эй, вы! — позвал Рожнов. — Занимайте места. Я не собираюсь отвечать за всех!

Это была трудная связь — Земля так и сыпала вопросами, а экспедиция старательно изображала заинтересованность. На самом деле трое космонавтов размышляли о чем угодно, кроме отказа системы жизнеобеспечения, причем некоторые мысли наверняка у них были общими, а некоторые вовсе нет.

Кучкин дважды громогласно обличил специалистов из Королёва в недостаточной искренности. На третий раз он не успел открыть рта — Шульте чувствительно въехал ему локтем под ребро.

Рожнов сидел с блокнотом и делал вид, будто записывает все рекомендации — просто чтобы не смотреть в камеру.

Аллен во сне вяло дрыгал ногами.

Наконец добрались и до него — в Хьюстоне сгорала от нетерпения целая бригада специалистов по душевному здоровью. Когда Шульте кратко и сухо изложил свою версию происшедшего, в эфире воцарилась тишина, холодная как межзвездное пространство.

— Только умоляю, вы с ним поаккуратнее, — закончил рассказ Шульте. — Не травмируйте парня окончательно. Ведь Чарли уверен, что у него была всего лишь депрессия. Мы

постараемся сделать так, чтобы он не заглянул в «Союз». Люк уже закрыт.

Гробовое молчание было ему ответом. Наконец из Хьюстона робко донеслось:

— Разбудите Аллена, пожалуйста. Мы хотели бы посмотреть.

Шульте повернулся к Рожнову, тот, в свою очередь, легонько дернул астронавта за ногу.

— Ы-ы, — донеслось из спального мешка. — Мм.

— Чарли, подъем. Хьюстон на связи.

В мешке тоненько взвизгнули.

— Реагирует! — обрадовался Рожнов.

— Ни черта подобного, — сказал Кучкин очень тихо и напряженно.

В мешке взвизгнули снова.

— Дайте мне. — Шульте деликатно, но решительно отодвинул Рожнова, взялся за клапан спальника и оглянулся на Кучкина. Выглядел начальник экспедиции заметно растерянным.

— Я сейчас заплачу, — сообщил Кучкин деревянным голосом.

— Мне кто-нибудь что-нибудь объяснит?! Вы, двое! — почти крикнул Рожнов.

— Сохраняйте, пожалуйста, спокойствие, — попросил Шульте. — На нас смотрит Земля.

С этими словами он откинул клапан мешка, схватил Аллена за ногу и потянул наружу.

— Ба-ба-ба! — сказал Аллен. — Ва-ва! Ам!

Шульте выпустил астронавта и отшатнулся.

— Мама... — пробормотал Рожнов. — У него штаны мокрые. Кучкин действительно заплакал.

Тут Аллен заорал и принялся брыкаться. Русские бросились на него, кое-как затолкали обратно в мешок, теперь уже нормальным образом, и притянули к стене ремнями. Астронавт выл и рвался наружу, но ему не давали — сотрясающийся от рыданий Кучкин и совершенно белый Рожнов. Шульте подтянул к себе камеру и сказал в объектив:

— Старт «Осы» нельзя задерживать. Его нужно ускорить. Поднимайте судно так быстро, как это возможно. Земля, вы меня слышите? Почему вы молчите, Земля?

* * *

Шульте не летал больше. И пятью годами позже разбился, в страшной цепной аварии на обледеневшем автобане. Кучкин сказал: командир почуял опасность заранее и мог спастись, но вместо этого нажал на газ.

Кучкину дали небольшой сельский приход, и Рожнов как раз приехал его поздравить. А бывший пилот встретил бывшего инженера словами: здравствуй, командир погиб.

«Послушай, он уже тогда знал, что ошибся? — спросил Рожнов. — Там, на платформе — знал?»

Кучкин слабо улыбнулся. «Глупый. Командир не мог опиститься. Он должен был выбрать, и только».

«Не понимаю. Как это — выбрать?»

«Ему предложили два пути. Он выбрал тот, по которому человечество зашло дальше. Настрадаюсь больше. Решил, что добивать почти готовую программу умнее, чем затевать с нуля совсем новую, хоть и очень перспективную. Он был прагматик».

«А что бы выбрал ты?»

«Мне ничего не предлагали. Я же не заглядывал внутрь Железной Девы. А из сна вынес умение чувствовать правду, и только. Мне повезло. Не уверен, что пережил бы этот дьявольский соблазн. Командир тогда спас наши души, разбив тээм-четыре и показав Деве, что ей больше нечего ловить на платформе».

«Хорошо, но мог он выбрать неправильно? А еще представь — вдруг мы бы приняли другой путь, треснули командира по чану кувалдой и утащили вниз? Может, он это вычислил и нарочно лишил нас права выбирать?»

«Скорее всего. Но какая теперь разница? Уже монтируют лунный город. Вот увидишь, все устаканится. Земле был жизненно необходим рывок в космос. Пока люди сидели на поверхности, их так и подмывало разнести друг друга на кусочки — это командир верно подметил. Теперь народы вместе пахнут. А говорить со звездами и прыгать через Галактику мы непременно выучимся. Когда-нибудь. Не верю я, что традиционные подходы дадут нам забраться далеко от дома. Хочешь не хочешь, придется выдумать нечто особенное».

«И все-таки, почему командир?.. Ты же знаешь, да?»

«Он сомневался. С первой минуты и до самого конца. Тебе, наверное, больно это слышать, но он врал нам. Врал во спасение, чтобы защитить. На самом-то деле он узнал и понял нечто такое... Невероятное. И ему было очень трудно решить. Логика требовала одного решения, эмоции совсем другого. Он просто не выдержал и сдался».

«Тогда за что мы подставили Чарли? Чего ради он в психушке стигнул, если сам командир так вот бездарно...»

«Еще одна ложь во спасение. А я спрашивал, между прочим — не жалко вам его, ребята?»

«Уроды, — сказал Рожнов. — Я окружен бессердечными уродами».

«Не твоя реплика».

«Ур-р-р-р-роды».

— Какого черта? Обязательно надо сверлить прямо над головой у спящего человека?

— Ой, извини. Мне с той стороны не видно. Я думал, ты уже встал.

Кучкин высунулся из спальника.

— Молодой боец должен спинным мозгом ощущать присутствие дедушки! — сказал он сварливо. — Эй! Кто сегодня принесет мне кофе в постель?

— Холодного сока? — раздался совсем рядом голос Шульте.

— Благодарю. Командир, я видел кошмар. Мы все бросили летать. Вы покончили с собой, Рожнов стал алкоголиком, а я священником. Чарли, оказывается, был нормален, это мы его выставили психом.

— Интересный кошмар, — улыбнулся Шульте, протягивая Кучкину поилку. — А было объяснение, почему?..

— Вас замучили сомнения. Меня выгнали за кувалду. А Рожнов ушел просто за компанию. Одна интересная деталь: через пять лет... Нет, получается, через три года уже монтируют лунный город.

— Раньше, — сказал Шульте. — У вас неверные данные. Монтаж начнется еще раньше. А Чарли, к великому сожалению, никогда не поправится. А что господин Рожнов в вашем кошмаре последовал за нами — так я всегда говорил: он настоящий товарищ.

— А как насчет вас?
 — Я дальше сверлю? — раздалось из-за переборки.
 — Работайте, коллега, — разрешил Шульте. — Все равно шумно.

Дрель взвыла. Кучкин, скорчив недовольную мину, присосался к поилке. Шульте висел рядом и, улыбаясь, глядел пилоту прямо в душу.

— А насчет меня — даже не думайте! — прокричал начальник экспедиции.

— Я не виноват! Это психология! — крикнул Кучкин в ответ. — Старая обида руководила моим кошмаром.

— Обида? На что?

— Зачем вы солгали тогда? Про то, что увидели внутри Девы?

Глаза Шульте заметно похолодели.

— Вы меня уже затрахали, господин Кучкин! Сколько можно?

— Сколько нужно! Это мое чувство правды! Оно требует ответов!

— Засуньте его себе в задницу!!! — рявкнул Шульте. Дрель смолкла, и во внезапно наступившей тишине командный рык начальника, казалось, сотряс платформу.

— Не лезет! — парировал Кучкин.

— Я не понимаю, — сказал Шульте уже спокойнее. — Чем мое чувство правды хуже вашего? У меня оно поддается настройке. Может, вы просто не умеете своим управлять? Или не хотите?

— О'кей, о'кей. Оставим это, командир. Доброе утро.

— Доброе утро, господин Кучкин. С вашего позволения, я вернусь к исполнению служебных обязанностей. Спасибо.

Шульте улетел в инженерный. Кучкин допил сок и решил, что по случаю пережитого кошмара позволит себе еще несколько минут побездельничать.

— Ну, у вас со стариком отношения, — сказали за переборкой, — аж завидно. А что такое «чувство правды»?

— Мы видим, когда врут, — объяснил пилот. — И даже немножко больше.

— А-а... Понятно.

Кучкин расстегнул спальник и уселся.

— Приветствую экипаж станции «Свобода»! — провозгласил он, ловко имитируя женский голос. — Сохраняйте, пожалуйста, спокойствие! Вы вступили в контакт с иным разумом! Передаем концерт по заявкам! Полковник Кучкин просит исполнить для него любимую песню военных летчиков «Первым делом мы испортим самолеты». А вот хрен вам, полковник Кучкин! Слушайте группу «Айрон Мэйден»!..

Шульте в инженерном модуле пристроился к иллюминатору и смотрел на Землю. Было душно, но не из-за жары, а от несправедливой обиды, нанесенной излишне прямолинейным Кучкиным. Горело лицо.

Да, он тогда солгал. Потому что взял на себя ответственность выбрать — одному за всех. То, что выглядело разумным.

Альтернативы все равно не было.

Дева совершенно не умела разговаривать с людьми. Так она и мыслила не по-человечески! Шульте чуть не спятил от ужаса, бродя по закоулкам ее сознания, — если этот вселенский хаос вообще можно было сознанием назвать. Пока Дева подбирала более-мнее понятные мыслесобытия, а люди сами трансформировали их в слова, о какой-то примитивной коммуникации еще можно было говорить. Но когда дошло до серьезного дела...

Дева то ли переоценила способности человека, то ли не знала, что «увидеть и понять» отнюдь не универсальная формула общения. Так или иначе, а Шульте не понял ни-че-го из того, что ему пытались демонстрировать. Дева и вправду искренне хотела наладить контакт, никакой враждебности Шульте не ощутил. Только насмотрелся чертовщины, а когда почувствовал, как его засасывает липкая противная темнота, — выпрыгнул наружу. Может, имело смысл подождать, стерпеть. Но не хватило выдержки. Слишком уж там, внутри, оказалось все чужое, недоступное человеческому восприятию. И холодно там было — до дрожи, до тошноты. Неуютно.

Особенно — по контрасту с волшебным сном.

И первой ответной мыслью было — прекратить, остановить. Любой ценой отогнать страшилище подальше, чтобы оно и других не трогало.

Он сумел оборвать контакт. И это было правильно. Двоих товарищей он спас. Ведь Чарли... Ни одному специалисту на Земле не удалось внятно объяснить, каким образом

нормальный человек может так резко потерять рассудок, — если, конечно, не бить его кувалдой по голове. Когда Аллен, выглянув из мешка, уставился на Шульте пустыми глазами, тот понял, чем заканчивается для маленького слабенького человечка экскурсия в ту вязкую темноту.

Разумеется, Шульте мучили сомнения. Постоянно. Тысячу раз он прокручивал в уме события того дня, пытаясь найти хоть малейшую зацепку, намек на то, как надо было действовать. А до чего расстраивал общий с Кучкиным сон! Они, безусловно, приняли некую информацию и переработали ее. Но насколько правдивой вышла картинка? Насколько верны были ощущения? Не крылось ли за этой системой образов нечто большее или вообще совершенно иное?

И крылось ли что-то вообще?

Временами Шульте плакать был готов и выть от тоски.

Иногда — готов во всем признаться Кучкину и Рожнову.

Ни разу у него не получалось ни того ни другого. Вероятно, он был чересчур организованным, чтобы позволять себе истерику, и слишком ответственным, чтобы обрушивать на людей такие откровения. Тем более — на людей, которых сам лишил свободы выбора.

Но был ли выбор в принципе?

Явилась идиотка, пелла ахинсю, добивалась, непонятно чего. Угрожала. Потом разочаровалась, нахамила и ушла. Так случается на Земле, сплешь и рядом. Только когда с двух сторон люди, это не называют «контакт с иным разумом». Хотя пропасть между разумами налицо.

Кто-то обещал, что вы поймете друг друга? Ха-ха. Черный юмор.

Деву больше не видел никто, во всяком случае, никто из тех, с кем работали Шульте и Кучкин, — они бы сразу почувляли «своего». То ли дама разочаровалась в людях, то ли целиком переключилась на косвенное воздействие. Прямые людские потери «лунной платформы» ограничились двумя специалистами. Помимо Аллена, перестал летать Рожнов. Запугивая, Дева показала ему страшную катастрофу, в которой он должен был погибнуть. Теперь инженер не покладая рук трудился на доводке лунного производственного комплекса и уже дважды спас его, что называется, «в маке-

те». Рожнова считали чуть ли не провидцем, всячески оберегали, космос был для него закрыт.

Кучкина сначала хотели чуть ли не отдать под суд, но за пилота вступился русский главный. Сказал, что тот вовсе не хулиган и самоуправец, а, напротив, рационализатор и народный умелец. Кучкин закончил курсы переподготовки и снова летал. Выглядел он довольным — особенно когда при нем не пытались врать.

А Шульте — просто жил и работал дальше...

— Господа! — позвали из научного. — Простите, а где можно взять спэйс хаммер?

— В тээм-четвертом ЗИПе, где еще! — отозвался Кучкин. — Или в «Оссе» под креслом инженера. Берите американский, у него лучший баланс.

— Вранье! — крикнул Шульте. — Господин Кучкин просто жалеет свой артефакт. Берите русский. Он удобнее. Проверено.

«Самое важное — мы спасли платформу. Из-за Девы. Она нас вынудила. Достойный результат? Безусловно. Тогда отчего я так переживаю? Если бы еще не это треклятое чувство правды. Временами с ним просто невозможно жить. Зачем я врал Кучкину, будто оно поддается регулировке? Главное, нашел кому соврать!»

Вчера Кучкин снова поднял «Осу», и теперь на платформе под руководством сменного начальника экспедиции Шульте работали десять человек. Из научного модуля раздавались мерные тяжелые удары.

Опять у них заело телескоп.

Этот модуль на «платформе» звали научным из-за высокой концентрации аппаратуры и просто для краткости. Не станешь же каждый раз говорить «пост электронно-оптического наведения и сопровождения». МКС «Свобода» здорово разрослась, станцию все чаще требовалось сверлить, варить и даже пилить, а иногда орбитальное депо преподносило сюрпризы, отбиться от которых можно было только спэйс хаммером.

В том, что кувалда и на Луне пригодится, Шульте уже не сомневался.

Ведь там ждет прорва большой серьезной работы.

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

Мальчик-монстр

Сергей Лукьяненко родился 11 апреля 1968 года в Казахстане. Ведущий российский писатель-фантаст. Окончил лечебный факультет АГМИ в 1990 году по специальности врач-терапевт. Прошел ординатуру по специальности врач-психиатр, владеет гипнозом. Жил в Алма-Ате (Алматы) до конца 1996 года, потом в Москве. Работал врачом-психиатром в городском психдиспансере Алматы год, затем сотрудником журнала «Миры», с 1992 года — заместителем главного редактора. Первая НФ публикация — «Нарушение» («Заря», Алма-Ата, 1988). Первый авторский сборник — «Атомный сон» (1992). С 1995 года — профессиональный писатель. Был членом редколлегии журнала «Миры», издававшегося в Алма-Ате А. Кубатиевым, активным участником алма-атинского КЛФ «Альфа Пегаса», его литературным консультантом. Принимал участие в библиографическом листке ВС КЛФ и Совета ВО КЛФ под редакцией И. Халымбаджи. Участник семинара в Дубутах (1989, группа С. Снегова). Член ВТО, участник Ялтинских семинаров (1990, 1991), «Тирасполь-93», «Сибкон-93, 95». Лауреат практически всех существующих «жанровых» премий. По книгам Лукьяненко сняты фильмы «Ночной дозор», «Дневной дозор», «Азирис Нуна», создано несколько компьютерных игр.

Под окнами звонко зацокали сандалии, и я со стоном открыл глаза.

Нелегко просыпаться с похмелья!

Вчера мы весь вечер просидели с моим старым другом, космическим штурманом Володей Васильковым. Три месяца его звездный клипер «Нематода» полз сквозь червоточины пространства-времени, посетил восемь планет и вот накануне вернулся на Землю. Звонок и мигание видеофона оторвали меня от работы. Ворча, я отложил толстую стопку разграфленной бумаги и ответил на вызов. Ух, чтобы я сказал, окажись это Жанна, моя помощница!

Но это был Володька — бородатый, загорелый тем особенным, сиреневым «звездным загаром», с задорным огоньком в глазах.

— Старик! — закричал он. — Я на Земле! Помнишь еще, где моя дача и что с собой надо брать?

Конечно же, я помнил!

Не прошло и получаса, как, отпустив флаер (веселый молодой кавказец с улыбкой посмотрел на мою звякающую сумку и пожелал хорошего отдыха), я прошел заросшими дорожками сада и постучал в знакомую дверь. Володька сграбастал меня в объятиях и радостно потащил на кухню. Там уже горел огонь в русской печке, весело закипал старый самовар, а поскрипывающий от ветхости робот Бенья нарезал колбасу и сало, вскрывал устриц и нарезал помидоры. Бенья достался моему другу от деда, был он устаревшим и морально, и физически, но сдавать его в металлолом мой сентиментальный друг отказывался. «Каждый год он все ближе к раритету!» — объяснял Володя и латал износившуюся машину.

А когда Бенья накрыл стол и с похрустыванием суставов уселся в углу, у почки, чтобы побережь изношенную систему терморегуляции, мы с Володькой принялись болтать. Ах как же мы хорошо посидели! Володька рассказывал про Дальний космос, про метеоритные бури, магнитные шквалы, вихри антиматерии и загадочные кристаллические корабли-убийцы, что стреляют по всему теплomu и живому, что встретят на своем пути... Я делился новостями со своей работы. Беседа текла все душевнее и душевнее, всхлипывала изредка из угла масляная помпа старика Бени, мерцал беззвучно экран телевизора, стрекотали в саду цикады...

Потом я пошел спать на веранду.

И надо же было, чтобы меня разбудили... я глянул на часы и застонал — в семь утра! Суббота, семь утра — а меня разбудили!

Какая сволочь...

Поднявшись с кровати, я выглянул в окошко. Вот сейчас выскажу раннему гостю все, что о нем думаю!

Но заготовленная суровая отповедь застряла у меня в горле. Под окном, вытянувшись стрункой, стоял загорелый светловолосый мальчишка лет двенадцати. Был в красной панамке и коричневых сапдалиях, плечи испараны колючими ветками смородины, на правой щеке прилипла тополиная пушинка, а на губах раздувался здоровенный пузырь

жвачки. Когда моя всклокоченная голова с сердито опущенными бровями показалась в окне, мальчишка испуганно округлил глаза, а пузырь жвачки лопнул, проиграв первые десять тактов из песни про веселый ветер. Такие музыкальные жвачки были сейчас в моде у детворы.

— Ты кто такой? — строго спросил я. — И почему ты цокась у меня под окном в такую рань?

Мальчишка, хоть и смутился, но оказался не из робких.

— Извините, пожалуйста, — сказал он. — Но я не знал, что здесь кто-то спит. Я пришел к Владимиру Василькову, штурману Дальнего космоса.

— Знаешь, мальчик... — сказал я серьезно. — Не стоит сейчас будить Володю Василькова. Лучше пусть он поспит еще два-три часика. Володя очень устал от космических будней.

— Понимаю, — сказал мальчик серьезно. — Очень жалко. Я хотел его позвать купаться на речку.

И он снова переступил своими звонкими сандаликами — цок-цок. Удивительно, какие неожиданные приятели есть у моего сурового друга-космонавта! Вот так знаешь человека двадцать лет, а потом узнаешь с неожиданной стороны!

— Лучше иди купаться сам, — сказал я. — А Володе дай поспать.

— Я один не могу, — серьезно ответил мальчик. — Только с Володей.

— Почему?

— Понимаете... — Он чуть понизил голос и на всякий случай оглянулся. — У нас глубина в речке очень глубокая. Я один боюсь.

Это было так трогательно и искренне, что я не нашелся что ответить. Ну какой мальчишка признается в том, что он чего-то боится!

— А знаете что... — предложил вдруг мальчик, подумав. — Пойдемте вместе на речку? Я думаю, вам будет полезно!

— Но... — Я растерялся. — Как-то неожиданно. Разве тебя не учили, что пельзя никуда ходить с незнакомыми?

— Это ничего, — улыбнулся мальчик. — Мы сейчас познакомимся! Витя! — И он протянул вверх узкую ладошку, перемазанную коричневой краской, зеленкой и оранжевым облепиховым соком.

— Святослав. — Я пожал ему руку. — Вообще-то я имел в виду... а! Лады, подожди минутку!

Натянув штаны и футболку, я вышел из дома. Вслед мне мяукнула Володькина кошка Фима.

Витя крепко взял меня за руку и повел куда-то через сад, на ходу объясняя:

— Можно из ворот выйти и по дороге пойти, только я короткий путь знаю. Там придется через забор один раз, но вы сможете, не сомневайтесь...

На ходу он все время закидывал руку за спину, почесывая комариный укус между лопатками. Видимо, сильно чесалось — Витька даже попискивал от огорчения, не в силах толком дотянуться.

— Страдаешь? — спросил я.

— Ужасно! — воскликнул мальчишка. — У нас зверские комары, настоящие тигры!

Мы как раз подошли к забору, огораживающему дачу.

— Упрись руками в доски, — посоветовал я.

Витька послушался, и я хорошенько почесал ему между лопатками. Мальчишка аж захрюкал от удовольствия. Проходившая за забором старуха-молочница с любопытством уставилась на нас — над забором торчали только Витькины вихры, понять, с чего он хрюкает, не было никакой возможности. Бросая в наши стороны подозрительные взгляды, молочница перехватила коромысло с бидонами поудобнее и заспешила по улице.

— Я, брат, знаю, что это такое — когда чешется, — сказал я. — Меня однажды Володька космической чесоткой заразил... Ох, как же мы чесались, пока ученые лекарство не придумали... Скажи, а откуда ты знаешь Володю?

Витька засопел. Тогда я на миг перестал чесать ему спину.

— Ну... — заколебался Витька.

Я снова почесал загорелую спину — за моими ногтями потянулись белесые полосы слезшего загара.

— Он мой папа, — буркнул Витька.

От удивления я повысил голос.

— Он твой отец? Но постой... Этого не может быть! У космонавтов, после того как они летят в космос, не бывает детей! Они дают обещание не заводить детей, потому

что неизвестно, какими будут эти дети. Вдруг они вырастут монстрами?

— И что, я похож на монстра? — с обидой спросил Витька.

— Нет, — признался я. — Но разве твой папа был женат?

— Такой большой, а не знаете, что жениться для этого совсем не обязательно? — горько спросил Витька. — Пойдемте. Я вам расскажу...

Мы перелезли через забор (вначале перелез я, а потом Витька вскарабкался на забор и прыгнул мне на руки — он был легкий как пушинка). Пошли по проселочной дороге мимо спящих дач. А Витька негромко и очень серьезно, повзрослому, рассказывал:

— Папа тринадцать лет назад в космос полетел. И дал клятву, что никогда детей не заведет. А мама тоже была космонавтом. И в системе Альфа Годзиллы их клипер попал в вихрь вырожденной материи, они были уверены, что там погибнут, ну и... — он шмыгнул носом, — ну и вот.

— Но почему Володя мне никогда о тебе не рассказывал? — поразился я.

— А он и сам не знал, — усмехнулся Витька. — У них там была одна спасательная капсула на корабле, вторая оказалась сломана. И тогда папа улетел, а мама осталась чинить капсулу, она же механик по профессии. Она еще не знала, что у нее буду я.

— И долго вы там летали? — спросил я в ужасе.

— Год назад мама починила капсулу, и мы на Землю прилетели, — ответил Витька. — Тайком приземлились и стали здесь жить, по соседству с папиным домом.

— А почему тайком?

— Знаете, что со мной сделают? — Витька посмотрел на меня большими серыми глазами. — Меня посадят в институт изучения космоса и будут лет десять проверять: монстр или не монстр! Я оттуда стариком выйду!

Он помолчал и с досадой взмахнул рукой:

— Эх! Вот теперь вы про меня расскажете, и меня заберут. И зачем я вам все рассказал?

Мне стало неловко. Я присел, обнял его за худенькие плечи, прижал к себе. Услышал, как часто бьется в его груди сердце.

— Ну что ты! — сказал я. — Я же вижу, ты настоящий. Живой. Не бойся, я тебя не выдам!

Скрипнула калитка, из ближайшего дома вышла молочница. Увидела нас и почему-то растерялась, засеменила прочь.

— Спасибо! — прошептал Витька.

Речка была совсем рядом. Тихая и неширокая, она давно была облюбована местной детворой. Да и мы со штурманом Васильковым любили вечером, выдув самовар-другой, посидеть на бережку или забраться в воду у запруды. Летом речушка немного зацветала, становилась совсем сонной и ласковой.

Еще в ней водились плотва и караси.

Витька скинул сандалики и радостно забрался в воду. Я же сел на берегу, обхватил руками свою несчастную голову и стал думать о жизни: какая она сложная, запутанная, какие удивительные встречи в ней случаются и какие трудные решения порой приходится принимать.

Тут Витька закончил плескаться, выбежал на берег и весело запрыгал на одной ножке, вытрясая воду из уха. Я одобрительно посмотрел на него — какой он ладный, бодрый и совсем без головной боли. И Витька будто поймал мой взгляд, нахмурился, подошел и положил мокрые ладошки мне на лоб.

— Терпите, дядя Святослав, — сказал он. — Вначале будет сильно больно, а потом все пройдет.

И действительно — голова будто взорвалась изнутри! Но не успел я zavонить, как боль стихла.

— Что же это такое получается? — спросил я. — Ты у нас экстрасенс? Лечишь руками?

— Нет, нет! — Витька замотал головой. — Лечить я не умею. Я ускорил ход времени в вашей голове, вот все ваше похмелье и проскочило за три секунды!

— Все-таки ты монстр, — понял я. — Как не стыдно, Витя! Ты мне врал!

Витя покраснел, но с вызовом сказал:

— А если добро людям причинять? Это тоже монстр?

Я задумался. Конечно, суровые правила Дальнего космоса придуманы не зря. Еще в двадцать втором веке люди узнали, что у космонавтов, летавших к звездам, дети вырастают страшными монстрами. Не обязательно злыми, но любая их забава была парадоксально связана с космическими процессами. Пос-

ле того как сыну космонавта Ермакова не дали мороженого, а в итоге вся Венера покрылась льдом, человечество насторожилось. А уж когда Элли, дочурку космонавта Бриннера, не пустили в цирк... В общем, все эти дети теперь лежат в анабиозе, а новые космонавты дают строгую клятву никогда не заводить детей...

— Что твой папа говорит? — ушел я от ответа.

— Говорит, что ничего... что я мирозданию не угрожаю... — Витька опустил глаза. — Я ему обещал никогда своих способностей не использовать. Вы уж не говорите... про то, что голову вам вылечил!

В сердцах махнув рукой, я сказал:

— Ладно, Витька. Не скажу. Иди, купайся.

Утро положительно становилось все лучше и лучше! Я с удовольствием походил по бережку, поговорил о погоде с пастухом, который пригнал на водопой стадо кроликов. Витька, как и положено нормальному ребенку, плескался в затоне. И вдруг я услышал его тревожный вскрик!

В мгновение ока я оказался на берегу, куда уже выбрался Витька. Из левой ноги у него текла кровь.

— Ничего, ничего, — бодрился Витька.

Но я-то видел, как он испугался и побледнел!

Пятка оказалась разрезана осколком стекла. Хуже того — в ранку попал ил.

— Садись, горе ты мое луковое! — прикрикнул я на Витьку.

А сам крепко взял его за пятку и принялся отсасывать грязь из раны. Сосать пришлось долго, пока затхлый привкус речного ила не сменился горячей соленостью мальчишеской крови. Периодически я сплевывал кровь в траву, приговаривая:

— Из-за тебя, монстра, вампиром каким-то себя чувствуешь...

Витька перестал морщиться и уже улыбался. Краем глаза я заметил, как к реке движется молочница со своими бидонами. Увидела нас — и, поджав губы, пошла ниже по течению.

— И что она все ходит, ходит! — возмутился Витька. — Противная какая-то тетка! Третий день как у нас поселилась...

Я перевязал ему ногу своим носовым платком, Витька влез в сандалики и бодро захромал к отцовской даче. Я пошел рядом, положив ему руку на плечо. У самого забора обернулся — молочница топталась на том месте, где мы купались. Усмехнувшись, я легко подсадил Витьку на забор.

— Володя! — укоризненно сказал я, когда мы попили чая с сушками, а Витька убежал в сад, нарвать на вчер малины. — Как ты мог, Володя?!

Штурман Васильков опустил голову и взмолился:

— Святослав, не суди строго! Мы были уверены, что погибнем!

— Да я не про то, что ты завел ребенка. — Я махнул рукой. — Если уж честно — многие космонавты нарушают закон. Но почему ты не рассказал все мне? Мне, твоему лучшему другу! И, если уж на то пошло, начальнику отдела по контролю за детьми-монстрами!

— Потому и не сказал, — вздохнул Володя. — Я же знаю твой подход... чик-пык — и в анабиоз. До лучших времен. А он ведь живой, теплый... ему играть хочется, в речке купаться, рыбу ловить...

— Он мне похмелье снял, — мрачно сказал я.

— Ну вот, видишь! — Васильков достал бутылочку коньяка «Старый бушприт» и плеснул нам по рюмке. — Он добрый и хороший мальчик! Что... что ты говоришь, он сделал?

— Проявил монстрические способности! — отчеканил я. — И не важно, что с добрыми целями. Ты же знаешь, как оно все взаимосвязано? Опять сообщение: «Черные дыры, черные дыры...» А это Витька стрелял из рогатки.

— Ну ты из него невесть кого лежишь! — возмутился Васильков. — Ну умеет парепь немножко время вперед-назад гонять... локально! Никаких черных дыр...

— Это только тебе так кажется. — Я покачал головой. — Сейчас.

Достав видеофон, я набрал номер. Спросил:

— Ну, что там?

— Экспресс-анализ показывает: уровень монструозности девяносто три — девяносто четыре процента. — Голос лаборанта дрогнул. — Вы поосторожнее там, ладно?

— Ты уже и кровь у него на анализ взял? — возмутился Васильков.

— Повезло. Он порезался, когда купался.

Глотнув коньяка, Васильков с тоской произнес:

— Ну так что прикажешь делать, друг дорогой?

— Морозить. — Я вздохнул. — Нет иного выхода. Мальчик он не злой, но что для него шалость — то для Галактики катастрофа. У них проказы — у нас проказа! Не можем мы рисковать!

Мой друг с тоской посмотрел на меня и уж было собрался что-то сказать — как от двери послышалось:

— Я так и знал! Так я и знал! Вы злые!

Витька стоял, прижимая к груди решето, полное свежей спелой малины. Красный сок тек у него с губ, смешивался со слезами и собирался в капли на подбородке.

— Витя, нет у нас другого выхода, — сказал я со вздохом. — Ты ляжешь и уснешь. А потом, когда-нибудь, проснешься. Представляешь, как будет интересно в будущем?

— Ну уж нет! — Витька замотал головой. Глаза его злоеще блеснули. — Ничего вы со мной не сделаете! Сейчас... сейчас я вас состарю! Через три секунды вы умрете от старости, злобные взрослые! А потом я пойду, быстренько сделаю других детей взрослыми, и мы вас завоюем. И остальных детей-монстров я выпущу. Я с самого начала хотел их выпустить!

Мы в ужасе замерли под ледяным прищуром его недетских глаз. Мне даже показалось, что я уже старею, — хотя скорее всего он только собирался с силами.

И в этот миг крыльцо заскрипело от грузных шагов.

— Молочко, сливочки, творожок домашний! — нараспев произнесла тетка-молочница. — Йогурт, мороженное, айран, кумыс! Все свежее, все только что из коровки!

— Уйди, тетка! — не оборачиваясь, воскликнул Витька. — Не то все твоё молоко враз скиснет!

— Ой, ой лишенько! — запричитала тетка. — А шоколадный сырок не хочешь?

— Шоколадный? — Витька аж подпрыгнул от восторга. — Хочу! И еще ваниль...

В этот момент молочница одним ловким движением опрокинула на него бидон. Раздалось шипение, с которым жидкий

гелий заморозил мальчишку-монстра. Засвиристело, забулькало — в один миг теплое худенькое тельце превратилось в твердую коричневую скульптуру, напоминающую шоколадные фигурки арапчат из кондитерских магазинов.

— Держите, держите, он твердый, но хрупкий! — завопил Володька, когда маленький монстр стал падать навзничь.

К счастью, молочница сумела его подхватить и аккуратно уложила на половичок.

— Спасибо, Жанна, — поблагодарил я. — Ты, как всегда, на высоте и там, где нужно!

— Сандалики надо сплести, — велела Жанна и подхватила второй бидон с жидким гелием. — Вы его вертите, мужики, а я буду равномерно поливать, чтобы проморозился отовсюду.

Втроем мы быстро и равномерно охладили Витьку, после чего положили на диван и вызвали транспортную бригаду. Стянувшая парик Жанна с удовольствием выпила копытца. Укоризненно посмотрела на Володю, сказала:

— Ай-яй-яй...

— Я больше не буду, — смутился Володька.

Прибежал со двора его старый пес Абрам. Понюхал Витьку, задумчиво почесался и улегся у пещки.

— Жанна, а ты специально дожидалась такого момента? — Я кивнул на Витьку. — Ну, вот чтобы вполоборота, с улыбкой на губах и трогательно протянутой рукой?

— Ага. — Жанна кивнула. — Они ж там стоят, бедненькие, в зале долгого хранения. Если по струнке их ставить — совсем грустно. А так — живенько получается.

Мы задумчиво посмотрели на Витьку.

Всем нам было неловко и даже немного стыдно. Но что поделать? Если события космических масштабов начинаются зависеть от детского озорства — тут у взрослых выхода не остается.

Ведь все мы в детстве были монстрами...

АЛЕКСАНДР ЕТОЕВ

Экспонат, или Наши в космосе

Александр Етоев родился 9 января 1953 года. Писатель, редактор, критик. Окончил Ленинградский механический институт по специальности «инженер-механик». Два года работал в проектно-институте, затем в течение двенадцати лет — в хозяйственной части Эрмитажа. В 1991—2000 годах был редактором издательства «Terra Fantastica». С июля 2000 по февраль 2001 года работал в интернет-магазине «ОЗОН» в должности выпускающего редактора. Член Союза писателей Санкт-Петербурга (с 1999 года). Публиковался в журналах и коллективных сборниках, автор более десяти книг для детей и взрослых, нескольких сборников стихов, огромного количества статей и книжных обзоров. Действительный член семинара Бориса Стругацкого. Лауреат литературных премий «Интерпресскон», «Странник», «Малый Золотой Остап», премии им. Н. В. Гоголя, «Алиса».

Поворил тот, краснорожий, что появился из корабля первым. Сильно мятый, в пятнах масла комбинезон, продранные рукава и колени, ржавчина на пряжках и на заклепках. Да и сам он был вроде как не в себе. Дергался, приплясывал, выгибался — может быть, от волнения, а может, сказывались последствия неудачного входа корабля в атмосферу. Кольца, сетки, фляжки, ножи, выдавшая виды стереотруба без штатива, с два десятка непонятных приборов — словом, все, что было на нем, скрипело, звенело, булькало, скрежетало, брякало, не умолкая ни на секунду.

— Эй, длинный! Ты, ты, нечего оборачиваться. Тебе говорю: какая у вас планета?

Желтый палец свободной руки пришельца то попадал в Пахаря, то промахивал мимо и тогда начинал выписывать в воздухе танцующие фигуры. Левая рука краснорожего крепко заплутала в ремнях, спеленавших его всего, будто тропические лианы. Он то и дело дергал плененной дланью, думая вернуть ей свободу; плечо взлетало и падало под громкий хохот походного снаряжения, но рука оставалась в путах.

Пахарь, или Рыхлитель почвы, так его прозвали в деревне, стоял молча, локоть положив на соху и пальцами теребя густую рыжую бороду. Он чувствовал, как дрожит под сохой земля и дрожь ее отдается в теплом дереве рукояти. Земля ждет, когда он, сын ее и работник, продолжит дело, прерванное пришельцами, взрыхлит верхний, окаменевший слой, и она задышит сквозь развороченные пласты молодо, легко и свободно. Но этот большеротый чужак, горланивший от края поляны, и те, что с ним, и то, что было за ними, — большая круглая штука, похожая на дерево без коры, — мешали закончить начатое.

Он стоял и молчал. Ждал, когда они уберутся.

— Ты что, глухой?

Пахарь молчал.

— Или дурак?

Он почувствовал зуд на шее под рыжими лохмами бороды. Муравей. Высоко забрался. Пахарь повертел головой, потом пальцем сбросил с себя докучливого путешественника.

— Я спрашиваю, планета как называется, а он мне башкой вертеть. Ты Ваньку-то не валяй, знаем мы эти штуочки.

Те, что выглядывали из-за спины говорившего — двое слева и двое справа, — с виду были ненамного любезнее своего предводителя.

Краснорожий, не дождавшись ответа, грозно насупил брови и подался на полшага вперед. Четверо его спутников хотели было шагнуть за ним, но подумали и шагать не стали — видно, смекнули разом, что безопасность тыла важнее.

Главный кожей почувствовал пустоту, холодком обдавшую спину, волком зыркнул по сторонам и отступил на прежнее место.

— Что это у тебя за уродина? — Голос его стал мягче.

Пахарь решил: отвечу, может быть, уберутся раньше.

— Со-ха, — ответил он скрепя сердце.

— Со-ха? — удивленно переспросил пришелец. — Ну и название. Со-ха. Ха-ха. Ты ей чего, копаешь? Или так, прогуляться вышел?

Пахарь устал говорить. Одно слово — это уже труд. Но он сделал усилие и выговорил по складам:

— Па-хатъ.

— Па-хать, — повторил краснорожий и обернулся к спутникам: — Лексикончик. Зубы о такие слова поломаешь. «Па-хать».

Пахарь стоял, не двигаясь. Ни интереса, ни страха, ни удивления — ничего не отражалось в его застывшей фигуре. Он просто стоял и ждал. И земля ждала вместе с ним.

Пришельцы тем временем, сбившись в кучу, о чем-то тихо шептались. Шепот то поднимался волнами, и тогда над поляной вбродом вспархивали слова: «в рыло», «с копыт долой», «пусть подавится», — то утихал до ровного мушиного гуда. Наконец тот, что был главным, прокричал через всю поляну:

— Ладно, вижу, с тобой много не наговоришь. Значит, так. Бросай эту свою со-ху. Полежай воп туда. Дырку в борту видишь? Люк называется. Туда, значит, и полежай.

Пахарь стоял неподвижно. Только солнце перебирало по волоску копну его нечесанных лохм, добавляя к рыжему золотое.

— Ты чего, дылда, совсем уже в дерево превратился? Полежай в люк, тебе говорят. В плен мы тебя берем. Плен, понимаешь? Плен. Будешь ты у нас пленный. Такое правило, понимаешь? С каждой планеты, даже такой задрипанной, как твоя, мы берем по штуке местного населения. У нас там, — краснорожий показал на ракету, — таких охломонов, как ты, четыре клетки уже набиты. Скучно не будет.

Пахарь его не слышал. Он слушал землю. Он ей отвечал. Она и он говорили.

Чужой нетерпеливо переминался. Что-то ему было от Пахаря нужно. Только Пахарь не понимал что.

— Слышишь, дед? По-хорошему тебе говорю. Полежай в люк. Не то будем говорить по-плохому. Это видел?

Говоривший неплененной рукой приподнял и держал на весу короткую увесистую трубу. От рукоятки она раздувалась плавно, потом резко выпрямлялась, сходясь, а на конце чернел червоточинной круглый опасный глаз.

Чужак помахал штуковиной и оставил ее висеть на ремне.

— А это?

Краснорожий вынул невесть откуда длинную железную штангу, ловко переломил ее, примерно на десяток колен, и получилось колчеповое существо, напоминающее гигантского

паука. Существо стояло не двигаясь. Краснорожий пнул паука ногой и показал на Пахаря. Паук заходил послушно, запрыгал на пружинящих лапах, потом на секунду замер и медленно, как бы нехотя, стал подбираться к Пахарю. Но подойти близко хозяин ему не дал. Ликвидация местного жителя в планы крикуна не входила. Во всяком случае, на данный момент. Командир снова превратил паука в штапу и убрал ее за спину. Демонстрация военной техники на этом не кончилась.

— Еще и такая штука имеется. И вот. И это. И УБИЮ-14. И песочные бомбы. И сколопендральная костоломка. И причиндатор с педальным сбирометром.

Краснорожий вытаскивал на свет божий и убирал обратно новые внушительные конструкции, одна страшнее другой. Стреляющие, сжигающие, стирающие в порошок, перемалывающие в муку, высасывающие из тела кровь, пот и слезы.

Но Пахарь для слов был мертв. Он слов не слышал. Он вел разговор с землей.

— Теперь понял, что мы не шутки шутить приехали. — Рожка кричавшего из красной превратилась в малиновую. — Мы разведчики. Экспедиционный десант. Планета Земля — небось не слышал о такой, деревня?

Ответа не было. Ответа не было долго. Его и быть не могло.

Вместо ответа что-то скрипнуло над поляной, как бы вздохнуло. Но это был не ответ.

Это был маленький овальный лючок, открывшийся на цилиндре ракеты. Вместе с ключьями табачного дыма оттуда выдвинулся конический раструб рупора.

Пришельцы резко направили скулы и широко развернули плечи. Краснорожий, выступавший за командира и парламента одновременно, подпрыгнул строго по вертикали, расслабился на мгновение в воздухе, потом вытянулся в струну и жестко опустился на землю.

Он стоял, тоньше лезвия сабли, и такой же отточенный, как она. Амуниция ему не мешала. Кроме того, в полете он повернулся на половину круга, как стрелка компаса, и стоял теперь к лесу передом, к полю задом.

Рупор заговорил. Голос был простуженный и с песком, будто заезженная пластинка, и звучал чересчур уж глухо, словно говорили не ртом.

— Старший лейтенант Давыденко...

Сабелька, вставшая к лесу с ракетой передом, замерла, как перед атакой. Красная ее рукоятка затемнилась скважиной рта.

— Й-а, таш генерал.

— Плохо, лейтенант, плохо. Темпы, не вижу темпов. Форсируйте программу контакта. Немедленно. От третьего пункта — теста на агрессивность — срочно переходите к четвертому: мирная пропаганда. Выполняйте.

Сабелька сверкнула бриллиантовым острием.

— Есть мирная пропаганда.

Рупор убрался. Овальная рана в борту быстро зарубцевалась.

Старший лейтенант Давыденко прочистил рот крепким горловым «га» и приступил к четвертому пункту программы.

— Слышь, дед. Соглашайся, а? На Земле у нас знаешь как хорошо? Малина. Жить будешь в отдельной клетке. Клетка теплая, остекленная. Хорошая, почти новая. Не хибара из соломы какая-нибудь или земляная нора. Жрачки — во! Ничего делать не надо. Ни пахать, ни сеять. У нас — автоматика. Ты — экспонат, понимаешь? Работа у тебя будет такая — экспонат. Люди придут, на тебя посмотрят. Во, скажут, ну и додуля! Где такие дедули водятся? А на клетке табличка. Ага, скажут, понятно: планета такая-то, звезда, созвездие, все путем. Ну как? Чем не жизнь?

Цвет лица лейтенанта опять возвращался к нормальному — цвету тертой моркови. Картины рая, которые он только что рисовал, должно быть, подействовали и на него. Наверное, ему стало жаль себя, горемычного, не имеющего угла, где голову приклонить, и мотающегося по пространству, как безымянный неприкаянный астероид. Но он сдержался, и скупая слеза так и не покатилась по его мужественной щеке.

Лейтенант выдержал положенную по инструкции паузу. На лицо он сейчас был сама милость и доброта. Но косматого уroda ни милость, ни доброта не брали. Наконец Давыденко решил: хватит. С милостью пора кончать. Время

переходить к делу. Еще минута — и все. Надо бородатого брать. Такова программа контакта. Пункт пятый.

— Эй... — начал он и осекся.

Потому что с местным творилось что-то уж очень неладное. Вроде как он стал короче.

Лейтенант плохо соображал. Он протер рукавом глаза, и пока протирал, дед заметно укоротился.

— Черт! — сказал Давыденко и повернулся к своим товарищам.

Вдруг они что-нибудь понимают в творящемся безобразии. Но они смотрели сквозь главного такими детскими, безоблачными глазами, что лейтенант моментально понял: эти четверо ему не советчики.

Он вновь посмотрел на Пахаря, но не тут-то было. Взгляд его прошел мимо цели; цель сместилась еще ниже к земле.

— Елки-моталки...

От деда оставались буквально плечи, руки и борода. Да на земле перед ним стояла, прикрывая его тело, как баррикада, та могучая дедовская соха, на которую он давеча опирался.

— Куда? Эй! — Давыденко уже приходил в себя. — Стой! Куда ты, дедок? Постой.

Из-за спины лейтенанта высунул голову некто худой и щуплый, в очках и с лаковой бородачкой.

— Я знаю, знаю... — Голос его срывался, как у всякого выскочки, стремящегося опередить других.

— Я сам знаю, — сказал лейтенант, как отсёк. Очки враз стали тусклыми и погасли за лейтенантской спиной.

Давыденко скомандовал:

— Рябый, Гершток, Сенюшкин. Быстро. С лопатами. Дед под землю уходит. Вон, одна плешь торчит. Скорей. Почему заминка? Рябый, Сенюшкин. Ибрагимов — на помощь. Черт, весь ушел. Быстро. Копать. Ибрагимов, чурка безмозглая! Да не причиндатором, а лопатой! Отставить причиндатором, кому говорю!

За спиной лейтенанта стало просторно, там загулял ветерок.

Впереди над полем взлетали и падали белые черенки лопат. Локти копающих ходили мерно, как рычаги. Повалил пар.

Пришельцы копали планету. Планета не сопротивлялась. Планета была умна. Пахарь, Рыхлитель почвы, продолжал делать дело, но уже руками пришельцев.

Ком земли, прошитый белыми волосками корней растений, откатился к бахилам старшего лейтенанта. Лейтенант вдавил свой каблук в эту зыбкую земляную плоть, и на ней отпечатались мелкие паучки звезд, забранных в контур пятиугольника, — эмблема космofлота Земли.

— Пусто, — сказал лейтенант, заглядывая за спины землекопов. — Никого. Неужто ушел в глубину?

Опять засверкали стекла давешнего очкастого выскочки.

— Товарищ лейтенант, я, кажется, понимаю...

— Во-первых, старший лейтенант, а во-вторых — как тебя там... штаб... штуб?..

— Космозоолог Герштейн.

— Так вот, зоотехник Горшков, понимать — это моя забота, а твоя — молчать в тряпочку и копать.

Тут острые лопаты бортиженера Сенюшкина и его запотевшее от труда лицо повернулись в сторону леса.

— Холмик, товарищ старший лейтенант. Там. Левее того пенька. Раньше вроде бы не было.

— Говоришь, не было? — Давыденко надавил пальцем на правый глаз. — Пожалуй, и вправду не было. Вот дед! Вот зараза! Мы, как гады, копаем вглубь, а он, падла, по горизонтали чешет.

— Сенюшкин. Ибрагимов. И ты, зоотехник. Все к тому холмику. Быстро. Копать.

Солнце планеты стояло в воздухе неподвижно. Казалось, оно забыло, что существуют законы движения. Тень от ракеты, как упала когда-то, развернувшись на земле мутной пепельной полосой, так и продолжала лежать.

Холмик скоро исчез, обернувшись могильной ямой.

По черенкам лопат, по их зазубренным, неточеным лезвиям скатывались горошины пота. Люди трудились. Солнце стояло. Поляна превращалась во вспаханное поле. Земля знала, что делает.

— Вот он. Всем туда. Гершток. Ибрагимов.

И опять: пот, труд, могила.

— Ушел. Ну зараза! — Давыденко сплюнул в очередную вырытую траншею. — Нет, так дело не пойдет.

Плевок еще не впитался в землю, а лейтенант зигзагами, как положено, уже ковылял к ракете. Подойдя к самому борту, он снял с ремня стереотрубу и с размаху ударил ею по обгорелой обшивке. Потом ударил еще. Второй удар был короче. Сделав два условных удара, лейтенант задрал голову вверх и заорал что есть мочи:

— Там, на борту! Срочно спускайте экскаватор. Закопался чертов экспонат, без экскаватора не отроешь.

— Спускаем, — послышалось с высоты.

— А вы... — Лейтенант оглянулся на расслабившихся без дела работников. — А вам...

Договорить он не успел. Хорошо, вовремя отскочил в сторону. Запрошенная машина уже дрожала с ним рядом, оправляясь после скоростного падения.

Вверху на стреле грузового крана завивался мелкими кольцами лопнувший от натуги трос.

Это был малогабаритный землеройный автомат типа «Урал», управляемый голосом.

— Слушай мою команду. — Лейтенант взял власть над машиной.

Экскаватор его команду почему-то не слушал. Он стоял как стоял, даже дрожь прошла.

Давыденко не стал смущаться. Смущаться лейтенант не любил. Решив, что машина, может быть, слегка глуховата, он добавил голосу грома:

— Слушай мою команду...

Глухонемой экскаватор стоял без движения.

Сенюшкин, бортинженер, тихонько, как бы разговаривая с лопатой, сказал:

— Белая кнопка на пульте. Питание.

— Ага! — вдруг прокричал Давыденко, хлопнув рас-
трубом причиндатора о бsdную стереотрубу. — А пита-
ние? Идиоты! Питание кто подключать будет? Пуш-
кин? Белая кнопка на пульте. Совсем без мозгов, бездель-
ники?

Он кулаком пригрозил переминающейся от смущения команде.

Через пару минут машина уже тарахтела, раскладывая по полю ровные земляные холмики.

Время шло незаметно. Азарт поисков несколько поух, но приказ есть приказ — без экспоната на орбиту не возвращаться. И хотя начальство находилось там, на орбите, распивая чай на флагманском корабле, и генеральский голос был не самым голосом, а всего лишь радиослепком, усиленным для пущего трепста, все равно — лейтенант в службе был тверд и спуску не давал подчиненным.

То и дело кто-нибудь из землян кричал, показывая на кочующий по поляне холмик.

Послушный «Урал» перенюзал туда, и скоро новая яма добавляла пейзажу дополнительную глубину и симметрию.

Все бы хорошо, только вот холмик норовил играть в свои прятки все ближе и ближе к ракете. И экскаватор в роли водящего, понятное дело, тоже.

Неизвестно, кто обнаружил первый, да и не важно, но солнце вдруг как будто проснулось, и тень от корабля, до того дремавшая в неподвижности, поползла, поползла, словно кто ей хвост прижигал.

Собственно говоря, заметили движение не солнца, а тени, потому что смотрели не вверх, а вниз, в терзаемую машиной землю. А когда посмотрели вверх, ахнули. Корабль превратился в легендарную Пизанскую башню. Он стоял, страшно крелясь, и крен на глазах увеличивался. Ракета заваливалась на сторону.

— Ай, — закричал лейтенант как-то по-детски — обиженно и с досадой, но тут же себя осадил, и его бессильное «Ай» прсвратилось в громкое командное «Эй».

— Эй, там, на борту! Спите вы, что ли? Ракета падает! Ногу давай, ногу!

Наверху, видно, не поняли, потому что из люка вместо опоры показалась обутая в бахилу нога.

— Да не ногу, а ногу! Не ту ногу, дурак! Кто там на двигателе? Цедриков, твою так? Табань вторым боковым. Ракета заваливается. И ногу, дополнительную опору по четвертому сектору.

Из борта полезла нога. Это была гладкая полированная телескопическая конструкция с ребристой платформой вместо стопы. Одновременно затянул свою волчью песню боковой

двигатель, и струя газа, выбивая из почвы пыль, сдобрила воздух поляны новыми ароматами.

Ракета перестала заваливаться и скоро пошла обратно.

— Не спят, черти. Работают, — похвалил лейтенант. Потом повторил громче, чтобы услышали на борту: — Работают, черти. Тянут.

Он хотел похвалить еще, но, видно, и сказанного хватило — перехвалил. Двигатель продолжал реветь, а ракета, быстренько миновав вертикаль, уже заваливалась на другую сторону.

Как ни орал Давыденко, как ни размахивал кулаками, как ни крутил палец у набухшего от крика виска, — все зря. Двигатель заглушал слова.

Будто большой бидон, полный звонких и веселых стекляшек, ракета рухнула на кустарник и ни в чем не повинные деревца, росшие по краю поляны. Тень ее, верный слуга, бросилась к ракете на помощь, но сдержать удар не смогла, слишком была тонка, чтобы уберечь тяжелое тело.

У лейтенанта словно язык отсох. Словно она на него упала.

Что-то ткнулось в лейтенантские ноги. Он посмотрел, что. Это был рупор — помятый, битый, но живой и вполне годный к употреблению. Вот только генеральский голос остался высоко на орбите. Но и помятый, и лежащий поверженным на этой чужой земле, рупор, казалось, хранил отзвук генеральского слова, и лейтенант бережно, как ребенка, взял его к себе на руки.

Понурая, стояла команда за спиной своего командира. Лишь экскаватор послушно кряхтел на поле, как будто ничего не случилось, как будто не он, а дядя довел ситуацию до беды.

Первым припел в себя лейтенант. Ему по званию полагалось прийти в себя первым. Вот он и припел.

— Не унывай, хлопцы, — сказал Давыденко бодро, — где наша не пропадала. За мной!

Лейтенант впереди, за ним остальные двинулись к поверженному кораблю.

На зеленом ложе, в тени деревьев, так похожих на земные березы, только листья квадратные и стружки вместо кудрей, он лежал успокоенный, словно спал, — будить не хотелось.

Давыденко с командой и провинившийся экскаватор (про Пахаря впопыхах забыли) вплотную приблизились к кораблю.

Командир, когда подошли, к уху приставил рупор, а его неровный от вмятин край наложил на борт — чтобы выяснить по внутренним звукам, все ли живы-здоровы.

Так он ходил вдоль борта, прикладывая рупор то здесь, то там, в надежде услышать хоть легкое внутри шебуршание.

Корабль молчал. Мертвая телескопическая нога, как вражеское копьё, торчала из его большого бездыханного тела.

Тогда Давыденко стал осторожно выстукивать рупором сигналы тюремной азбуки. Стучать громко, тем более помогать стуку голосом, он не хотел. А вдруг, кроме мертвых, в корабле имеются и контуженные, и поднятый стук растревожит их больные барабанные перепонки.

Видно, постукивание и похаживание лейтенанта все-таки повлияли на здоровье оставшегося на корабле экипажа.

Там внутри что-то охнуло или кто-то. Потом они услышали скрежет и поняли, что изнутри открывают люк.

Из отверстия показалось круглое лицо Цедрикова, оператора.

— Ну, что? — спросил оператор.

— Что — что? — не понял сначала Давыденко.

— Делать будем что? Связи с флагманом нет. Связисту Бражнину отшибло слух. Начисто. А без связиста аппарат — что электроутюг без тока.

— Утюг, — согласился Давыденко.

— Мое дело маленькое, — продолжал оператор, — ответственным за операцию начальство назначило тебя, вот ты и думай, как нам отсюда выбираться.

— Утюг... без тока. — Давыденко все никак не мог переварить образ, нарисованный оператором.

— Вот именно. — Цедриков от досады стукнул кулаком по обшивке.

— Знаю! — Лейтенанта вдруг осенило. — Знаю, как передать на орбиту сообщение. Черт с ним, с утюгом. Рябый, когда здесь темнеет?

— Через четыре часа по земному времени, товарищ старший лейтенант.

— Отлично. Будем жечь лес.

— Как?

Это сказал оператор.

— Будем выжигать лес в виде сигнала SOS, чтобы увидели с орбиты.

— Лес? SOS?

— SOS. Слушай мою команду. Рябый, Сенюшкин, Ибрагимов. Ты, Цедриков, и давай сюда Бражнина. Это ничего, что оглох. Не ушами будем работать. Все на прорубку просек. Лопаты отставить, всем взять топоры. И быстренько, пока не стемнело.

Когда утром следующего дня аварийный подъемник поднимал их всех на орбиту — невыспавшихся, перемазанных сажей, из-за нехватки места перемещенных не по рангам в одну плотную кучу, — кто-то, кажется бортинженер, вспомнил про непойманного аборигена.

Повздыхали в темноте кабины, оператор Цедриков, тот послал деда подальше, но один голос заметил:

— С этими геоморфами вообще трудно. Сейчас они люди, а через час — земля, глина, песок, вообще неизвестно что. И главное, в таком состоянии они могут прожить лет сто, если не все четыреста. Ты уже давно помер, а он встал себе — и дальше пахать.

Давыденко от этих слов чуть о потолок не ударился. Хорошо, уберегла теснота кабины, а то б наверняка подскочил.

— Что ж... что ж... — Он запнулся, не зная, что говорить дальше. От злости и от досады на этого чертового умника, который разглагольствовал в темноте.

— Что ж ты... — Он не видел кто, но догадывался. — Зоотехник, что же ты раньше молчал?

Давыденко вдохнул и выдохнул.

— Планета геоморфов. Надо же! А с виду такой приличный старик. С бородой. И вел себя мирно.

Лейтенант представил широкий генеральский лампас, в который скоро упрется его виноватый взгляд, и сказал тихо и уже безо всякой злости:

— Уют. Без тока. Эх ты, зоотехник.

ДОРОГА
к ЗВЕЗДАМ

Раздел «Дорога к звездам» включает произведения современных российских фантастов, время от времени пишущих о космонавтике.

Это — именно современная фантастика. Вопросы, поднимаемые здесь, не могли столь прямо (зачастую резко) обсуждаться во времена Советского Союза с его вялой эссеистикой и цензурируемой публицистикой. О них дозволялось, да и то с оговорками, рассуждать только «столпам ракетостроения» и «отцам космонавтики». Но и они не могли скрыть свою тревогу по поводу опасностей, которые подстерегают человечество на пути к звездам.

Первая (и, может быть, самая главная) опасность — само человечество. Оно разрознено, оно не готово к масштабной экспансии, оно слишком поглощено своими заботами и конфликтами. Может получиться и так, что человечество исчерпает дешевые ресурсы, и тогда придется вообще отказаться от космонавтики — ведь способов выйти на орбиту не так уж много, а самые дешевые из них связаны с ракетами на химическом топливе.

Довольно необычный вариант космической экспансии описал Юлий Сергеевич Буркин в своем рассказе «Вон! К звездам» (2004). В мире пришли к власти мусульманские фундаменталисты, и в результате те, кто не хочет принять ислам или нарушает законы шариата, вынуждены отправиться в космос. Рассказ Буркина многопланов, но одна идея в нем сформулирована предельно конкретно: если современная цивилизация западного типа откажется от развития

во имя призрачной стабильности, она проиграет более молодым и агрессивным народам, потеряет Землю и будет вытеснена на «тот свет» во всех смыслах.

Более спокойный, но от того не менее страшный рассказ Елены Владимировны Первушиной «Ты любишь джаз?» (2004) посвящен другому повороту обсуждаемой темы. Западная цивилизация не перевернулась — наоборот, она достигла определенного пика, после чего началось ее угасание. «Общество потребления», напуганное последствиями масштабной техногенной катастрофы (неуправляемое падение Международной космической станции), отказалось от тлетьируемой космонавтики. Экономика стала экономной, но счастливых людей от этого не прибавилось. Есть ли у такой цивилизации будущее? Нет. Как нет будущего у нерожденных детей.

В повести Святослава Владимировича Логинова «Я не трогаю тебя» (1990) движущей силой экспансии стало перенаселение. Через век-другой, уверяет автор, люди будут жить так долго и хорошо, а рожать и растить детей будет так необременительно, что наша маленькая планета окажется переполнена, а биосфера уничтожена. Единственный выход — колонизировать другие миры. Однако выясняется, что земные формы жизни смертоносны для инопланетян. Остановит ли это колонизацию? Вряд ли. Во все времена люди думали только о собственных интересах.

Рассказ Александра Николаевича Громова «Секундант» (2000) посвящен другой тревожной теме. Можно не сомневаться, что колонизация других планет приведет к появлению новых людей, которых уже нельзя будет назвать землянами. Как будут относиться эти новые люди к Земле и землянам? Дружелюбно или враждебно? Захотят ли колонисты и их дети поддерживать контакты с Землей? И если не захотят, то есть ли смысл в такой экспансии? Ведь она ведется не только для того, чтобы получить доступ к необъятным ресурсам Вселенной, но и ради обогащения земной культуры, а такое обогащение возможно при наличии развитых контактов с колониями.

Повесть Геннадия Мартовича Прашкевича «Анграб-VI» (1992) посвящена одной из самых острых (хотя пока совсем неактуальных) проблем, связанных с грядущей космической

экспансией. А что будет, если там, в глубинах Вселенной, мы встретим ЧУДО — явление, которое не имеет рационального объяснения? Не напугает ли оно человечество? А может, вери в чудо станет преобладающим мотивом, который подавит инстинкт самосохранения и станет угрозой для выживания и развития? Готовы ли мы принять чудеса, которые наверняка поджидают нас на других планетах? Или все-таки человечество еще недостаточно разумно для этого?

Можно придумывать ответы на странные и неактуальные вопросы — как делают фантасты. Но, забежая вперед, мы не должны забывать, что решения, которые будут принимать потомки, зависят и от нашего сегодняшнего выбора, ведь будущего не существует, пока мы его не создали.

ЮЛИЙ БУРКИН

Вон! К звездам!

Юлий Буркин родился 29 марта 1960 года в Томске. Писатель, поэт, музыкант. После окончания филфака Томского государственного университета работал в местных периодических изданиях, занимается журналистикой и по сей день. Один из организаторов конвента фантастики «Урания» в Томске. Писательскую карьеру начал на 3-м курсе университета, написал небольшую повесть «Мир вдребезги». Первый фантастический рассказ «Пятна грозы» был опубликован в журнале «Парус» (Минск) в 1988 году, первая книга — сборник «Бабочка и Василиск» — выпущена в 1994 году. Помимо «солевых» романов и сборников в соавторстве с Сергеем Лукьяненко написал трилогию «Остров Русь», в соавторстве с Константином Фадеевым — «Осколки неба, или Подлинная история „Битлз“». Лауреат премии «Странник» за книгу «Цветы на вашем плече». Автор и исполнитель множества песен, вошедших в ряд выпущенных им альбомов в стиле «русский мелодический рок» — «Vanessa io» (1994), «Королева белых слоников» (1996), «New & Best» (1998) и «Метод» (2001).

Они же не будут стрелять?! — задышавшись, выкрикнула Сашка, ныряя за мной от света фонаря в темноту, под отцепленный вагон.

Лай собак, кажется, стал чуть тише, сместившись влево.

— Конечно, не будут, — заверил я, точно зная, что вру. Пусть хотя бы ей не будет так страшно.

Но зря я старался: только я перевернулся с живота на спину, поудобнее устраиваясь на шпалах и мокром щебне между ними, как со стороны депо раздался треск очереди. Пронзительно звякнул металл о металл, и звук этот смешался со свистом, жужжанием и эхом.

— Валя, — тихо забормотала Сашка, подползая и уткнувшись холодным носом мне в ухо, — мы же ничего такого не делали, — я почувствовал, что она вот-вот сорвется, — мы же только целовались.

— Тсс, — прошептал я. — Мы, кажется, ушли. Давай замрем и положим смирно.

В такую передрыгу я попал впервые, но вел себя достойно и, наверное, гордился бы собой, если бы не было так жутко.

Сперва тьяканье сдвигалось левее и левее, и все спокойнее становилось в моем ухе Сашкино дыхание, но потом собаки вдруг залаяли ближе, даже стали слышны голоса людей, и она задышала неровно, с еле слышным сопением. Дважды пальнули одиночными, видно приметив что-то подозрительное. Я напрягся, но звуки снова начали удаляться.

С лужей, точнее с дождем, нам повезло. Если б не он, собаки со следа не сбились бы... Учитывая, что мы бежали от самого парка, можно сказать, что мы совершили невероятное.

Одновременно с тем как отступал страх, все сильнее начинали угнетать холод и сырость. Но, видно, Сашка успокоилась раньше меня, потому что она вдруг прижалась ко мне плотнее, и ее рука полезла мне под рубашку, поползла по животу... Ого! Это новые игры. Я сразу забыл о дискомфорте.

— Валька, — зашептала она, — нас ведь сейчас чуть не убили. А если бы убили, тебя или меня, у нас бы никогда не было этого...

Где-то неподалеку, на нашем или на соседнем пути, застучал колесами локомотив.

— Ты хочешь сказать... Нам нужно сделать это? — Я почувствовал, что руки начинают дрожать снова, но уже не от холода и не от страха, скользя по ее мокрой холодной спине под свитером.

— Ага, — выдохнула она. — Пока не убили. Чтоб хоть было за что.

Глаза привыкли, я уже отлично видел ее в темноте, и мы стали целоваться, потихоньку расстегивая все, что расстегивалось. И мы так увлеклись этим, что перестали обращать внимание на звуки, пока локомотив, тормозя, не заскрипел почти над ухом, а потом несильно треснулся прямо о наш вагон. Тот, громяхая, покатился, мы снова замерли, но, пройдя метра два, он застыл, оставшись все-таки над нами.

Локомотив очень медленно придвинулся к нему и толкнул его еще раз, но теперь вагон только дрогнул. Совсем

рядом слышались хруст щебня под чьими-то ногами, скрежет и стук... Стало ясно, что вагон прицепляют.

— Пойдем отсюда, — шепнула Сашка, торопливо застегивая джинсы.

Я понял, что она собирается лезть через рельсы, и покрепче ухватил ее за талию.

— Ты с ума сошла! Вагон в любой момент может поехать!

— И что, лежать тут и ждать?

— Конечно! Ты хочешь, чтобы тебя разрезало пополам?

— Можно отползти подальше от вагона по шпалам, а потом уже лезть через рельсы, — предложила она.

— Можно, — согласился я.

Но этого не понадобилось. Вагон дернулся и, ускоряясь, двинулся в противоположную прежней сторону. А мы, как дураки, остались лежать на шпалах под ярким светом висящего на столбе фонаря. Так сказать, на всеобщем обозрении. Слава богу, обозреть было некому.

— Давай не пойдем домой, — предложил я, когда мы, грязные как свиньи, выбрались обратно в жилой микрорайон. — Можно снова напороться.

Раздался низкий-низкий, на пороге слышимости гул, и чуть шевельнулась под ногами земля. В космос отправилась очередная партия добровольцев.

— А куда пойдем? — спросила она.

— К Виталию, — придумал я. — Он тут в двух шагах живет, я у него был один раз.

— Зачем?

— Диктант переписывал.

— Нет, второй час все-таки. Неудобно.

— Удобно, неудобно!.. А от патруля бегать удобно?! — Я почувствовал, что начинаю злиться. Не на нее. Просто оттого, что нас обломал локомотив, и я так и остался девственником. Хотя звучит это и смешно. — Помнишь, как он нас учил: «добро должно быть с кулаками», «красота спасет мир», «лучше умереть стоя, чем жить на коленях»... Сами всё просрали, а теперь к нему неудобно!

— Он-то здесь при чем?

— Все они при чем!

— Перестань, Валенок.

— Да не «перестань»! — конкретно завелся я. — Я ему в глаза хочу посмотреть. Почему это мы должны лететь к этим чертовым звездам?! Как они могли подписать эту долбаную «Хартию»!

— Тебя никто не заставляет никуда лететь.

— Да?! А если я люблю тебя?!

— Тогда не кричи на меня.

Я даже остановился, стараясь взять себя в руки, потом сделал глубокий вздох и через силу улыбнуться.

— Извини, Мурка, — сказал я.

— Я все понимаю, — кивнула она.

— Он, конечно, ни в чем не виноват. Но давай все-таки пойдем к нему. Просто потому что так безопаснее. А мы стоим возле его подъезда.

— ...Проходите, проходите, ребята. — Виталий Иванович сильно постарел за год, что я его не видел, но выглядел все-таки молодцом. Хотя, возможно, потому, что был одет в новенький спортивный костюм. — Какими судьбами в такой час? Что-то случилось? — спросил он, оглядывая нас. — За вами гнались?

— Да, патруль, — кивнул я, разуваясь.

— Можно, я сразу в ванную? — попросилась Шурка.

— Конечно, конечно, — засуетился Виталий. — Вот сюда, пожалуйста. Чистое полотенце висит на двери. Кстати, можно и одежду постирать.

— А ничего, что машинка шуметь будет?

— Нет, нет, ничего, я ведь один живу.

— А во что я потом оденусь?

— Там висит халат. Правда, он мужской.

— Тогда раздевайся, — сказала мне Сашка. — Тоже постираю.

— Комендантский час? — спросил меня Виталий, включая чайник, когда она заперлась в ванной. — Что же вы так неосторожно?

Я, оставшись в одних трусах, прошлепал за ним на кухню.

— Они нас еще до одиннадцати почикали, — возразил я. — Мы целовались. В парке.

Лицо у него стало таким, словно ему дали пощечину. Он опустился на стул.

Тут дверь ванной распахнулась и, шествуя павой, в коридоре возникла Сашка, задрапированная в шикарный японский халат.

— Как я? — спросила она.

— Супер! — отозвался я.

— Вы, Саша, восхитительны, — подтвердил Виталий, вымученно улыбнувшись.

— Тогда ждите меня, мужчины, — сказала она. — Я скоро буду.

И снова скрылась в ванной. И сейчас же там загудела стиральная машина. Почти как мезонный транспортно-пассажирский корабль «Свит Эппл-Эль».

— Подонки, — сказал Виталий, имея в виду, конечно, милицейский патруль. — Бедные вы мои. Как же это все скверно. И ведь они — русские люди...

— Они тут ни при чем, — сказал я. — У них приказ.

— Мало ли что приказ. В войну таких называли полициями, а партизаны их вешали. И потом, после войны, их искали, судили и расстреливали. Правда, я тогда еще не родился.

— Не надо путать, Виталий Иванович. Кстати, чайник кипит, можно заваривать. Полиции переходили на сторону врага, а наша милиция служит нашему правительству. — Я помолчал, а потом отважился: — Я давно хотел спросить у вас: почему вы нас предали? Как вы могли подписать «Хартито»? Почему вы не восвали? Помните, вы мне подсунули Стругацких? Вы ведь хотели, чтобы мы выросли смелыми и добрыми, чтобы мы полетели на другие планеты, чтобы мы покорили их. И вот мы улетаем... Но разве так это должно было быть?!

Стоя спиной ко мне, Виталий разлил чай в две чашки. Обернувшись, поставил их на стол. Сел.

— Валя, — сказал он. — Ты ведь знаешь все, и я не могу сказать тебе ничего нового. Стоит ли корить стариков, которые остались без будущего. Единственное, чем я могу помочь вам... Оставайтесь у меня до утра. С ней вместе. В той комнате, — указал он за стенку.

— Виталий Иванович! — Я вскочил. — Мне даже мама такого не скажет! Но ведь если узнают, что я ее... Что мы у вас...

— Не узнают, — усмехнулся он. — А если и узнают, что с того? Я уже все потерял.

Над входом в мэрию белыми буквами на зеленой ткани красуется ненавистная надпись: «Земля съпшьям Аллаха». Это единственная зримая деталь, навязанная нам ОАЗИ. В «Хартин» она прописана отдельным пунктом.

Мы с Сашкой, ее родители и моя заплаканная мама сидим на скамеечке возле двери загса, ожидая своей очереди. Брак сегодня стал настоящим «тайнством», никто не хочет, чтобы его выбор стал известен посторонним. Ведь не ясно, какой из вариантов унизительнее.

Наши политики кичатся тем, что сумели «преодолеть кризис мирным путем». Уверяют, что каждый из пунктов отвоевывали с риском для жизни. Но особенно не поспоришь, когда со спутников на тебя направлены термоядерные боеголовки, а противник не боится смерти. Да и не верю я политикам. Как-то я спросил у отца, многие ли политики продаются. Он ответил мне: «Все. Только цена разная».

Стены коридора увешаны красочными репродукциями, изображающими иные миры. Никогда еще фантастическая живопись не пользовалась такой популярностью. Чтобы как-то развеяться, мы с Сашкой принялись разглядывать картины. Особенно понравилась одна. На поляне, окруженной розовыми деревьями, под ярким бирюзовым солнцем стоят три одетых по-земному человека — молодая женщина и двое мужчин. А рядом с ними, поджав задние ноги, сидит добрый рыжий кентавр, бережно держащий в руках человеческого ребенка.

— Валя, может, там действительно так? — искательно заглядывает мне в лицо Сашка.

— Конечно, Шурка-Мурка, — отвечаю я, — так или еще лучше, — и чувствую, что краснею оттого, как фальшиво звучит мой голос.

Наконец предыдущая пара и кучка родственников с бледными улыбочками вываливаются в коридор. На свадьбе теперь принято дарить искусственные цветы. Из динамика над

дверью раздаются наши имена: «Валентин Николаевич Паздеев и Александра Ивановна Толстоброва приглашаются в зал бракосочетаний».

Сашка смотрит на меня испуганными глазами. Дурочка, она не прекращает винить себя в том, что беременна. Тетенька-инспектор, поднявшись, одаривает нас ледяной улыбкой. Ей бы в морге работать. Впрочем, почти так оно и есть.

Война была проиграна, не начавшись. И вдруг подвернулось изобретение НАСА. До того вдоль и поперек засекреченные мезонные корабли дали нашему «западному» миру призрачную надежду. Мусульманам не пужны звезды. Ведь для людей Аллах создал Землю и только Землю. Это нас и спасло. Или несколько отсрочило конец.

...Утром, когда Сашка еще спала, мы с Виталием снова сидели на кухне.

— Почему ни от кого из колонистов еще не приходило известий? — спросил я, хотя и знал ответ заранее. — Почему еще никто из них не возвращался?

— Потому что они ныряют неизвестно куда и выныривают неизвестно где. И мы понятия не имеем, как находить направление. Когда-нибудь мы научились бы этому, но нам дали только пятнадцать лет. Убраться вон. Или в могилу, или в космос.

Он сказал «научились бы», а не «научимся» потому, что никто еще не доказал, что, кроме Земли, во Вселенной есть миры пригодные для жизни.

— Виталий Иванович, а сами вы верите, что там что-то есть?

— Я верю, — сказал он. — Но, к сожалению, это вера чистейшей воды, и она ничем не подкреплена.

— Только вашим желанием? — подсказал я.

— Дело не в этом. Я верил в это и до кризиса, когда нас никто никуда не гнал. Ты же видел мою библиотеку. Я всю жизнь мечтал о космосе.

— Так почему же вы не летите? Вы считаете себя слишком старым?

Он усмехнулся:

— Ты знаешь, Валя, как раз поэтому я готов лететь хоть к черту на рога. Здесь мне терять нечего. Уж лучше так,

чем доживать свой век, наблюдая, как уничтожают все, что ты любил.

То же самое написал в предсмертной записке отец.

— Так в чем же дело? — продолжаю настаивать я.

— Ты правда не понимаешь? А ты не знаешь, сколько стоит полет холостяку или человеку не фертильного возраста?

— Что такое «фертильный»?

— Способный к продолжению рода.

— Сколько? — упрямо спрашиваю я.

— В десять раз дороже, чем тебе, если бы ты собрался лететь с ней. — Он кивнул на стену, за которой спала Саша. — Такова установка правительства. Чтобы старики не занимали место. Надо спасать детей.

Спасатели...

— Говорят, у американцев по-другому, — продолжает он. — У них и раньше пенсионеры путешествовали.

...Даже для нас полет стоит очень и очень дорого. Продано все, что только можно продать. И это еще при том, что в одном корабле по рекомендации генетиков летит не менее ста супружеских пар. Наши родители с радостью отправились бы с нами, но это нам уже не по карману.

— Дорогие брачующиеся, — торжественно произносит тетенька, читая текст открытой книги. — Согласно статье двенадцатой Нового административного кодекса Российской Федерации, вступая в брак, вы имеете выбор из трех вариантов, и этот выбор вы должны сделать именно сейчас. Первый вариант: вступая в брак, вы проходите процедуру добровольной стерилизации...

Я видел тех, кто пошел на это. Их безошибочно узнаешь по загнанному взгляду и стремлению получать от жизни непрерывное удовольствие, не получая его совсем.

— ...Второй вариант, — продолжает читать тетенька. — Вступая в брак, вы добровольно передаете заботу обо всех своих будущих детях правительству Объединенных Аллахом Земель Ислама без права пытаться искать их и каким-либо образом влиять на их дальнейшую судьбу.

Казалось бы, какая разница — мусульманин, православный, католик?.. Где-то ведь он будет жить... Вот только всем

«из непроверенных источников» известно, что наших детей в ОАЗИ превращают в евнухов. Я очень, очень давно не видел на улице беременных женщин. Или они, стораю от стыда, прячутся по домам?

Как было бы здорово, если бы это было неправдой. Тогда бы, замерзая где-нибудь в космическом холоде или стораю возле белого карлика, я бы мог думать: капля моей крови осталась на Земле... Но нет, я уверен, что это правда.

— ...И, наконец, третий путь, — сообщает тетенька, отрываясь от бумажки, — покупка лицензии на космический полет.

Она с любопытством оглядывает нас.

— Мы выбираем третье, — твердо говорю я.

Тетенька поднимает брови. Все-таки такой выбор делает не каждый второй и даже не каждый десятый.

— У вас есть квитанция об оплате? — спрашивает она.

— Да, конечно, — протягиваю я ей корешок.

— Замечательно! — говорит она, беря бумажку. — Приготовьте кольца, приступим к церемонии.

И из колонок над столом начинает струиться веселенький марш Мендельсона.

Выйдя из мэрии, мы с Сашкой садимся в украшенную машину. Я выглядываю из окошка и вижу зеленое полотнище.

— Мы еще вернемся, суки, — тихо говорю я сам себе. — Вы еще запоете... Слава Христу!

Хоть я и неверующий.

ЕЛЕНА ПЕРВУШИНА

Ты любишь джаз?

Елена Первушина родилась в 1972 году в Ленинграде. Закончила Санкт-Петербургскую Государственную медицинскую академию, работала врачом-эндокринологом. Дебютировала в 1999 году рассказом «Позволь мне уйти!» в журнале «Порог». Автор трех сборников прозы: «Вертикально вниз», «Короли побежденных» и «Стертые буквы». Ее перу также принадлежат путеводители «Пушкин, Павловск, Петродворец», «Загородные императорские резиденции» и переводы ряда немецких книг. Действительный член семинара Бориса Стругацкого. Лауреат премии «Дверь в лето» литературной студии Андрея Балабухи за 1997–1998 годы.

А нынче годовщина,
И мы ее отметим.
Не правда ли, как странно,
Как долго мы живем?
М. Шербаков

Почему-то я всегда думала, что проделаю этот путь в одиночестве.

Фантазии — одно из самых невинных на первый взгляд и самых разрушительных для психики развлечений, но даже психологи чаще всего не могут с ними справиться. Итак, я представляла себе, что буду идти одна, обязательно в сумерках, под черными голыми ветвями, по мокрой скользкой хвое, под тихим дождем из тех, которые скорее слышишь, чем ощущаешь. Далее мне представлялся холодный покинутый дом, специально открытый для такого случая, распахнутые по углам, протравленные пылью старые вещи, которые робко выглядывают на свет лампы и откровенно боются, что после короткого «выхода в люди» их снова ждет полная темнота и забвение. Я думала, Татьяна (конечно, Татьяна — кому, кроме нас двоих, нужен этот дом, этот человек, эта дата?) вытащит под лампу в гостиную круглый журнальный столик — не возиться же с обеденным, в самом деле, — он испокон вску стоял на веранде, а пол там и во времена

моего детства ходил ходуном, Константин Сергеевич с сыном поправляли его каждую весну, а сейчас все половицы уже, наверное, сгнили в хлам, шагнешь неудачно — и полетишь напрямик в подвал, такой вот дом Эшеров. Так вот, мы с Татьяной перетащим круглый стол из спальни в гостиную, вкрутим новую лампу в люстру, Татьяна отмоеет электрический чайник и две щербатые глиняные чашки с сищей глазурью, я куплю в ларьке на станции пакетик сушек или пряников и пачку дешевого чая. Мы заварим чай прямо в чашках, Татьяна, может быть, достанет бутылку вина. Но мне вина не надо, я и от воспоминаний пьяная, вполне в состоянии поплакать в жилетку и поклясться в вечной любви и уважении без внешних катализаторов. В общем, мы выпьем кто во что горазд, погрызем сушек и помянем Татьяных деда и бабу — Константина Сергеевича и Ольгу Леонидовну в день их несостоявшейся бриллиантовой свадьбы (75 лет Первой Кикладской войне — кстати, и за это мы тоже выпьем).

Но, разумеется, все пошло не так. Прежде всего, не было дождя. Был осенний день — яркий, холодный, красные осины и клены полоскали листья на ветру, небо отливало глянцево-синевой. А ветер был нешуточный. Едва я выскочила на платформу, как тут же пришлось закукливаться — накидывать капюшон, наматывать шарф, застегивать куртку. Сразу же загудел за спиной, шваркнул воздушной волной по ушам и пронесся мимо по скоростной линии белый монорельсовый красавец, направляясь куда-то в страну тысячи озер, и наша пригородная «Кукушечка», раскрашенная трогательно пестро в стиле «Паровозик из Ромашково», удивленно и немного обиженно прогудела ему вслед.

Ты зачем меня шабракнул
Балалайкой по плечу?
Я затем тебя шабракнул —
Познакомиться хочу!

Тут-то я заметила, что на платформу валит толпа. Все — сплошь загорелые молодые люди с велосипедами, серферами, ластами; попадалось, впрочем, и мое поколение с удочками и клюпиками для гольфа. «Чего это они? — подумала я. — Озера-то паверняка уже остыли, и песок холодный». Но тут же

вспомнила, что здесь уже лет пять как построили парк развлечений, а значит, озера скрыты под куполами, и за вполне приемлемую сумму ты в любой момент можешь получить кусочек вечного лета. «Просто день воскресный, — уговаривала я себя, двигаясь в привычно плотном людском потоке, — наверняка все на озера свернут, так что прорвемся!» Вместо ларька на станции оказался довольно солидный мини-маркет, уже до предела наполненный любителями перекусить перед активным отдыхом. Заходить туда я не решилась — расплескаю последние капли нужного настроения, скачусь на банальное брюзжание. «Потом можно будет сбегать», — решила я про себя и, как позже выяснилось, оказалась глубоко права. Энтузиазм наказуем — эту истину мироздание не ленится демонстрировать нам по много раз на дню.

Мы пошли вперед стройными рядами, и через полчаса слева от дороги, как им и было положено, возникли озера: большое — прямо перед нами, маленькое — в стороне. И действительно, над озерами мерцала едва заметная дымка купола, а под куполом царила благодать: ласковое солнышко, стройные девушки, играющие в волейбол, лихие парни на водных лыжах, детишки на горке, кафе и закусочные самого разного калибра под пляжными зонтиками на зеленой травке.

Над озером скрипят уключины
И раздается женский визг¹.

Большинство прибывших действительно свернули на озеро, но и на дороге осталось еще достаточно народу. «Дачники, дачники, — утешала я себя, — день-то воскресный». Еще через полкилометра я сама свернула с дороги на узкую тропинку и обнаружила, что шагаю в колонне из десяти примерно человек. Ни одного знакомого, все довольно серьезные и сосредоточенные, и, что самое интересное, все явно направляются туда же, куда и я. То ли экспедиция в джунглях, то ли пингвины в Антарктиде, то ли детский сад возвращается с прогулки. Пст...

— В общем, представляешь, такой сюжет. Изобретают прибор, который способен пробуждать в человеке предыдущие ин-

¹ Стихи Александра Блока.

карнации. Ну все, конечно, ломанули проверяться, вдруг они в прошлой жизни были Ротшильдами или Эйнштейнами. Но тут оказывается, что души могут переселяться не только из человеческих тел, но и с других планет. И вот получается, что многие земляне провели предыдущую жизнь в телах инопланетян, причем негуманоидных и очень агрессивных. И когда память о прошлой жизни просыпается, начинается вторжение Чужих на Землю. Изнутри. Представляешь? Ну и вот получилось так, что я в пьяном безобразии рассказал эту историю... э-э-э... ну, скажем, писателю Н. И не прошло и полгода, как он выпускает книжку и, что самое подлое, посвящает ее... э-э-э... критику П. Я, разумеется, к нему: так и так, почему вдруг П.? А он уверяет, что это именно П., пьяный в дугу, ввалился к нему в номер и поведал мой сюжет. Вот и поди догадайся, то ли я с пьяных глаз перепутал П. и Н., то ли Н. сам был так пьян, что перепутал меня и П. Некрасивая история получилась, ты не находишь? — уловила я отрывок монолога.

Писатели, кажется. Им-то что здесь делать?

Между тем небо постепенно затягивали тучи, зато ветер стих.

Тропинка начала взбираться по склону, и незваные гости явственно запыхтели, выдавая пристрастие к сидячему образу жизни. Я в тот момент была в такой досаде, что только тихо радовалась их страданиям. И тоже, кстати, пыхтела, но не утомленно, а удовлетворенно и злорадно. И за пыхтением сама не заметила, как прошла через калитку и оказалась в саду.

В общем, это было хорошо. Потому что сколько я ни фантазировала о том, как приду сюда, вот этот момент я была не в состоянии себе представить. Такой массив воспоминаний, да еще настолько... э-э-э... эмоционально окрашенный, что казалось, упаду на траву и умру на месте. Но хотя на миру и смерть красна, падать и умирать в незнакомой компании почему-то совершенно не хотелось.

В этом саду я провела... Ну если взять на круг три месяца, да умножить на тринадцать лет, да вычесть дождливые дни, пляжные дни, грибные дни и дни, когда я сидела дома в наказание за дурное поведение, все равно получается около трех лет. Я, Татьяна, иногда Ольга, старшая внучка

Константина Сергеевича, и еще мальчишки и девчонки из соседних домов. Здесь, на старой поваленной ели, был наш звездолет. Из корней Константин Сергеевич сделал спинки для садовых скамеек, а ствол и ветки остались в наше полное пользование. Там, в кустах, — тайная хижина индейцев. Ну и разумеется, весь заросший сад был нашим волшебным лесом, Броселианом. И кусты малины, на которые мы нет-нет да и натывались в зарослях, считались нашей законной добычей. «Взрослая» малина росла у дома, Ольга Леонидовна собирала ее, варила варенье, пекла повчики к чаю, и пить чай с пончиками и вареньем было по-своему прекрасно, но есть ее горстями, сидя прямо на земле, было чем-то неописуемым. Дети лепят себе душу из всего, что попадет под руку, и просто удивительно, что у них так часто получается хоть что-то путное.

Но сегодня я чинно поднимаюсь по дорожке к дому, дыша в затылок прочим гостям. Откуда они все-таки взялись? Друзья? Да нет, слишком молоды. Наверное, друзья сына, а то и внучек. Но зачем они здесь? Зачем их пригласили? А меня зачем пригласили? Я-то уж точно здесь никто. Старая знакомая этого дома. Но если бы не пригласили, я могла бы дожидаться темноты, пробраться в дырку в заборе, сесть на старое крыльцо, достать из-за пазухи фляжку с коньяком... В общем, я уже говорила, что фантазии — стихия опасная и, как правило, неуправляемая.

Впрочем, пока реальность оказывается невероятнее всяких фантазий. Дом вымыт и принаряжен к приему гостей. Ставни сняты, под крышей, там, где Константин Сергеевич повесил когда-то эффектную корягу а-ля лосиные рога, сегодня укреплены два огромных обручальных кольца и вензель из роз: сверху — «75», внизу — «751». Но это все мелочи; у будки рядом с домом сидит, виляя хвостом, огромная кавказская овчарина — Анчар, любимец Константина Сергеевича. Он повизгивает, тянет ко мне морду, улыбается во всю пасть, пуская слюни. И я, как последняя дура, почти купилась на эту приветливость и раскрыла руки для объятий, но вовремя сообразила, что настоящий Анчар сейчас рычал бы, как бормашина, при виде незнакомых людей, беспрепятственно входящих в дом, да и вообще Анчар уже лет десять, если

не больше, спит в земле сырой, а передо мной всего лишь хорошенечкая голографическая копия старого друга.

Сам дом сверкает новой краской, вокруг раскинулись нарядные клумбы и живые изгороди из цветущего шиповника, а перед самым крыльцом стоят две яблони в цвету, и ветви их, соприкасаясь, образуют триумфальную арку. Однако, приглядевшись повнимательнее, я замечаю, что цветы, кусты, деревья — тоже голографические картинки. Чуть в стороне на полянке играет Штрауса голографический камерный оркестр.

Все это слишком неожиданно для меня, и я отхожу в сторону, присаживаюсь на перила крыльца, чтобы перевести дух. Когда-то это были наши кони: справа — мой рыжий Дреки, слева — Татьянин Черный Красавчик. Я провожу рукой по шее Дреки — по столбику крыльца — и всматриваюсь вдаль. Как и в старые времена, вдали за кропами деревьев синее озеро, слева на небольшой поляне должна стоять старая яблоня, на которой нам разрешалось сидеть, если дрозды не вили там гнездо. Но яблоня тоже давно сгнила и развалилась, а восстанавливать голографическими методами ее не стали, что, признаться, меня несказанно радует. Вместо яблони на поляне стоят какие-то столы, покрытые полиэтиленом.

— Девушка, здесь нельзя сидеть! Проходите в дом! — обращается ко мне какая-то строгая дама в сером форменном платье.

Передернув плечами, я возвращаюсь на ковровую дорожку. В дверях меня просят показать приглашение. Слава богу, я не успела его выкинуть и теперь могу с гордым видом помахать нужной бумажкой перед лицом секьюрити и пройти по деревянным мосткам с канатными перилами через веранду в гостиную. Как по сходням на корабль. Я уже ничему не удивляюсь, мой внутренний переключатель установлен теперь на режим «вечеринка» — переборки опущены, люки задраены, полная боевая готовность.

В гостиной установлен огромный стол с огромным свадебным тортом и прочими причиндалами, в углу суетятся телевизионщики (видимо, их присутствием и объясняется такой наплыв гостей — канал наш городской, но несколько

секунд помаячить на экране для людей определенных профессий очень важно). Вот и мой поверхностно знакомый писатель уже втолковывает что-то симпатичной корреспондентше:

— Представляете, такой сюжет. Работает подводная станция на дне Марианского желоба, изучает тайны океана. И каждого исследователя спонсирует какая-нибудь фирма. Одного — «Рибок», другого — «Галина Бланка», ну и так далее. И как только деньги у спонсоров кончаются, его отправляют наверх. Но дело в том, что наверху, на выходе из впадины, поселился голодный кракен, который перехватывает батискафы и съедает. И вот подводники это понимают и решают не отправлять товарищей на верную гибель, а оставлять на станции, но финансирования больше нет, и станции постепенно перекрывают кислород...

В другом углу у окна я замечаю Татьяну. Она в темном дачном свитере с отвисшими локтями и сосредоточенно курит что-то подозрительно душистое. Стыдно сознаться, но при взгляде на нее я, как всегда, ощущаю мгновенную неприличную радость: «А я вот не сбилась с пути, вполне себе адаптировалась и вообще уважаемый член общества». Мы встречаемся глазами, Татьяна коротко кивает. Потом меня перехватывает Ольга — похоже, они с матерью и организовали этот прием. Ольга выглядит как настоящая светская львица в костюме от Армани, только синие круги под глазами ей так и не удалось толком запудрить. Она устало улыбается, находит для меня стул и тарелку в самом конце стола и, извинившись, возвращается к другим гостям. Жанна — мама Ольги и Татьяны, — молодая женщина, продуманно похожая на Елену Хангу — знаменитый секс-символ для тех, кому хорошо за пятьдесят, старательно развлекает двух весьма представительных мужчин в белых летних пиджаках из натуральной кожи по последней моде.

Да, я все еще ничего не сказала о самом главном, о том, что я заметила, едва оказавшись на пороге комнаты. Потому что все еще не могу подобрать слова. Дело в том, что во главе стола сидят Константин Сергеевич и Ольга Леонидовна собственной персоной. То есть, разумеется, их голографические копии, созданные по методике «ожившее фото» и снабжен-

ные эмуляторами искусственного интеллекта. Они довольно уверенно ведут беседу, отвечают на вопросы, благодарят за поздравления. Константин Сергеевич даже здоровается со мной, и я надолго задаюсь вопросом: снабжаются ли подобные... э-э-э... программы системой распознавания лиц или это просто стандартная реакция на любого входящего в комнату человека. По правую руку от цифровой прабабки сидит Ольга — худенькое дитя с флюоресцирующими волосами — и не без страха поглядывает на оживших родственников. Разумеется, у меня нет ни малейшего желания подходить к ним ближе, я тихо медитирую над бутербродом с красной рыбой и бокалом вина и по профессиональной привычке прислушиваюсь к разговорам. В общем, здесь все по-старому. Юрий Константинович, единственный сын хозяина дома, на празднике быть не смог, так как он обычно либо зарабатывает деньги, либо отдыхает в запое, и сейчас как раз во второй фазе. Его бывшая супруга, похоже, пытается продать дом и как раз выясняет, повышает или понижает цены на недвижимость соседство с Центром развлечений. Ольга — финансовый аналитик в компании «Жиллет», работает день и ночь, надрывается. Обеспечивая бесперебойную подачу новых лезвий населению, изнемогающему в борьбе с усами, бородой и волосами на ногах, снимает комнату поближе к родному офису, дочку видит от силы пару часов в неделю. Татьяна замуж так и не вышла. Работает за гроши секретаршей в какой-то мелкой фирме, все свободное время проводит в конюшнях, копит деньги на собственную лошадь. Когда мне надоест слушать про чужие семейные тайны, я оглядываюсь на писателя. Тот уже практически выговорился, исыкал и покорно слушает излияния корреспондентши о том, что среди землян ходят инопланетные информационные накопители, а в подвалах Кремля женщины оплодотворяют спермой атлантов. Но дослушать эту занимательную историю до конца мне не удастся — Жанна выхватывает меня цепким взглядом из толпы гостей.

— Ну что ж, давайте еще раз выпьем за юбиляра — ветерана войны и замечательного мужа и отца, а главное, героя-космонавта. Люсенька, вы тут самая умная женщина, скажите, пожалуйста, тост.

Встаю. Вздыхаю. Думаю.

— Константин Сергеевич, к счастью, вы меня не слышите, поэтому можно не мучаться и не гадать, поймете вы меня правильно или нет. Мне следовало бы поблагодарить вас за то, что вы для меня сделали. Но я до сих пор не могу сообразить, что это было. Вы просто не прогоняли нас с вашего участка — вот, пожалуй, и все. Поэтому просто спасибо вам за то, что вы были.

Я быстро опускаю глаза, чтобы ни с кем не встретиться взглядом, и вспоминаю, что в дальнем конце комнаты за портьерой должна быть еще одна дверь — в подвал. Самое время провалиться сквозь землю. Как можно незаметнее я выскальзываю из-за стола, добираюсь до двери и исчезаю с торжества.

Проходя через подвал, я успеваю заметить на полке под самым потолком металлический круглый бок — похоже, это один из киберов-фехтовальщиков, которых Константин Сергеевич мастерил для нас с Татьяной, — Портос или Арамис, — до прочих руки у всех так и не дошли. Киберы оказались довольно неповоротливыми, сложными в управлении, буксовали на каждом камне, редко попадали по противнику деревянной шпайгой, но все равно пару недель мы возились с ними в наше удовольствие. Позже мы пытались научить их играть в футбол, но опять же без большого успеха.

— Прощай, парень, спасибо тебе за то, что был, — говорю я киберу.

В саду уже стемнело, только над столами на поляне горят лампочки, и я вижу, что там идет гаражная распродажа. Жанна выставила на продажу кораблики в бутылках и модельки ракет, которые делал в свободное время Константин Сергеевич. Кажется, тут есть даже оловянные солдатики, которых он отливал для сына. Вот эта идея мне, пожалуй, нравится. Вещи не должны надолго уходить из человеческих рук, им нужен хозяин — не важно какой.

* * *

— Простите, огорька не найдется?

Людмиле давно пора было уходить, но она все стояла на тропинке, вспоминала молодость, и, как водится, получилось

так, словно она напрашивается на чужое внимание. Закурить у нее попросил симпатичный молодой человек в дорогих очках, в черной рубашке с роскошной серебряной звездой шерифа на груди. Разумеется, он не был никаким шерифом и даже не служил в космических войсках, а всего-навсего работал на «Флай Стар» — один из крупнейших в России концернов, специализирующихся на цифровых технологиях. Зажигалки у Людмилы не было, спичек тоже, но он и не подумал уходить — конечно, как же без этого? Более того, легко и непринужденно перешел на «ты». Видимо, тридцатилетняя женщина без обручального кольца в такой ситуации должна чувствовать себя польщенной.

— Тебе понравилась моя работа?

— Трудно сказать. В общем, вполне убедительно.

— Но?

— Но... Не знаю. Сейчас мне кажется, что стоило бы просто сжечь тут все: и дом, и сад, а пепел развеять по ветру.

— Ты этого действительно хочешь?

— Да, но...

— Тогда пожалуйста.

Он достает из кармана наладонный компьютер, набирает несколько команд, и вот они уже стоят посреди пепелища, курятся линии от срубленных деревьев, а над головами раскинулось звездное небо. Зимнее, между прочим, но зачем обращать внимание на такие мелочи? Ситуация начала правиться Люсе. Она отступила в сторону с тропинки, ощупью нашла садовую скамейку, уселась и с интересом посмотрела на своего внезапного ухажера — ну, что еще ты умеешь? Он присел рядом и, поразмыслив немного, вновь склонился над клавиатурой, и в саду появляются приглушенно светящиеся кучи углей. Выглядело это очень красиво.

— А старик что, действительно был космонавтом? — поинтересовался юный дизайнер.

— Нет.

— Как же так? Заказчица нам все уши прожужжала, какая для нас честь воссоздать космонавта номер семьсот-пятьдесят-один, последнего и единственного. Жирно намекала на скидку.

— Он был в отряде, — объяснила Люся. — Долго. Лет десять. Но так и не полетел. Семьсот-пятьдесят-один — это просто номер удостоверения.

— А героем тоже не был?

— Это как посмотреть. Вообще-то не был. То есть Звездой Героя его никто не награждал — да и не за что было, наверное. Ты помнишь школьную программу — Кикладская война, Греция с Турцией за острова?

— Не помню.

— Ладно, не смущайся, я ее помню только потому, что знала КС, Константина Сергеевича. Россия тогда решила вмешаться в войну, с миротворческой миссией, как водится, и они набирали добровольцев с первых курсов медицинских, языковых и, кажется, технических вузов. А КС, на свою беду, любил Хемингуэя. «Острова в океане» — был такой роман. Ну и Грецию хотелось на халяву посмотреть. В общем, расписался со своей Ольгой и потопал.

— И что, стал героем?

— Не героем, а санитаром. Хотя не знаю, велика ли разница. Кажется, он был ранен. Но ничего серьезного — это точно. Просто работал. Он рассказывал обычно всякую белиберду: как на станции цистерны со спиртом горели, как они бутылку французского коньяка нашли в одной вилле. Потом, когда война закончилась, он остался там еще на год, уже фельдшером. Подружился с пленным турком-офицером — они там собственные минные поля разминировали. Потом они долго переписывались, а нам доставались турецкие марки.

— А я думал, он был летчиком.

— Нет, врачом.

— А почему в космос не полетел?

— Потому что никто не полетел. Ты разве не помнишь — Тунгусская трагедия? Про нее много писали.

— Это когда метеорит?

— Нет, это когда МКС. Международная космическая станция. В 2... году. КС как раз должен был лететь через пару месяцев, сопровождать очередного туриста, ну и разумеется, была большая исследовательская программа. Но у них взорвался на старте «Протон» и практически упичто-

жил стартовый комплекс. Так что вместо того, чтобы готовиться к своему старту, КС спасал обожженных и отравленных. А так как корабль, погибший вместе с «Протоном», должен был выправить орбиту станции, она начала падать и через месяц с небольшим свалилась в Сибири, аккуратно рядом с Подкаменной Тунгуской. Видно, место такое — медом намазанное. Слава богу, жертв было немного, но тайга горела после этого почти год, и мы получили новый виток экологической катастрофы. А еще через год автоматические зонды благополучно сели на спутниках Юпитера, и с пилотируемой космонавтикой было покончено.

— Надо же, а я и не заметил.

— Ну вот сейчас заметил, и что? Жарко тебе или холодно?

— Вопросы у тебя! Даже не знаю. Жалко, наверное. Все-таки было чем гордиться.

— Я, кстати, всегда была против. В смысле никогда не страдала от того, что пилотируемую космонавтику закрыли. И даже высказывала КС что-то в этом роде, когда была помоложе. Мол, нечего тратить деньги на всякую ерунду, когда вокруг полно голодных детей. Я, в общем-то, и сейчас того же мнения. Да и КС, помнится, не особенно возражал.

— Ну это же разные вещи!

— Да, оказалось, что разные. КС, знаешь ли, по молодости читал Хемингуэя, а я — Станислава Лема, «Возвращение со звезд». Так вот, Лем писал, что люди перестанут летать в космос оттого, что станут более чувствительными, осторожными, оттого, что будут бережнее относиться к себе и друг к другу, ну и все такое прочее. При этом он, видимо, полагал себя большим реалистом. Ха-ха три раза. Я семь лет проработала в интернате для детей-инвалидов, так мы не сумели собрать денег даже на стеклопакеты для окон. Так и жили при растрескавшихся рамах и вечных сквозняках. Вот такие дела. В космос теперь летают роботы, а до детей руки так ни у кого и не дошли.

— Говоришь, «работала», а почему ушла?

— Потому что стала звереть. Злилась на детей за то, что никак не выздоравливают. На взрослых — за то, что позволяют издеваться над собой и детьми. Поняла, что теряю квалификацию и взяла тайм-аут. Сейчас у меня взрослые

группы — и зарабатываю в три раза против прежнего. Но надеюсь, что через год-другой смогу вернуться назад.

— А со стариком что дальше было?

— Все как обычно. Жил, работал, потом умер. Умер, кстати, легко. В больнице — шел из палаты в холл, к телевизору. С Ольгой Леонидовной было хуже. Три года полного старческого маразма, депрессия, паранойя, памперсы, пролежни. Жанна, кстати, ее не бросила. Так что по большому счету сейчас у нее есть моральное право на что угодно.

— Так, погоди, выходит, что ты — психолог?

— Совершенно верно.

— И так серьезно ко всему относишься? Мне казалось, что психологи и медики должны быть циниками. Психологи особенно. Может, тебе работу поменять? У нас в отделе рекламы вроде есть вакансии. Знаешь, это очень помогает в жизни. Поработаешь у нас годик и понимаешь, что все кругом — иллюзия.

— Для этого не надо звезду на грудь вешать. Я не спорю, может, и иллюзия. Может, мы с тобой сейчас спим в морозильных камерах звездолета, который летит к другой планете. А может, у нас случилась шизоидная эмболия на почве разочарования во всем и уход в виртуальную реальность. Тебе какой вариант представляется более вероятным?

— Я подумаю. Блин, ну ты правда умеешь мозги парить. Тебе за это платят?

— Ну что ты, мне платят, как и тебе, за иллюзии. Видишь ли, в психологии сейчас все примерно так же, как в космонавтике. Старые добрые времена кожаных диванов, катарсисов и инсайтов давно позади. Настоящая работа должна идти через боль, а это никому не нужно. Нужны хрустальные шары, аромотерапия, йога для жирных и компьютерные медитации. Могу, кстати, устроить тебе приработок, если захочешь. В общем, у людей смутное ощущение, что они очищают свою душу, а у меня вполне материальный счет в банке. Всем хорошо. Тебе не надо душу очистить?

— Как-то не задумывался.

— Ты подумай. Менеджеры среднего звена, знаешь ли, легко заменяемы. Поэтому надо всегда быть в форме: и душой, и телом.

— А ты змея.

— Это я в свободное от работы время. Да еще на поминках. А на работе я сплошное участие и сострадание. У пас, кстати, роскошная программа — «Паломник XXI века»: садимся в автобус, катаемся по Европе и размышляем о вечном. Сначала начальство вообще хотело, чтобы я моих бизнесменов по соборам возила: от Святого Петра до Святого Иакова. Но я сумела убедить шефа, что клиенты помрут от скуки, не доехав до финиша. Поэтому у нас программа повеселее: сначала в Помпеи — размышлять о смерти и о бренности всего сущего, потом Кельн — о гении и рукотворной красоте, Нидерланды — о борьбе и победе, Аахен — о власти, Мюнхен — о человеке и обществе. Понимаешь, это ведь все правда. Любители из Помпей целуются в момент агонии. Кельнский собор кричит небу: «Смотри, мы это построили!» Нидерландцы действительно говорят: «Половину Нидерландов создал Бог, а половину — люди», и там действительно есть памятник мальчику, который заткнул пальцем дырку в плотине. В пивных садах Мюнхена действительно вызрел Третий рейх со всеми его прелестями из вполне себе обычных, но сильно обиженных жизнью людей. И достаточно просто пустить это в себя, и ты действительно уже не сможешь жить по-старому. Но мои милые невротики достают видеокамеры и начинают снимать друг друга с бокалом пива в руке. Поэтому, если бы ты сделал для меня небольшую, но достаточно убедительную демонстрашку на эту тему, я могла бы здорово сэкономить свое время и деньги моей фирмы.

— Я подумаю. Но пока у меня есть предложение поскромнее.

— Какое же?

— Что ты делаешь сегодня вечером?

— А ты?

— А я совершенно свободен. Смена закончилась. Поэтому я мог бы сделать небольшую демонстрашку лично для тебя. У себя на квартире. Скажем, маленькую танцевальную площадку и оркестр. Например, джазовый. Ты любишь джаз?

— Весь этот джаз? Пожалуй, еще люблю. Да, конечно, люблю. Только, знаешь, у меня одно условие.

— Я весь внимание.

— Когда джаз закончится и нам захочется продолжения...

— А нам захочется?

— А куда мы денемся? Так вот, когда нам захочется продолжения, ты все выключишь. Никакого света и музыки, никаких камер и экранов, никаких вращающихся кроватей и прочего. Полная темнота.

— Заметано.

— И никаких презервативов.

На лице молодого человека любопытство сменилось мгновенным испугом, но он сумел овладеть собой и мужественно кивнул:

— Если ты правда этого хочешь...

Женщина расхохоталась:

— Ну я-то знаю, что ты ничем не рискуешь, рискую только я. Но я могу это себе позволить. Видишь ли, на самом деле я сегодня так зла на весь мир, что, если не сброшу напряжение, завтра устрою Судный день своей группе. А это нехорошо. Они не виноваты, что в космос летают роботы и вообще что все так получается. Ну, ты согласен?

— Ты мертвого уговоришь. Еще какие-нибудь пожелания насчет программы?

— Дай подумать. У тебя есть Армстронг? Не тот, который на Луне, а тот, который черный.

— Аск! Могла бы и не язвить.

— Извини. Тогда начнем, пожалуй, с «Летних дней». А потом, наверное, «Невероятный мир»...

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

Я не трогаю тебя

Святослав Логинов родился 9 октября 1951 года. Окончил химическую школу, а затем и химический факультет СПбГУ (в ту пору — ЛГУ). С 1974 года — член семинара Бориса Стругацкого. Работал стажером в Государственном институте прикладной химии, инженером во ВНИИ антибиотиков и ферментов, комиссаром комсомольско-молодежного отряда в Нечерноземье, инженером ГСКТБнПСМиОЗ МПСАиСУ СССР (Государственное Союзное конструкторско-техническое бюро по проектированию счетных машин и Опытный завод Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления), начальником бюро охраны окружающей среды на заводе им. Климова, грузчиком в универсаме, учителем в школе, редактором в издательствах, методистом в комитете по образованию мэрии Санкт-Петербурга, сторожем в частной фирме. Участник семинара Бориса Стругацкого с марта 1974 года. С 1995 года — профессиональный писатель. Первая публикация — рассказ «Грибники» (1974). Дебютный сборник — «Быль о сказочном звере» (1990). Лауреат премий «Интерпресскон», «Роскон», «Портал», Беляевской премии и других.

1. ЗАВОД

- Мама, вставай!
- Что ты, Паолино, спи, рано ещё...
- Скорее вставай! Ты же обещала!

Эмма с трудом приподнялась и села на постели. Паоло стоял босыми ногами на полу и ёжился от холода.

— Ты с ума сошёл! — сердито сказала Эмма. — Бегом в кровать! Ночь на дворе, а он вставать хочет.

— Ты же сама сказала, что мы встанем сегодня очень рано, — обиженно протянул Паоло.

— Но не в четыре же утра!

— А на улице уже светло.

— Это белая ночь. А дальше на север солнце летом вообще не заходит. Ты бы там по полгода спать не ложился?

— Ну мама!..

— Спать скорее, а то вовсе никуда не пойдём!

Обиженный Паоло повернулся и пошёл, громко шлёпая босыми ногами. Он решил, несмотря ни на что, не спать и, завернувшись в одеяло, уселся на постели.

После разговора с сыном сон у Эммы, как назло, совершенно пропал. Она ворочалась с боку на бок, переворачивала подушку прохладной стороной вверх, смотрела на розовеющее небо за окном. Вспоминала вчерашнее письмо. Неожданное оно было и несправедливое. Маленький прямоугольный листок, и на нём — обращение Мирового Совета с очередным призывом ограничить рождаемость. Глупость какая-то, почему именно к ней должны приходить такие письма? У неё и так ещё только один ребенок, хотя уже давно пора завести второго.

Эмма представила, как Паоло, важный и гордый, катит по дорожке коляску, в которой, задрав к небу голые ножки, лежит его брат. Почему-то малыш всегда представлялся ей мальчишкой. Эмма улыбнулась. Когда-то такое сбудется! Придется нам с Паоло пожить вдвоем, пока наш папка летает со звезды на звезду. Появляется на Земле раз в год и, не успев к нему привыкнуть, снова улетает в свой звёздный поиск. Жизнь ищет, а находит одни камни. Глупый, нет в космосе жизни, здесь она, на Земле! Только ведь ему бесполезно доказывать: он со всем согласится — и всё-таки через несколько дней улетит. А она обязана ждать и получать обидные листовки, словно это её вина, что на Земле всё больше людей и меньше места для живой природы. В конце концов, могут же быть другие выходы, кроме ограничения рождаемости! Вот пусть их и используют. Пожалуйста, создавайте заповедники, осваивайте другие планеты или даже ищите такие, которые сразу пригодны для заселения. И природу нужно беречь, это всем известно. Тут она ничем не хуже других и никогда не делала плохого. Но требовать, чтобы она одна расплачивалась за всё человечество, отнимать у неё право иметь детей, они не могут! А если подумать, так сё дети вовсе ничего не решают. Там, где живет столько миллиардов, проживет и ещё несколько человек. И пусть в Мировом Совете не занимаются глупостями. Вот вернётся из полета Родька, надо будет с ним поговорить.

Эмма посмотрела на часы. Скоро семь, пожалуй, пора поднимать Паолино. Эмма прошла в комнату сынишки. Тот спал сидя, неловко привалившись боком к спинке кровати.

— Паолино, безобразник, что ты вытворяешь?! — со смехом воскликнула Эмма, тормоша его.

Паоло разлепил заспанные глаза и поморщился от боли в онемевших ногах. Потом сообразил, где он и что с ним, и сказал:

— А я так и не спал с тех пор. Только немножко заду-мался.

— Ну конечно, — согласилась Эмма.

В девять часов они подошли к заводу. Как всегда в этот день, вокруг его серых корпусов волновалась толпа экскурсантов, пришедших посмотреть на работу. Большинство были с детьми.

Гудок, тягучий и громкий, упал сверху, и в то же мгновение на верхушке длинной красной трубы появился чёрный клуб.

— Дым! Дым! — раздались восторженные детские голоса.

Паоло прыгал около Эммы и непрерывно дергал ее за рукав.

— Правда, красиво? — то и дело спрашивал он.

— Красиво, — соглашалась она. — Когда единственная труба на Земле дымит один день в году, то это красиво.

Первое чёрное облако расплывающейся кляксой медленно плыло по небу. Из трубы вырывалась уже не чёрная копоть, а в основном горячий воздух, лишь слегка подси-ненный остатками негоревшего топлива.

Празднично одетые экскурсанты разбредались по гулким цехам. Кое-где загудели станки, включенные пришедшими в этот день сотрудниками Музея истории техники, пронзительно громко завизжал разрезасмый металл.

Паоло и Эмма ходили по цехам, разглядывая приземистые, непривычного вида машины, кружили по заводскому двору, усыпанному мелкой угольной крошкой, прибивались к группам, слушавшим экскурсоводов. В какой-то момент невнимательно слушавший Паоло вдруг остановился. В той группе рассказчиком был очень старый человек, ещё из тех, быть может, кто работал на таких копящих предприятиях. Он стоял, задрав вверх дрожащую голову, и говорил:

— Курись, курись, голубушка! Кончилась твоя воля! — Потом объяснил вновь подошедшим: — Последний раз она так. На следующий год дым пускать уже не будут, нашли, что даже такие незначительные выбросы угнетают окрестную растительность. Только, знаете, мне её и не жалко, довольно эти трубы крови попортили.

— А завод тоже больше работать не будет? — спросил кто-то.

— Будет, — успокоил старик. — Как всегда, двенадцатого июня.

— Как же без трубы?

— Милочка вы моя, топка-то у него бутафорская, для дыму. Сами посудите, можно ли гудок дать, пока котлы не разогреты? А ведь даем.

— Без дыма неинтересно, — решительно заявил Паоло.

— Да ну? — живо возразил старик. Взгляд у него был цепкий, совсем молодой, и он моментально выхватил из толпы фигурку мальчика. — А ты приходи через год, тогда поговорим. — И добавил: — Открывается новая экспозиция. Через несколько месяцев будет закончена эвакуация на Плутон промышленных предприятий, только у нас останется один подземный автоматический завод. Милости прошу...

Люди обступили старика плотным кольцом, из разных концов подходили всё новые экскурсанты, ненадолго останавливались послушать и оставались.

— ...когда начинали их строить, считалось, что они совершенно не затрагивают окружающую среду. Полная изоляция, никаких выбросов. А вышло не совсем так. Тепло утекает, опять же — вибрация. Деревья наверху сохнут, звери из таких мест уходят, и людям жить не слишком приятно. Зато сейчас мы лихо управились, каких-то десять лет, и на Земле ни одной фабрики. Это в самом деле получается не переезд, а эвакуация. — Старик с особым вкусом повторил последнее, почти никому не понятное слово. — Теперь планета наша в естественный вид пришла, ничто её не портит, специалисты говорят, что на Земле сможет прожить восемьдесят миллиардов человек.

— А живет уже шестьдесят восемь, — негромко, но словно подводя итог, сказал чей-то голос.

К полудню Паоло утомился и не прыгал, как прежде, а тащился, держась за Эммину руку и почти не слушая волшебного звучания слов: «прокат», «вулканизация», «оксидированный»... Другие тоже устали, всё больше народу тянулось к выходу.

— Как можно было каждый день проводить семь часов среди такого лязга? — удивлялась идущая перед Эммой девушка.

На воле Паоло снова ожил и, соскочив с дороги, исчез в кустах. Потом вылез оттуда перемазанный зеленью и убежал вперёд. Эмме понадобилось полчаса, чтобы отыскать его. Она нашла сына на одной из полянок. Паоло сидел на земле и вырезал из ветки дротик.

— Паоло, негодный мальчишка, куда ты пропал? Обедать давно пора!

— Мама, — вместо ответа спросил Паоло, — а зачем слону дробина и что такое общее угнетение биоценоза?

— Боже мой, мальчик, откуда такие слова?

— А тут вот сидели какие-то дяденьки, и я слышал, как один сказал, что все меры вроде сегодняшней — это дробина для слона, потому что у нас это самое угнетение. А что это значит?

— Это значит, — сказала Эмма, — что на Земле живёт шестьдесят восемь миллиардов людей, и если каждый сорвёт такую ветку, как ты сейчас сломал, то на Земле ни одного деревца не останется.

Паоло вспыхнул и кинул ветку в траву, но тут же передумал и поднял её. Ветка была до половины ошкурена, верхушка с горстью ещё не совсем раскрывшихся листьев уцелела. Паоло решительно перерезал ветку и протянул верхушку матери:

— На. Мы её дома в воду поставим, а когда она корешки пустит, то посадим, и целое дерево получится.

— Хорошо, возьми с собой, может, не завянет.

— А другой конец я оставляю для копья. Все равно он без кожи уже не вырастет.

— Ну, возьми.

Эмма поднялась с травы, следом с налками в руках встал Паоло. Эмма оглядела его с головы до ног.

— Ох, и извозился ты!

Паоло попытался стряхнуть со штанов приставший мусор, потёр ладошкой рубаху, измазав её ещё больше, и наконец сдался.

— Ничего, — сказал он, — до дому доберёмся.

— А людей не стыдно будет?

— Ну так что, ты вои тоже грязная.

— Где?

— Честно. Вся кофта переначкана.

Эмма поднесла руку к глазам. Белый рукав кофточки был густо усеян чуть заметными чёрными крапинками.

— Гарь палетела, — оправдывалась Эмма, пытаясь сдуть с рукава чёрный палёт. Но сажа села прочно и не сдувалась.

— Давай я почищу, — предложил Паоло.

— Не надо! -- испугалась Эмма. — Ты своими лапами меня мгновенно в чучело превратишь!

— А другие сейчас тоже так? — спросил Паоло.

— Тоже.

— И всё от одной трубы?

— От неё.

— Тогда хорошо, что дыма больше пускать не будут, — сказал Паоло, — жаль только, что это всего одна дробина.

2. БАБИЙ БУНТ

— Смотри, — сказала Юкки, — я на песок наступаю, а он вокруг ноги сухим становится. Это, наверное, потому, что долго под солнцем сушился, вот даже в море вымокнуть как следует не может. Правда?

— Точно, — ответил Дима и прибавил: — А у тебя следы красивые.

— Ага. Маленькие, и пальцы скрюченные, как у Кощея.

— Много ты понимаешь в собственной красоте! Не скрюченные, а изящные.

— Там царь Кошей над золотом чахнет! Димчик, почему он чахнет?

— Реакции изучает соединений золота, а вытяжки нет, и вообще, никакой техники безопасности.

— Глупенький! Солнышко светит, а он про технику безопасности! Купаться будешь?

Выйдя из воды, Юкки повалилась в горячий песок.

— Уф!.. Сумасшедший! Нельзя же так далеко заплывать!

— Но ведь ты впереди плыла...

— Так и что? Я, по-твоему, первой должна назад поворачивать? Домострой какой-то! Димчик, а я кушать хочу. Раз ты поборник древности, то добудь мне пропитание.

— Сколько угодно! — Дима шагнул вперед, сунул руку в воду, дёрнулся, зашипев сквозь зубы, а потом выволок на воздух крупного серого краба.

Краб топорилил ноги и угрожающе поднимал клешни, стараясь достать палец врага.

— К вашим стопам повергаю, — сказал Дима, положив краба у ног Юкки.

Юкки завизжала. Освобожденный краб боком засеменил к воде.

— Бедненький, — сказала Юкки, перестав визжать. — Как ему трудно идти. Пусти его в море.

— Это моя добыча. Сейчас мы будем его есть.

— Я не хочу его есть. Я хочу вкусное.

— Вкусное лежит в гравилёте. Можно принести...

— А все-таки хорошее место, — говорила Юкки через полчаса. — Бесконечный берег и ни одного человека. Даже следов нет, только то, что мы натоптали. Слушай, мы, наверное, улетели в прошлое, и на Земле никого нет, только крабы.

— И скорпионы.

— Где?

— Не знаю... Просто в Девонский период кроме крабов на Земле жили скорпионы.

— Ну вот, всегда ты так. Только никаких скорпионов здесь нет, потому что сейчас не Девонский период. Вон пенёк лежит. Когда-то тут росло дерево, а потом пришел варвар и приказал его срубить. Для дивидендов. А пенёк остался, потому что варвар относился к природе хищнически и не убирал за собой.

— Вот именно поэтому, если ты кончила есть, то давай за собой убирать...

Они ещё купались и загорали. Они построили башню из песка и взяли её штурмом. Они играли в пятнашки, и Дима порезался осокой. А потом подошло время улетать. Дима было предложил вместо этого, одичав, основать здесь становище, но Юкки вспомнила про порезанную ступню, и пришлось сворачивать лагерь.

Гравилёт улетел.

Остались синее слепящее море и синее слепящее небо, горячий янтарный песок, жёсткая белая трава по кромке пляжа и чёрная, наполовину вросшая в песок коряга пня, торчащая среди осоки. Да пустой берег, тянущийся в обе стороны. Серый краб выбрался на мелководье и улёгся на дне, среди дрожащих бликов.

Жаркая тишина ощутимой тяжестью упала на землю, и потому раздавшийся шорох прозвучал резко и неестественно. Пень, громадный, полузасыпанный песком, раскрылся, распавшись на две части. Изнутри выдвинулись длинные трубки, перегоняя струи песка, зашипел сжатый воздух. Песок, ложась ровной гребёной волн, засыпал следы. Извивающийся манипулятор поднялся из середины псевдопня, подхватил случайно забытую бумажку, потом окунулся в воду и схватил краба. Тот звонко ударил сведенными кверху клешнями. Почувствовав сопротивление, манипулятор расслабился, и бедный краб ринулся в глубину.

Через минуту на берегу почти не оставалось следов. Неподалеку заканчивал работу угловатый, покрытый остатками ракушек валун. Вскоре берег снова сиял нецивилизованной красотой.

Приближался вечер, когда на горизонте появилась едва заметная искра. Она приближалась и превращалась в ярко раскрашенный многоместный гравилёт. Целая семья прилетела купаться в ночном море, глядеть на звёзды и спать на диком берегу, где никого не бывает,

— Мама, гляди! — закричал мальчик, первым выпрыгнувший из кабины. — Море гладкое, а на песке волны!

Глухое место, дикий, никому не известный уголок стал для Юкки и Димы привычным местом отдыха. Каждую неделю они появлялись здесь, проносились на спортивной машине, выбирая местечко подальше от прибрежных коттеджей и ред-

ких групп купальщиков. И, как правило, останавливались около знакомого иня. Правда, был такой период, когда их посещения прекратились. Впрочем, скоро спортивный гравилёт снова появился над пляжем, но он больше не выделял курбетов и головоломных петель, а двигался очень плавно и осторожно. Тряска в гравилёте невозможна, но Юкки становилась непреклонна, когда дело касалось маленького Валерика.

А еще через пару лет им пришлось пересаживаться в семейную машину, старая модель стала тесна. И всё труднее становилось найти на берегу пустынное место, всё больше появлялось палаток, разбитых за полосой песка, постоянные поселки тоже росли, и вот первый домик встал на холме, прикрывавшем бухту со стороны берега.

Старый пень мог оживать теперь только ночами, да и то не всегда. Его заносило песком, и однажды ночью, после сильного ветра, он исчез. Глухого места не стало, но семейный гравилёт продолжал прилетать, как прежде, и не по привычке, а просто потому, что всюду было то же самое.

— Эх, Юкки, Юкки, а я-то надеялась, что ты на время бросишь семью и проведешь июль со мною...

— Бабуленька, ты же у меня умница, ты ведь понимаешь, что это никак невозможно.

— О, это я понимаю! Мне не понять другого, зачем, зачем это нужно?

— Бабуленька, не надо меня пилить, в моем положении вредно волноваться.

— Мне тоже вредно волноваться! Мне восемьдесят шесть лет, а ты вечно заставляешь меня тревожиться о твоём здоровье!

— Не надо тревожиться... — Юкки подседа поближе и, прижав вид пай-девочки, погладила бабушку по плечу.

— Не подлизывайся, — сердито отозвалась та и встала.

Поднялась и Юкки. Когда они стояли рядом, то сходство резко бросалось в глаза. Они казались сестрами и были почти одинаковы, только у старшей от глаз едва заметно разбегались морщинки да волосы были не такие пушистые. Обе невысокие, одна чуть полнее.

— Развезло тебя, — недовольно сказала Лайма Орестовна. — Не женищина, а коровища. Никак в толк не возьму, что за

удовольствие ты в этом находишь? У меня трое детей, и, поверь, по тем временам этого было вполне достаточно. А современные бабы как с ума посходили. Уже Мировой Совет другого дела не знает, как только вапу дурь в рамки вводить. Почему-то шестьдесят лет назад перенаселения на Земле не было.

— Было.

— Но не до такой же степени! В конце концов, в первую очередь надо быть человеком, а не самкой!

— Бабушка!.. — Голос Юкки задрожал. — Как ты можешь так говорить? В моем положении...

— Ну, успокойся, девочка, — заволновалась Лайма Орестовна, усаживая на диван всхлипывающую Юкки. — Я не хотела тебя обидеть, прости ты глупую старуху.

— Бабуля, ты прелесть. — Юкки еще раз по инерции всхлипнула и улыбнулась. — Я тебя очень люблю.

— Вот и славно. — Лайма Орестовна присела рядом с внучкой. — Больше я тебя терзать не стану, всё равно поздно, только обещай мне, что пятого ребенка ты заводить не будешь.

— Не знаю, — сказала Юкки, и Лайма Орестовна даже застонала сквозь сжатые зубы, как от сильной боли. Юкки метнула на бабушку испуганный взгляд и торопливо заговорила: — Бабуленька, ты подумай, о чём тут беспокоиться? Я чувствую себя прекрасно, а роды при современной-то технике — это почти не больно и совершенно безопасно. Зато потом будет маленький...

— У тебя уже есть трое маленьких и намечается четвертый, — перебила Лайма Орестовна. — Вырастила бы сначала их.

— Нет, ты послушай. С пеленками, как когда-то тебе, мне возиться не надо, еда всегда готова, а если вдруг понадобится уехать на день или на два, то есть где оставить малышей... И даже не это главное! Тут есть другое. Вот ты пришла звать меня с собой, чтобы я поехала в Пиренеи. Ты в горы собираешься, в восемьдесят шесть-то лет! И во всем остальном тоже никакой молодой не уступишь. К тому же ты красавица, а я так, серединка на половинку...

— Не кокетничай! — строго сказала Лайма Орестовна.

— Мы успеем напутешествоваться после пятидесяти лет, а сейчас нам хочется быть молодыми. Но ведь молодая жен-

щина в наше глупое время — это женщина, ждущая ребенка. Поняла?

Лайма Орестовна некоторое время сидела молча, нахмурившись и не глядя на Юкки. Потом вздохнула и сказала:

— Все-таки надо быть чуточку более сознательной.

Юкки виновато улыбнулась.

— Я пробовала, — сказала она, — но у меня не получается.

От Гарри Сатат ушла сама. Она слишком ясно видела, что происходит с ним, чтобы пытаться обманывать себя глупыми надеждами. Правда, она и на этот раз старалась не замечать его охлаждения, хотела оттянуть разрыв, но дожидаться, чтобы любовь перешла в ненависть, она не могла и потому однажды сказала ему:

— Знаешь, я, пожалуй, уеду.

Он ещё не был готов к этому разговору, смутился и потрясающе глупо спросил:

— Куда?

— Не куда, а как, — поправила Сатат. — Насовсем. Так будет лучше.

Гарри стоял перед ней, знакомый до последней мысли, любимый, но в чем-то уже чужой и ненавистный. Он хотел что-то сказать, но только жевал губами. И наконец выдавил:

— Может, ты и права. Может, так в самом деле будет лучше. Только ты пойми, я ведь тебя люблю, по-настоящему люблю, я никогда никого так не любил, но...

— Замолчи!.. — свистящим шепотом выдохнула Сатат.

Она разом спала с лица, скулы выступили вперед, щеки ввалились, и только под глазами, словно от многодневной усталости, набухли мешки, и в них часто и зло забились жилки.

— Не смей говорить мне про это!.. — выкрикнула Сатат и бросилась к гравилёту, ожидавшемуся у порога дома. Она упала лицом и руками в клавиатуру, гравилёт взмыл и, выполняя странный приказ, вычертил в утреннем небе немыслимую по сложности спираль.

Сатат уже не пыталась сдерживаться. С ней случилась страшная истерика. Она билась о пульт, царапала его, об-

ламывая ногти о кнопки, сквозь губы протискивались обрывки каких-то фраз, и среди них чаще всего одна:

— Не могу!..

Она бы десятки раз разбилась, если бы автопилот, временно получающий множество противоречивых команд, не отбрасывал те, которые привели бы к катастрофе. Из остальных он пытался составить подобие маршрута. Гравилёт метался и дергался в воздухе, начинал и не заканчивал десятки никем не придуманных фигур высшего пилотажа, срывался на гигантской скорости, но тут же замирал неподвижно, а потом падал к самой земле и, чуть не коснувшись её, принимался стремительно вращаться вокруг своей оси, и эта развеселая карусель, бездарное машинное воплощение женского горя, уносилась ввысь, теряясь в синеве.

Наконец Сатат заплакала, но слезы скоро кончились, сменились тяжелой неудержимой икотой. Гравилёт, перестав кувыркаться, медленно потянул вперёд, время от времени вздрагивая в такт своей хозяйке.

Через час он опустился на небольшую площадку, усыпанную острыми битыми камнями. Справа и слева довольно круто поднимались склоны, с которых когда-то сорвались эти камни. Было холодно, снег, лежащий на вершинах, казался совсем близким.

Сатат, внешне уже совершенно спокойная, вышла из кабины, присела на камень. Камень неприятно леденил ноги, дыхание вырывалось изо рта облачком пара.

«Пусть, — подумала Сатат, — мне можно».

Она порылась в карманах, нашла маленький маникюрный наборчик и пилочкой осторожно поддела крышку браслета индивидуального индикатора. Прищурив глаз, вгляделась в переплетение деталей и той же пилочкой принялась осторожно соскребать в одном месте изоляцию. Закончив, она сняла браслет. Индикатор не отреагировал. Сатат невольно усмехнулась. Когда-то на одном из технических совещаний она выступала против именно этой конструкции индикатора, говоря, что его слишком легко испортить. Но комиссия сочла фактор злой воли несущественным. Что же, тем лучше. Теперь индикатор будет вечно посылать сигнал о хорошем самочувствии. А главное, не выдаст её убежища.

Сатат спрятала индикатор под сиденье и задала гравилёту программу возвращения. Она долго глядела ему вслед. Сейчас он ещё раз спляшет меж облаков нескладную историю её последней любви и забудет этот необычный маршрут. Теперь её могут хватиться, только если кто-то вызовет её, а она не ответит на вызов. Но захочет ли кто-нибудь из бесчисленных миллиардов людей говорить с ней?

Июль в Пиренеях — самое опасное для альпинистов время. Снег в горах подтаивает, рыхлые массы его срываются вниз в облаках непролицаемо-белого тумана. Место, по которому проходил десять минут назад, может стать ненадежным, а ярчайшее испанское солнце непрерывно угрожает снежной слепотой. Может быть, поэтому особенно интересно совершать восхождения именно в июле. Романтические опасности приятно щекочут нервы, и единственное, что новоявленные альпинистки знали совершенно точно, — в горах нельзя громко говорить. Вот только как удержаться?

— Лайма! Если ты будешь так копать, то горы успеют рассыпаться, прежде чем ты залезешь на них!

— Погоди, не всем же быть такой обезьянкой, как ты, — отвечала снизу Лайма Орестовна.

Отдуваясь, она добралась к своей подруге и огляделась.

— Вот что я скажу, голубушка Сяо-се, — промолвила она, — я всё больше убеждаюсь, что если мы и дальше будем ползти по этому уступу, то никогда не выйдем ни к одной приличной вершине. По-моему, мы просто ходим кругами. Час назад снежники были близко, сейчас они тоже близко. Спрашивается, чем мы занимались этот час?

— Гравилёт вызвать? — с усмешкой предложила Сяо-се.

— Ни за что! Взялись идти, так пошли.

Лайма Орестовна вскинула на спину рюкзачок, Сяо-се надела через плечо моток верёвки, которую захватили, чтобы идти в связке, потом они выбрали брошенные палки и пошли. Но пройти успели от силы сотню метров. Сяо-се остановилась и шёпотом сказала:

— Кто-то плачет.

Лайма Орестовна не слышала никакого плача, но, доверяя острому слуху подруги, двинулась за ней. Они вскараб-

кались на небольшой обрывчик, пройдя по карнизу, обогнули какую-то скалу, и тут Сяо-се остановилась. Теперь уже и Лайма Орестовна отчетливо слышала всхлипывания.

Впереди была заваленная осколками скал площадка, а на одном из камней сидела и плакала девушка. Через мгновение Лайма Орестовна, решительно отстранив растерявшуюся Сяо-се, подбежала к ней.

— Глупышка! Ну, чего нюни распустила? Не надо плакать, слышишь? Хотя и не знаю, отчего ревёшь, а всё равно не надо! Ну-ка накинь штормовку. Надо же, на такую высотицу влезла в легком платьице.

— Не надо. — Девушка отодвинулась.

— Не блажи! — приказала Лайма Орестовна. — Тоже мне, героиня, расселась на ледяном камне, а у самой даже чулочки не надеты. Давай быстренько поднимайся, а то простудишься. Вот у меня внучка — во что только нузо не кутает, лишь бы ребёнка не застудить.

В ответ девушка упала ничком на камень и отчаянно, неудержимо расплакалась.

— Я... у меня... — выговаривала она между рыданиями, — у меня их никогда не будет... детей... никогда-никогда!..

Она резко поднялась и, глядя покрасневшими глазами сквозь Лайму Орестовну, сказала неестественно спокойным голосом:

— Знаете, что он мне заявил, когда понял, что детей действительно не будет? Что он не может оставаться со мной просто так. И ведь он не хотел детей, а всё равно ушёл. И другие потом тоже. А теперь я сама ушла, а он отпустил. И все из-за этого.

— Мерзавцы, — пробормотала Лайма Орестовна.

— Почему же? Вовсе нет. Просто, когда заранее известно, что ничего не будет, то получается не всерьёз. А им это обидно, они же мужчины. Вот и выходит, что для всех любовь, а для меня так... мелкий разврат.

— Не понимаю! — громко воскликнула Лайма Орестовна, и эхо несколько раз повторило возглас. — Ну, скажи, могу я сейчас себе друга найти? Да сколько угодно! Так неужели он стал бы от меня детей требовать? Ни в жизнь!

— Вы просто пожилая женщина, а я урод. Вот и вся разница.

— Урод?! С такой-то мордашкой? Значит, так. Зовут тебя как?

— Сатат.

— Собирайся, Сатат, поедешь с нами. Мы с Сяо-се решили бросить внуков, правнуков и праправнуков и зажить отдельно. Тебя мы берём в компанию. С этой минуты тебе будет, скажем, шестьдесят лет. Образует колонию и отобьём у молодых всех ухажёров. В порядке борьбы с рождаемостью. Согласия не спрашиваю, всё равно заставляю. А вот, кстати, правилёт. Пока мы с тобой беседовали, Сяо-се позаботилась.

— Спасибо вам большое, — сказала Сатат.

— Сяо-се, вот ты и дождалась большой благодарности, — сказала Лайма Орестовна, и подружки рассмеялись чему-то ещё непонятному для Сатат.

Три женщины шли по гулкой металлической дороге. Справа тянулась стена, изрезанная проёмами многочисленных дверей. Высоко над головой переплетались какие-то трубы и массивные балки перекрытий. Чмокающий присосками механизм, наваривающий на потолок листы голубого пластика, казался уродливой гипертрофированной мухой.

— Очень мило, — говорила Лайма Орестовна. — Тут квартиры, а напротив деревья посадят. Выходишь и прямо оказываешься в саду. Всю жизнь мечтала.

— А высоты хватит для деревьев? — спросила Сатат.

— Конечно, до потолка двенадцать метров. Я узнавала.

— Лаймочка, ты какую квартиру хочешь? Давай эту возьмём? — предложила Сяо-се.

— Нет уж. Я выбрала самый верхний этаж. Не желаю, чтобы у меня над головой топали.

— Я не знала, что у тебя такой тонкий слух, — заметила Сяо-се.

— Всё равно, — повторила Лайма Орестовна, — верхний этаж лучше всех. И стоянка правилётов недалеко.

— Правилёт можно к балкону вызывать.

— Что ты ко мне привязалась? Просто хочется жить на верхнем этаже. К звёздам ближе.

— А зачем нам вообще жить в мегаполисе? — сказала Сатат. — По-моему, коттедж где-нибудь на берегу озера был бы гораздо лучше.

— Нет. Теперь на берегу озера не поселишься. Всё застроено. Расплодилось народу сверх меры. Уголка живого нету.

— А заповедники...

— Вот то-то и оно, что одни заповедники остались. Только ими природу не спасёшь. Я уж вам расскажу, всё равно все знают. Мировой Совет хочет объявить заповедными все места, где осталось хоть что-то. А люди будут жить в мегаполисах. По семь миллионов человек в доме. И никаких коттеджей до тех пор, пока не освоят других планет. Так что начинаем, девоньки, на новом месте обживаться. А многодетным чадам нашим пусть будет стыдно.

3. АТАВИЗМ

Владимир в последний раз оглянулся на дворик и дом под соломенной крышей, невольно вздохнул, вспомнив, каких трудов стоила эта стилизация под старину, и решительно направился к гравилёту. Сам он не покинул бы коттедж, в котором прошли лучшие годы, но местность отходила под заповедник, и населению предложили выехать в зону полисов. Жителям было дано четыре месяца, но Владимир собирался с духом ровно два дня. Может быть, из-за того, что слишком отчётливо понимал: никакого времени не хватит ему на сборы. Всё равно придется оставить здесь деревья и утреннюю паутину, усыпанную бриллиантиками росы. Придётся оставить работу, ведь он не сможет писать картины с экрана телевизора, ему нужно чувствовать ветер, иначе картина получится плоской и мертвой. Просить же особого разрешения на посещение заповедников он не станет, обычная порядочность не позволит, да и кто даст ему подобное разрешение? Не такой уж крупный художник Владимир Маркус. А ещё он оставляет в старом доме своё второе дело, может быть более любимое, чем первое...

Владимир неожиданно для самого себя заметил, что сжимает побелевшими от напряжения пальцами коробочку с рез-

цами. Как она очутилась в руках, ведь он решил не брать её с собой, оставить на обычном месте у окна? Но — не смог бросить старых друзей. Сколько радости и огорчений доставляли ему не нужные больше инструменты, сияющие сквозь прозрачную крышку жалами отточенных лезвий! Сколько километров исхаживал он по чахлому березняку, отыскивая заболевшее дерево, изуродованное шишкой наплыва. И как мучился сутки, а то и двое, ожидая, пока неповоротливая бюрократическая машина переварит его заявление и принесёт разрешение на порубку берёзы. Он никогда не забудет, как тонко скрипят скрученные древесные волокна, когда резец снимает с куска дерева прозрачной толщины стружку, освобождая спрятанное чудо.

А теперь он должен привыкнуть, что всего этого больше не будет.

Гравилёт опустился на крышу мегаполиса. Владимир, выйдя, задержался на площадке, не решаясь спуститься вниз. У него было ощущение, что сейчас его похоронят в недрах этого сверхкомфортабельного, пока лишь наполовину заселённого муравейника и он уже никогда не выберется наружу. С десятикилометровой высоты земля не казалась близкой и родной. То было нечто условное, разделённое на жилые зоны, покрытые тысячеэтажными бородавками мегаполисов и заповедниками, где не только нельзя жить, но и бывать не разрешено.

Лифт представлялся входом в шахту, ведущую в самые мрачные глубины земли, так что он даже удивился, увидев вместо давящей тесноты широкое светлое пространство внутренних ярусов, ажурные потолки на высоте десятка метров, вскопанные газоны, засаженные молоденькими липками, и пластмассовый тротуар, совершенно такой же, как в обычном городе. Только с одной стороны он ограничивался не домами, а бесконечной стеной, и в ней двери, двери, двери...

Перед пересездом Владимир не высказал пожеланий о будущем доме, но кто-то позаботился о нем и выбрал квартиру, планировка которой напоминала расположение комнат в старом коттедже. Вещи, прибывшие несколько часов назад, были уже расставлены, так что могло показаться, будто он вернулся домой. Владимир подошел к окну, машинально положил

коробку туда, где она лежала прежде. Потом взглянул поверх занавески. Раньше там был лес, бедный, вытоптанный, умирающий, но всё же настоящий. Теперь за окном тянулся газон с торчащими на нем худенькими липками.

«Не приживутся», — подумал Владимир и плотно задернул занавеску.

Квартира Владимира располагалась в крайнем радиусе этажа, с другой стороны в окно глядел необозримый простор, раскинувшийся за стенами мегаполиса. Минуты три Владимир разглядывал пылящую внизу степь, потом у него закружилась голова, и он отошел, тоже поплотнее задернув занавески.

Час тянулся за часом, Владимир кругами бродил по своим двум комнатам, таким же, как до переезда, только чужим. Почему-то он не мог заняться никаким делом, в книгах вместо знакомых слов теснились невразумительные письмена, а резьба по дереву, запас которого ещё оставался у него, вспоминалась как нечто, канувшее в седую древность. В настоящем обитала лишь неотвязная мысль, что над головой больше нет неба, наверху тяжелыми пластами лежат металлы и полимеры, искусно задрапированные живым пластиком и умирающей зеленью.

Владимир побледнел, глаза его испуганно бегали по стенам. Ведь он не сможет жить здесь. Что делать? Он оторван от жизни, он никогда больше не сможет кормить из рук белку, приходящую по утрам к окну.

Владимир вскочил, некоторое время беспомощно топтался на месте, не зная, как собираться, и, ничего не взяв, выбежал из комнаты.

Скорее назад! Пока не кончились отпущенные судьбой четыре месяца, он должен быть там. Как страшно потерять хотя бы минуту жизни!

А потом он будет драться.

Внутреннее патрулирование всегда было для Бехбева чем-то вроде дополнительного дня отдыха. Что делать охране в глубине заповедника? Летать над степью, лесом или болотом и дышать вкусным воздухом. Здесь работают биологи, а охрана пужна лишь для порядка. Вот на границах тяжело. Там нарушителей хватает.

«Тут всегда спокойно», — продолжал по инерции думать Бехбеев в то время, как его руки совершенно автоматически развернули гравилёт и бросили его, куда указывал внезапно вспыхнувший пожарный индикатор. Гравилёт, снижаясь, пронёсся над квадратными проплешинами бывших полей и прыгнул через рощицу, где над дрожащими верхушками осинок поднималась струйка прозрачного голубого дыма.

На берегу ручейка стояла зелёная палатка и горел костер. Вокруг огня сидели трое молодых людей. Один помешивал ложкой в котелке, висящем над углями. Гравилёт серой молнией вымстнулся из-за деревьев, завис и с ходу плюнул пеной. Угли зашипели, котелок упал, кто-то из сидящих испуганно вскрикнул.

«Так их!» — злорадно подумал Бехбеев, глядя на заляпанные пеной лица.

— Кажется, попались, — сказал один из молодых людей.

— А вы что думали? — подтвердил Бехбеев, опуская трап. — Садитесь, полетим разбираться на заставу.

— Сейчас, только вещи соберём, — мрачно сказал второй.

— Не надо. Сам соберу. Вы и без того достаточно напортили.

Понурая тройца поднялась по трапу. Бехбеев, орудуя манипуляторами, выдернул из дёрна колышки и поднял палатку, подобрал рюкзаки и грязный котелок.

— В конце концов, нас и нарушителями-то назвать нельзя, — извиняющимся тоном говорил за его спиной первый, — ни одного листка не сорвали, для костра только бурелом брали, то, что уже само упало. Я ведь здесь родился, вот в этой самой речушке рыбу ловил, уклеек. А теперь с собой в пакетике консервированную уху принесли. Думаю, от нас не так много вреда. Только что люди. Так ведь и вы люди.

— Вы видите, я травинки не коснулся, — сердито ответил Бехбеев. — А сколько лет след от нашего костра зарастать будет? И сколько листиков вы истоптали, пока сюда добрались? Ведь на сорок километров в глубь ушли! Поймите, это кажется, что вокруг девственная природа, на самом деле всё на волоске висит. До сих пор в заповеднике ни одного сколько-нибудь большого муравейника нет. А вы топчете!

— Лоси тоже топчут, — вставил второй, — и к тому же едят.

— Лосей мало, и они костров не разводят. А людей девятьюстами миллионов.

Некоторое время они летели молча, потом Бехбеев спросил:

— Как вы через границу-то прорвались?

— Пешком, — ответил первый. — Прошли ночью в термоизоляционных костюмах.

— Ясно, — проворчал Бехбеев. — Придется индукционные индикаторы ставить.

Гравилёт пересёк границу заповедника. Внизу потянулись заросшие жидкими кустиками пустыри зоны отдыха. Было раннее утро, но кое-где уже виднелись группы людей, играющих в мяч или просто гуляющих. Бехбеев опустил машину подальше от народа, открыл дверцу и сказал:

— Идите и больше так не делайте. Договорились?

— Договорились, — ответил третий, до того не сказавший ни слова, и Бехбеев понял, что это девушка.

Трое выпрыгнули из кабины и пошли к темнеющей на фоне светлого неба пирамиде Меганополиса.

— Рюкзаки возьмите! — крикнул вдогонку Бехбеев.

— Не нужно.

Бехбеев смотрел, как они уходят. Конечно, им было бы сейчас смертельно стыдно идти с рюкзаками мимо людей, в тысячный раз топчущих одни и те же песчаные дорожки.

Йоруба, ответственный дежурный, сидел спиной к пультам, глядел в лицо Бехбееву и явно не слушал его доклад.

— ...провел беседу и отпустил всех троих, — закончил Бехбеев.

— Хорошо, Иван, молодец, — сказал Йоруба, повернувшись к двери и насторожившись.

— Что случилось? — спросил Бехбеев.

— Погоди, сейчас...

Дверь открылась, и на пороге появился одетый в спортивный костюм человек. Первое, что бросилось в глаза Бехбееву, были странно поджатые губы и бегущий испуганный взгляд, не вяжущийся со спокойным выражением лица. Взгляд метнулся по комнате и остановился на медленно поднимающейся из кресла чёрной фигуре Йорубы. Вся сцена продолжалась

долю секунды, потом человек вошёл в комнату, неловко шагнув, словно его толкнули в спину, а может, его действительно толкнули, потому что следом в помещение ввалился Иржи Пракс.

-- Вот! -- выдохнул Пракс и тяжело шлёпнул на стол какую-то бесформенную мягкую груду.

Сначала Бехбеев не сообразил, что принёс Иржи, лишь шагнув ближе, понял, что на столе, бессильно распластавшись, лежит труп зайца. Одного из тех зайцев, которых недавно завезли в их молодой заповедник. Заяц лежал, поджав ноги и разбросав по полированной поверхности стола длинные уши в редких белесых волосках. На боку, на серой шёрстке запеклась кровь.

— Это он его, — хрипло сказал Пракс, указав на мужчину. — Дробью. А ружьё в озеро бросил, чтобы не отдавать. И идти не хотел, удрать пытался. Пришлось его гравилёт блокировать и силком на заставу тащить.

— Чудовишно! — проговорил Йоруба. — Послушайте, как вы вообще до такого додумались? В живого из ружья!

— Оставьте, — поморщился человек. — Вы же охрана, и вдруг такие нежности.

— Ладно, оставим нежности, — сказал Йоруба. — Ваше имя?

— Зачем вам оно? Не ставьте себя в глупое положение, дорогой. Всё равно вы мне ничего не сделаете. Это была грубейшая ошибка Мирового Совета — загнать людей в мегаполисы и не предусмотреть наказания за нарушение режима. Так что продолжайте наводить страх на благонаправных детишек, а настоящие мужчины вроде меня будут жить по-своему.

— Имя! — повторил Йоруба.

— Не скажу.

Йоруба протянул руку, и, прежде чем нарушитель успел отреагировать, его индивидуальный индикатор был у Йорубы.

— Я буду жаловаться! — заявил нарушитель.

— Жалуйтесь, — разрешил Йоруба, подключая браслет к дешифратору. — Для нас наказания тоже не предусмотрены.

— Энеа Сильвио КATALЬДО, — зазвучал голос из дешифратора. — Тридцать семь лет. Биолог. В настоящее время без определённых занятий...

— Не биолог он, а умертвитель, — тихо сказал Иржи Пракс.

— И чего вы добились? — спросил Катальдо. — Ничего. Поняли, на чьей стороне преимущество? Ваше счастье, что я добрый, мучить вас не буду. Хотите знать, зачем я стрелял в этого зайчика? Для самопроверки. Вдруг я такая же мокрица, как и все остальные? Я, видите ли, считаю, что человечеству следует воскресить некоторые черты древности, такую первобытную хватку жизни. А мы вместо этого трясёмся над остатками природы. Не трястись надо, а жить! Погибает природа — туда ей и дорога, значит, не выдержала естественного отбора. Не бойтесь, мы без неё не пропадём. Небось когда мамонты вымирали, тоже находились мудрецы, вещавшие об опасности. Только что-то незаметно, чтобы род людской без мамонтов хуже жить стал. Скорее наоборот. Понятно? Надо, чтобы люди жились в психологию древних, узнали вкус крови...

Дальше Бехбеев слушать не мог.

«Сейчас ты у меня узнаешь вкус крови!» — мстительно подумал он и изо всех сил ударил Катальдо по ухмыляющимся губам. Катальдо отлетел в угол и остался лежать на полу. Кровь с подбородка капала на голубую спортивную рубашку, расплываясь чёрными пятнами. Бехбеев шагнул вперёд.

— Иван! — предостерегающе подал голос Йоруба.

— Не беспокойся, Йор, добивать не буду. — Бехбеев наклонился над лежащим. — Подобный аргумент был в большом ходу у древних. Вы всё ещё хотите вживаться в их психологию?

Катальдо завожился на полу, сел, дотронулся до разбитых губ, увидав на ладони кровь, сморщился, словно собираясь заплакать, потом встал и быстро вышел из помещения заставы. Его никто не остановил. Забытый браслет остался в дешифраторе, который, включившись от толчка, негромко повторял:

— В настоящее время без определённых занятий...

Нескончаемо долгие, почти двухчасовые мытарства по входным кессонам Тёмного города до предела измучили Катальдо, так что он не ощущал ничего, кроме усталости, понапав во внутренние ярусы. Здесь не было пересборок через каждые

двенадцать или двадцать четыре метра, не было ничтожной растительности и бесконечной толкотни. Внутренность этого единственного за пределами Земли мегаполиса поражала непривычный взгляд. С любого яруса открывался вид на один и тот же центральный зал: помещение площадью в несколько десятков квадратных километров. Потолок центрального зала был так высок, что напоминал небо. Кательдо слышал от кого-то, что в центральном зале можно искусственно создавать вполне настоящие облака, из которых идёт дождь. Стены Тёмного города были разных, довольно веселых тонов, но во всем, особенно в окраске потолков, светло-серых, чуть серб-ристых, чувствовался сознательный отказ от имитации под природу. Тёмный город понравился Кательдо.

В основном тут жил персонал автоматических заводов, которые всё же не могли работать совсем без людей. Отработав месяц на Плутоне, человек улетал на Землю, а на его месте появлялся другой. Но были и постоянные жители, считавшие, что не стоит тащиться через всю систему, чтобы попасть из одного мегаполиса в другой. К такому старожи-лу и направлялся Энеа Кательдо.

Владимир Маркус не был инженером, хотя и жил в Тём-ном городе. Он был художником, одним из последних апи-малистов Земли и одним из первых пейзажистов Плутона.

Кательдо толкнул дверь студии, которая оказалась неза-пертой. Там никого не было, и Кательдо остановился у по-рога, оглядываясь и поглаживая щёку кончиками пальцев. Эта привычка появилась у него после того, как в заповед-нике ему сломали челюсть. Кость срослась через четыре дня, но привычка касаться пальцами лица, словно проверяя его целость, по-видимому, осталась навсегда.

С эскизов и набросков смотрели неприветливые, мрач-ные и просто злые пейзажи. Предположения Кательдо под-тверждались.

«Недооценили меня, — подумал он, вспомнив заповед-ник, — а теперь поздно меры принимать. Я не один».

Дверь за спиной отворилась, в студию быстро вошёл ни-зенький сухой человечек.

— Извините, — сказал он. — Опоздал. С этими кессона-ми не знаешь, когда домой попадёшь. Вы Энеа Кательдо?

— Да, я писал...

— Знаю, знаю. Ну а Владимир Маркус — это я. Чем могу служить?

— Я читал ваши статьи. Вы говорите, что природа, купленная такой ценой, не нужна человеку. Я согласен с вами.

— Вы не совсем верно поняли. Я писал, что природа будет не нужна людям, просидевшим сто или двести лет в четырёх стенах.

— Это не важно, выводы получаются те же. Меня интересует другое. Вы писали, что вашу точку зрения разделяет много людей, причём готовых действовать. Это правда?

— Мы действуем.

— Есть ли среди вас ученые, техники? Только такие, которым вы доверяете, как самим себе?

Вместо ответа Маркус набрал на браслете индекс, а когда на вызов ответили, произнёс всего одну фразу:

— Джоти, если ты свободен, найди ко мне. — Потом, повернувшись к Катальдо, сказал: — Станный у нас разговор, да еще стоя. Давайте пройдем в комнату и сядем.

Они направились было к двери, и тут в студию вошёл ещё один человек. Он тоже был невысок, но монументально толст. Человек с такой нездоровой полнотой впервые встретился Катальдо, и это сразу расположило его в пользу незнакомца.

— Позвольте представить, — сказал Маркус. — Джотишнкор Шиллонг, мой ближайший сосед и ближайший друг. Между прочим, крупный изобретатель. Джоти, это Энеа Катальдо, человек, приехавший с Земли, чтобы сообщить нам нечто важное.

Очутившись в комнате и усевшись за стол, Катальдо почувствовал себя уверенней. Несколько секунд он собирался с мыслями, потом заговорил:

— Вам не хуже меня известно, в какое пестерпимое положение попала Земля. Силы человечества тратятся на поддержание остатков природы. Людям жить невозможно. Самым правильным и логичным было бы прекратить гальванизацию этого полутрупа. Мы должны действовать. Надо заставить человечество отказаться от бессмысленной траты сил. Сделать это можно, лишь поставив его перед фактом гибели живой

природы. — Кательдо перевёл дыхание и оглядел слушателей. — Я биолог, — продолжил Кательдо. — У меня есть ряд веществ, уничтожающих растительность. Разработаны способы их получения. Требуется наладить производство и найти способ равномерного распыления их над поверхностью Земли. Вещества очень активны, достаточно пятидесяти тысяч тонн, чтобы уничтожить растения на всём земном шаре, что равносильно гибели живой природы вообще. Так человечество будет поставлено перед необходимостью выработки новых моральных ценностей.

— Вещества действуют на человека? — быстро спросил Шиллонг, очнувшийся от летаргической задумчивости.

— Абсолютно безвредны. Впрочем, вы можете проверить.

— Это уже хорошо.

— Вы сделали нам не совсем обычное и весьма серьёзное предложение, — сказал Маркус. — Надеюсь, вы понимаете, что нам бы хотелось подумать и обсудить его...

— Да, конечно. Я завтра зайду.

— Не надо, лучше мы к вам зайдем.

Маркус и Шиллонг пришли к Кательдо вечером того же дня. С ними пришел ещё один человек, незнакомый Кательдо.

— Сахава-сан, — представил его Маркус, — председатель Совета Тёмного города. Он подтвердит то, что мы скажем. Мы долго думали, что делать с вами, и решили так: мы просим вас покинуть город. Население обижено, что именно сюда вы явились искать единомышленников. Вы можете отправляться куда угодно и делать что хотите, но предупреждаю: все люди на Земле и в космосе, все до последнего человека знают, что вы собирались сделать, и знают вас в лицо. А теперь идите.

Маркус распахнул дверь, и Кательдо испуганно попятился от неё, прикрывая руками челюсть.

4. ТЕРРА

Паоло насыпал на мокрую ладонь немного борной кислоты и растёр по рукам. Иначе не отмыться, руки вечно будут казаться мыльными. И ещё глаза болят. А с остальным вроде пообтерпелись. Вот свежему человеку на станции тяжело. Что-то

в последнее время стало неладно с герметичностью, снаружи подсасывает аммиак. Остаётся радоваться, что не синильную кислоту. Хотя герметичность уже не имеет значения, станция доживает последние дни — «Факел» включён.

Дежурный по участку, Хольт Нильсен, увидев Паоло, устало потёр ладонями физиономию и произнёс:

— Мне это не нравится. Напряжение растёт слишком быстро и скачками. Я задействовал два процента лимитной энергии.

— Могло быть хуже.

— Но должно быть лучше. — Нильсен поднялся, уступая место Паоло.

Тот придавил пальцем клавишу микрофона и сказал:

— Паоло Бенини принял дежурство по участку Червлено Плато.

— Понял, — донёсся из селектора голос Бахтера.

— Видишь, сам в Центре, — сказал Нильсен. — По-моему, он там и спит. Ох, не нравится мне это.

— Ничего... — рассеянно протянул Паоло, проверяя показания приборов.

— Обрати внимание на восточный сектор, — подсказал Нильсен, — там скоро порода плавиться начнёт.

— В восточном секторе — не страшно. Пробьём вулкан и снимем напряжение.

— Не увлекайся.

— Знаю.

— Тогда я пошёл. Спокойной вахты.

Спокойной вахты не получилось. «Факел», действовавший на противоположной стороне планеты, был слишком мощной штукой, чтобы позволить спокойную вахту кому бы то ни было. Паоло пытался представить, что происходит возле «Факела», и не мог. На экранах он видел только чудовищную кашу, а на снимках с орбиты — бесформенное пятно, постепенно расплывающееся, словно клякса на фильтровальной бумаге.

Там из десятков кратеров небывало огромного искусственного вулкана бьёт ураганный поток кислорода, который тут же холодным каталитическим способом соединяется с аммиаком атмосферы. Образуются азот и вода. Мутное пятно,

видимое с орбиты, — первые тучи на Терре. Скоро из них пойдёт дождь, соседняя равнина станет дном моря, и когда-нибудь на Червлено Плато, где находится его станция, будут построены морские курорты. А пока надо сохранить в спокойном состоянии недра плансты. Каждый лишний градус, на который нагреется океан, на несколько лет отдалит заселение Терры. Поэтому в Центре были недовольны, когда Паоло сообщил, что ему пришлось пробивать вулкан. Червлено Плато — один из спокойных участков, вулканы здесь не запланированы вовсе. Зато, сдавая через шесть часов дежурство, Паоло с гордостью доложил, что задействовано всего два с четвертью процента лимитной мощности.

Сдав дежурство, Паоло облачился в скафандр и вышел со станции в густо-лиловые вечные сумерки Терры. Дул довольно сильный ветер, но это был ещё местный ветер. За двое суток воздух от «Факела» сюда не доберётся. И всё-таки словно чуть прозрачнее стал лиловый, аммиачный воздух.

За стенами станции бушевал ураган. Истерзанные полосы бурых туч, словно сошедших с японской гравюры, проносились по небу, в них чудилась сила и необычность.

Кончилась третья неделя работы «Факела». Индикаторы показывали семь десятых процента азота и следы кислорода. В основном ещё атмосфера была аммиачной, но повсюду кипела и бурлила, растревоженная вторжением людей.

Паоло собирался в гости. Червлено Плато только что вызвали со станции Глубокий Хребет и пригласили к себе всех свободных. Свободным оказался один Паоло. Нильсен спал, и будить его было делом безнадежным, а братья Гварамадзе лететь не могли: один дежурил, другой заступал на дежурство через час.

Паоло жил на будущем побережье среди не построенных пока санаториев, а станция Глубокий Хребет располагалась на дне будущего моря, у подножия будущего архипелага. Сейчас архипелаг представлял собой горную цепь. У Терры всё было в будущем. Оказавшись на станции, Паоло потянул носом воздух и сказал встречавшему его Семёну Данько:

— Странно у вас пахнет. Как в скафандре... — Потом, догадавшись, хлопнул себя по лбу и воскликнул: — Голова! У вас же ничем не пахнет, а я привык к аммиаку!

— Смотри, доиграетесь, — предупредил Данько. — Начнут-ся катаклизмы, а у вас герметичности нет.

— Не начнут-ся, — уверенно пообещал Паоло, — а в случае чего мы в Диск перейдём.

— Как знаете. Я бы рисковать не стал. А теперь — о деле. Натягивай, друже, скафандр — и пошли. Патрик ждёт.

Глубокий Хребет поднимался в небо почти отвесной стеной, и у его подножия, где прилепилась станция, было относительно тихо. Одни косматые обрывки облаков, разбиравшиеся о вершины, давали представление о том, что делается наверху.

— Заметь, Паоло, — сказал Данько, — здесь будет одна из самых глубоких впадин океана, а названия ей до сих пор не придумали.

— Сначала сделайте оксан, — отозвался Паоло.

— За пами дело не станет, — ответил Данько и изо всех сил крикнул: — Патрик, куда ты запропастился?!

У Паоло зазвенело в ушах от вопля, услужливо переданного мембранами прямо в уши, поэтому голос Патрика Хемстона показался очень тихим.

— Не надо шуметь, Семён, мы не в степи.

— В степи нельзя шуметь, — смягчившись, проговорил Данько. — В степи слушать надо.

Прежде Данько работал на восстановлении заповедников. Степные зоны пострадали особенно сильно, приходилось тратить массу труда, чтобы хоть частично восстановить разрушенную эрозией почву. А когда открылся проект «Терра», Данько улетел сюда, чтобы не восстанавливать, а заново создавать почву. Но пока до этого было далеко, и почвовед Данько работал геохимиком и скучал по степям.

Они спустились ещё ниже и увидели Хемстона, расхаживающего по дну небольшой котловины.

— Ну, как? — торжественным шёпотом спросил Данько.

Сначала Паоло не мог сообразить, что хочет показать Семён, но потом разглядел тонкую плёнку над камнями. Дно котловины покрывала вода. Хемстон бродил по луже, мелкая рябь расходилась от его ног.

— Вода! — выдохнул Паоло.

— Океан, — пегромко произнес Данько. — Начало нашего океана. Вчера выпал дождь, и, видишь, не высохло, держится уже сутки. Вот он какой, океан Терры!

— Максимальная глубина — сорок восемь миллиметров, — сказал Хемстон.

— Не могу дать ничего, обходитесь своими силами... -- Бахтер на секунду замолк и словно нехотя выдавил: — Вероятно, скоро заберём у вас всю энергию. На всякий случай рассчитайте режим снятия полей.

Последний месяц всё шло совершенно не так, как предполагали. Процессы в недрах планеты принимали угрожающие размеры. Это чувствовалось даже на Червлёно Плато. Землетрясения происходили почти ежедневно, на плато было пробито уже не один, а четыре вулкана. Со всеми бедами можно было бы справиться, но у Паоло трижды урезали энергию, а теперь грозились лишить её вовсе.

Управление участком давно было перенесено в Диск, четверо сгрудились в тесной кабине и слышали всё. Объяснять было не надо.

Расчёт эвакуации занял два часа. Получалось, что Червлёно Плато можно сохранить, пожертвовав частью береговой линии. Там, где полгода назад располагалась станция, бушевал океан. Водонады непрерывного дождя ухудшали видимость, но всё же можно было рассмотреть, как десятиметровые волны бьют в изъеденные ажурные скалы. Горные породы, образовавшиеся в аммиачной атмосфере, непривычные к действию воды, разрушались необычайно быстро. То и дело какая-нибудь из скал наклонялась и, взметнув фонтан воды и пены, исчезала среди волн.

Паоло вызвал Глубокий Хребет. Станция давно была под пятикилометровым слоем воды, так что положение у соседей складывалось ещё хуже, чем на плато: давление воды прессовало породу, выдавливало соседние материки вверх, и, если бы не люди, события давно приняли бы характер катастрофы. Но теперь она всё-таки надвигалась, и надо было, чтобы её последствий оказалось как можно меньше.

— Ребяга, — сказал Паоло в микрофон, — у нас отнимают всё. Часть берега спустим вам в котловину. Будьте осторожны.

— Понял, — донёсся голос Лайзе Иттурна.

— И ещё. Платформа должна уцелеть, но надо подстраховать западный склон. Энергии у вас хватит? Нужно совсем немного, две сотых лимитной.

Слышно было, как Иттурн спрашивал по внутренней связи. Донёсся голос Хемстона, резко и зло ответившего что-то.

— Хватит, — отчетливо произнес Иттурн.

— Спасибо, ребятки! — крикнул Паоло.

Защитные поля снимались неравномерно, вся высвобождающаяся мощь глубин ринулась в одном направлении. Полоса берега шириной в двадцать и длиной почти в пятьдесят километров откололась от материка и сползла в океан. Навстречу взметнувшимся двухсотметровым волнам полыхнул огнем страшный вулкан, почти не уступающий по размерам «Факелу». Взрыв смёл окрестные вершины. Единственным предметом, оставшимся в покое, был медленно поднимающийся Диск. Экипаж станции Червлено Плато смотрел, как гибнет проект «Терра». Материк, правда, уцелеет, во всяком случае, их плато. Но атмосфера перенасытится углекислым газом, океан нагреется почти до кипения, плюс вулканы, землетрясения, цунами. Жить здесь будет нельзя.

Море бурлило от подводных извержений, береговой шельф сползал.

— Засыплем мы соседей, — сказал Дан Гварамадзе.

— Ничего, — ответил Нильсен и, помолчав, добавил: — Пробьются на Диске.

С самого начала работ Центр перенесли в орбитальный городок. Координатор был в курсе, но все же Паоло пошёл докладывать Бахтеру.

В кабинете Бахтера не было ничего, кроме вывода информатора и нескольких переговорных устройств. С помощью индивидуального браслета можно говорить только с одним человеком, поэтому на Терре ими почти не пользовались. Паоло, протиснувшись вдоль спин толпящихся в кабинете людей, подошёл к Бахтеру и доложил, как прошло снятие силовых полей.

— Спасибо, — треснувшим голосом сказал Бахтер.

Он сидел согнувшись, глядя себе в колени, и сжимал в руках небольшой, слегка похожий на допотопный пистолет сварочный аппарат. Паоло удивлённо взглянул на инструмент, потом на информатор и передатчики. Сваривать в ка-

бинете было решительно нечего. Но потом заметил, что прямо на стальной стене столбцом выжжено больше десятка имён и фамилий. Некоторые были знакомы Паоло.

— Диск глубинщикам передали? — спросил Бахтер.

— Да. — Паоло отвечал механически, он разглядывал список и не мог понять, зачем Бахтеру понадобилось выжигать имена своих сотрудников.

— Раскачали ядро... — виновато произнес Бахтер. — Теперь бы планету сохранить. Все отдали глубинщикам.

— Кого ещё нст? — спросил он вдруг.

— Команды Глубокого Хребта, — ответили из-за спины Паоло.

— Они скоро будут, — сказал Паоло. — Только немного задержатся. Иттурн обещал подстраховать западный склон шельфа.

— Чем? — Бахтер поднял голову. — У них забрали всё до последнего эрга.

— Там же совсем немного надо, — пробормотал Паоло. — Они говорили, что у них есть.

— Защитное поле Диска, — сказал тот же голос. — Его хватит. А сами тем временем отсидаются на станции. Пять километров воды, стены выдержат.

Паоло вздрогнул, вспомнив прибрежную равнину, проваливающуюся прямо в котловину у подножия Глубокого Хребта.

Бахтер положил сварочный аппарат, потянулся было к передатчику, потом поднял к лицу руку с браслетом и набрал номер. За ним второй, третий, четвёртый. Никто не отвечал. Бахтер взял сварщик, включил на самую малую мощность и начал писать на стальном листе:

Лайзе Иттурн

Семён Данько...

5. ГРУСТНАЯ СКАЗКА

— Первая стадия полёта прошла без отклонений, но в начале второго цикла начались биения в плазмопреобразователе, разгон пришлось прервать и переходить в режим

пространственного полёта с отклонением в полтора парсека от расчётного.

Вольт замолчал и поднял глаза от блестящей поверхности стола на лица людей. Все сидели, он стоял.

«Точно суд, — подумал Вольт. — Сейчас начнут перекрёстный допрос».

Он кашлянул, чтобы оправдать ненужную паузу, и продолжал:

— Остановка сделана в системе типа «Солнце» — жёлтая звезда и пять планет. Две малых на дальних орбитах, два газовых гиганта, одна очень близко к звезде — полностью выжжена. В зоне жизни — пояс астероидов.

— Так! — выдохнул председатель комиссии.

— Посадку произвёл на внутренней планете. На ремонт плазмопреобразователя ушло двое суток. Общие потери времени — пятьдесят три часа.

— Пояс астероидов обследовали? — спросил Юхнов, самый старый из членов комиссии.

— Две серии зондов.

— И что?

— Ничего, — ответил Вольт, зная, что именно такого краткого ответа ждёт от него Юхнов.

— Что же, — сказал председатель, — действовали вы правильно, а вот контрольной бригаде надо дать нагоняй. Можете идти.

Вольт вышел. Его тут же догнал Юхнов и, просительно глядя в глаза, проговорил:

— Как же так? Совсем ничего?

— Это была очень молодая планета, — ответил Вольт. — Там ещё ничего не могло появиться.

— Ах, как жаль! — пробормотал Юхнов.

— Я пришлю вам копию отчёта, — сказал Вольт.

Юхнов был одним из немногих энтузиастов, которые до сих пор не отчаялись найти в космосе жизнь. Шестьдесят лет он боролся за идею сплошного поиска автоматическими беспилотными кораблями, стал одним из виднейших специалистов и заслуженных деятелей, но идею свою в жизнь так и не воплотил и лишь изредка мог занести в картотеку данные о звезде, лежащей вне перспективной исследуемой зоны.

— А на первой планете? — спросил он.

— Жарко, — сказал Вольт. — Всё сторело, даже камни. Много сульфидов, кристаллы блестят сильно...

— Ах, как жаль! — повторил Юхнов.

Он отошел, и Вольт направился к Лунапорту. Больше всего его удивляло, что он сумел так легко и правдиво согласть.

Гравитационный челнок тащился от Луны до Земли больше трёх часов, но это был единственный механизм, которому разрешалось пересекать озоновый пояс. Вольт устроился в кресле, протянул руку к информатору и набрал свой индекс. Информатор, пожужжав, выкинул белый кубик письма. Письмо было с Геи от Пашки. Оно уже трое суток ждало Вольта на Земле.

«Привет, извозчик! — говорил Пашка. — Значит, всё-таки ушёл от нас на дальние трассы? Слышал, ты теперь экспедиции обслуживаешь. Валяй, авось что-нибудь найдут. Это нам сейчас нужнее, чем всегда...»

Исследование второй планеты Вольт начал далеко за орбитами газовых гигантов. Даже теперь, неделю спустя, он, вспоминая тот миг, чувствовал в груди тревожный и торжественный холодок. А тогда он просто стоял и держал ленту спектрографа так, будто она могла разбиться и вместе с ней погибло бы чудо. Он растерянно думал, что должен кричать «Ура!» и прыгать от радости, а он никак не может вдохнуть воздух.

Потом планета, которую он уже назвал Ласточкой, раскинулась перед ним, огромная, живая, голубая и зелёная, а он летел, рассекая целебный воздух, и выбирал место для посадки где-нибудь на песчаном берегу, чтобы не помять травы...

— Нет, Анюта, ты просто не хочешь понять, — громко говорила своей соседке пожилая женщина, сидевшая впереди Вольта.

Вольт пощёлкал выключателем звуковой защиты, но она, очевидно, испортилась, Вольт продолжал всё слышать.

— Я не против охраны природы, — говорила женщина, — но пойми, дети должны бегать по траве, рвать цветы, ловить бабочек!

— Но ведь если все начнут их ловить... — робко возражала женщина помоложе.

— Пусть! — перебила первая. — Так же нельзя! Об этой охране твердят на каждом углу. Ребёнок ещё не умеет ходить, но знает, что травку топтать нельзя. Мало того, ему уже известно, что на Земле девяносто миллиардов людей и только девять снежных барсов. Дсти моей группы до десяти считать не умеют, но эти цифры назовут, даже если их разбудить среди ночи. Анюточка, это ненормально! Мы заботимся о барсах, зебрах, кенгуру и забываем о своих детях! Правила должны ограничивать взрослых, я сама уже пятьдесят лет как не сорвала ни одной травинки, но дети! Отнимать у них детство — преступление! Смотри, тебе двадцать лет. Знаешь ли ты, что такое роса на босых ногах, букет полевых ромашек, венок из одуванчиков? Приходилось тебе нюхать лесной ландыш, чувствовать, как ползёт вверх по пальцу божья коровка?

— Божьих коровок я видела, — тихонько сказала девушка, — они иногда залетали к нам...

— Иногда! — с горечью повторила пожилая. — Вот они, твои зоны для прогулок. Там всё вытоптано. Нет, пусть они делают что угодно, пусть меня отстраняют от работы не на месяц, а навсегда, но я снова повезу своих детей в заповедник! Давно пора решить, что для чего существует: тигры для людей или люди для тигров?!

— Ада Робертовна! — плачущим голосом воскликнула девушка. — Успокойтесь вы, ясно же, что всё для людей, но ведь надо потерпеть немножко! Два проекта, «Гея» и «Терра», что-то да получится, уже полегче будет, а потом их станет много. Все будут рвать цветы, надо только подождать.

— Подождать? Сколько? Один проект уже не оправдался, неделю назад передавали, новости слушать надо, второй тоже скоро в тартарары полетит. А если и нет, то сколько ждать? Сотню лет! Дети за это время состарятся.

Вольт старался не слушать этот слишком близко касающийся его разговор. Он снова активизировал письмо и натянул наушники.

«Ты, верно, уже знаешь, — звучал в наушниках Пашкил голос, — о провале проекта „Терра“. Очень гнусное ощущение

ние, мы ведь заранее говорили, что так получится, и теперь всем нам (сторонникам „Геи“) кажется, будто окружающие думают, что мы злорадуем. Обидно. И самое страшное, что нас, возможно, ждёт то же самое. Ты прикинь: не было на планете атмосферы, и вдруг — нате — лишний килограмм на каждый сантиметр поверхности. А если умножить на площадь планеты? Цифра получается космическая. А на Терре пытались тяжелую аммиачную атмосферу заменить на земную. Это ещё похуже. Что там теперь творится — представить страшно. Одни материки тонут, другие выныривают, моря закипают, не планета, а сплошной вулкан. Соваться туда с техникой — только сильнее пожар раскошегаривать. А ждать, пока само остынет, — сотни тысяч лет. Даже при мягком внимательстве — всё равно тысячи лет. Бахтер рвёт и мечет, тоже не человек, а сплошной вулкан. Он считает, что, несмотря на свистопляску, Терра уже пригодна для примитивных форм жизни. Между нами говоря, он прав. Бахтер затребовал споры лишайников и сине-зелёные водоросли, а ему не дают. То есть дают, но мало. Вот он и бушует.

У нас же свои трудности. В основном с океаном. Давление мы создали одну десятую атмосферы. Пока за счёт азота. Теперь роём котлованы под будущие моря и загружаем в них куски льда по пять-шесть миллионов тонн каждый. Лёд возим с внешних планет, там его много. Туда же отправляем вынутую породу. Очень скучно и нудно. Гелиос греет здорово, но давление маленькое, так что лёд не тает, а возгоняется. С этим тоже морока, чуть зазеваешься — получится атмосфера из водяного пара, и дела будут ещё хуже, чем на Терре. Но слегка парить всё-таки не мешает, вода ионизируется, и мы обогащаемся кислородом. А водород улетает, так что шлейф у нашей Геи дивно красивый, ежели смотреть в ультрафиолете.

Но всё-таки дела прискорбны. Терра погибла, а ведь Бахтер собирался открыть её через двадцать лет. А над Геей уже пятьдесят лет работают и ещё провозятся годов около семидесяти. Понимаешь теперь, почему все мои надежды на тебя? Давай дерзай на фронте снабжения поисковых групп, а я тебя больше отвлекать не буду.

Да, чуть не забыл, у нас по рукам ходит карикатура. Торжественное открытие Геи. Толпа седобородых строите-

лей, а на переднем плане истлевшие от старости Бахтер и Папокас без скафандров. Очень смешная...»

Сейчас Вольт дорого дал бы, чтобы навсегда забыть Ласточку или даже чтобы его доклад оказался правдой. А тогда он бежал, радостно захлёбываясь воздухом, высокая по грудь трава расступалась перед ним, со звонким шелестом смыкаясь сзади. Стрекот, скрежет, писк, щебетание каких-то живых существ вихрились вокруг, усиливаясь при его приближении. Жизнь была всюду, могучая, радостная, невероятно красивая. Вольт рассмеялся и упал в траву. Его слегка подташнивало, не от воздуха, просто он перед выходом прошёл через дезинфекционную камеру, чтобы не занести ненароком на Ласточку ни единого земного микроорганизма. Вольт не знал, долго ли он лежал. Казалось, прошла вечность, но и вечности было мало. Наконец он сказал себе: «Пора!» — встал и пошёл, раздвигая мягкие живые стебли.

Следующее утро было страшным. Первое, что увидел Вольт, был чёрный шрам, протянувшийся через поле. Вольт вышел наружу в скафандре. Там, где он проходил вчера, теперь пролежала широкая тропа, покрытая засохшими, стнившими растениями, усыпанная трупами насекомых. Через час стал известен ответ: Ласточка ничем не угрожала Вольту, но Вольт был ядовит для Ласточки. Его пот, дыхание — убивали.

Больше Вольт не бегал по траве.

Несколько часов он просидел, завершись в корабле. Изучал спектр солнца, посылал зонды к газовым гигантам на окраине системы и к выжженной внутренней планете. Потом не выдержал, надел скафандр и вышел наружу.

Так же светило солнце, так же шелестела трава, насекомые с размаху налетали на холодное плечо скафандра, трещали дрожащими веерами крыльев, изумрудно тарасили драгоценные камни глаз и улетали невредимыми. Всё было почти как прежде, только ветер был не для него, и трава была не для него, и вся Ласточка тоже была не для него.

Река, на берегу которой он поставил звездолёт, когда-то патакала с ближних гор камней, и дуг, перемежаемый полосами кустарника, у реки обрывался, только редкие травинки торчали среди россыпи. Зато именно там Вольт встре-

тил птицу. Она поднялась из-за валуна и, изогнув шею, зашипела на Вольта, потом, неловко сгибая тонкие ноги, отбежала в сторону. На плотных белых перьях играли перламутровые блики. Вольт шагнул вперёд и увидел за камнями гнездо. На песке в беспорядке набросаны ветки и труха, а на этой подстилке покоятся четыре совершенно круглых, серых, под цвет булыжника, яйца. Певица издали следила за Вольтом. Вольт, пятясь, отошёл.

— Извини, — бормотал он, словно птица могла услышать и понять его. — Я не хотел мешать, я же не знал. Извини...

Птица в три шага вернулась к гнезду, склонив голову набок совершенно по-куриному, взглянула на кладку и резко, без размаху ударила клювом. Брызги белка запятнали камень. Птица распахнула длинные трёхсуставчатые крылья, подпрыгнула в воздух и полетела прочь от осквернённого гнездовья.

И так было повсюду. Маленькие пушистые зверьки, рывшие норы в обрыве противоположного берега, плескавшиеся в воде и таскавшие из придонного ила жирных червей, бросили норы и уплыли вверх по реке, пичужки собирались в стаи и откочёвывали прочь, даже насекомых словно бы стало меньше.

Именно тогда Вольт принял решение скрыть Ласточку от людей, которых она не могла принять. Ремонтные механизмы закончили проверку починенного плазмопреобразователя, разведчики вернулись с соседних планет, можно было улетать.

Никто не пытался уличить его в неточностях, и солгать удалось легко и убедительно. А каждое услышанное на Земле слово укрепляло его в принятом решении и почему-то одновременно расшатывало убеждение, что он поступил правильно.

Челнок сел на крышу города. Вольт спустился на свой этаж и вышел во внутренний сквер. Пешеходные дорожки, движущиеся и обычные, а рядом, за плотной стенкой неприхотливого барбариса, тоненькие чахлые деревца. Несмотря ни на что, деревья не желали расти на внутренних этажах гигантских домов.

Вольт остановился, не дойдя до своей квартиры. В живой изгороди зиял просвет. Раньше тут рос куст шиповника. Неделю назад, когда Вольт улетал, среди листьев появился плотный, зелёный с красным кончиком бутон. Теперь куста не было.

К Вольту подошел сосед, Иван Стоянович Бехбеев.

— Смотришь? — спросил он. — Смотри. Вот как бывает: занюхали цветок. Не стоило и сажать. Я, как это началось, решил полюбопытствовать и поставил счётчик. Так, знаешь, в первый день цветок две тысячи человек понюхали. В очередь стояли, как на выставку. Каждый наклонится, вдохнёт поглубже и отходит. Так весь день. Пальцем до него никто не дотронулся, а он всё равно на третьи сутки завял. И ведь понимаю, что всё зря, а всё-таки новый цветок посажу, как только черенок достану. А его опять занюхают, это уж как пить дать. Растения не любят, если чего слишком много. Я по своей работе вижу. Машины мы на границе задерживаем, а если кто с малышами пешком идёт заповедник посмотреть, то порой закрываем глаза. Так вот, там то же самое, вдоль границы ничего не цветёт, редко когда чертополох распустится. Понимаешь, не рвут их, а сами не цветут!

Вольт не раз слышал печальные рассказы Бехбеева о службе в заповедниках, как раньше они медленно умирали и как двадцать лет назад, когда Вольт был ещё мальчишкой, их спасли, засадив человечество в огромную тюрьму. Смешно и обидно: тюрьмой была вся Вселенная, кроме того единственного места, где люди могут и хотят жить. Всё это Вольт знал, но сейчас он обратил внимание совсем на другое.

— Иван Стоянович, — спросил он, — я не совсем понял; выходит, туда пытаются пробраться на гравилётах и без детей?

— А ты как думал? — Бехбеев выпрямился. — Мерзавцев на свете ещё сколько угодно. Да и нормальным людям тяжело. Особенно когда объявили проекты быстрого освоения: у всех было ощущение, что скоро конец бедам и можно не скопидомничать. Тогда гравилёты косяками в зоны шли, а мы их силовыми полями невежливо останавливали. Страшно вспомнить. Я теперь этих новинок в освоении просто боюсь. Взбунтоваться сапиенсы могут, а четвероногим распла-

чиваться. Вы уж осторожней открывайте, чтобы зря не обнадеживать и не разочаровывать.

— Обязательно, — ответил Вольт и, извинившись, пошёл, всё ускоряя шаг, потому что дверь его квартиры открылась и на порог вышла Рита.

— Вольтик, расскажи мне сказку. Всё равно какую, только грустную. Ты рассказывай, а я буду слушать тихонько как мышка. Только если совсем печально станет, я тебе в подмышку ткнусь и немножко поплачу. Ты ведь не рассердишься?

— Что ты! — сказал Вольт. — Слушай. Далеко-далеко, в укромном уголке мироздания, вокруг жёлтого солнышка бегает маленькая планетка. Я, конечно, неправ, она не маленькая, для себя она очень даже ничего. У неё есть голубое небо и трава, зеленее которой не найти, есть море, ветер, птицы, чтобы летать, и звери, чтобы бегать. Большие белые, очень гордые птицы и смешные пушистые звери. Там можно бегать босиком и пить воздух, не боясь, что он кончится...

— Вольтик, какой ты у меня смешной! Разве эта сказка грустная?

— Да, Рита, это очень грустная сказка.

Об этом так много говорили и писали, этого так долго ждали, что в конце концов перестали ждать. Но время шло, корабли строились, и вот их стало больше, чем требовалось для проектов освоения и дальнего поиска. Вышло решение об открытии космического туризма.

Мало кто знал, какие битвы отгремели, прежде чем Мировой Совет утвердил это решение. Сергей Юхнов отчаянно сражался за идею сплошного поиска. Однако космический туризм победил, надо было дать хоть какую-то отдушину миллиардам замкнутых в мегаполисах людей. Конечно, полторы тысячи старых, переоборудованных для автоматического полёта кораблей не могли удовлетворить всех, но всё-таки это было кое-что. Любой взрослый человек, прошедший трёхмесячные курсы, имел право получить звездолёт, выбрать систему в радиусе одного перехода и отправиться туда в одиночку или взяв трёх-четырёх друзей. Программа полёта рассчитывалась на Земле, корабль сам отвозил экипаж к выбранной звезде и через пять дней привозил обратно.

Вольт не колебался. У него появилась возможность ещё раз побывать на Ласточке и даже показать её Рите. Ласточка была почти на пределе досягаемости, но всё же туда можно долететь за один переход. И пока первые счастливицы занимались на курсах, пилот Вольт без всякой очереди получил одну из туристских машин и вместе с Ритой отправился в путешествие.

Все выводы ручного управления на звездолёте были наглухо заблокированы, рубка узнавалась с большим трудом, столько в ней появилось приспособлений, защищающих корабль от неумелого капитана, а неопытный экипаж от слишком мощных механизмов. Появились даже вспыхивающие табло, требующие пристегнуться и зажмурить глаза в момент перехода: правило, давно отменённое для профессиональных пилотов.

Вольт сказал Рите, что они летят к месту его вынужденной посадки, и Рита заранее представляла, какую коллекцию кристаллов они привезут на Землю.

Переход сильно напугал Риту. Она побледнела и стала жаловаться, что её тошнит. Пока Вольт водил Риту в медотсек, пока диагност прослушивал её, поил чем-то из мензурки и печатал длинный перечень рекомендаций, прошло около получаса. За это время корабль подошел настолько близко к системе, что обсерватория могла начать исследования. Вольт с Ритой выходили из медицинского отсека, когда по кораблю раздались требовательные звонки, потом где-то включился невидимый динамик:

— Уважасмый экипаж! Корабль подходит к выбранной вами звезде, у которой только что обнаружена планета с кислородной атмосферой. Вы, конечно, извините нас, что ваша экскурсия прервана и корабль возвращается на Землю. Ваш удачный выбор помог всему человечеству. Спасибо!

Вольт бросился в рубку.

Несколько часов, пока звездолёт гасил скорость и снова набирал её для обратного скачка, Вольт отчаянно пытался перехватить управление у автоматики. Сделать ничего не удалось. Побледневшая Рита, которой Вольт успел объяснить положение дел, молча наблюдала за ним. Наконец Вольт бросил микродатчик на стол.

— Не получается! — простонал он.

— Вольтик, ну попробуй ещё раз, — ободряла Рита. — Ведь наверняка можно что-то сделать.

— Сделать можно одно — взять железяку побольше и разнести всё в щепы. Правда, на Землю вернуться не придётся.

— Это надо, Вольтик? — жалобно спросила Рита.

— Нет, — ответил Вольт. — Если бы я был один, я бы это сделал, а с тобой — нет.

— Если бы я была одна, я бы тоже это сделала, — сказала Рита, — но сейчас я не могу.

Она протянула Вольту ленту с рекомендациями диагноста. Вольт прочитал и всё понял.

«Мировой Совет рассмотрел вопрос о кислородной планете Ласточка и, приняв во внимание мнения всех сторон, постановляет:

1. Начать освоение планеты Ласточка и приспособление её к жизни людей.

2. На базе комплексной экспедиции, исследовавшей Ласточку, создать постоянно действующий центр, в задачи которого войдут сбор и хранение растительного мира планеты, кладок насекомых, изучение возможности адаптации живого и растительного мира к новым условиям, попытки длительного сохранения животных в состоянии анабиоза.

3. В долгосрочные планы освоения включить создание в трёхсотлетний срок планеты типа Ласточки, на которой воссоздать условия, существующие в настоящий момент на Ласточке.

Мировому Совету известно, что ущерб, нанесённый Ласточке, может быть непоправим, однако положение, сложившееся на Земле, требует радикальных мер. Благо человечества превыше всего».

Вольт отложил бюллетень Совета. Это был приговор Ласточке, окончательный и не подлежащий обжалованию. А ведь Вольт был не один. Сотни тысяч людей требовали сохранить Ласточку. Старый идеалист Юхнов, чья мысль нашла-таки воплощение в блокировании приборов, был в отчаянии. Его не утешало даже то, что космический туризм был отменён и часть кораблей передавалась ему для сплош-

ного поиска. Ведь остальные корабли уходили на освоение Ласточки.

Неожиданно человек, о котором думали как о самом опасном враге, оказался самым горячим защитником Ласточки. Владимир Маркус прервал многолетнее затворничество на Плутоне и прилетел на Землю. Но всё было бесполезно.

В первый отряд, отправлявшийся на Ласточку, брали людей не старше сорока лет и не имеющих детей. Тут же у пунктов записи выросли длиннейшие очереди. Мегаполисы резко снизили рождаемость. А ведь обе стороны в полемике больше всего апеллировали к детям. Но кто знает, что будет благом для будущих поколений? У них с Ритой через полгода родится Марушка. Уже известно — будет девочка. Что-то даст ей разграбленная Ласточка? Что получит и потеряет Марушка?

Со стен, перекрытий, с открыток и плакатов на проходных смотрела последняя картина Маркуса. Над серой, засыпанной прахом равниной летит птица. Навсегда улетает от погибшего гнезда.

Люди, спешившие к пункту записи, смущённо отводили взгляд и ускоряли шаги.

Если судить по старым снимкам, небо у Ласточки было густо-синим, без малейшей примеси какого-нибудь другого цвета. Оно и теперь оставалось таким же, разве что самая малость зелени капнула в синеву. Но заметить это мог бы только очень опытный глаз.

Трава на лугу поднималась сплошной стеной, узкая тропинка словно прорезала её. Упругие головки тимopheевки, метёлки овсяницы и мятлика, солнечные глаза ромашек, купы колокольчиков поднимались почти на метр, и только огненные фонтаны иван-чая царили над ними, привлекая к себе яркой окраской.

Луг представлялся лесом, тем более что у подножия сильной травы кудрявилась какая-то травяная мелочь. Но её видно, только если присесть на корточки, а тогда трава и тебя спрячет с головой, и можно воображать что угодно.

Марушка сидела на корточках, тимopheевка и ромашки склонялись над ней. А прямо впереди торчал нескладный разлапистый кустик звёздки, одного из немногих растений

Ласточки, сумевших выжить в новых условиях. На одной из боковых веточек плавно покачивался цветок. Заходящие друг за друга лепестки, с тыльной стороны зелёные, изнутри были бледно-розовыми, а на розовом фоне в беспорядке располагались мелкие ярко-красные пятна.

Марунька водила перед цветком пальчиком, а он медленно поворачивался, пытаясь уклониться от прикосновения.

— Оп! — воскликнула Марунька и ловко дотронулась до пушистого пестика.

Цветок моментально захлопнулся, плотно сжал лепестки, обратился в зелёный шарик, сидящий на конце ветки.

Марунька подождала, потом наклонилась вперёд и, прикрыв рот ладошкой, быстро зашептала:

Аленький цветочек,
Открывай глазочек,
Полобуйся на меня:
Я не трогаю тебя!

Зелёный комочек дрогнул, и перед девочкой раскрылась чашечка цветка, словно спрыснутая изнутри алыми каплями.

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

Секундант

Александр Николаевич Громов родился в 1959 году. Закончил Московский энергетический институт. В течение многих лет работал в НИИ космического приборостроения. Астроном-любитель. Литературный дебют писателя состоялся в 1991 году — рассказ «Теходонт» вышел в приложении к журналу «Уральский следопыт». Известность автору принесла публикация романа «Наработка на отказ» в журнале «Уральский следопыт» в 1994 году. В 1995 году увидела свет первая книга фантаста — сборник «Мягкая посадка». Лауреат премий «Аэлита», «Сигма-Ф», «Интерпресскон», «Роскон», «Филигрань», «Странник», «Басткон» и других.

А что, ребята, нельзя ли мне к вам подсесть? Да-да, к вам. Я гляжу, у вас место свободное. Что? Ты, парень, полегче на поворотах, я не попронжайка. Если хочешь, могу всех вас упоить до изнеможения, а тебя персонально — до белой горячки. Чем? А чем угодно, тут у них всякого пошла навалом. Эй, гарсон!..

Лично я предпочитаю вон то синее. Нет, это не денатурат, это местный коньяк. Выдерживается в стоеросовых бочках, дерево тут есть такое, стоерос называется, так древесина у него синяя, и потому коньяк тоже синий. Чем старше, тем синее. А если с фиолетовым оттенком, как у аметиста, то это подделка, так и знайте.

Стоерос — потому что стоя растет. Нет, остальные не лежат. Корни у него из почвы торчат, как ноги, иной раз в темноте испугаешься. А так дерево как дерево.

Почему гнусавлю? Парень, протри окуляры. Ты нос мой видел? Тебе бы так расплющило, послушал бы я тебя. А щепелявлю оттого, что передних зубов нет, вот посмотри... Нет, я не боксер. Вставить, говоришь? А какой смысл? Через месяц будет то же самое, одни напрасные расходы.

Пу, за Землю-матушку! Мм... Ну как стоеросовка? То-то. Без меня небось не додумались бы, налакались бы привозной дряни. Первый день здесь, да? Я так и подумал. И по-

следний? Ага, значит, увольнение до двадцати двух ноль-ноль, а завтра с похмелья старт — и спокойной плазмы? Знакомо, знакомо...

Я-то? Я, парень, здесь уже три года с гаком. Прижился, можно сказать. Ничего, с местными нетрудно ладить, если знать как. Вам не советую. Слышь, ты подвинься чуток, а? Я ногу вытяну. Коленная чашечка у меня разбита, поджила уже, а ноет...

Вы с «Хеопса», да? Видал, как же. Посудина впечатляющая. Прежде-то здесь космодромишко был маленький, только для местных катеров, а что покрупнее, то садилось на сателлит... Что значит — на какой? На единственный. Как стемнеет, в окно выгляни. Глубища круглая, как бильярдный шар, ни гор, ни впадин. Что там горы — и холмов-то нет. Двести миль ровного льда, и не тает. Почему? А я спрашивал — почему? Какое мое дело?

Налейте-ка еще, братцы. Давно я с соотечественниками не общался, душа горит. Нет, руки у меня не трясутся, а дрожат, понятно? Есть разница. Невралгия после ранения. Костоправы здесь что надо, у них практика — о-го-го!.. Они мне эти руки по кусочкам собирали. Говорят, со временем само пройдет. Если, конечно, оно у меня будет, это время...

Так вот. Не надоел я вам, нет? Тогда послушайте, что я вам расскажу. Особенно рекомендую послушать тем, кто из бара намерен по городу прошвырнуться. Полезное дело.

Между прочим, это благодаря мне мы тут с вами в баре сидим, а три года назад землян вообще дальние сателлиты не пускали. Понятно, Восточные. Западные же и теперь о метрополии слышать не хотят, только Восточным они не указ, так-то...

Не понял: вас перед увольнительной инструктировали или нет? Пора бы и знать: на этой планете суша и вода издавна разделены между Восточными и Западными, ровно пополам. Да, два государства. Что?.. Ты, парень, говори громче, я после контузии немного туговат... Не воюют? Ха! Еще как воюют, только не за территорию, нужна она им... Просто считают, что каждое поколение должно иметь свою войну. Вот и я говорю: чудики. Но привыкнешь к ним — иного и не надо.

О чем это я? Ах да.

В биографии моей мало интересного: родился в метрополии, учился на Марсе, стажировался на Титане. Женат был четырежды, ну да это дело преходящее. А главное то, что получил я диплом ишжепера-механика малотоннажных судов и удостоверение пилота третьего класса. Двенадцать лет отработал по контракту с «Сириус Лайнз» — ну, вы сами понимаете, что это значит. Никаких регулярных рейсов, одни левые фрахты. Иногда по месяцу работы нет, а то вдруг полгода без перерыва мотаешься туда-сюда по Галактике, как таракан опшаренный... К Канопусу ходил, к Денебу... да куда только не ходил! Сначала нравилось, а потом думаю: «Э нет! Хватит!» На дядю отпахал — пора и о себе подумать, верно я говорю?

Яснос дело, верно, а как же иначе? Я сызмальства понял: большой шишкой мне не быть, так не буду и малой. Сговорились мы тут с одним номером, я его Бананом звал, потому что желтый, что выкупим посудину, как только сможем. Своя фирма, частный извоз. А «Сириус Лайнз» тут как тут: вот список судов, берите любое и после пяти лет безупречной работы на корпорацию оно ваше, хотите верьте, хотите нет. Мы-то с Бананом радовались, пока не поняли: предлагают то, что годится только на слом. А куда деваться? На новое судно нам ни за что не скопить, хоть всю жизнь мотайся по Галактике из рукава в рукав.

В общем, решились. Присмотрели одну посудину получше прочих. Катер, но с хорошим запасом хода, для рейсов не дальше пятидесяти парсеков. По нашим запросам в самый раз. Крылья для атмосферы. Садиться может двояко: и дюзамии вниз, и по-самолетному. Преимущество универсальности, верно? Я еще в два рейса сходил, чтобы поднакопить на запчасти, а Банан — в три. Списанное брали, а то и ворованное — по дешевке, с рук. Ну, не мне вас учить, где толкнуть, где купить... Налей-ка еще...

Ну вот. Целый год мы жили так, как не всякий нищий живет, одной синтетикой питались и работали по восемнадцать часов в сутки, но судно в порядок привели. Банан — первый пилот и командир корабля, я — старший помощник, второй пилот и бортмеханик, паи поровну. Сходили пор-

мально в два рейса, не очень выгодных, но ведь до срока не отмажешься. А потом оно и случи... кх... кха... кх-х-х...

Правильно, постучите по спине. Только осторожно: у меня смещение позвонков было, едва выправили. Кх-ха!.. А что кашель, так это легкие отбиты. Нет, не в драке и не в полиции. Упал один раз неудачно... Откуда падал? Оттуда, куда меня подбросило...

Давайте-ка еще примем по маленькой, не могу я о том хмыре вспоминать без содрогания. У него и личного номера-то, как у всех порядочных людей, не было, а звали его Вебер, по имени не то Людвиг, не то Люций, точно не вспомню. И нас с Бананом он заставлял величать его не иначе как «превосходительством», а если обратишься к нему просто «господин Вебер» — кривит харю, словно его насильно лимонами кормят. Чего смеетесь-то? Так и было, не вру.

Он был не только превосходительством, но и господином посланником, ни больше ни меньше. Да-да, первым посланником метрополии на эту самую планету. По сравнению с нами, семечками, — шишка размером с ананас, а ему этого мало, подавай еще больше значимости и величия. Сам росточка мелкого, ноги кривые, лысоват, рот брезгливый в ниточку, а раздут спесью почище клопа, когда тот насосется. Нам с Бананом он сразу не понравился, да и мы ему, кажется, тоже.

Ну вот. Рейс, значит, на эту самую планету. Она, планета, заселена уже давно, для местных это дом родной, о какой-то там Земле они и слышать не хотят. Ну вы знаете, как это было: когда тыщу лет назад расселялись, мало какая колония не оборвала связи с Землей, так и варились пароды в собственном соку. Потом, понятное дело, в метрополии спохватились, начали потихоньку прибирать колонии к рукам. Осторожненько так, чтобы без конфликтов. Сначала торговая фактория, затем посланник, далее чрезвычайный и полномочный посол, атташе разные, сотрудничество во всяких там сферах, а лет через сто глядишь — и присоединилась колония. Вот этого самого Вебера сюда посланником и назначили.

Почему мы? Да очень просто: три года назад оба здешних правительства разрешали землянам садиться только на

сателлит, а он, зараза, ледяной и ровный до умономрачения... это я уже говорил, да? Так вот: этой ровной круглостью местные почему-то дорожат и не желают, чтобы чужие корабли своей плазмой выплавляли во льду ямы. В общем, садиться и взлетать можно только по-самолетному, иначе сожгут на подлете, и дело с концом. Вебер-то хотел, чтобы его доставили на военном корвете, а то и на линкоре, как особо важную персону, да куда там... Корвет по-самолетному не сядет. Короче говоря, «Сириус Лайнз» перехватила выгодный фрахт и спихнула на нас. Самое, мол, подходящее судно. Ну, правда, лоск нам они навели за счет корпорации, чтобы Вебер невзначай не лопнул от злости...

Налил? Вот молодец. Закажи-ка еще стоеросовки за мой счет, я угощаю. Ты, парень, не смотри, что у меня голова трясется, лучше помоги донести до рта... Нет, это не контузия, это черепно-мозговая травма, а контузия уже поверх...

Летим это мы. Вышли в нормальное пространство, планета на левом траверзе. Господин посланник, как водится, в губернии. Все в норме. Банан ведет катер, я слежу за техникой, Вебер дрыхнет в саркофаге. И будет дрыхнуть до самой посадки, отчего нам с Бананом большое удовольствие: в начале рейса этот Люций-Людвиг надоел нам своими придирами хуже инспектора техконтроля, ей-ей! Что?.. Не бывает, говоришь, хуже? Три ха-ха. Это ты, парень, по молодости лет сболтнул, потому что Вебера не видел, так что прощаю...

Подходим мы, значит, к сателлиту, запрашиваем разрешение на посадку, все чин-чин. А надо сказать, что сателлит тоже поделен между Восточными и Западными, только уже не поровну. Темное круглое пятно видели? Там лед перемешан с какой-то пылью, отчего круг похож на зрачок, а сам сателлит — на глазное яблоко. Оц, между прочим, так и называется — Глаз. По краю зрачка проходит граница, белое принадлежит Западным, темное — Восточным. Посланника с Земли согласились принять Восточные, так что нам садиться на зрачок.

Глиссада? Брось. Поделена только поверхность, а космос ничейный. Лети ты хоть в метре над чужой поверхностью — никто тебя не тронет, а коснешься льда — накроют враз. Радары у аборигенов могучие.

Торопиться нам некуда. Шлепаем себе вокруг Глаза по нисходящей спирали, приближаемся мало-помалу. Я еще раз саркофаг проверил — нормально: Спит его превосходительство спом младенца и сны, наверно, видит, как встречают его с оркестром и почетным караулом, а толпа флажками машет. Как же...

После тормозного импульса нам и делать-то ничего не надо было, разве что вырулить по пыльному льду куда укажут. Атмосферы нет. Орбитальная скорость возле поверхности Глаза маленькая, метров двести в секунду, сесть на шасси раз плюнуть, наше шасси и не такое выдерживало. Всех дел — рассчитать правильно, чтобы не выкатиться со зрачка на белок.

Оказалось, что зря мы расслабились. Сдохла наша «считалка» в самый ответственный момент — перед импульсом коррескции. То ли я где-то недоглядел, то ли еще что... Банан, наверно, до сих пор думает, что я виноват, а по-моему, не будь с нами Людвига-Люция, ничего бы не случилось. Есть такие типы, которым от техники лучше держаться подальше — она их присутствия не переносит.

Ничего не поделаешь, приходится садиться вручную. Посамолетному и без атмосферы — это не так просто, как кажется, тут ювелирная работа нужна. Банан аж взмок, но катер на стометровую высоту вывел, шасси выпустил. Снижаемся помалу. Под нами лед сверкает. Вот уже девяносто метров над поверхностью, восемьдесят...

Стоп, говорит Банан, промахиваемся. Мимо зрачка, стало быть. И на меня смотрит. Я киваю. Ежику понятно, на ближайшем витке нам не сесть, ну и хрен с ним, сделасм еще один...

Тут-то мы и влипли. Надо переходить на ручное управление движками — а как, если «считалка» не просто издохла, но еще и обесточила все, что могла? Системы отрубались, свет в рубке и тот погас. Хорошо хоть, у саркофага питание автономное, а то бы Вебер так и не проснулся.

Медленно падаем, стало быть. Не разобьемся, так Западные сожгут нас в ноль секунд, это они умеют. И никуда не денешься — падаем как раз к Западным, на ихний белок. Над зрачком прошли уже метрах в сорока, если не ниже.

Связи нет, возопить о бедственном положении не можем, да и не факт, что Западные стали бы нас слушать. Всей жизни на полчаса осталось.

— Импульс мне давай! — орет Банан. — Импульс!..

Это я и сам не хуже него понимаю. А где его взять, импульс тяги? Пытаюсь оживить хоть что-нибудь — дохлый номер. «А ну лезь в скафандр!» — кричу. Банан живо понял, влез. Я тоже. А Веберу все едино, он в саркофаге.

Добрался я до кормового люка, закрепился там, ну и открыл его. Ветром так дунуло — едва меня не снесло. Весь воздух, что был в катере, — наружу, а с ним барахлишко наше, то, что просто так лежало, запчасти там, мусор разный... Люк этот я так открытым и оставил, нового воздуха из баллонов вручную не подашь. В скафандрах запас часа на четыре, и за это время надо сесть...

Первой моя коробка с инструментами о лед ударилась, подскочила раз-другой и заскользила, как на коньках. Вдруг вспышка — чпок! — и нет коробки. Как корова языком. Следом костюм мой парадный льда коснулся. Чпок — вспышка! — нет костюма. И вскоре за кормой целая серия: чпок-чпок-чпок... Подмели начисто. Наглядно показали нам, что бывает с теми, кто вторгается на чужую территорию.

Что смотришь на меня так? Думаешь, я байки травлю? Ты прежде до конца дослушай, а потом сам поймешь, травлю или нет. Давай-ка еще выпьем граммочку. От стоеросовки похмелья не бывает, а вот в кишках жжет иногда. Особенно если там шов на шве. Ранение в живот у меня было...

Ясное дело, импульс тяги так себе получился, однако падать мы перестали. Ровненько так идем надо льдом, метрах в двадцати—тридцати. А дальше что делать? Ну ясно: дать тормозной импульс в нужный момент. Банан покумекал, подсчитал, и когда до момента пять минут осталось, я собрал оставшееся барахлишко, связал в такой узел, чтобы в люке не застрял, носовую горловину раздразил, жду. Банан орет: «Давай!» — и я со всей дури пинком вышибаю узел прямо по курсу.

Улетел он вперед, и что с ним дальше было — не знаю. А мы вниз пошли. Глаз — шарик маленький, горизонт ря-

дом, и зрачка что-то не видно. Первничаем. Банан уже ругать меня начал за чересчур сильный пинок, но вижу: лед вдали перестал глаза слепить и как бы цеплом подернулся — подходим к зрачку, значит. И видно нам обоим: сядем как надо и где надо.

Стон!

Вышка с антенной на горизонте! Космодром у них, сами понимаете, одно летное поле, и больше ничего, все построй-ки под лед убраны, а куда ж антенну уберешь? Одна она и торчит, как перст. И наш катер на этот перст точнехонько прет, словно нарочно нацеленный... Лед под нами уже серый пошел, а садиться нельзя — как раз вышку своротишь и заодно собственную шею.

Молча выламываю из пола кресло второго пилота — свое, между прочим! — и в кормовой люк его. Опять пинок. К счастью, не застряло оно, а то бы я вас сейчас стоеросовкой не поил...

Слушай, потеснись немного, я поудобнее сяду... Вот так лучше. Что?.. Парень, когда ты лишишься двух ребер с правой стороны и четырех — с левой, свистни мне, я приду посмотреть, как ты себя будешь чувствовать...

Пинок мой зря не пропал — взмыли мы слегка и прошли впритирку над антенной. Банан прикинул новую орбиту и в формулы закопался, а как вылез, так еще желтее сделался, чем всегда был. Подсчитал, говорит, вручную все как есть: и поправку на притяжение со стороны планеты, и торможение об атмосферу... Сколько там той атмосферы! Следы. А выходит, что сделаем мы пять витков, а на шестом коснемся льда сразу за зрачком. Понятно, что будет дальше — вспышка и чпок!

Все пять витков я с системами возился как каторжный. А хоть бы хны: не оживает катер, мертвой глыбой летит, хорошо еще, что не кувыркается. Гироскопы пока по инерции крутятся. И что еще можно выбросить за борт — ума не приложу.

Саркофаг с посланником? Молодец, сразу сообразил, а я вот только на шестом витке додумался, и то, можно сказать, случайно. Попался мне вдруг на глаза этот саркофаг, и такая меня, парни, злость взяла! Лежит под прозрачным колпаком

его превосходительство господин посланник с видом капризно-презрительным: почему, мол, постороннюю пылинку с его лежбища не смахнули? Почему саркофаг у него плебейский, пластиковый, а не какой-нибудь из красного дерева с позолотой?

Сам решил, сам и сделал, чтобы Банана не втягивать. Такого пинка отвесил саркофагу — любо-дорого. Десяти секунд не прошло, как саркофаг с Вебером ушел за горизонт.

Преступление, ага. Однако в тот момент об этом как-то не думалось. Высоты надо льдом метр, зрачок Глаза того и гляди кончится, непременно выкатимся к Западным. А так — коснулись, подпрыгнули, Банан умудрился катер боком поставить, юзом пошли... Все-таки до белка не доскользили, встали. Отбуксировали нас куда следует, спустили в подземный ангар. А мы сдуру, как полоумные, орем: ловите, мол, саркофаг, пока еще летит, спасайте его превосходительство!..

Правильно, пора выпить. Стоеросовка перерывов не терпит. Ну, за вас, ребята!

О чем это я рассказывал? Нет, не склероз, а так, отдельные провалы. До склероза мне еще жить да жить... если доживу, конечно.

О посадке на Глаз, что ли? Тьфу, тоже мне тема. А! О Вебере! О господине посланнике метрополии Людвиге-Люции Вебере, персоне грата.

Поймали его Восточные. И нет бы им молчать — проболтался один! А Вебер как узнал, что это я его пинком летать отправил, словно ветошь какую, взбеленился до трясушки. Посинел, как эта стоеросовка, ножками сучит. Дескать, покушение на убийство дипломатического лица! Намерение осложнить отношения! Под арест террориста, держите его, хватайте!..

А я, между прочим, и не бежал никуда.

Перед местными я ни в чем не провинился, но почему бы им не сделать посланнику любезность? Правда, ни тюрьмы, ни карцера на сателлите не оказалось, так что меня вместе с его превосходительством отправили на планету и там уже засадили как положено. Ничего, сидеть можно. Камера чистая, еда очень даже ничего, обслуга вежливая. Музыка спокойная играет. Вроде и не тюрьма, а санаторий для

тихо помешанных. Скучно только. Но я сразу понял, что долго мне здесь не расслаживаться...

И верно: трех суток не прошло — выпустили. Тоже из-за Вебера, конечно. О том, что с ним стряслось, я в подробностях уже потом узнал, но сомнений не было с первой минуты: с этим индюком что-то должно было стрястись.

Сначала все у него шло как заведено: осмотр резиденции, малый прием, аудиенция у премьер-министра, вручение верительных грамот... в дипломатическом-то протоколе Вебер собаку съел, куда до него местным... Ну вот. На третий день приглашают его на пикник, посвященный славной дате: тысячелетию самостоятельной истории этой планеты и отделению ее от метрополии. Это у нас на Земле по поводу тысячелетнего юбилея устроили бы торжественный прием с банкетом и шумиху на весь свет, а у здешних все проще. Речка, лужок, холмы, столики для избранных гостей состыкованы в эшелон, на столиках выпивка-закуска. Пикник, словом.

Премьер-министр, правда, не приехал, зато весь остальной кабинет в полном составе и с женами тут как тут. Ну и наш Люций-Людвиг. Он, правда, поморщился, когда узнал, по какому поводу гулянка, но пришел. Что с аборигенов взять, раз у них национальная традиция?

Никакого официоза — шум, веселье, а как в небо из-за кустов шутихи взлетели, так и вовсе пошел дым коромыслом. Господа министры галстуки развязали. Супруга министра торговли на столе отплясывает. Насчет повеселиться местные не дураки, куда нам до них. Но знают меру: оргий не устраивают, мордой в салат не спят. Культурный народ.

Ну вот. Где-то через час после начала веселья министр без портфеля, что сидел рядом с Вебером, предлагает тому тост: за то, чтобы все прошлые недоразумения между Землей и этой планетой остались в прошедшем 999 году и чтобы в новом тысячелетии воцарилось одно сплошное взаимовыгодное сотрудничество.

Отчего бы не поблагодарить и не выпить? Э, парни, вы Вебера не знаете! Он и без того сидел так, будто ему в штаны ежа засунули, а тут на министра посмотрел, как на дикаря с кольцом в носу, и давай ему объяснять сквозь зубы, что новое тысячелетие наступает с приходом тысяча первого

года, а никак не тысячного. Министр же со смехом возражает: ничего подобного! Людвиг наш в ответ шипит раздраженно: «Вынужден обратить ваше внимание на тот факт, господин министр, что первое тысячелетие начинается с первого года, а второе, соответственно, с одна тысяча первого, поскольку никакого нулевого года не было», — на что министр охотно разъясняет: «Это у вас нулевого года не было, а у нас был. Первопоселенцы, как это ни прискорбно, целый год провели во взаимной вражде и впоследствии договорились тот год считать нулевым как не оправдавший надежд и фактически выброшенный».

Что тут скажешь? У каждого народа свой бзик — кому какое до него дело? Уважительно к тебе относятся, в морду не плюют, ну и молчи. Так нет же: господина посланника спесью с цепи сорвало. Глупости, кричит, не бывает нулевого года и не может его быть! А если ваши предки додумались до такой нелепости, то что можно сказать об их умственных способностях?!

Что? Где?.. А! Вы, ребята, на тот столик не обращайтесь внимания. Ну поспорили местные, и что с того? Сами и разберутся. Во, гляди, расплачиваются, уходят... Значит, дело серьезное, но нас оно не касается...

Вы что себе думаете, они отойдут за угол и морды друг дружке начистят? Дудки. Драк здесь вообще не бывает, разве что среди приезжих. А у местных способ выяснения отношений один: дуэль. Потому и демографической проблемы у них нет и не будет. Зато все чинно-благородно: равное оружие, секунданты, иногда тьерсы. Приятели дуэлянтов, значит, которым тоже неймется сцепиться друг с другом, чтобы дуэлянтам не так скучно было... И между прочим, войны между Западными и Восточными точно такие же. Равным оружием, равной численностью войск. Если у одной воюющей стороны боец заболел, другая сторона одного из своих на побывку отпускает, чтобы все было по-честному. И никаких тебе средств массового поражения, то есть для внешней обороны много чего имеется, а промеж себя ни-ни. Зато уж обычным оружием владеют так, как никакому командос не снилось. Филигранное мастерство. И кодекс чести у них, конечно, жесточайший, ему малышню

с пеленок учат. Рыцари в латных подштанниках, одно слово. Вы их полное дуэльное снаряжение видели? Еще увидите. Есть на что поглядеть. Броня сверкающая, щитки, заслонки, локаторы, вороненные стволы торчат во все стороны... Прямо танк, разве что о двух ногах.

В общем, раскинулись наш Людвиг-Люций, а зря. Министр без портфеля слушал-слушал да и заскучал. Лучше, говорит, возьмите свои слова назад, будем считать, что вы сказали их в запальчивости, и предадим инцидент забвению. И взглядом дает понять: чего, мол, еще ждать от землянина, кроме невежества.

Тут бы его превосходительству самое время на понятный пойти, ан нет. Положим, с премьер-министром он повел бы себя иначе, а тут перед ним, посланником самой Земли, какой-то туземный министришко без портфеля! Напыжился Люций, как индюк, пожевал губами и ляпнул: посланники метрополии, мол, не имеют обыкновения брать свои слова назад, поскольку непродуманных слов вообще не произносят. Каков кретин, а? Ну да он еще не знал, чем для него дело кончится.

Сразу тихо стало, примолк пикник. Министр же молча принимает из руки помощника белую перчатку и этак небрежно швыряет ее к ногам господина посланника. Так, мол, и так, вызываю вас, милостивый государь, на поединок, право выбора оружия за вами.

Вебер сначала не понял. А когда до него дошло, побледнел и весь пятнами пошел, как осьминог, однако еще рыпается: «Позвольте напомнить вам, господин министр, что, согласно международному праву, дипломат неприкосновенен, а лицо в ранге посланника в особенности». Мол, ради добрососедства он, Людвиг-Люций, готов забыть неуместную шутку, и так далее, и тому подобное...

Ему, наверно, целый час объясняли, что шуткой тут и не пахло, — все не верил. Вообще, выяснилась любопытная вещь: в метрополии, оказывается, никто не подозревал, что здесь никакой неприкосновенности дипломатов нет и не было в помине. Аборигенам же и вовсе невдомек, как можно гарантировать дипломатам бездуэльную жизнь. Как же тогда они сумеют достойно поддержать честь своей планеты?!

Готово: дипломатический конфуз. Дуэль с членом правительства, и ведь не отвертись! Понимает Вебер: откажись он наотрез — тут же выставят вон с позором, и не летать сюда землянам еще лет пятьсот, потому как трусы и бесчестные люди. И вся карьера насмарку. Понимать-то он понимает, а что делать? Как спасти лицо? Сообразил: раз выбор оружия за ним, надо выбрать что-нибудь целебое и уж никак не дуэльное. Если бы он предложил что-нибудь смешное, вроде пылесосов или роялей, то на первый раз, пожалуй, и сошло бы ему с рук, но с юмором у господина посланника было туго. Надулся он, как монгольфьер, будто гениальную мысль рожа, да возьми и брякни: батальонные минометы.

Думал, тут-то и дуэли конец. Ничего подобного: тут же из малого правительственного арсенала — есть у них такой, специально для личных нужд членов правительства — появляются два миномета и ящик с минами. Служители мигом проверили прицелы, со стволов смазку сняли. С таким оружием хоть сейчас в бой.

Вебер еще на что-то надеется, время тянет. У меня, говорит, секунданта нет, и желаю именно землянина. Землян же всего двое: Банан на сателлите да я в кутузке. Связались с Бананом, а он, уразумевши, отвечает: как командир корабля не имею права покинуть судно, не оставив взамен себя старшего помощника, а старпом, по слухам, отдыхает на нарах. Свита министра пересмеивается, тоже поняла, что дипломат почем зря резину тянет. Нечего делать, поскрипел Людвиг-Люций зубами и дал команду меня выпустить. А я, как узнал причину, совсем веселый сделался, интересно мне стало посмотреть, как господин посланник управится с минометом. Я только объяснил ему на пальцах, каким концом мину в ствол совать и как брать цель в «вилку», — он и тому рад был.

Отмерили мы с секундантом министра дистанцию в пределах прямой видимости, около километра примерно. Тот парень предлагает условия: по три мины на ствол, стрельба по готовности. «А если все три промаха? — интересуюсь. — Тогда еще по три мины?» Того аж передернуло от глупого вопроса: какой еще промах, когда ПО ТРИ МИНЫ!

Веселое, думаю, занятие предстоит господину посланнику... Ну ладно. Развели мы противников по позициям, сами отошли подальше. Мне в руки бинокль сунули, наблюдаю. Секундант министра красную ракету пустил: можно начинать.

Нет, ребята, больше мне не наливайте. Одна бутылка стое-росовки для меня предел... Нет, не пьян, а после второй контузии пить много не могу: припадки начинаются. Да и нельзя мне сегодня наливаться...

В бинокль вижу: министр не спешит, ждет чего-то. Ну раз ждешь, так и получи, верно? Вебер же красный, как прыщ, хватается мишу, пару секунд соображает, что с нею делать, ну и опускает ее в ствол. К счастью, вовремя догадался голову убрать — интересно ему, видите ли, стало, как мина себя в стволе поведет...

Бабахнуло. Вижу: Вебер за уши схватился. Я нарочно его не предупредил, что звук будет серьезный, потому что из-за тюрьмы зол на него был. А теперь вроде даже пожалел беднягу. Ка-ак сго!..

Мина с большим перелетом ушла. Вот теперь, думаю, министр ответит... Ничего подобного! Присел на корточки возле своего миномета, нехотя так и даже вроде бы с лентой прицел выверяет, а стрелять и не думает. Ну, его дело... Наш Людвиг-Люций тоже подкрутил прицел — и шарах второй миной! Не поверите: я за него даже болеть начал, потому что хоть и индюк он, а свой.

Опять перелет. Да что же это за дурак, думаю, — с двух выстрелов цель в «вилку» не взять!

И опять министр не отвечает. Послужил палец, ветер попробовал, а на разрыв позади себя — ноль внимания. Даже не вздрогнул. А секундант его доволен до невозможности.

Третья мина. Вебер уже паникует, но взял себя в руки: прикинул что-то, выставил прицел с особой тщательностью и — на тебе, супостат, третий гостинец! Я уже было решил, что он попадет, честное слово!

На этот раз недолет, хотя и небольшой. На господина министра мелкие камешки посыпались. Отряхнул он костюм и рукой машет: к барьеру, мол.

Не хотел бы я в ту минуту оказаться на месте Вебера! У него как бы раздвоение личности произошло: ноги дер-

гаются — бежать хотят, а голова, хоть и оглушенная, понимает: нельзя. И спесь не велит, и побежишь — скандал на всю Галактику, карьере полный абзац, потому как выставят его отсюда за бесчестное поведение в два счета. Оцепенел господин посланник, обхватил руками ствол миномета, будто придушить его собрался, зажмурился, ждет...

Недолго ему пришлось ждать. Мне в бинокль показалось, что министр без портфеля, прежде чем опустить мину в ствол, усмехнулся по-доброму, как взрослый перед малышом... А впрочем, не уверен, может, это мне показалось и не усмехался он вовсе... В мой-то адрес потом никто никогда не усмехался, слово даю.

У меня душа упала: конец Веберу! Если первой или второй миной его не накроет, то уж третьей наверняка... Плохо же я о местных думал! Вдруг шмяк! — господин посланник с ног долой и пятки врозь. Без всякого взрыва. Только отскочило что-то от головы Вебера, как резиновый мяч. Я даже окуляры протер: что за притча?

Гости аплодируют, министр без портфеля раскланивается, его секундант от смеха за живот держится. Я что есть ног бегу к Веберу и вижу: жив. На черепе круглый след от удара, но ничего фатального, максимум легкое сотрясение. Чем же это его?..

Поискал вокруг в траве, и тут меня самого дурацкий смех разобрал. Вот она мина, на вид как настоящая — но РЕЗИНОВАЯ! Без БЧ. Видно, в местных традициях так шутить над напыщенными индюками с иных планет. Редкое удовольствие. Над своими-то таким манером не пошутишь: где дуэли в порядке вещей, там и дуэлянты что надо. Подумать только: первой же миной — и сразу по луковке!

Кое-как привел я господина посланника в чувство. Потом не выдержал и назвал Веберу подошел к министру без портфеля и поздравил его с удачным выстрелом. У дипломатов это называется хорошей миной при плохой игре. Пожали мы друг другу руки и постановили об инциденте не вспоминать, чтобы, значит, на мире и добрососедстве дуэль никак не отразилась.

Что тут скажешь? Если бы туземцы людей ели, я бы возразил, ей-ей, а если дуэли на высоком государственном

уровне входят у них в число национальных традиций, пусть возражает кто другой. Хотя бы Людвиг-Люций. Пари держу, та дуэль ему очень не понравилась. А еще больше ему не понравилось, что местные, после того как он получил резинкой по тылке, перестали держать его за серьезного человека. Во всяком случае, сажать меня снова в тюрьму они отказались наотрез, хоть он и требовал...

Короче говоря, через неделю сбежал господин посланник на первом попутном судне и на карьеру свою плюнул. Да какая может быть карьера, если премьер-министр при каждой встрече первым делом интересуется, как там его шишка, зажила ли? И в глазах у премьера веселые искорки бегают. Полное дипломатическое фиаско, сами понимаете.

А может, впоследствии и выкрутился Людвиг-Люций, как знать. Может, и карьеру снас. Не всякая субстанция в воде тонет.

Не знаю, ребята, как вам в той ситуации, а мне как-то вдруг за метрополию стало обидно. Уже на следующий день после дуэли двигаю на прием к тому самому министру без портфеля и с места в карьер: готов, мол, принять вызов за свое начальство. У вас, мол, в запасе еще две мины, так не пропадать же им. Только если они опять будут резиновыми, так и знайте: за вторичное покушение на честь Земли и землян я нанесу вам, господин министр, оскорбление действием!

Он даже крикнул от удовольствия, заверил, что мины будут настоящие, и щедрой рукой ликвидировал пашу разницу в боскомплекте. Понятно, при давке моего противника мне все равно ничего не светило, и вот этот шрам — с того случая... Но землян местные худо-бедно начали уважать! Сначала они вообще собирались порвать с нами отношения как с недостойными и выпроводить Людвиг-Люция на все четыре стороны...

А как он сбежал, то как-то само собой получилось, что с вопросами стали обращаться ко мне. Нас-то, землян, в ту пору всего двое здесь было: я да Банан на сателлите. Потом из метрополии — хлоп — личный посланник президента с поручением разобраться, принять меры по своему усмотрению и доложить.

Он и принял меры. У меня к тому времени в активе уже три дуэли было, и рейтинг мой возрос неимоверно. Поохал посланник, повздыхал, но как ни крути, а общий язык с аборигенами никто лучше меня не найдет. Потом, ясное дело, прислали одного специалиста, чтобы подучил меня дипломатическому политесу, и другого, чтобы раскумекал мне, какие есть интересы Земли в этом секторе, — а только больше не они меня, а я их учил местной специфике, особенно первого. Темный народ, перазвитый.

Что?.. А вы думали, с кем разговариваете? Ох, парни, у меня от вас швы разойдутся... Ну да, я и есть посланник Земли на этой планете, а скоро стану чрезвычайным и полномочным послом, это уже решено. Банан с тех пор один летает, встретите его — передавайте привет... Не верите? Ну и не падо, я не настаиваю, а только вот какое дело, ребята: через час у меня дуэль с министром юстиции, он на меня вчера косо посмотрел... Думаете, я тут от нечего делать лясы точу под стоеросовку? Мне секундант нужен, а лучше два и хорошо бы земляне. Если опоздаете на корабль, то я вашему капитану записку напишу, он вам еще благодарность объявит... Ну как, согласны?

ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ

Анграм-VI

Геннадий Прашкевич родился 16 марта 1941 года. Окончил Томский университет с дипломом геолога. Работал кондуктором грузовых поездов, электросварщиком, плотником, столяром. Затем — Институт геологии и геофизики АН СССР (Новосибирск, 1959—1965) — лаборатория палеонтологии палеозоя, Сахалинский комплексный научно-исследовательский институт СО АН СССР (1965—1971, Южно-Сахалинск), Западно-Сибирское книжное издательство (Новосибирск, 1971—1983). Издательство вынужден был покинуть в связи с цензурным запретом книги «Великий Краббен». Участвовал в различных геологических и палеонтологических экспедициях (Урал, Кузбасс, Горная Шория, Якутия, Дальний Восток, Камчатка), работал в лаборатории вулканологии Сахалинского комплексного НИИ, в 1990-х годах возглавлял литературный журнал «Проза Сибири». Как писатель-фантаст Геннадий Прашкевич дебютировал в 1957 году рассказом «Остров Туманов». Профессиональный писатель, член Союза писателей СССР (с 1982 года), член Союза писателей России (с 1992 года), член Нью-Йоркского клуба русских писателей (с 1997 года), член Международного ПЕН-клуба (с 2002 года). Член жюри Всероссийской литературной «АБС-премии», жюри Всероссийской литературной премии «Аэлита». Член редколлегии журналов «Уральский следопыт» (Екатеринбург), «День и ночь» (Красноярск). Лауреат премий «Аэлита», «Сигма-F», «Бронзовая улитка», «Странник», «Роскон», «Портал», обладатель ордена «Рыцарь фантастики». Автор стихотворных, детективных и исторических произведений, очерков о поэтах и ученых, мемуаристики; перевел и издал книгу корейского поэта Ким Чын Сона и антологию болгарской лирики «Поэзия меридиана роз». В 2007 году удостоен звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Человек не должен терпеть того,
чего он боится.

Г. К. Честертон

1

Спускаясь по пандусу космобота, доставившего меня с «Цереры», я еще издали увидел под прозрачным козырьком навеса невысокого человека в светлых сандалиях и в непомерно длинном плаще. Влажная духота заставила даже

меня расстегнуть воротничок мундира, но человек в плаще, кажется, не обращал на духоту никакого внимания. Похоже, его больше заботил вполне возможный и скорый ливень.

Это Лин, решил я.

Полгода назад в Управлении мне сказали: Управлению нужен активный и знающий человек, Аллофс. Нам нужен активный и знающий человек с непредвзятым мнением, не склонный к внешнему проявлению чувств и постоянно ищущий. Подтекст: ты, Аллофс, тут изрядно надоел нам на Земле своей дошностью. Отправишься на планету Несс, Аллофс, сказали мне в Управлении, есть такая морская планета. Не самая, наверное, лучшая, зато самая удобная из всех, которые претендуют на роль будущей Большой Базы. Для выхода в Дальний Космос землянам необходима подобная база. Вопрос о ее местонахождении в принципе решен. Правда, только в принципе. На планете Несс обнаружены некоторые сложности, а специалист по сложностям у нас ты. Подтекст: нам хочется отдохнуть от тебя, Аллофс. Голос и Воронка — вот эти сложности. Имешю на них и следует обратить особое внимание, Аллофс. На планете Несс тебе всегда поможет Лин, он главный разработчик Большой Базы, к тому же родился и вырос на Несс. Времени у тебя в обрез, постарайся уложиться к возвращению «Цереры», иначе просидишь на Несс лишних полгода. Лин обеспечит тебе условия для работы и надежную связь с Землей, Аллофс. Только помни, что связь хотя и надежная, но не постоянная. Сам знаешь, пятиминутный сеанс стоит всей твоей командировки.

Я кивнул.

Полномочия...

Ответственность...

Без Большой Базы, Аллофс, мы как хромой с биноклем: видим далеко, а допрыгать до цели не можем. Твоя виза на документах, Аллофс, чрезвычайно важна. Если ты убедишься, что выводы Лина и его сотрудников верны, мы получаем Большую Базу, а Несс входит в кольцо развитых миров. Будь внимателен, от тебя зависит теперь многое.

Я кивнул.

А теперь спускался по пандусу, и Лин приветливо протягивал навстречу маленькие руки. Его желтоватое лицо с резкими скулами казалось выточенным из старой кости, и все

равно казалось невероятно подвижным: одна улыбка сменяла другую, как фазы луны. И он не скрывал любопытства, что вполне объяснимо: инспектор Управления не каждый день появляется в таких заброшенных уголках.

Серо-стальной мундир, высокие башмаки на толстой подошве, -- пожалуй, на Несс я буду бросаться в глаза. К тому же я оказался чуть не на две головы выше Лина.

— Вы Отто Аллофс! — Лин произнес мое имя чуть ли не с торжеством.

Он даже оглянулся, хотя на площадке никого не было.

— Планета Несс приветствует нового друга. Мы ведь друзья, Аллофс?

Я с трудом уклонился от его объятий.

— Я уверен, что мы подружимся. Я уверен, что мы подружимся очень скоро. Большое дело сближает, Аллофс.

— Инспектор Аллофс, — сухо поправил я.

— Вот именно. — Моя поправка ничуть не смутила Лина. — Вы попали на Несс не в самое худшее время, поскольку только что закончился сезон ливней. До возвращения «Цереры» вы вполне сможете увидеть Деяниру, Южный архипелаг, Морской водопад...

— ...Воронку, — сухо продолжил я.

Лин изумленно хмыкнул:

— Разумеется, и Воронку. Воронку, может, прежде всего! В некотором смысле, Аллофс, вы будете решать ее судьбу.

Похоже, Лин вообще не собирался обращаться ко мне по форме.

— Несс — провинция, Аллофс, не будем скрывать этого. Но любая провинция имеет свои особенности. Клянусь, Несс — лучшая из провинций. И она заслуживает гораздо большего, Аллофс.

— Инспектор Аллофс, — сухо и терпеливо поправил я, но Лин опять не обратил внимания на мою поправку.

2

Пока машина разворачивалась на поле космопорта, способного принимать только боты, я успел рассмотреть мрачную громаду хребта Ю, отгородившего долину от океана.

Вершины тонули в пелене сплошных белых облаков, наглухо затянувших небо, наглухо закрывших звезду Толиман, сестру нашего Солнца. Пусть далекую, пусть очень даже далекую, но сестру.

Серый, томительный, душный день.

От каждого камня, от каждой скалы, от каждого метра темной стиалитовой дороги, рассекающей каменистую долину, несло жаром.

— Здесь всегда так?

— Мы все исправим! — Лин торжествующе улыбнулся. — Мы переделаем всю планету. Деянира — небольшой город, но мы сделаем ее столицей! Ведь так?

— Возможно.

— Не «возможно», а — так! Именно так, Аллофс! Мне можно верить, — сообщил Лин доверительно. — Мы ведь не случайно пригласили вас.

Лин явно лукавил.

Не думаю, что они приглашали кого-то конкретно. Они приглашали просто инспектора Управления.

— Мы слышаны о вас, Аллофс. Мы знаем, что вы уже немало работали в Космосе. Например, на спутниках Юпитера. Я ведь не ошибаюсь? На Европе, например.

Кажется, они действительно кое-что обо мне знали.

— Мы все тут изменим, Аллофс.

— Инспектор Аллофс.

— Вот именно. — Лин засмеялся. — Мы все тут изменим. Я всегда считал Несс планетой будущего. Мы забудем о Воронке, мы навсегда забудем о Голосе. Мы построим такой мир, которым по-настоящему можно будет гордиться. Мы станем законным звеном целой цепи миров. Правда, Аллофс?

Обернувшись, он одарил меня целой серией ослепительных улыбок. Его и без того узкие глаза превратились совсем в щелочки, на желтоватых щеках обозначились круглые ямки.

— Впрочем, к делу.

Лин улыбнулся:

— Каждый человек извне, тем более официальный представитель Земли, вызывает на Несс вполне понятный интерес. С вами многие хотели бы увидеться, Аллофс. Чтобы

облегчить вам работу, мы составили предварительный список. Суньте руку в карман кресла.

Я сунул.

Пластиковый листок.

На Несс все еще пользовались печатью. Каждая буква, каждый знак — отдельно. От пластикового листка пахнуло чем-то старомодным и трогательным.

— Встречи обязательны? — Даже на первый взгляд список выглядел длинновато.

— Вовсе нет. — Лин опять выдал серию ослепительных улыбок. — На всех у вас просто не хватит времени. Побеседуйте с нужными специалистами. Этого достаточно. Остальные на ваше усмотрение.

Я кивнул.

Имена в списке ни о чем мне не говорили.

Я просмотрел краткий комментарий.

Сотрудники гравислужб, расчетчики, геофизики, строители, океанографы, члены Совета...

Просматривая комментарий, я умудрялся следить краем глаза за однообразным пейзажем, тянущемся вдоль ровной дороги. Ни одного живого пятна, ни дерева, ни травинки. Зажатая отрогами хребта долина выглядела мертвой.

Впрочем, она и была мертвой.

Ледяные, укутанные облаками вершины.

Я невольно повел плечом. В свое время я успел насмотреться на льды.

Но к черту Европу, если даже это спутник Юпитера!

Сотрудники полицейского управления, палеонтологи, психиатры, сотрудники контрольных постов, транспортники...

Даже обязательный список оказался не краток.

Интересно, как Лин собирается доставлять этих людей в Деяниру?

Несс — планета морская, колонисты разбросаны по разным мелким архипелагам.

Уединенные высокие острова, до блеска облизанные чудовищными приливами, порождаемыми сразу тремя лунами Несс. Кое-где рощицы каламитов. Понятно, на Несс своя таксономия. Каламиты — это жаргон, чисто бытовое обозначение. Так эти растения прозвали по некоторому их сходству

с первобытными растениями Земли, покрывавшими сушу много миллионов лет назад.

Дело не в названии.

Я знал, каламиты — это жизнь.

Пусть примитивная, но жизнь, а Положение о Космосе не позволяет людям вторгаться в неземную жизнь активно. Вот почему Деянира, единственный город планеты, упрятана в мертвой долине. Каламиты сами по себе не могут перебраться через хребет Ю, летающим рыбам его тоже не одолеть — в Деянире люди могут чувствовать себя свободно. Здесь и Большая База не нанесет никакого вреда местной жизни.

— Половина списка не прокомментирована, — заметил я, просмотрев листок.

— Правильно! — Лин, обернувшись, поощрил меня за сообразительность одной из лучших своих улыбок. — Мы никому не могли отказать в возможности встретиться с вами. В конце концов, решать все равно вам, Аллофс.

— Лейстер, Мумин и Хан. Кто это?

— Артисты цирка, — широко улыбнулся Лин.

— Они имеют какое-нибудь отношение к Воронке?

— Вряд ли. — Лин улыбнулся. — Но они могли слышать Голос.

— Доктор Алемао.

— Экзобиолог. — Лин обернулся. — Интересуется всеми формами земной и внеземной жизни, даже, наверное, такими редкими и экзотичными, как инспектор Управления.

Я не поддержал тон, предложенный Лином.

— Какое отношение имеет доктор Алемао к Большой Базе?

— Думаю, никакого. — Лин был в восторге. — Но поговорить с новым человеком всегда полезно. Сами увидите.

— Оставим артистов цирка и доктора Алемао в резерве, — пробормотал я. — Я плохо разбираюсь в их проблемах.

Лин лучезарно улыбнулся. Лин поощрительно кивнул.

— Зоран Вулич, художник. Что нужно художнику от инспектора Управления?

— Что вы хотите? — улыбнулся Лин. — «Цирця» приходит на Несс два раза в год. Мы живем на отшибе. Каж-

дому хочется увидеть человека с Земли. Почему бы и вам не познакомиться с работами Вулича?

— Они имеют отношение к Воронке?

— Если говорить серьезно, — Лин улыбнулся, — у нас нет ничего, что не имело бы отношения к Воронке.

— Бетт Юрген, профессия не указана.

— Бетт Юрген... — Лин замялся. На секунду, но замялся, и я уловил эту заминку. — Синоптик... — Лин опять замялся: — Сейчас, кажется, без работы. Это следует уточнить. Подруга художника Оргелла, если слышали о таком.

Он вздохнул чуть ли не с облегчением:

— Не слышали? Немудрено. Мы живем далеко от Земли. Что вы там о нас знаете?

Похоже, Лин ждал ответа.

Я не ответил.

— Скорее всего Бетт будет просить о помощи. Она рвется на Землю. Некоторые формальности мешают этому.

— Но при чем здесь я? — Вопрос прозвучал суше, чем следовало, но я был раздражен. — Разве такие вопросы решает не Совет?

— Конечно, Совет, Аллофс.

— Тогда избавьте меня от этого.

— Ваше право. — Лин восхищенно улыбнулся. И так же восхищенно вскинул руки над головой: — Деянира!

3

Столица Несс ничем не поражала воображения.

Типичный колониальный стиль: невысокие просторные здания, иногда с колошнадой, громоздкие башни непонятного назначения, бульвары, украшенные посадками каламитов — безлистных, голых, в шрамах от уже отпавших черенков, в сложных и нежных клубках воздушных корней.

Я с уважением вспомнил Положение о Космосе.

Если этот документ действительно позволяет оберегать даже столь непритязательные виды, значит, сами мы чего-то стоим.

— Присхали, Отти. — Лин сиял. Его дружеские чувства ко мне крепили на глазах. Он уже называл меня по имени. —

Я просил не устраивать вам сегодня никаких официальных встреч. Инспектору Управления не нужна помпа, правда? — Он весело прищурился. — Пропу, Отти. У нас, конечно, не тот уют, что на Земле, но с этим придется мириться.

Насчет уюта он скромничал.

Трехкомнатный номер отеля всеми окнами выходил на далекую громаду хребта Ю, придавленную тяжелыми облаками. Спальня, гостиная, кабинет с селекторами внутренней и планетной связи, на специальной полке листы планетографических карт, даже книги, среди которых я сразу отметил три редкостных томика Ж. Лоти в ярких желтых переплетах — «Введение в природу Несс», кажется, с дополнениями.

— Тебе нравится, Отти?

Я сухо кивнул.

Мне нравилось.

Но это вовсе не означало, что мы непременно должны переходить на «ты». Мне хотелось остаться одному — ионный душ, чашка кофе...

— Вот, Отти, то, что мы должны оставить потомкам.

Пожалуй, впервые несколько театральная торжественность Лина показалась мне более или менее уместной: всю заднюю стену кабинета занимал вид будущего космопорта.

Большая База.

Летное поле выглядело приподнятым над долиной, даже хребет Ю как бы потерял значительность.

— Когда мы сходили, хребет казался мне выше.

— И ты не ошибся, Отти! — поздравил меня Лин. — Мы перекроем Воронку стилизованным куполом, а сверху набросим грунтовую подушку, метров триста, не меньше. На это уйдет часть хребта. Неплохо придумано? — Лин сиял. — Это не просто космопорт, Отти. Это наше будущее. Нельзя топтаться на месте, застой ведет к деградации.

Он странно взглянул на меня:

— Об этом следует помнить и землянам.

Вид будущего космопорта привел Лина в какое-то необычное состояние.

Я молчал, выжидая: сам он вынырнет из эйфории или ему придется помочь?

Он вынырнул сам.

— Связь с Землей жестко контролируется диспетчером, но для вас, Отти, выделен специальный канал. Не думайте о расходах. Вы работаете не только на Несс, вы работаете на все человечество.

Будто подтверждая сказанное Лином, экран внутренней связи вспыхнул.

Мы одновременно повернулись к экрану, но никого на нем не увидели. Если кто-то сейчас и смотрел на нас, то сделал он это, оставаясь вне нашего поля зрения.

Я перевел удивленный взгляд на Лина.

— О вашем появлении уже знают, Отти. Вы популярны.

Я хотел сухо заметить, что это не повод для того, чтобы на меня, как на редкостное животное, взирал каждый, кому этого захочется, но резкий женский голос остановил меня:

— Дело не в популярности.

Голос прозвучал действительно резко. Но сама женщина так и не появилась на экране, поразительная бестактность.

— Дело не в популярности. Просто мне больше не к кому обратиться, инспектор.

— Не понимаю, — сказал я, пожав плечами. — На планете Несс существует Совет. Я не знаю, в чем заключается суть вашей просьбы, но Совет для того и создан, чтобы решать местные проблемы.

Женский голос ответил чуть ли не презрительно:

— Я обращалась в Совет. Лин это знает. Скоро он выскажет вам свою точку зрения на внутренние проблемы Несс, поэтому-то я и обращаюсь к вам с просьбой — как убедительно ни прозвучат аргументы, приводимые Лином, выслушайте и другую сторону.

— Другую сторону? — не понял я.

— Вот именно, инспектор. Другую. На Несс есть люди, не разделяющие взглядов членов Совета. И таких людей на Несс больше, чем думает Лин. Спросите его, инспектор, почему выслан на Землю художник Оргелл, да еще в сопровождении полицейского? Если ответ вас удивит, не полнитесь найти меня. Мое имя Бетт Юрген. Я подала заявку на встречу с вами, но не уверена, что она будет удовлетворена.

Экран погас.

Лин, улыбаясь, развел руками:

— На земле бы такое выглядело верхом бестактности, верно, Отти?

— Инспектор Аллофс, — сухо поправил я.

— Вот именно! — Лина ничто не могло смутить. — К сожалению, Несс находится на обочине. Мы вдали от главных дорог космоса, отсюда наша провинциальность. Будущее Несс — Большая База. Только тогда планета активно включится в общую жизнь. Ничто не действует на мораль так вдохновляюще, как опущение подлинной общности. У человека, оторванного от себе подобных, меняется мировоззрение. У него меняются привычки. У него меняются даже голос и походка.

Я не хотел слушать разглагольствований Лина.

— Кто этот Оргелл? Я правильно понял Бетт Юрген: этот художник выслан с планеты Несс?

— Совершенно правильно, Отти! — Лин шумно и откровенно радовался логике моих умозаключений. — Этот человек действительно выслан на Землю.

— В сопровождении полицейского?

— В сопровождении полицейского.

— Но почему?

Лин помедлил.

Впервые он ответил мне без улыбки:

— Он выслан за то, что не подчинялся решениям Совета.

— В чем выражалось неподчинение Оргелла решениям Совета?

— Видите ли, инспектор... Этот Оргелл... Он ходил к Воронке...

— За это высылают?

Несколько мгновений Лин молчал, потом улыбнулся.

Это была великолепная и бесконечная улыбка.

Она, эта великолепная и бесконечная улыбка, все ширилась, ширилась, глаза Лина совсем сузились, на желтоватых щеках проступили ямочки — ну прямо не человек, а пересахаренный пудинг. Я был уверен, что он отделается очередной дежурной шуткой, но Лин, не убирая с лица улыбки, ответил:

— Да, Отти, иногда.

И добавил, не сводя с меня взгляда:

— Тех, кто остался в живых.

Я поужинал прямо в номере, решив не спускаться в ресторан, где новый человек, конечно, не мог не вызвать повышенного интереса.

Когда на столе появился кофе (автоматика работала на редкость эффективно), я догадался включить канал С.

И не ошибся.

Новости Несс, несомненно, касались и моей персоны.

ОЗНАЧАЕТ ЛИ ПРИБЫТИЕ ИНСПЕКТОРА АЛЛОФСА ОКОНЧАНИЕ ДИСКУССИЙ В СОВЕТЕ?

Я так не думал.

ВЕЕРНЫЕ ЛИВНИ НАД ЮЖНЫМ АРХИПЕЛАГОМ.

В СИЛАХ ЛИ ДЕЯНИРА КОМПЕНСИРОВАТЬ УБЫТКИ?

ОЗНАЧАЕТ ЛИ ПОЯВЛЕНИЕ НА ПЛАНЕТЕ НЕСС ИНСПЕКТОРА УПРАВЛЕНИЯ НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНУЮ ПОМОЩЬ СО СТОРОНЫ ЗЕМЛЯН?

Я так не думал.

ЕСЛИ ПЛАНЕТА НЕСС ОПЛАЧИВАЕТ ВОЯЖ ИНСПЕКТОРА АЛЛОФСА, ПОЧЕМУ БЫ ИНСПЕКТОРУ АЛЛОФСУ НЕ СМЕНИТЬ БАШМАКИ?

Я усмехнулся.

Намек был достаточно прозрачен.

Каждая служба плодит свои мифы.

Один из мифов Управления: где бы ни находился действительный инспектор Управления, он всегда должен ступать по Земле. Многие впрямь считают, что толстые подошвы форменных инспекторских башмаков заполнены изнутри земным грунтом.

СЧИТАЕТ ЛИ ИНСПЕКТОР АЛЛОФС, ЧТО ПЛАНЕТА НЕСС ДОСТОЙНА ВОЙТИ В ЦЕПЬ РАЗВИТЫХ МИРОВ?

А почему нет?

Отключив связь, я, не торопясь, принял душ.

Потом подошел к окну, чтобы задернуть портьеру.

Смеркалось.

С удивлением я обнаружил, что окно распахнуто и я уже несколько часов обхожусь без кондиционера. На Земле я столько бы не выдержал.

Кажется, подумал я, колонистам есть смысл бороться за планету с такой атмосферой.

Где-то далеко, возможно на подошве хребта Ю, медленно ходил вправо-влево длинный и узкий луч прожектора. Время от времени он поднимался и вставал вертикально. Тогда свет, отраженный от облаков, спускался в волшебный туманный шар. Свет ни одной из трех луц Несс пока не пробился сквозь тяжелый облачный покров, зато влажная духота дня сменилась прохладой.

Над Европой, вспомнил я, не было облаков.

Только чудовищная сфера Юпитера да оранжевый глаз Большого пятна.

С каким отчаянием смотрел на меня гляциолог Бент С. в переходе научно-исследовательской станции! Единственный человек, которому грозила официальная высылка с Европы! Никто этого не хотел, тем более сам Бент С. Но я был поставлен перед необходимостью. В некотором смысле Бента С. погубила давняя научная теория: теплопроводность льда невысока, под его массами вполне может консервироваться тепло еще не полностью остывших недр Европы, а значит, есть смысл поискать простейшую жизнь там, где льды находятся в жидкой фазе.

Почему погубила?

Да потому что Бент С. нашел воду на Европе.

Не жизнь, но воду. Правда, и ему, и его папарнику находка обоилась слишком дорого.

Почему я это вспомнил?

Я всматривался в ночную мглу.

Там, во мгле, плясало уже несколько прожекторных лучей.

Что они ищут?

«Спросите его, инспектор, почему выслан на Землю художник Оргелл?»

Что-то в этом вопросе меня раздражало.

Правда, Лин не скрывал: этот Оргелл зачем-то ходил к Воронке. И ходил без официального разрешения. Ходил, не-

взирая на то, что на подобные прогулки давно наложен официальный запрет.

«За это высылают?» — «Да, иногда... Тех, кто остался в живых...»

Ну да, усмехнулся я.

Нет смысла высылать мертвецов.

Жаль, что Управление столь часто бросает инспекторов на задания, не информируя о предстоящих делах подробно. С точки зрения Управления, это якобы помогает вырабатывать непредвзятость.

С каким отчаянием смотрел на меня Бент С., опять вспомнил я.

Его напарник, гляциолог Уве Хорст, погиб.

Если честно, им обоим не повезло: Уве Хорст потерял жизнь, Бент С. рисковал потерять будущее. Но Бент С. хотя бы остался жив, а Уве Хорст уже ни на что не мог рассчитывать. Он погиб. Он уже был выслан неизвестно куда. Его уже никогда не будет.

Никогда.

Что значит — никогда?

Я невольно повел плечом.

Я не любил вспоминать о случившемся на Европе.

Никогда это и есть никогда, сказал я себе. Если ты погиб, тебя уже никогда не будет.

Что значит — погиб?

Станный вопрос.

Тебя растерло в пыль ледяной лавиной или размазало взрывом по базальтовой стене, ты сгорел в смердящем костре разбившейся реактивной машины или вывалился из лопнувшего скафандра в пространство. У тебя остановилось дыхание, раскрошились ребра, ты потерял поги, ты истек кровью, тебя больше нет. Вот все это и есть — погиб. Ты исчезаешь, физически исчезаешь из мира, чтобы уже никогда и никуда не вернуться.

Я отчетливо увидел перед собой отвесные стены ледяных ущелий Европы.

Тысячи радуг, мириады слепящих цветных зайчиков — на Европе оптику часто приходилось затемнять. Ни хребтов, ни

гребней, ни метеоритных кратеров, ни просто всхолмлений — Европа идеально отшлифована. Она как бильярдный шар, только трещины бесчисленных ущелий оживляют ее.

Великолепная школа для исследователя.

В подобной школе постигаешь все.

Кроме бессмертия.

Что значит — бессмертие? Бессмертию можно научиться?

Если бы.

Я снова повел плечом, отгоняя воспоминания.

Бессмертия не существует. А несуществующему нельзя научиться.

Бент С., например, узнал об этом, лишь потеряв напарника. Он, кажется, считал потерянного напарника своим близким другом. Может быть, лучше было, считай он Уве Хорста врагом.

Что значит — врагом?

Я вздохнул.

Над одним из участков хребта Ю воздушные течения ненадолго развели облачный покров. Я увидел кусок абсолютно черного неба, лишь слегка высеребренного звездами. Не так уж, в принципе, я далек от Солнца. Созвездия, висящие над Несс, ничуть не изменили своих очертаний, только зигзаг Кассиопеи удлинился, опять же за счет Солнца.

С каким отчаянием смотрел на меня Бент С.!

Он знал, что помочь ему могу только я.

Он меня ненавидел.

Он чувствовал, что я догадываюсь о том, о чем знает только он, о чем не догадывается никто другой. Он надеялся на меня, и он меня ненавидел. И на кого он мог еще надеяться? Не на Уве же Хорста? Увы, Уве Хорст давно был мертв. И подозреваю, что даже останься живым этот Хорст, Бент С., наверное, не побежал бы к нему за помощью.

Уве Хорст провалился в озеро чистойшей переохлажденной воды.

Гляциологи нашли воду, но они ее не увидели, такой она оказалась прозрачной. В ней не было ни одной взвешенной частицы, а тележка Хансена, которую гляциологи должны

были толкать перед собой, стояла метрах в тридцати от них. Инструкция запрещает обгонять тележку Хансена даже на половину шага, но Бент С. и Уве Хорст давно работали на Европе. Они привыкли к ледяному безмолвию. Работая на Европе уже второй год, они ни разу не натыкались на чистую воду. Они только *верили* в существование чистой воды.

Гляциологи шли, переговариваясь, по дну глубокого ущелья, точнее, по узкой огромной трещине, разбившей ледник. Если бы они катили перед собой тележку Хансена, стоило ее колесу коснуться воды, как все озеро моментально превратилось бы в линзу прозрачного льда, по которому они и продолжили бы свое путешествие. Но вода оказалась такой прозрачной и чистой, а глаза гляциологов были так утомлены ледяными радугами, что Уве Хорст в одно мгновение провалился в чудовищную ловушку.

Наверное, он не достиг дна, скорость кристаллизации не позволила ему этого.

Но раздавило ли Уве Хорста сразу?

Он ведь мог жить какое-то время, пока не была нарушена герметичность его скафандра? Возможно, он даже успел что-то крикнуть Бенту С., ведь связь не была отключена. Некоторое время они могли переговариваться.

Если так, то что сказал Хорст своему товарищу?

Только слепцы отрицают волю случая.

Например, единственная известная в исследованном секторе Космоса саванна Лакки — некий странный, единый, распространявшийся на всю планету растительный организм — была сожжена при посадке «Кассида». Кто мог предположить, что водянистые на вид, волнующиеся стебли уагуа-уагуа мгновенно всыхивают и так же мгновенно сгорают?

Существование прозрачных озер переохлажденной воды на Европе теоретически допускалось, но кто мог предположить, что однажды два таких опытных гляциолога, как Бент С. и Уве Хорст, оставят за спиной тележку Хансена и, не торопясь, пройдут по ущелью, как по школьному катку?

Бент С. остался жив.

Конечно, ему пришлось пачать жизнь заново.

Он был списан на Землю и выслан с Европы. Причем — навсегда.

Что значит — навсегда? Разве бывает как-то иначе?

А черт его знает.

Так устроено природой.

Природой так устроено, что рано или поздно разрушается все.

Может, когда-нибудь мы и найдем секрет бессмертия, только это уже не поможет ни саванне Лакки, ни Уве Хорсту. Существует определенный биологический механизм, он работает, но он не вечен, и однажды он обязательно дает сбой.

Прожектора вдаль наконец успокоились. Цветной луч встал над хребтом вертикально и сиял вдаль, как маяк.

Надо лечь, подумал я.

Надо выспаться, привести себя в порядок.

Бессмысленно торчать у окна, задавая себе дурацкие вопросы.

Вопросы.

Ледяной холодок тронул мне спину.

Разве это я задавал себе эти нелепые, эти дурацкие вопросы? Я что, не знаю, как погибает человек? Я что, всерьез интересовался бессмертием?

Разумеется, я сам этим интересовался, усмехнулся я.

И сказал себе: не первичай.

Конечно, ты знаешь, что бессмертия не существует, конечно, тебе не надо растолковывать того, как это человека размазывает взрывом по базальтовой стене, но ведь это ты спрашивал. *Что значит погиб?.. Что значит бессмертие?.. Что значит враг?.. Что значит навсегда?..*

Или нет?

Я тревожно прислушался к самому себе.

Нет, это не я спрашивал. Вопросы приходили ко мне как бы извне. Они возникали как бы сами собой, но задавал их не я. Скорее всего, я подвергся неожиданной атаке Голоса. Меня ведь предупреждали, что на Несс существуют сложности. И сложности эти — Голос и Воронка. Меня ведь специально предупреждали: на Голос и на Воронку следует обратить особое внимание.

В некотором смысле мне повезло.

Можно прожить на Несс все пятьдесят лет и ни разу не услышать Голос, — такие счастливицы известны. Но обычно Голос настигает тебя уже в первые дни пребывания на Несс. Ты живешь, как все, ты занят обыденными делами, ты всего лишь один из многих, но однажды Голос настигает тебя. Ни с того ни с сего ты начинаешь мучить себя вопросами, на которые нет ответа. И от вопросов не отмахнуться. Их нельзя отключить, скажем, как радио. Они будут звучать в тебе, пока этого будет хотеть Голос.

Это и был Голос?

Я включил свет и внимательно взглянул на себя в зеркале.

Ничто во мне не изменилось.

Да и не могло измениться.

Просто прозвучал Голос и внес некоторое смятение в душу.

Он вернется?

Я ведь не ответил ни на один его вопрос. Впрочем, как можно ответить на вопрос: можно ли научиться бессмертию?

Почему Голос исчез так быстро?

Я сам чем-то его спугнул?

Я пытался уснуть, но сон не шел.

Я прислушивался к шорохам (на улице накрапывал дождь), прислушивался к самому себе (в моей душе тоже дожило). Эта Бетт Юрген... кажется, она настроена решительно... «На Несс есть люди, не разделяющие взглядов членов Совета». Наверное, есть. Обязательно должны быть.

«Если ответ вас удивит...»

Если честно, пока меня удивляли вопросы.

5

Завтракать я спустился в ресторан.

Как ни странно, он оказался пуст.

Широкий уютный зал с севера был обрамлен аркой.

Барельефы на плоскостях арки были посвящены открытию и заселению планеты Несс — первые звездные корабли (я таких никогда не видел), портреты древних героев, имена которых мне ничего не говорили. На вершине арки, на фоне

бледных звезд и туманностей проступал силуэт громадного кентавра. Неожиданный реализм изображений несколько смягчался странным цветом. Его оттенки трудно было определить, мне даже показалось, что цвет медленно, но постоянно меняется.

Под аркой, на специальном возвышении неторопливо поворачивался большой глобус планеты Несс.

Глобус выглядел непривычно: его поверхность была составлена из множества крошечных граней. Таких планетных форм в природе не бывает, тем не менее передо мной, уходящая за дверь, неторопливо поворачивался шар планета Несс, выполненный в проекции Фуллера.

Только такая проекция позволяет выдерживать истинный масштаб.

Разглядывая глобус, я впервые вдруг понял, как необычна планета Несс, как много на ней чистой воды. Язычки и рассеянные точки архипелагов и одиночных островов тонули в бесконечной голубизне. Благодаря изображениям на барельефах я уже представлял, как все это может выглядеть на самом деле, — обрывистые обломки суши, невероятные приливы, вздымаемые тремя лунами Несс, вершины островов, покрытые зеленовато-бледными шапками каламитов.

Я невольно посочувствовал сотрудникам соответствующих служб: как при трех лунах Несс они умудряются строить точные приливные таблицы?

Раздумывая над этим, я попробовал нечто вроде спагетти.

Бледные мягкие нити таяли на языке. Вкусом это походило на свежий сыр. Интересно было бы узнать, что я ем, но с автоматикой не очень поговоришь.

Я обрадовался, увидев посетителя.

Это был очень уверенный человек. Усатый, коротко постриженный. А глаза у него были голубые, как поверхность глобуса. Он мог сесть где угодно, мест в зале хватало, но, к счастью, выбрал мой столик.

— Вы позволите?

Еще бы!

На блюде передо мной как раз появилось нечто белое, пухлое, вызывающее на вид.

— Это омлет? — спросил я.

— Рыбы у нас летают, и неплохо, но яиц не кладут, — усмехнулся мой визави. — Впрочем, это и не водоросли, как можно подумать. И это не коренья, как вы, наверное, уже подумали. Это всего лишь рыба-сон. Пробуйте, пробуйте, не бойтесь. Это вкусно. Мое имя Рикард.

И, представившись, продолжил объяснения:

— Нравится? Ну вот. Зато выглядит рыба-сон ужасно. Что-то вроде мягкого пустого мешка, вся в складках, вся какая-то серая, неопрятная, а в глазах у нее нечеловеческая тоска. Об уме умолчу, с этой стороны рыба-сон достаточно унылое существо. Зато очень не советую хватать ее голыми руками. На Несс это всем известно, но вы можете и не знать этого. Вы ведь инспектор Аллофе? Вас тут здорово ждали.

Он запил рыбу-сон каким-то белым непрозрачным напитком:

— У каждого тут хватает забот, но вас здорово ждали.

— Что-то я ничего такого не наблюдаю, — улыбнулся я. — Напротив, у меня сложилось впечатление, что Деянира достаточно пуста.

— Вы не ошиблись, — кивнул Рикард. — Деянира действительно пуста. Все, кто мог, улетели на Южный архипелаг. Эти верные ливни... Малопрятная вещь... Знаете, они всегда приносят много бед...

— Вкусно, — оценил я рыбу-сон и взглянул на Рикарда. Чем-то он мне понравился.

Может, независимостью.

Даже куртка на нем была расстегнута до пояса и, кстати, слабо фосфоресцировала. Наверное, такая куртка пылает в ночи как костер, подумал я. Ее, наверное, издалека видно.

И спросил:

— Ваша куртка из водорослей?

— На этот раз угадали. — Рикард спсиходительно кивнул. — Океан — наш кормилец. Он же одевает нас. Да вы взгляните на барельефы. Вся наша жизнь связана с океаном.

— Кто это выполнил?

— Что именно? — не понял Рикард.

— Барельефы.

— А-а-а, барельефы... — протянул Рикард. — Их выполнил Зоран Вулич, художник. Он хорошо знает Несс и побывал чуть ли не на всех островах.

— Вы, наверное, тоже?

— С чего вы взяли? — удивился Рикард. — Я видел Морской водопад и видел Воронку, мне этого достаточно. Какая разница... — покосился он на меня, — смотреть на закат с вершины одинокого острова, раздвигая руками ветви каламитов, или смотреть на закат из окна добротного дома? К тому же на островах душно... — добавил он явно неодобрительно.

— Вы правда не находите никакой разницы? — усмехнулся я.

— Никакой, — твердо повторил Рикард. Он мне действительно понравился. — Уверяю вас. Острова везде похожи друг на друга, как близнецы, и океан везде одинаков.

— Так уж везде?

— Абсолютно.

Он усмехнулся и добавил:

— К счастью, мои запятия не требуют активных перемещений в пространстве.

— Что-нибудь сугубо лабораторное?

— Как сказать, — усмехнулся Рикард, на этот раз откровенно снисходительно. — Я палсентолог.

— Вряд ли окаменелости на Несс сосредоточены только в окрестностях Деяпиры.

— Вы правы. Южный архипелаг, практически необитаемый, всем другим местам даст сто очков вперед. Именно там лежат мощные толщи осадочных пород, а вокруг Деяпиры горные породы сильно метаморфизованы. Впрочем, любая жизнь смертна, — философски заключил Рикард, — а значит, любая тварь оставляет в истории какой-то след. В отличие от вас, инспектор, палеонтолог никогда не останется без работы.

— Кто же ищет и собирает для вас окаменелости?

— Землекоп, — ответил Рикард с завидным спокойствием.

— Это имя? — удивился я.

— Нет, это не имя. Так я называю своего робота. Это высокоспециализированный робот. Он беспредельно трудолюбив, он может лазать по самым крутым обнажениям в любое время дня и ночи. Образцы, найденные им, я получаю

с каким-нибудь попутным судном или вертолетом. У Землекопа редкостная программа, я убил на нее несколько лет.

— А как вы с ним общаетесь?

— С помощью радио. У Землекопа своя частота. Я могу связаться с ним в любую минуту. Единственное, чего боится мой Землекоп, — это всеерные ливни. К сожалению, они только что проплились по Южному архипелагу.

— Что они из себя представляют?

— Это ураганы, идущие цепочкой — один за другим. Обычно они накатываются на архипелаг с периодичностью в семь, в восемь, иногда в пятнадцать суток. Только что остров казался зеленовато-бледным или просто бурым от каламитов, и вот он уже гол. Всеерные ливни срезают растительность как нож.

— Как быстро восстаиваются каламиты?

— К счастью, достаточно быстро. Океанские течения буквально засорены их спорами.

— Я чувствую, ваш Землекоп — дорогое создание.

— Да, он стоил мне немало. — Рикард самоуверенно улыбнулся. — Но если хочешь, чтобы вещь действовала надежно, не жалей ни денег, ни усилий. Это везде так.

— Вашего Землекопа построили на Несс?

— Да. Но это штучное, это очень дорогое производство.

— Скажите, Рикард, почему убытки, нанесенные всеерными ливнями Южному архипелагу, как правило, компенсирует Деянира?

— А кто это должен делать? — Рикард даже отложил серебряную двузубую вилку. — Земля далеко.

— Наверное, мечтаете о Большой Базе?

Рикард даже выпятил подбородок:

— Как я могу о ней не мечтать? Большая База — это единственное наше будущее. Пока ее не будет, мы будем топтаться на одном и том же месте. Мы не успеваем залатывать дыры, у нас постоянно что-нибудь рвется. Нам не хватает людей, материалов, возможностей. Чтобы отправить на Землю свои палеонтологические образцы, я вынужден выкладывать крупные суммы. Так нельзя жить долго, инспектор.

— А есть на Несс люди, которым не по душе идея Большой Базы?

— Конечно. — Рикард взглянул на меня не без иронии. — Почему же им не быть? Это даже хорошо, что есть такие люди. Это позволяет принимать более взвешенные решения.

— Чем же они мотивируют свое неприятие?

Рикард насторожился:

— Как это — чем?

— Вот я и спрашиваю...

— Воронкой, понятно. — Рикард смотрел на меня с удивлением. — На планете Несс есть феномен. Скажем так, достаточно опасный феномен. С ним связаны некоторые другие, тоже не поддающиеся толкованиям феномены. Но ведь на любой феномен можно смотреть не только как на источник опасности, но и как на чудо. «Именно как на чудо!» — передразнил он чей-то, наверное популярный на Несс, голос. — Здесь важно понять, есть ли для преобладающего большинства населения Несс разница в том, крутится Воронка под стигматовым колпаком в вечных сумерках или она так же вечно, но открыто крутится под лучами солнца Талиман? Я лично за проект Липа. Голосую за него обеими руками. Я хочу жить не ради чуда, а ради человечества. Для любителей чуда, в конце концов, можно построить действующую модель в натуральную величину.

Рикард удрученно хмыкнул:

— Правда, это уже не будет чудом.

И выругался:

— Угораздило Воронку оказаться в том единственном уголке планеты, где возможно строительство космопорта! Но я не думаю, — покачал он головой, — чтобы кто-то всерьез попытался оставить нас без Большой Базы. Чудеса чудесами, инспектор, но каждый знает, что истинных чудес только два.

— Вселенная и Человек, — улыбнулся я.

Рикард мне действительно понравился.

— Не каждый палеонтолог знает старых философов.

— Думаю, и не каждый инспектор, а? — несколько подпортил впечатление Рикард. — И о чуде я заговорил лишь по одной причине: если поставить человека в определенные обстоятельства, он сам способен на любое чудо.

— Пожалуй, — согласился я.

Рикард с любопытством рассматривал меня:

— Лин должен бояться вас.

— Инспекторов Управления, в принципе, должны бояться все.

— Но Лин должен вас бояться особенно.

— Почему?

— Потому что вы молоды, инспектор. А раз вы молоды, значит, будете рыть землю всеми копытами. Вы тут у нас весь огород перепахаете, я чувствую это. Только не забудьте, инспектор Аллофс, у перечисленных нами проблем несколько сторон, тут нельзя действовать с налету. Не стану утверждать, что вы столкнетесь с откровенной ложью или с какими-то откровенными подтасовками, но что-то такое непременно произойдет. Бывает ложь столь тонкая, что практически не отбрасывает тени. Вы поняли меня?

— Нет.

Рикард разочарованно уткнулся в свое блюдо:

— Жаль.

Мне тоже было жаль.

Я так и сказал ему.

— Мое дело проверить документацию, взглянуть на проблему со стороны, еще раз оценить преимущества предлагаемого проекта.

— Не думаю, что вы остановитесь на этом, инспектор. Не похожи вы на человека, который способен остановиться на полпути. Это не только Лин, это даже я чувствую.

— Я всего лишь контролирую качественное выполнение Положения о Космосе.

— Да знаю, знаю! — отмахнулся Рикард. — Поговорим лучше о другом.

— С удовольствием, — согласился я и предложил: — Например, о Воронке. Или о Голосе.

— Почему бы и нет? — Рикард уставился на меня с любопытством: — Вы что? Созрели?

— Почему для этого надо созреть? Существуют какие-нибудь запреты? Нам нельзя вот просто так обсуждать такие проблемы?

— Ну что вы, инспектор. У нас нет никаких запретов. В этом отношении мы на Несс почти святые. Правда, чтобы

говорить вслух о Воронке или о том же Голосе, надо набраться определенного мужества. Не говорят же у вас на Земле, в гостиной, во время светского приема о каких-нибудь запущенных мерзких болезнях.

— А вы запустили болезнь?

— Не знаю, — вздохнул Рикард.

По его глазам я видел, что он действительно не знает.

Некоторое время мы ели молча.

— Вы знаете Оргелла? — спросил я.

— Оргелл? Художник? Конечно, знаю. Очень неплохой художник. Я, правда, знаю его не как человека, а именно как художника. Одно время он подписывал свои работы псевдонимом. Кажется, Хорст. Да, Уве Хорст.

Я вздрогнул:

— Как вы сказали?

— Уве Хорст, — повторил Рикард. — Думаю, это был не самый удачный псевдоним, Оргелл сам это понял.

И заинтересовался:

— Почему вы переспрашиваете, инспектор?

— Когда-то я знал человека с таким именем. Но не здесь...
Далеко отсюда...

— Ну, это не наш Оргелл. — Рикард явно решил, что меня заинтересовало именно это имя. — Наш Оргелл родился на Несс, он никогда не покидал планету. Может, у него были еще какие-нибудь псевдонимы, не знаю. Честно говоря, я далек от искусства, инспектор. В искусстве для меня много темного. Я люблю простые вещи — четкий рельеф, внятный голос, вкусный запах. А этот Оргелл любил во все подпускать туману. Он часто писал хребет Ю. Все вроде похоже, а все равно что-то всегда не сходилось с действительностью, что-то всегда было немножко не так, как на самом деле.

— Но вы сказали, что он неплохой художник.

— Разве мои слова противоречат ранее высказанному утверждению? Любой профессионал подтвердит вам: Оргелл не просто хороший художник, он мастер. Но по мне, и я специально повторяю это, в его работах было слишком много туману.

— Он рисовал Воронку?

— Конечно. Не раз. Но тоже по-своему. Хребет Ю, он сам по себе достаточно мрачное место, а у Оргелла сквозь мрачные камни массива, сквозь толщу скал всегда что-то такое просвечивало. Некий эфирный, заточённый под землю свет. Мне трудно передать словами впечатление от картин Оргелла. Он будто утверждал, что под хребтом Ю что-то таится.

— Что?

— Откуда мне знать? — Рикард вздохнул. — Картину не перескажешь.

— А где можно увидеть работы Оргелла?

— В музее, наверно. Я давно там не был. Лет пять, не меньше.

На этот раз Рикард замолчал надолго, видимо составив первое обо мне представление. Не знаю, в мою ли пользу. Но мне Рикард определенно понравился. Мне не хотелось уходить, не выжав его максимально.

— Послушайте, Рикард. Вы действительно не считаете Воронку чудом?

На этот раз он удивился по-настоящему:

— Вы что, ни разу не заглядывали в атлас Лайта? Перелистайте, перелистайте его при случае. Там есть такая статья — «Анграм». Страниц семнадцать, не меньше. Уверяю вас, не соскучитесь, инспектор. Там много математики, но вы не соскучитесь. Анграм — это аномалия. Гравитационная. Всего лишь. Как всякая аномалия, она, конечно, редка, но не уникальна, понимаете? То, что мы тут привыкли называть Воронкой, известно еще на пяти планетах, причем на одной из них Воронка крутится в океане. Но наша, пожалуй, самая эффектная. Вы ведь еще не видели ее?

Я кивнул.

— Ну, так представьте себе гигантскую язву в скальных породах. Чудовищную, диаметром в милю, язву, в которой, как жернова, безостановочно, с никогда не меняющейся скоростью крутятся камни, песок, клубы пыли. А механизм Воронки до сих пор не объяснен. Не знаю, чем там занимаются гравитики, но что-то не видно исчерпывающих и изящных, все объясняющих теорий. Воронка оконтурена скважинами, обнесена тройным кольцом специальных станций, ее ни

на секунду не упускают из виду унифицированные зонды, а толку?

Рикард насмешливо хмыкнул:

— Был тут у нас один, все высчитывал, с какими мирами связана Воронка, если считать ее чем-то вроде направленной антенны? Оказалось, что ни с какими. На линии возможного действия антенны нет никаких интересных планетных или звездных образований. Еще один мудрец, инспектор, объявил Воронку естественным вечным двигателем. Ну и что? Возникали гипотезы и более смелые. Полистайте, полистайте атлас Лайта, не пожалеете! Там вы найдете объяснения всему. Но вот кто по-настоящему объяснит: почему и за счет чего наша Воронка работает? Вот вы, инспектор, наверное, видели за свою жизнь массу самых разных воронок, правда? На ручейке, на большой реке, наконец, в океанах, где воронки порождаются мощными течениями. Известно, что такие воронки могут существовать час, неделю, месяц. А могут существовать даже годами, даже десятилетиями. Ну и что? Кто это назовет чудом? Да никто. Конечно, Воронка на Несс не совсем обычна: она, как язва, въелась в скальный грунт, и только на глазах человека она работает уже почти три века. Возможно, она и до появления людей на Несс работала не меньше. Ну, и что из этого? Впечатляющее зрелище, не спорю, сами увидите. Но чудо, на мой взгляд, должно быть штучным. Чудо не должно иметь аналогий. А Воронка, инспектор Аллофс, это всего лишь Анграм-VI. Даже не III, даже не IV, а VI. И он давным-давно занесен в атлас Лайта. Есть ли смысл говорить о чуде?

6

*ВОРОНКА ИЛИ БОЛЬШАЯ БАЗА? ДИСКУССИЯ НЕ ЗАКОНЧЕНА.
КАКОЙ ВЕРДИКТ ВЫНЕСЕТ ИНСПЕКТОР АЛЛОФС?*

Именно так: вердикт.

Впрочем, мне было не до вердиктов.

Каждый день меня сверх всякой меры пакачивали деловой информацией — записи на пленках, информ-кристаллы, графики, расчеты, различные статистические выкладки.

Честно говоря, я обрадовался, когда Лин сообщил, что готов показать мне Воронку.

Мы только что закончили совещание с инженерами Группы перекрытий. Часть людей ушла, несколько человек окружили Лина. Их волновали последствия всеерных ливней, пронесшихся над Южным архипелагом. Не знаю почему, я вдруг вспомнил первую ночь в Деянире. Мне очень хотелось отвлечься от утомительных цифр и выкладок.

— Лин, — сказал я, устало потянувшись. — Кажется, я слышал Голос.

Наступила внезапная гнетущая тишина.

Все, кто находился в кабинете, вскинули головы и растерянно уставились на меня, будто я сморозил величайшую глупость. Или чудовищную неприличность. Джефф, проектировщик, даже покраснел. Именно Джефф спросил, заикаясь:

— Что значит — слышали? Прямо сейчас?

— Нет. Я слышал Голос две ночи назад.

Инженеры дружно встали.

Неотложные дела появились вдруг сразу у всех.

Никто уже не смотрел на меня, инженеры молча раскланивались и уходили. Через минуту в кабинете остался только Лин.

— Интересный был Голос?

Лин, как всегда, лучезарно улыбался, но на висках у него выступили капли пота. Не думаю, что ему было жарко, просто после моего сообщения ему стало не по себе. Сетка мелких морщин туго натянулась на скулах, глаза сузились.

Я неопределенно пожал плечами:

— Если вы о вопросах, Лин, то они показались мне... Ну, скажем так, несколько общими... Несколько неопределенными... В самом деле, что я могу сказать о бессмертии или вечности?

— Не надо об этом, — прервал меня Лин. — Я знаю все наборы вопросов. — Он смотрел на меня, как на мальчишку, признавшегося в предосудительных занятиях. — И еще вот что, Отти... Я не могу вас одергивать в обществе, но вправе предложить вам совет... У нас, на Несс, не принято говорить о подобных вещах вслух... Нет, нет! Никаких запретов! Но у нас созданы специальные службы здоровья, существует

даже специализированное управление. В любое время вы можете обратиться к знающим специалистам, если вас что-то тревожит... Но чтобы вот так... В обществе... Для Несс, Отти, это серьезнее, чем вы думаете...

Он помолчал, приходя в себя.

— Существует два мира, Отти, — мир света и мир теней. О втором мы почти ничего не знаем, но мы постоянно живем и в нем. При свете многое забывается, это верно, но мир теней от этого вовсе не исчезает. Занимайтесь своим делом, оставьте Голос специалистам, вот мой совет. Ваше главное дело — Большая База. Большая База и есть тот свет, перед которым отступают тени. Многое на Несс зависит сейчас и от вашего решения.

— И Голос? — усмехнулся я.

— И Голос.

7

Двухпалубный прогулочный вертолет поднимал почти сотню пассажиров.

Лин и я, мы поднялись на верхнюю палубу в специальный гостевой отсек, выдвинутый над круглым носом машины. Пока мы преодолевали длинный переход, руку мне успели пожать десятка три колонистов. «Приветствуем вас, инспектор Аллофс!», «Приятной прогулки, инспектор Аллофс!», «Вам понравится Несс, инспектор Аллофс!».

Как я и ожидал, колонисты Несс в среднем оказались мельче землян, но живее. Их голоса звучали резко и быстро, но даже взлет не притормозил их активности. Наверное, поэтому я сразу обратил внимание на одинокую женщину, устроившуюся в самом хвосте нижней палубы. В отличие от многих вполне элегантных дам, на ней был какой-то бесформенный пепельный балахон, длинные и широкие рукава которого ниспадали ниже запястий.

Ничто не мешало мне наблюдать за женщиной — переборки вертолета во многих местах оказались прозрачными.

— Взгляните, Лин, — сказал я негромко. — Мне кажется, за той женщиной следят.

Лин удивленно взглянул на меня:

— Иногда вы меня пугаете, Отти.

Но, похоже, пугала его не моя наблюдательность, а халатность спецслужб, потому что я действительно без всякого труда вычислил среди пассажиров коренастого человечка в плаще и в сандалиях, полностью поглощенного наблюдением за женщиной. Я не видел лица женщины, она стояла к нам спиной, но тайный наблюдатель был нам открыт полностью.

Чтобы не ставить Лина в псевдобное положение, я отвернулся.

Тем не менее происходящее меня интересовало.

— Это ваш человек, Лин?

— На Несс много разнообразных служб. Некоторые из них, бывает, дублируют друг друга. — Как это ни странно, но в голосе Лина прозвучало удовлетворение. — Далеко не все службы работают на меня, Отти.

Он даже подмигнул мне:

— Да и с чего вы взяли, что этот человек сыщик? Может, речь идет о любви? Может, мы имеем дело с ревнивым любовником?

Я разозлился.

К счастью, вертолет уже вышел к хребту Ю и медленно двигался вдоль безжизненных черных отрогов. Глядя на них, я невольно вспомнил ночную пляску прожекторов: наверное, где-то здесь располагался один из контрольных постов; но я ничего не видел, кроме голых, угольно-черных скал и чудовищной стены хребта, уходящей в низкую облачность.

С холодного перевала сползал вниз, в долину, белый поток тумана.

Сверху он казался ледником, но это был всего лишь туман.

Я обернулся.

Колонисты Несс интересовали меня ничуть не меньше, чем безжизненный хребет Ю.

Эти высокие голоса... Эта особая живость...

Известно, что в отдаленных колониях, не имеющих достаточно прочной связи с Землей, внутренние напряжения накапливаются достаточно быстро.

Почти триста лет вне Земли...

Не малое время...

Если вовремя не включить колонистов Несс в общее кольцо, какие-то процессы могут стать необратимыми.

Большая База...

Несс, как никакая другая планета, пуждалась в собственном крупном космопорте.

Лин, откинувшись в кресле, плотно закрыл глаза. Этим он давал мне понять, что его сейчас ничто не интересует.

Только Воронка.

Я усмехнулся.

И прислушался к голосу гида.

Язык без костей — инструмент настоящего профессионала.

Наш гид был настоящим профессионалом.

Он говорил убедительно и заинтересованно, ничуть не хуже и не менее убедительно, чем сам Лин.

Большая База — ворота в будущее... Большая База — истинное будущее... Большая База — новая активная жизнь...

Гид ничего не доказывал, он ничего не подчеркивал, просто он был глубоко убежден в правоте каждого сказанного им слова.

Не забывая поглядывать издали на подозрительного человечка в плаще и в сандалиях, я внимательно слушал гида.

Ну да, Несс — планета для людей, ее параметры превосходны.

Правда, поняли это не сразу, но в этом нет ничего необычного, в Космосе случалось и не такое. Пилоты «Зоюда-V», открывшие Несс, приняли планету за типичный сфероид Маклорена. Вращающееся тело с однородной плотностью и с одной осью симметрии, проходящей через полюса, показалось им малоперспективным. Если даже на планете Несс есть острова, решили первооткрыватели, эти острова, несомненно, заливаются чудовищными приливами.

Гид, видимо, повторял общеизвестное, его мало кто слушал.

Может, один я.

Пусть злословят, что дальние колонии поставляют Земле лишь неизвестные болезни, редкие ископаемые и непредвиденные хлопоты, привычно, но живо острил гид, на самом деле, конечно, невозможно переоценить роль таких необычных колоний, как Несс. Чем больше в Космосе таких колоний, тем больше человечество узнает о Космосе.

Пассажиры нижней палубы часто вскидывали головы, пытаясь рассмотреть меня. Только одинокая женщина на корме вертолета ни разу не обернулась в нашу сторону. Она сама выделила себя из общей компании — и своим пепельным бесформенным балахоном, и своим молчанием — и, кажется, не собиралась вливаться в общую компанию. Явно не собирался делать этого и маленький коренастый человек в плаще и в сандалиях.

А гид не умолкал.

Самый крупный остров планеты, а также хребт Ю впервые нанес на планстографическую карту некто Нестор Рей, возглавлявший вторую экспедицию на Несс.

Только этот безжизненный кусок суши, отрезанный от океана горами, отвечал всем пунктам Положения о Космосе.

Гуманизм Положения о Космосе, усмехнулся я про себя, как это ни странно, чаще всего направлен против нас самих, то есть против землян. Скажем, при любой опасности, которая обнаруживается в процессе Контакта с неизвестными ранее формами жизни, первым отступить должен именно Человек.

Мы отступаем даже перед каламитами.

Если нам необходимы гнезда, мы вьем их в самых мрачных, в самых пустынных, в самых недоступных местах.

Я услышал изумленные восклицания: вертолет вышел к Воронке.

Сразу все восклицания, все голоса и вздохи стихли.

Воронка.

Вечный двигатель.

Самый настоящий вечный двигатель.

И сейчас, и сто, и триста лет назад Воронка выглядела одинаково.

И сейчас, и сто, и триста лет назад никто не мог сказать, как и за счет чего работает Воронка.

Язва.

Чудовищная темная язва, поразившая, прогрызшая скальный склон хребта Ю. Каменный, дымящий пылью мальштрем, живая, вечно движущаяся воронка, в которой, под шлейфами сносимой ветром коричневатой пыли, безостановочно крутятся против часовой стрелки чудовищные массы камней, песка, пыли. Это движение столь стремительно, что в первый

момент замечашь лишь сверкающие концентрические круги, кстати, светящиеся ночью. Только внимательно приглядевшись, можно увидеть взлетающие над шлейфами пыли многотонные мячи обкатанных валунов, вновь проваливающиеся вниз, в бездну — на низко и мерно ревущие невидимые чудовишные жернова.

Я оторопел.

Краем глаза я еще видел Лина, даже часть нижней палубы и черноволосую женщину, прижавшуюся к прозрачному борту, но главным сейчас стало это безостановочное движение внизу, этот не умолкающий ни на секунду низкий утробный рев.

Человек, пролетающий над Воронкой, как правило, чувствует избыток интеллектуальных сил. Это открытие, конечно, сделал гид. Даже вид Воронки ни на секунду не остановил его объяснений.

Лин открыл глаза и весело подмигнул мне. Ну? — спрашивал его взгляд. — Ты ждал этого?

На фоне черного тяжелого, тонущего в облаках хребта Ю Воронка особенно поражала.

Она крутилась теперь прямо под нами.

Ее скорость гипнотизировала.

Ее рев оглушал.

На что это походит? — невольно подумал я. Может, на Большое пятно Юпитера? Да нет, вроде не совсем. У Большого пятна своя динамика, свой рисунок. Я слишком долго смотрел на Большое пятно с ледников Европы, чтобы не понимать разницы.

Поворачиваясь, я случайно перехватил взгляд женщины, прижавшейся к прозрачному борту.

Она смотрела не на Воронку, а на меня.

Правильное, даже очень правильное привлекательное лицо, но в широко раскрытых глазах угадывались надежда и пена-висть.

Я не выдержал и отвел взгляд.

Когда-то на Европе так смотрел на меня Бент С. Правда, у Бента С. были на то серьезные причины.

— А началось все с того...

Гид говорил о Воронке.

...А началось все с того, что где-то на пятидесятом году освоения Несс, на так называемой Губе, на чудовищном валу голых каменных, до блеска отшлифованных глыб, окружающих Воронку, был найден труп известного певца С. — любимца деянирской публики. Благодаря опубликованным отчетам эта история дошла до Земли.

Труп С. лежал на камнях.

Он был припорошен пылью, исцарапан, но глубоких ран на нем не обнаружили. Зато кости мертвого певца оказались во многих местах перебитыми, раздавленными. Как можно было сделать такое, эксперты тогда объяснить не смогли.

Через какое-то время преступление (если речь шла о преступлении) повторилось.

И не однажды.

Сперва на Губе был найден труп женщины (чудовищно искалеченный), потом опытного альпиниста, трижды побывавшего на самых высоких точках хребта Ю (этого альпиниста, похоже, истязали особенно долго и изощренно), наконец, геофизика, до того длительное время работавшего буквально милях в трех от Воронки.

Гипотезы, объяснявшие суть дела повышенной суицидностью погибших, отпали после первого тщательного расследования.

Эти гипотезы никак не объясняли многочисленных следов насилия.

Отпали и все гипотезы, связанные с воздействием на человеческую психику трех лун Несс. Лунатик, конечно, может добраться до Воронки и тем более свалиться в нее, но каким образом тела погибших вновь оказываются на камennom валу и как можно переломать все кости, практически не повредив наружных покровов?

Примерно в те же годы колонисты впервые познакомились с Голосом.

Ты живешь, смеешься, огорчаешься, ты встречаешься с друзьями, ты активен, оживлен, оптимистичен, тебя увлекает любимое дело, ты открыт для всех радостей жизни, но

однажды, совершенно неожиданно, вдруг открываешь в себе нечто совсем не свое: некий Голос, задающий тебе вопросы. При этом вопросы могут быть какими угодно, часто они вообще кажутся нелепыми. Ты злишься, ты ошеломлен, ты пытаешься возражать, ты испуган, но ничего не можешь поделать с Голосом. Такое состояние может тянуться день, неделю, месяц. У некоего Уиллера такое состояние наблюдалось более года без какого-либо перерыва. Впрочем, известны случаи, когда Голос исчезал после первого же вопроса и никогда больше не проявлялся.

Разумеется, появились гипотезы, увязывающие воедино Воронку и Голос.

— ...посетите Большой музей Деяниры, вы увидите там массу самых необыкновенных вещей! А инспектор Аллофс поможет нам избавиться от подозрительных чудес!

Гид задрал голову и с энтузиазмом захлопал.

Пассажиры поддержали его.

— Инспектор Аллофс поможет нам поразить Лернейскую гидру!

Снова неистовые рукоплескания.

Лернейская гидра...

Я повернулся к прозрачному борту, разглядывая мертвые склоны хребта. Я не имел права хотя бы приветственно поднять руку или хотя бы подмигнуть Лину — после слов гида это могло выглядеть как обещание.

Лернейская гидра...

Связаны как-то Голос и Воронка или нет, мне было пока все равно.

Совсем другое дело — жертвы.

Я никак не мог понять, почему гид сравнил Воронку с Лернейской гидрой.

Ах да! Геракл сумел избавиться от бессмертной головы Лернейской гидры, лишь засыпав ее грудой камней, похоронив ее под камнями. Лин, борясь с Воронкой, кажется, выбрал тот же метод.

Теперь я взглянул на Лина по-новому.

Он был невысок, раскос.

Как всегда, его плечи укрывал плащ, на ногах красовались простые сандалии.

Не знаю, какая кровь текла в жилах Лина, но, думаю, в немалой степени она была разбавлена китайской. Наверное, поэтому Лин ничем не напоминал Геракла. Он сладко улыбался, он сладко щурил узкие глаза. И все же в глазах колонистов Несс именно Лин был Гераклом, посмевающим поднять руку на чудовище.

Я вздохнул.

Возможно, что Лин прав.

Даже если Воронка — чудо, ей надо дать отдохнуть.

Если Воронка угрожает жизни людей, ей тем более надо дать отдохнуть.

Лин предлагает покрыть Воронку стиглитовым колпаком. Вполне возможно, что это самое верное решение. По крайней мере, такое решение устраивает постоянный и повышенный источник опасности, а Большая База к тому же выводит Несс в кольцо развитых миров.

Колонистам есть за что уважать Лина.

— Послушайте, Лин, — вспомнил я. — Два дня назад ночью я видел примерно в этой части хребта лучи прожекторов. Здесь что-то случилось?

Лин кивнул.

— Да, Отти, здесь искали человека. Похоже, он хотел пробраться к Воронке.

— Зачем?

— На это мог бы ответить только тот человек. К сожалению, Отти, он ушел от сотрудников охраны.

— Значит, серия загадочных смертей, о которых говорил гид, до сих пор не прервана?

Моя настойчивость, похоже, удивляла Лина.

Но он знал как ответить:

— Эти смерти, Отти, прекратятся только тогда, когда мы наглухо перекроем Воронку.

9

А вертолет уже оставил Воронку за кормой.

Перевалив через хребет, он шел к океану.

В разрывах облаков вдруг проглянуло тусклое пятно звезды Толиман, размытое атмосферными вихрями. Внизу тяну-

лись бесконечные бледно-зеленые и бурые заросли каламитов, прихотливо расцветивающие черный берег и никогда не спускающиеся к линии прибоя. На довольно приличной глубине просматривались под водой затонувшие, сметенные с берегов приливами и ураганами стволы каламитов.

«Эти смерти, Отти, прекратятся только тогда, когда мы наглухо перекроем Воронку».

Первое, что я сделал, оказавшись наконец в своем кабинете, — заказал кофе и подключился к Большому Компьютеру. Меня интересовало все связанное с гибелью людей в районе Воронки. Несомненно, я сочувствовал колонистам и отдавал должное Лину. Он мог мне не нравиться, меня могла раздражать его преувеличенная вежливость, но решение — перекрыть Воронку — Лин, кажется, нашел самое простое, самое верное.

Информация с Большого Компьютера поступила практически сразу.

Она оказалась не очень обильной, но я и не гнался за количеством.

Да, Воронка работала весьма методично, узнал я. Случались годы, когда Десянира не теряла ни одного человека, но случались и такие, когда счет жертв шел на десятки. После одного из таких пиков Воронку окружили специальными постами, но и они не всегда могли обеспечить необходимую безопасность. Складывалось впечатление, что колонистов Несс каким-то образом тянет в опасную зону против их воли. В свое время это обстоятельство было подтверждено работами комиссии доктора Глена Хюссена. Впрочем, отчет комиссии я просмотреть не мог, — почему-то этот отчет находился на хранении в одном из научных центров Земли.

Это меня удивило.

Потом мое внимание привлек случай с неким Уиллером.

Может быть, потому, что случившееся с Уиллером было описано более подробно, чем все другие подобные случаи, и (пусть и неявно) могло указывать на некую, хотя, конечно, все же спорную связь Голос—Воронка.

Уиллер, крушой специалист по приливным течениям, чуть ли не постоянно слышал Голос. К сожалению, суть вопросов, задаваемых ему, в отчете не растолковывалась: тог-

да (сто тридцать лет назад) общественное мнение склонялось к тому, что Голос — личное дело каждого конкретного услышавшего его человека и вовсе не обязательно делиться с кем-то своими личными впечатлениями. Все же было известно, что Уиллеру Голос весьма досаждал, хотя это, опять же к сожалению, не стало предметом специального анализа.

Примерно в то же время появились исследования психиатра Лики, утверждавшего, что так называемый Голос в действительности не является чьим-то голосом. Он всего лишь эхо наших собственных внутренних переживаний и размышлений. По тем материалам, что были систематизированы Лики, получалось, что пресловутый Голос способен задавать лишь самые общие вопросы. При этом Голосу абсолютно все равно, кому он задает вопросы — старику или ребенку, мужчине или женщине.

Случай с Уиллером, кстати, подтверждал кое в чем многие умозаключения Лики.

«Откуда мне знать, что такое смерть? — жаловался Уиллер друзьям. — Я и о жизни знаю немного».

Уиллер был неболтлив.

Правда, знавшие Уиллера люди утверждали, что иногда он выглядел малость чокнутым. Например, однажды Уиллер появился в Деянире у одного своего приятеля, техника З., и прямо заявил ему, что в ближайшее время в одиночку идет к Воронке.

«Зачем?» — спросил техник З.

«Хочу с нею поговорить».

«С Воронкой?»

«Ну, не с тобой же!»

«Но почему именно с Воронкой?»

Уиллер обиделся.

Но в тот же день (постов вокруг Воронки еще не было) Уиллера засекли патрульные вертолетчики. Они отчетливо видели, как Уиллер карабкался по Губе, а затем сорвался в Воронку. Они даже засняли этот печальный момент. Пленка оказалась не очень качественная, но компьютерная расшифровка подтвердила: в Воронку сорвался именно Уиллер. Спасательные работы не производились: кто и как ползет в каменный мальштрем?

А еще через день Уиллер, живой и невредимый, появился у своего приятеля.

«Удалось тебе поговорить с Воронкой?» — спросил изумленный его появлением техник З.

«С Воронкой?.. О чем это ты?..»

«Как это о чем? Вчера ты собирался пойти к Воронке!»

Уиллер ничего не помнил.

Да, он был на Губе... Ну да, он возвращается с Губы... Но при чем тут Воронка?

Странная история.

Когда я потребовал подробностей, Большой Компьютер вновь отослал меня к отчету, хранящемуся на Земле. Уиллер, кстати, был в свое время выслан на Землю. До выяснения ситуации. Судя по тому, что Уиллер на Несс уже никогда не вернулся, ситуация вряд ли прояснилась.

«За это высылают, — вспомнил я. — Тех, кто остался в живых».

Уиллер.

И Оргелл.

Я знал теперь о двух человеках, ходивших в свое время к Воронке, а затем высланных на Землю.

Я повторил требование.

Большой Компьютер еще раз подтвердил: все интересные меня отчеты хранятся на Земле.

В год Уиллера, узнал я, Воронка сняла обильную жатву.

Погиб некто Пэйдж (гидрографическая служба), Роберт Хьюм (космохимик), Ирен Б. (наладчица серийных синтезаторов).

Меня очень заинтересовало заключение одного из врачей.

«Такое можно проделать (врач говорил о характере увечий) только в том случае, если сам хочешь внимательно, со знанием дела проследить весь ужасный процесс долгого и насильственного умерщвления».

Воронку наконец окружили плотным кольцом постов, и свободный подступ к ней был прекращен.

Гораздо позже стали достоянием гласности хорошо известные сейчас «Статистические выборки» доктора Глена Хюссена. Не отрицая возможности того, что Голос в самом деле мог быть отражением наших собственных подсозна-

тельных переживаний, доктор Глен Хюссен тем не менее подчеркнул *насищенность* многих смертей. Этим самым он снова как бы связал Голос с Воронкой.

Новый интерес к Воронке вспыхнул десять лет назад после истории с Людвигом.

Опытный пилот, не раз ходивший в свое время по трассе Земля—Несс, Людвиг, выйдя в отставку, пожелал остаться на морской планете. Сюда же прибыла его единственная двадцатилетняя дочь, с которой он любил гулять по мрачным скалистым окрестностям Десяниры. Они считались уже опытными горвосходителями, когда Людвиг объявил о решении подняться на Северный пик хребта Ю.

Это сообщение не вызвало особого интереса.

Но через три дня тела Людвига и его дочери были найдены на Губе.

Осталось тайной, как они могли пройти сквозь плотное тройное кольцо контрольных постов.

Но они прошли.

Исследования криминалистов показали, что первой была убита дочь.

Ее убивали долго и необыкновенно жестоко.

Но самое страшное заключалось в том, что, судя по оставленным им следам, сам Людвиг все это время находился рядом с дочерью. Он пообедал (один), он прибрал за собой мусор, потом он, видимо, долго отдыхал, сидя лицом к Воронке. Он не мог не видеть и не слышать мучений дочери, девяносто девять процентов за то, что он *все* видел, но не сделал ничего, чтобы помочь дочери. А ведь во внутреннем кармане его куртки нашли лазерный пистолет.

После дочери пришла очередь отца.

Странные, очень странные истории.

Подумав, я затребовал дело художника Оргелла.

Ответ оказался уже знакомым: с делом Оргелла, как и с самим художником, встретиться можно только на Земле.

Отключив инфор, я задумался.

А я сам? Я еще услышу Голос? О чем он спросит меня в очередной раз? Что вообще означает звучание этого Голоса? Почему далеко не каждый, услышав Голос, начинает

собираться к Воронке? Наконец, почему в Воронке погибает не каждый? Почему, например, в ней не погиб Уиллер?

Как бы то ни было, подумал я, Лин, кажется, прав: до поры до времени Воронку лучше изолировать.

Только изолировать по-настоящему, со всех сторон.

Ну а что касается Уиллера и Оргелла, то, пользуясь полномочиями инспектора Управления, я опять подключился к Большому Компьютеру и затребовал с Земли оба дела.

10

ИНСПЕКТОР АЛЛОФС ИЗУЧАЕТ ВОРОНКУ.

КАКИМ ВИДИТСЯ БУДУЩЕЕ НЕСС ИНСПЕКТОРУ АЛЛОФСУ?

ЧЛЕН СОВЕТА ЛИН УТВЕРЖДАЕТ: ИНСПЕКТОР АЛЛОФС ОТНОСИТСЯ К ПРОБЛЕМАМ ПОНИМАЮЩЕ.

В ресторане я с удовольствием подсел к Рикарду.

— Рыба-сон? Турбо?

— Х-хочу попробовать что-то новое.

— А я пристрастен в своих привязанностях, — не без некоторого самодовольства заметил Рикард. — Это помогает сохранять чувство уверенности.

— Вы в этом нуждаетесь?

— А вы нет?

Я пожал плечами.

— Впрочем, на Несс вы всего лишь гость, — неодобрительно сказал Рикард. — Придет «Церера», и вы вернетесь на Землю. А нам оставаться.

Он взглянул на часы:

— Сегодня, к сожалению, нам не удастся поболтать, я спешу.

И уткнулся в свое блюдо.

— Скажите, Рикард, а вам не жаль прятать Воронку под стиялитовый колпак? — спросил я, разглядывая глобус, нежно светящийся под аркой. — Все-таки загадка природы... А загадку покроют стиялитовым колпаком, завалят скальными породами...

— А вам, инспектор, не жаль колонистов? — в тон мне ответил Рикард. — Они ведь люди. И в каждом человеке, как

вы, наверное, знаете, живет своя собственная загадка. Если оставить Воронку открытой, рано или поздно кто-то опять полезет через полицейские кордоны на верную смерть...

— Ладно, — усмехнулся я. — Квиты. Вы слышали о недавней попытке пройти к Воронке через посты?

— Конечно. На Несс нет секретов.

— Как вы думаете, кто это мог быть?

— Представления не имею. Но это на удивление ловкий человек, если сумел оторваться от полицейских. Впрочем, его все равно найдут. Или он объявится сам. Нельзя жить с адом в душе.

Рикард, помрачнев, взглянул на часы:

— Я не очень мягкий человек, инспектор, но я с уважением отношусь к себе подобным.

— А что будет с этим человеком, если он отыщется?

Рикард рассмеялся:

— Считайте, ему повезло. Его выплют на Землю первым рейсом «Цереры». Чтобы он не повторял подобных попыток.

И махнул рукой:

— Не будем об этом. Поговорим о сегодняшнем дне. Вы уже видели Воронку, теперь летите на Южный архипелаг. Это разумно. Вид Морского водопада смягчает самые жесткие сердца. Кстати, не прихватите ли вы на обратном пути образцы, собранные моим Землекопом?

— С удовольствием. Где он работает?

— Я дам вам координаты. — Рикард встал.

Пожимая мне руку, он закончил несколько загадочно:

— Там и поговорим.

11

Я остался один.

Художник Зоран Вулич, несомненно, был мастером, ба-
рельфы на арке привлекали внимание.

Откуда, кстати, это название — Несс?

Ну да, кентавр...

Если хорошенько поискать, то на планете, наверное, найдется немало других не менее знаменитых имен.

Скажем, Гилл.

Или Геракл.

Или Пола.

Утро человечества, прячущееся в дымке веков.

Человек, как улитка, таскает на себе собственную историю.

Чувство истории позволяет человеку сохранять уверенность.

Несс, правда, не был человеком, ведь кентавр — получеловек-полуконь. К тому же не следует думать, что кентавры были просты и незлобивы. Тот же кентавр Несс, предложив Гераклу перевезти через реку его жену Деяниру, предлагал свою помощь вовсе не бескорыстно. Если верить мифам (а история — это сплюсн мифы?), кровь играла в нем, как вино. Он, похоже, чувствовал себя уверенно. Все равно чистым безумием было покушаться на честь Деяниры в присутствии великого героя. Геракл убил кентавра Несса стрелой, пропитанной ядом Лернейской гидры. Без всякого сомнения, Нессу хватило бы и простой стрелы, но мифическая история полна подобных переборков. Умирая, поверженный Несс успел шепнуть Деянире: «Геракл бросит тебя... Геракл все равно уйдет от тебя...» И дал жестокий совет: «Вымочи в моей крови хитон Геракла... Когда наконец он захочет бросить тебя, подсунь ему этот хитон...»

И умер.

Дальнейшее хорошо известно.

Иола, дочь эхалийского царя Эврита, покорила сердце Геракла.

Влюбленный и торжествующий герой всегда опасен.

Победив в стрельбе из лука всех соперников, Геракл не стал останавливаться на достигнутом и вырезал заодно всю семью Эврита. Геракл, правда, забыл об одной малости: его жена Деянира все еще была рядом, и она не желала делить супружеское ложе с Иолой. Вспомнив совет умирающего кентавра, Деянира послала Гераклу тот самый хитон. Наброшенный Гераклом на плечи, он мгновенно прирос к его кож. Наверное, весьма неприятное ощущение, если великий герой, не выдержав мук, сам бросился в огонь.

«Сам бросился в огонь».

Я невольно повел плечом.

В человеке самой природой поставлены весьма мощные ограничители. Их не так-то легко сорвать: скажем, добровольно броситься в огонь, прыгнуть в водопад, шагнуть в Воронку...

Две тени упали на столик, и я поднял голову.

Женщину я сразу узнал: это она недавно стояла на корме прогулочного вертолета, летящего над Воронкой; и пепельный балахон был на ней тот же.

А вот мужчина меня удивил.

Плечистый, медлительный, в расстегнутой тонкой куртке, в коротких шортах и в обязательных сандалиях, он немного сутулился, наклоняя вперед голую шишковатую голову, поросшую снизу чудовищно густой бородой.

Не сразу поймешь, чего в нем было больше: бороды или голого черепа.

Я взглянул на женщину.

Она была удручающе красива.

Но слишком бледна.

И балахон висел на ней несколько неряшливо.

Я удивился: она в перчатках! Ей холодно?

И встал:

— Отто Аллофс. Инспектор.

— Зоран Вулич. Художник. — Лысый бородач наклонил голую шишковатую голову. — Мою подругу зовут Бетт Юрген.

— Я догадался.

— Как вы могли догадаться? — вспыхнула Бетт.

— По голосу.

— Но я не произнесла ни слова. — Бетт перевела бесполезный взгляд на Вулича.

Я пожал плечами.

— Почему меня вычеркнули из списка, инспектор? — Похоже, Бетт Юрген не умела кривить душой. — Мне необходимо переговорить с вами.

— У меня очень мало времени, — сухо объяснил я. — И вообще, на Несс я занимаюсь достаточно узкой проблемой.

Красивое лицо Бетт Юрген перекосило от ненависти.

— «Узкой проблемой»! — задохнулась она. И возмущенно выдохнула: — Ваш Лин дальновиден, как крыса!

В этот момент я действительно не завидовал Лину.

Бетт Юрген всего было природой отпущено сверх меры — и красоты, и ненависти, и обаяния, и издевки. Даже бесформенный пепельный балахон ничуть ее не портил. Вот только перчатки...

— Вам холодно? — спросил я.

— Нет, — резко ответила Бетт и спрятала руки за спину.

С непонятной мне ненавистью она всматривалась в меня, оценивала каждый мой жест. Потом чуть ли не через силу выдохнула:

— Почему *вы*?

— Не понимаю.

— Почему *вы*? — повторила с тоской Бетт Юрген. — Воронка существует много веков. Она существовала до вас, до меня, до этой крысы Лина. Она существовала еще до того, как на Несс высадился Нестор Рей. Может быть, Воронка существует миллионы лет. Почему же Лин так уверенно говорит: «Воронки больше не будет». А потом прилетаете вы? Я много слышала о вашем мерзком Управлении, но какое дело Управлению до планеты Несс?

— Колонию Несс основали земляне, — сухо напомнил я. — Несс — неплохое место, готов это признать, но на Несс, как на многих других планетах, время от времени возникают вполне реальные проблемы.

— Зоран, — беспомощно протянула Бетт, — почему они все такие? — Ее голос вновь наполнился гневом. — Зоран, почему они всегда готовы лететь туда, где обнаруживается хотя бы слабый намек на чудо? Зоран, почему они весь мир считают своим? Они же поденки, а Космос бесконечен. Они же всего поденки. Они живут так мало, что не успевают осмыслить даже собственную жизнь. Почему же, Зоран, они считают Космос своим?

— У нас есть некоторое право на это, — сухо возразил я, понимая, что Вулч, привычный к эскападам своей подруги, вряд ли придет мне на помощь.

— Право?! — Бетт Юрген задохнулась от возмущения. — Вы таскаетесь из одной галактики в другую в своих тесных

смердящих ящиках, и все, к чему вы прикасаетесь, приобретает вкус обыденности и скуки!

Вулич успокаивающе положил свою лапищу на тонкую руку Бетт, обтянутую перчаткой.

— Земля далеко, — вздохнул я. — Жаль, что наши корабли кажутся вам и тесными, и смердящими. К сожалению, других у нас пока нет. Но когда-нибудь, Бетт, мы непременно поставим себе на службу что-нибудь более эстетичное.

— Но зачем? — спросила она все с тем же отчаянием. — Зачем вам все это?

— Затем, что одни долго учились этому делу, — сухо объяснил я. — Затем, что другие с детства мечтали увидеть другие миры. Затем, что третьи искренне желают приумножить богатство и силу Земли.

И сам спросил:

— Разве вам не хочется того же? Вы вот лично, когда вы в последний раз были на Земле?

— На Земле? — Бетт посмотрела на меня с отвращением. — Я никогда не была на Земле.

— Как? Совсем? — опешил я.

— Я родилась на Несс. — Впервые за все время беседы на бледном лице Бетт Юрген проскользнула слабая тень улыбки. — Несс — моя планета. Мне здесь нравится. Что мне делать на Земле?

— Но вы же не хотите, чтобы о планете Несс забыли? Вы ведь не хотите, чтобы планета Несс затерялась где-то на забытой богом обочине?

— «На обочине»! — Бетт презрительно усмехнулась. — Обочины тоже бывают разные. Есть, например, такие прекрасные обочины, куда каждый норовит свернуть. Хорошо бы вам забыть про их существование. — Бетт Юрген обвела взглядом пустой зал и твердо закончила: — Нам все-таки надо поговорить, инспектор.

Я сдался.

— Завтра, — сказал я. — Вечером после одиннадцати. Надеюсь, вас не смущает время?

И объяснил:

— Я освобождаюсь только после одиннадцати.

— Завтра?.. — Бетт непонимающе уставилась на меня. Потом что-то дошло до нее, и ее глаза помрачнели: — Ладно, пусть будет завтра... Может, это лучше, чем никогда...

И, кивнув, она пошла к выходу, удивительно прямая и легкая даже в своем бесформенном балахоне.

12

— Вы щедро наделены некоей положительной фундаментальностью, Отти. Это хорошо.

Лин улыбался.

Он был доволен.

Он сделал все, чтобы я под завязку был набит цифрами, схемами, графиками, расчетами.

— Уверен, со временем из вас выйдет самый высококлассный специалист, Отти.

— Выйдет? — удивился я. — Мне не хватает класса?

— Я имею в виду обаяние. Я хорошо чувствую подобные вещи.

Лин льстил грубовато, но верно.

— Времени, Отти, у нас немного, но ты справишься. «Церера» подойдет через неделю, ты заберешь с собой готовый отчет. А года через три мы официально пригласим тебя на открытие нового космопорта. Естественно, за наш счет и не по приказу Управления.

— Спасибо, — хмуро кивнул я.

— Послезавтра, Отти, я отправлю тебя на Южный архипелаг. Нельзя уносить в памяти только Воронку...

Он устало откинулся на высокую спинку кресла:

— Потом я сам прилечу за тобой. Признаюсь, я люблю бывать на Южном архипелаге.

Он вдруг удивленно приподнял брови:

— Скажи, Отти, почему ты еще ни разу не прогулялся по Деянире?

— У меня не было на это времени.

— Да, действительно. — Он рассмеялся. — Но сегодня время у тебя есть. До десяти часов ты свободен. Это нам всем на руку, — загадочно произнес он. — Можешь заниматься, чем хочешь.

Жаль, он не сообщил этого раньше, я мог бы перенести встречу с Бетт Юрген на сегодня. Вслух я спросил:

— Где находится музей?

— Отличная идея, Отти, — одобрил Лин мое предполагаемое решение. — Если пойдешь прямо по центральной аллее, упрешься прямо в музей.

Я промолчал.

— Что-нибудь еще, Отти?

— Послушайте, Лин, почему художник Оргелл был выслан на Землю под присмотром полицейского?

— С чего ты взял, Отти, что под присмотром? — Лин здорово удивился. — Когда ты наслушался такого? Они улетели на Землю вместе, но всего лишь как равноправные участники одного события.

— Вот как?

— Да, Отти. Этот Оргелл дважды пытался пройти к Воронке, а мы никогда не одобряли действия самоубийц. — Глаза Лина вспыхнули. — Закрыв Воронку, мы вернем Оргеллу родину. Родившиеся на Несс, как правило, тяжело переживают разлуку с планетой. Дай бог, скоро всем будет гарантирована безопасность.

«Скоро всем будет гарантирована безопасность».

Неплохо сказано.

Но я помнил и другие слова: «На Несс есть люди, не разделяющие взглядов членов Совета».

О чем так хочет поговорить со мной Бетт Юрген?

«На Несс есть люди, не разделяющие взглядов членов Совета».

Исторопливо бредя под голыми каламитами, почти не дающими тени, я недоумевал: кто вообще эти люди? И этот Оргелл? И Бетт? И ее спутник? Чего они от меня хотят?

Востер раскачивал ветви каламитов, они деревянно постукивали друг о друга. Лин не соврал: двигаясь по центральной аллее, я буквально уперся в мощную колоннаду высокого здания.

Прихрамывающий старик, морщинистый, благодушный, выступил мне навстречу:

— Я уж было подумал, что вы пройдете мимо, инспектор.

— А так бывает?

— Сейчас не лучшее время для искусства, — вздохнул старик, враз теряя все свое благодушие. — Так говорят всегда, но сейчас, правда, не лучшее время для искусства. Большинство людей все еще на островах. Деянира пуста, инспектор.

— Вы меня знаете?

— Конечно. — Старик благодушно махнул рукой. — На Несс все вас знают. Входите. У нас есть на что поглядеть.

Я вошел.

Я не хотел, чтобы старик последовал за мной, и он это понял.

Анфилада просторных, умело освещенных комнат.

Именно комнат, не залов.

Я сразу почувствовал себя почти как дома.

Несторопливо я шел мимо суровых пейзажей с каламитами и без, мимо мирно фосфоресцирующих марин, освещенных двумя, а то и тремя лунами; за стеклом стеллажей таинственно поблескивали незнакомые минералы и загадочные изделия из горного стекла.

Потом я остановился у темного аквариума.

Наверное, в нем никто не живет, подумал я. И вздрогнул.

Из темной воды надвигалась, наваливалась на меня круглая темная тень, напоминающая расплющенное человеческое лицо. Нас разделяли буквально какие-то сантиметры.

Я поспешил.

Рикард был прав — на блюде рыба-сон выглядела гораздо привлекательнее.

В одной из комнат я увидел обломок стабилизатора с космолета «Зонд-V». Кажется, на нем летал легендарный Нестор Рей.

Я усмехнулся.

Во времена Нестора Рея наши «ящики» были гораздо более тесными и смердящими, чем могла представить себе Бетт Юрген, но Нестор Рей и его спутники сумели добраться до звезды Толиман.

В портретной галерее я неожиданно наткнулся на портрет Уиллера.

Гладкая прическа, недовольное желчное лицо. Характер у Уиллера, судя по портрету, был несладкий. Такие же неприятные, колючие глаза. Я даже засомневался, тот ли это

Уиллер? Поддастся ли такой человек какому-то там Голосу? Но нет, подпись подтверждала: *специалист по приливным течениям Уиллер*. Без всяких инициалов; возможно, тогда так было принято. Уиллер, оказывается, прославился хитрой сеткой, позволяющей с большой точностью высчитывать высоту приливов.

Я покачал головой.

Уиллера давно нет. И умер он не на Несс, а далеко от нее. Совсем на другой планете. Просто музеи не знают времени.

Один из просторных залов (на этот раз действительно залов) был целиком посвящен моделям Воронки.

Грубо говоря, это был, наверное, самый большой в мире музей вечных двигателей. Теоретически, конечно, вечных. Ни одна из моделей подолгу не работала. Я не стал терять на них время. Если механизм анграва за три века не был понят специалистами, что мне тут было делать?

Зато меня заинтересовало другое.

На темном фоне стены отчетливо вырисовывалось большое четырехугольное пятно, часть которого сейчас занимала таблица со сложными расчетами. Но раньше на этом месте висело что-то другое. Может, картина больших размеров. Художник Оргелл, вспомнил я, не раз рисовал Воронку... Как сказал Рикард: «По-моему, он только этим и занимался...» Может, тут висела какая-то его работа? «Он только этим и занимался...» Странно. Ему разрешали писать с натуры? Или он писал по памяти? И откуда Оргелл выкопал свой необычный псевдоним — Уве Хорст?.. Разве бывают такие совпадения?..

Я шел мимо пестрых карт, картин, таблиц, мимо буровых колонок.

Иногда взгляд вырывал из этого месива какое-то имя или строку из текста.

Я видел снежную бурю на голом каменном перевале Хадж, видел апокалиптическую картину веерных ливней, видел, наконец, Черное течение. Раз в несколько лет теплые воды моря Лингворт прорываются к холодным каменным островам Арктос. На протяжении многих миль в океане Несс начинает погибать планктон и рыба, вся вода становится мутной. Концентрация образующегося сероводорода такова, что днища судов,

курсирующих вдоль цепи островов Арктос, окисляются и чернеют.

В том же зале я увидел сразу покорившую меня марину кисти некоего Парка: стоящие друг над другом невесомые пирамиды белых кучных облаков и низкое закатное море над ними.

Ничего, кроме облаков и моря.

Первозданность.

Но, как это ни странно, работ художника Оргелла я не нашел.

— У вас, наверное, богатые запасники? — спросил я старика служителя, терпеливо дождавшегося меня на выходе.

— Конечно. Нам просто не хватает средств и рабочих рук, чтобы расширить музей вдвое.

Я пропустил жалобу мимо ушей.

— А что хранится у вас в запасниках?

— Ну, там много интересного. Там действительно много интересного. Скажем, работы Парка. Это был поистине великий пейзажист. Кстати, часть его работ находится на Земле.

— А Оргелл?

— А-а-а, Оргелл... — Старик выразительно развел руками. — Если вы большой поклонник Оргелла, инспектор, то вам повезло — все работы Оргелла давным-давно раскуплены коллекционерами, причем большая часть находится как раз на Земле. Я же говорю: нам не хватает средств.

— Но какие-то работы Оргелла у вас остались?

— Практически ничего.

— Что значит «практически»?

Служитель замаялся.

— Наброски, этюды... Все больше из ранних работ... — наконец объяснил он. — А ранние работы Оргелла, инспектор, это совсем другой мир, робкий и наивный. Он и подписывался тогда иначе. Может, вы слышали? Уве Хорст. Но работы Уве Хорста, инспектор, это еще не работы Оргелла.

— Неужели на Несс вообще не осталось зрелых работ этого художника?

— Ну, почему? Остались, наверное... — Старик посмотрел на меня растерянно и даже отступил на шаг. — Обрати-

тесь в Совет, вам подскажут... Кстати, — обрадовался старик, — вы можете поговорить с Лином.

— Действительно, — хмыкнул я.

И, уходя, был уверен: благодушный старик служитель непременно сообщит о нашей беседе Лину.

13

Я ждал Бетт Юрген весь вечер.

Сокращая время ожидания, просмотрел грудку документов, с головой ушел в мир цифр и схем. Со всех точек зрения проект Большой Базы выглядел убедительным. В нем было даже некое величие: ведь будущий космопорт будет стоять прямо на Воронке. Таким образом исчезнет опасность, постоянно грозящая колонистам Несс: никто больше не пойдет к Воронке, поскольку она будет прочно упрятана под стиа-литовый колпак.

Иногда я подходил к потемневшему окну.

О чем собирается говорить со мной Бетт? Почему я ни разу больше не слышал Голоса? Он еще вернется или я оказался ему совершенно бесперспективным собеседником?

Я ждал.

Где-то к полуночи меня обещали связать с Землей, ложиться уже не имело смысла. Я листал бумаги, думал о своем, но, в сущности, испытывал жалость к Бетт Юрген.

Ее неистовство выдавало ее отчаяние.

Человек, как правило, сам вызывает на себя напасти. Сегодня ты не помог кому-то, оттолкнул кого-то — завтра сам получаешь заслуженное. Правда, я не знал, относится ли это правило к Бетт Юрген?

Ночь выдалась абсолютно беззвездная, я не видел за окном очертаний хребта Ю и ни разу не видел прожекторов.

Ночь.

И тьма.

Я думал о художнике Оргелле.

Я думал о хмуром, явно недюдимом Уиллере.

Я думал о тех многочисленных колонистах, которых коснулись несчастья, возможно как-то связанные с Голосом и с Воронкой. Почему эти люди всеми правдами и неправдами

пытаются пробраться к Воронке? Они ведь знают, что это смертельно опасно. Их может подстрелить в темноте неопытный полицейский, в горах легко сломать ногу, легко можно свалиться с Губы. Неужели они никогда не видели снимки трупов, найденных в районе Воронки?

Я, например, такие снимки видел. Мне показал их Лин. И, следует признать, эти снимки впечатляли. А Голос?.. Ну что Голос?.. Голос слышат только те, кому выпало несчастье его услышать?.. Правда, таких много... Я никак не мог понять, что должно произойти с человеком, чтобы он, бросив все, сам двинулся к Воронке — навстречу своей страшной и верной гибели?

Я усмехнулся.

Может, Голос — это что-то вроде хитона, пропитанного кровью кентавра Несса?

Слишком красиво, покачал я головой.

Хотя почему бы и нет? Почему не сравнить Воронку с хитоном, пропитанным кровью кентавра Несса? Чудовищный хитон брошен на часть планеты, и любой человек, познавший муки Голоса, сам бросается в Воронку, как Геракл бросился в огонь.

Лин прав, покачал я головой.

Будущий космопорт — это не только выход планеты Несс в Далекий Космос, не только ее связь с другими мирами, тесная, по-настоящему падежная, необходимая связь, но это еще и надежная защита от неизвестного. Попробуй пробейся в Воронку, если она отгорожена от тебя трехсотметровой каменной подушкой и мощным стиалитовым кошаком!

Что хочет рассказать Бетт Юрген?

Я терпеливо ждал.

Время шло, хребет Ю окончательно растворился во тьме.

Я стоял у окна и думал: никогда нельзя откладывать встречи. Особенно не назначенные специально. Мне, наверное, следовало поговорить с Бетт Юрген прямо при первой встрече.

Поздние сожаления.

На городской площади пробили часы.

Полночь.

Ложиться?

Какой смысл?

В любой момент мог заработать инфор.

Стоять у окна?

Тоже беспо.

Я включил канал С и сразу все понял.

Бетт Юрген не смогла прийти ко мне, но я ее увидел.

На экране инфора Бетт Юрген неторопливо прогуливалась по центральной аллее под голыми, почти не дающими тени каламитами. На ней было короткое, очень откровенное платье. Бетт Юрген обезоруживающе улыбалась. Никакого надрыва, никаких пепельных балахонов. Просто красивая женщина. Даже очень красивая женщина. Она кому-то помахала рукой.

Наверное, давняя съемка, подумал я. И удивился, увидев рабочие титры.

Оказывается, такой живой, уверенной, легкой, полной сил, даже счастья, Бетт Юрген выглядела всего три месяца назад.

Неужели за три месяца человек может так измениться?

А почему нет? — сказал я себе. Вспомни Бенга С. Гляциолога изменили не месяцы, а часы.

Но нет, об этом не надо...

Над вдруг застывшим изображением Бетт вспыхнула, пульсируя, кровавая литера «Т» — знак опасности и особого внимания.

Бетт Юрген, бывший синоптик с Южного архипелага, подозревалась в том, что двое суток назад она пыталась тайно пройти к Воронке.

Сообщение было передано спокойно, без намека на истерику.

Бетт Юрген ни в чем не обвиняли.

Просто она пыталась пройти к Воронке, но посты заграждения помешали ей, и Бетт Юрген исчезла. Теперь Бетт Юрген просили срочно обратиться в Совет, в полицию, в любое общественное Управление.

Воронка...

Теперь мне стало ясно, почему Бетт Юрген надевала бесформенный балахон, натягивала на руки перчатки. Наверное, прятала синяки, полученные в скалах на подходе к Воронке. В ту ночь, вспомнил я, когда Бетт Юрген пыталась

пройти к Ворожке, прожектора над хребтом Ю буквально сходили с ума.

Что сделают с Бетт Юрген, когда она появится в Совете или в полиции? Вышлют на Землю? Она будет наказана? Она получит какое-то лечение?

Я не успел это додумать — включился рабочий инфор.
Я нехотя взглянул на экран.

14

Я увидел сад.

Самый настоящий яблоневый сад.

Он был в цвету, весь как в розовой и в белой пене.

По саду, легко ступая по плоским камням, лукаво помаргивая бледными ресничками, хитро похихикивая, шел крепкий легонький старичок. Не знаю, сколько ему было лет, но держался старичок хорошо, и щеки у него были на диво румяные. Двое мужчин, следовавшие за ним, явно представляли какую-то официальную организацию. С близкими людьми старичок держался бы иначе.

Ничего желчного во взгляде, старичок выглядел веселым и раскованным — пребывание на Земле явно пошло ему на пользу.

Это Уиллер?

Он жив?

Запись, наверное, сделана много лет назад, подумал я и взглянул на титры.

Да, довольно давняя запись.

Но при всем этом, в день съемки старичку Уиллеру стукнуло ни много ни мало сто шестьдесят три года! Почтенный возраст даже для Земли, а он прыгал себе по каменикам, хихикал над спутниками, и щеки у него пылали как фонари.

Возможно ли такое?

Я обратился к официальному комментарию.

Сидней Уиллер.

Специалист по приливным течениям.

Автор известных «Сеток Уиллера» (сто девять выпусков).

Долгое время жил и работал на планете Несс. Последнее постоянное место жительства — планета Земля.

Это тот Уиллер? — удивился я.

Тот, тот.

Ошибки быть не могло.

Все данные о любом конкретном человеке вносятся в Большой Компьютер. Ты можешь жить где угодно, работать под какими угодно именами, но тебя в любой момент могут идентифицировать, если, разумеется, в этом возникнет разумная необходимость.

Никаких проблем.

Передо мной по яблоневому саду гулял именно Сидней Уиллер, и в день съемки ему действительно стукнуло сто шестьдесят три года. Судя по комментарию, он и сегодня мог быть жив. По крайней мере, в комментарии не было ничего, что могло бы подтвердить факт его смерти.

Он что, бессмертный?

Я включил звук.

Вопрос: Беспокоит вас Голос? Мы имеем в виду — здесь, на Земле?

Уиллер: Знать о нем не хочу! *(Со старческой значительностью)*: Никогда не слушайте чужих голосов.

Вопрос: Это был чужой Голос?

Уиллер *(задиристо)*: А вы меня не сбивайте. Мне падое-ло. Он меня прямо преследовал.

Вопрос: Голос?

Уиллер: А то! О нем ведь речь. Смотришь в окно, видишь дерево, а в голове: что это? Да дерево, скажешь себе. О чем тут спрашивать? Дерево, дерево! Всего только дерево. А как понять — дерево? А как хочешь, так и понимай. Я человек резкий. Живешь как придурок. Всегда одно и то же в голове — что это, да зачем это, да почему это? А откуда мне знать? Я не энциклопедия! *(Грозит пальцем)*: Я сразу понял, что со мной что-то не то. Я весь пожелтел из-за этого Голоса. Тогда и решил: плюну на все и пойду к Воронке.

Вопрос: Вы дошли до нее?

Уиллер: А как же! Я всегда был крепкий. *(Хихикает)*: Я и сейчас крепкий.

Вопрос: Что вы делали на Губе?

Уиллер (моргает белесыми ресничками, кажется, хитрит): А вы что, ничего такого не слышали?.. Об этом, похожему, говорили... И вообще... Я подлечился на Земле... Вы это хотите узнать?..

Вопрос: Вы шли к Воронке с желанием самому задать ей какие-то вопросы?

Уиллер (со старческой убежденностью): Уж я бы ей задал, уж я бы ее переговорил! Я бы уж заставил ее заткнуться! А может, просто не стал бы ее слушать. Я бы сам начал тыкать пальцем вокруг: а это что, а это зачем, а зачем камни? и зачем плывут облака? и почему я хромаю? Я бы нашел, что у нее спросить. Эта Воронка сбегала бы у меня с Несс!

Вопрос: Вы считаете, что Воронка может менять свое положение в пространстве?

Уиллер (недовольно): Ну что я, чокнулся? Может, она просто как передатчик? А? Бубнит и бубнит на нашей волне?

Вопрос: О чем вас спрашивал Голос? Это были сложные вопросы?

Уиллер (беспокойно): Кому как... Мне, может, сложнее и не надо... Бубнит себе и бубнит...

Конец записи.

Даже внимательно прослушав комментарий во второй раз, я так и не понял, побывал ли Уиллер в самой Воронке? Вертолетчики действительно зафиксировали падение человека в Воронку, и расшифровка компьютера подтвердила это. Но каким образом Уиллер мог выбраться из Воронки? Каким образом он мог подняться по каменным вертикальным стенам? Почему его не перетерло в пыль в самой Воронке? Почему, наконец, Уиллер ничего не помнит из того, что могло происходить с ним в Воронке? Он же прекрасно помнит, как решился пойти к Воронке, он помнит, что взобрался на Губу, но ничего почему-то не помнит о том, что могло с ним происходить в Воронке.

Мне это казалось странным.

Уиллер, например, прекрасно помнил возвращение в Деяниру. *«Тюже вит так, как сейчас, по камушкам, по камушкам!»* Он до сих пор возмущался высылкой на Землю: *«Что я такого совершил? Подумаешь, у меня память отшибло».*

Но при этом явно лукавил: *«На Земле вовсе не плохо»*. — *«А как вы себя сейчас чувствуете, Уиллер?»* — *«Я же говорю — на Земле неплохо. Вот только надоели врачи. Я от них все время бегая. Заберусь от них в горы и живу там тихо год-другой. Пока и там не отыщут»*.

«А те вопросы, которые вам задавал Голос? Какой из вопросов понравился вам меньше всего?»

Уиллер как-то даже гнусовато хихикнул, его живые мышинные глазки зажглись.

— Помните басню про человека, который все искал правду? — спросил он. — Этому человеку все казалось, что правда недалеко, что она где-то рядом. Вот только отойди за тот угол или заверни вон в тот переулочек, как обязательно наткнешься на правду. Ну не придурок? — хихикнул Уиллер. — Так и бродил по переулочкам, забирался все дальше и дальше, забирался в совсем уж плохие места, знаете, даже на Земле есть такие. Вот там правдолюбца и встретили однажды. Трое. Вышли навстречу, закатали рукава: ну, привет, дескать, это ты ищешь правду?

Вопрос: Как понимать вашу притчу?

Уиллер (лукаво): Вот я и спрашиваю, как понимать ваши вопросы?

Он оказался долгожителем, этот Сидней Уиллер.

Жизнь на Земле?

Без проблем. Правда, он предпочитает жить подальше от центров. Любит горы, одиночество. С давних пор увлекся садоводством. А память, связанная со случившимся на планете Несс, у него выборочна. Будто специально вырезаны какие-то куски.

Год смерти?

Год смерти Уиллера нигде не был указан.

Если инспектор Аллофс настаивает, сообщил мне диспетчер связи, мы можем передать на Землю еще один запрос.

Инспектор Аллофс настаивал.

В конце концов, решил я, Совет не разорится, а внести ясность в вопрос необходимо. Ведь я видел перед собой

человека, который, судя по многим свидетельствам, побывал в Воронке и вернулся из нее.

Понятно, это было невозможно, и я хотел выяснить, на каком этапе во все это дело вмешалась какая-то путапица.

А еще я хотел знать, где, когда и при каких обстоятельствах окончательно оборвался жизненный путь старого лужавого специалиста по приливным течениям, оставившего на Несс неплохую память по себе.

Запрос приняли.

Я вздохнул и включил вторую полученную с Земли запись.

15

На всех снимках художник Оргелл оказался человеком весьма заметным.

Во-первых, рост: полицейский Берг Д., снятый рядом с художником, был ниже на голову.

Во-вторых, Оргелл знал себе цену и держался соответственно.

И наконец, он нисколько не походил на человека, которого можно легко выставить с планеты.

Однако же он был выставлен с планеты Несс и на Землю летел в сопровождении полицейского.

Так вместе они и прошли перед камерой: Оргелл снисходительно, полицейский Берг Д. со смущенной улыбкой, потом дружно уселись в плетеные кресла, вынесенные для них на террасу какой-то живописной усадьбы.

Вопрос: Оргелл, чем вы занимались на Несс?

Оргелл: Писал Воронку.

Вопрос: Писали Воронку? Именно Воронку? Такая специализация возможна?

Оргелл (снисходительно): А почему нет?

Вопрос: Вас не интересовали другие темы? Пейзаж, например, или натюрморт, или, скажем, обнаженная натура.

Оргелл: Когда-то я занимался этим. Давно и, боюсь, не совсем удачно. Мне просто разонравилось писать то, что постоянно маячит перед глазами.

Вопрос: Как вас понять?

Оргелл: Очень просто. Меня интересует будущее. Я пишу будущее. Я пытаюсь передать ощущение от того, что нас может ожидать в будущем.

Наконец я увидел несколько работ Оргелла.

На первый взгляд, все они были похожи. Может, потому, что их объединял один мотив — хребет Ю.

Чудовищная голая громада, еще более впечатляющая, чем наяву.

И свет.

Станный рассеянный свет, некое эфирное сияние, пронизывающее мрачную каменную толщину хребта.

Вопрос: Разве это Воронка?

Оргелл (снисходительно): В некотором смысле, да. Писать Воронку так, как мы обычно пишем дерево или небо, совсем ни к чему. Да у нас и не очень-то доберешься до Воронки, правда, Берти?

Полицейский удрученно кивнул.

Наверняка полицейский помнил больше, чем Оргелл.

Это его и удручало.

Оргелл: Если говорить всерьез, натура никогда меня не интересовала. Если я и даю очертания хребта Ю, то скорее по привычке. Я мог бы обойтись и без всяких очертаний. Фон может быть любым. В конце концов, хребет Ю выглядит таким, каким он выглядит, только для нас с вами, и только сегодня. А меня интересует вид хребта Ю во все времена. Он интересует меня во времени. Понимаете? Живущий. Изменяющийся. Для меня вообще важнее всего и главнее всего именно это ощущение изменяющегося мира. Возможного мира, если такое утверждение имеет смысл.

Вопрос: Пожалуйста, разъясните подробнее.

Оргелл (чуть раздраженно): Любая вещь, даже самая бездарная, оставляет в человеке определенное ощущение. Это, как правило, ощущение прошлого. Вот вы смотрите на портрет женщины. На портрете женщина прекрасна. В то же

время она стоит рядом с вами. Реально ей гораздо больше лет, чем на портрете, ее красота давно увяла. Вы любуетесь не самой женщиной, а ее портретом, то есть вы любуетесь уже ушедшим. Но в то же время вы вполне можете проводить взглядом другую женщину — юную, цветущую. Вот это я и называю ощущением настоящего, текущего. И лишь совершенно особое сознание, не обязательно художника, может уловить ощущение будущего, ощущение того, что еще не случилось. Скажем, я вполне могу написать женщину, которую еще не встретил, заметьте, реальную женщину! И вполне могу написать мир, который еще не случился...

Вопрос: Это возможно?

Оргелл: А почему нет? Течение времени прихотливо. В душиной пустой оранжерее можно уловить аромат будущего, еще не проклюнувшегося цветка. Не случившееся всегда рядом с нами. Если ты его предугадываешь, нет проблем его написать?..

«Спасибо, Оргелл».

Я вздохнул: не очень богато.

Как и Уиллер, художник Оргелл прекрасно помнил все, что с ним происходило на Губе, и все, что с ним происходило позже. Но того, что с ним происходило в Воронке, он не помнил.

Больше, чем Оргелл, меня заинтересовал полицейский.

В отличие от художника Оргелла, полицейский Берт Д. помнил все, что ему пришлось увидеть и услышать. Он дежурил во внутренней полосе оцепления и сам непосредственно участвовал в операции. Жаль, беседовали с Бертом Д. наедине. Было бы любопытно увидеть реакцию Оргелла на слова полицейского.

Вопрос: Вы видели все сами?

Берт Д.: Конечно, сам. Я все видел сам.

Говорил он глуховато, но точно.

У него был цепкий взгляд.

Я будто сам увидел сумерки над Воронкой, размеренно перетирающей все, что в нее попадало. Слабое сияние чуть вы-

свечивало поверхность Губы. Время от времени луч прожектора заставлял вспыхивать клубы пыли. Праздничные радужные отсветы ложились на отполированную поверхность Губы.

Первым ползущего между камней человека заметил именно Берт Д.

Ползущий между камней человек был крупный, прятаться ему было нелегко, иногда открытое пространство он преодолевал прыжком или короткой перебежкой.

Дав сигнал папарникам, Берт Д. легко нагнал неизвестного.

Они сцепились.

Но втроем полицейские, конечно, справились с Оргеллом и доставили его на таможеню, как они в шутку называли свой пост, расположенный метрах в трехстах от Губы. Я художник, высокомерно заявил Оргелл в таможене. Я пишу будущее, вы не вправе мне препятствовать.

Но манера Оргелла выражать свои мысли не понравилась полицейским.

«У вас есть разрешение на посещение Воронки в ночное время? Ах нет! Ну, тогда какие споры!»

«А разве мы все не должны внимательно вглядываться в то, что может пугать или отталкивать людей? — разразился бранью художник. — Разве это не является нашим долгом?»

«Удивительно, но вы правы, — сказал Оргеллу Берт Д. — Только мы, полицейские, выполняем свой долг не тайком, как вы, а открыто. Что, кстати, вы собирались делать на Губе? У вас есть с собой карандаши, краски? Ах, вы не нуждаетесь ни в карандашах, ни в красках, вы пишете просто по памяти, вам просто нужно увидеть объект! Отлично. И звучит убедительно. Только почему, черт вас возьми, вы идете к Воронке ночью и без разрешения? Ах, вы не нуждаетесь в разрешении? Извините, но это ошибка. Ошибка с вашей стороны. И не надо нам говорить, что в полиции служат одни ослы. Мы вполне приличные люди. Мы защищаем таких, как вы, от вас же самих».

На этом вопрос (предварительный, разумеется) был закончен.

Утром в Деяниру отправлялся колесный патруль, до утра Оргелла оставили в служебной пристройке, где он сразу

завалился спать. Беготня по каменным россыпям — дело утомительное, объяснил Берт Д.

А хватились Оргелла лишь под утро.

Койка оказалась пустой, окно высажено.

К чести полицейских, они практически не потеряли ни минуты. Берт Д. и два его напарника тут же вышли к Губе, а в воздух немедленно поднялись дежурные вертолеты.

Полицейские увидели Оргелла уже на Губе.

Оргелл бежал по выпуклой отшлифованной, как зеркало, поверхности скалы, скользя, оступаясь, но все же сохраняя равновесие. На оклики он не отвечал. Он просто бежал, будто намеревался обогнуть Воронку по большому кругу.

Было уже светло, очень душно.

Полицейские видели каждое движение сумасшедшего художника.

Но еще лучше сверху видели его вертолетчики. Они засняли каждый его шаг и, разумеется, падение в Воронку.

Вопрос: Вы все это видели сами?

Берт Д.: Да.

Вопрос: Поднявшись на Губу и установив, что Оргелла на ней уже действительно нет, вы вернулись в таможню?

Берт Д.: Нет. По радио нам приказали покинуть Губу и занять под ней удобные наблюдательные позиции. Нам приказали внимательно следить за происходящим. Обычно ничего там не происходит, все остается таким же, каким и было, но приказ есть приказ. Я залег на плоском высоком камне метрах в сорока от Губы и видел всю ее поверхность и гладкий край, обрывающийся в Воронку. Очень хорошо видел. (*Смущенно*): У меня хорошее зрение.

Вопрос: Вы чего-то ждали?

Берт Д. (пожимает плечами): Нет, мы ничего не ждали. Я же знал, что этот сумасшедший ухнул в Воронку. Просто в таких случаях чувствуешь себя как-то неуютно.

Вопрос: Вы все трое находились рядом?

Берт Д.: Нет. Нас было трое, но мы заняли три разные позиции, примерно метрах в двадцати друг от друга.

Вопрос: Вы родились и выросли на планете Несс и, конечно, знаете о существовании Голоса. Как вы думаете, Голос специально заманивает людей к Воронке?

Берт Д.: Не мое это дело — думать о Голосе.

Вопрос: Разве полицейские не подвержены влиянию Голоса?

Берт Д.: Риск всегда риск. Полицейские тоже люди. Но мы проходим специальное тестирование. Если тебя что-то беспокоит, в наряд ты никогда не попадешь. А то и вообще можешь загреметь из полиции. Куда-нибудь на Южный архипелаг.

Вопрос: Разве на островах Голос себя не проявляет?

Берт Д.: Всякое говорят. (*Неуверенно*): Я не знаю. Я ничего такого не знаю. Обычно в полицию подбирают крепких ребят.

Вопрос: Крепких физически?

Берт Д.: Ну да... И это... И психологически тоже...

Вопрос: Что произошло на Губе в восемь часов шестнадцать минут утра? Я правильно называю время?

Берт Д.: Правильно. Я сам его отмечал. Я лежал на камне, они там теплые, и смотрел на Губу. Без всякой цели. Просто камни блестят, а все блестящее привлекает. Камни там даже серебрятся, если на них попадает свет. Будь там трещины, я бы видел каждую. Я задумался. Знаете, когда устаешь, тянет в задумчивость. Вот вся Губа была передо мной. Я еще подумал, какой у нее круглый край, там и зацениться не за что. А потом что-то мелькнуло... Там, на Губе... Это был не камень... Знаете, камни иногда подбрасывает высоко над Воронкой, но это сразу видно, а тут было что-то не то... Вроде как рука высунулась... Человеческая рука... Будто кто-то карабкался из Воронки... Но там же не за что ухватиться, все округлено и сглажено. Да и не может никто вылезать из Воронки. Прошло уже несколько часов, как этот Оргелл ухнул вниз. Как в котел. Вертолетчики это точно видели, и мы видели. Оргелл никак не мог появиться из Воронки, это исключено. Но я увидел руку. А потом голову и голое плечо. А потом всего человека. Я даже подумал, что мне это чудится или я ненароком спятил, но мои напарники слева и справа закричали. Я еще подумал: лишь

бы они не начали стрелять. В такой ситуации всякое может случиться.

Вопрос: Вам уже приходилось попадать в такую ситуацию?

Берт Д.: В такую? Что вы! Но я испугался больше за напарников. Всегда ведь не за себя боишься. А этот Оргелл, я его узнал, я ведь присутствовал при первом допросе, он посидел минуту на корточках и встал во весь рост. Вы видели, он здоровый парень. Он был совершенно голый и весь в синяках. *(Вздыхнув):* Еще бы, не в синяках... И он осматривался, будто забыл, куда ему надо двигаться... Потом сделал шаг-другой и направился прямо на меня. Не знаю, видел ли он меня, наверное, не видел, но направился он прямо на меня. Я даже махнул ему и крикнул: «Оргелл, остановись!»

Вопрос: Вы хотели лучше рассмотреть его?

Берт Д.: Зачем? Я и так узнал его. Мне не понравилось, как он попер на меня. Слишком уж уверенно. А крикнул я, пожалуй, зря. Оргелл и не подумал остановиться, зато ребята справа и слева решили, что он на меня нападает. Первым выстрелил Стурк, потом Лакоши. Я впервые видел такое вблизи. Крупнокалиберная пуля разорвала Оргеллу плечо, еще две попали в центр живота. Ему просто разворотило весь живот. А удары оказались такими сильными, что Оргелл упал. Я думал, его опрокинет навзничь, но он упал лицом вниз. Я очень ясно видел его голые ноги и кровь на спине, там, где вышли пули. Ужасно много крови. Когда ребята подбежали ко мне, я не стал пенять им. На таком, гляди, и сам сорвешься. Я сказал: «Спуститесь вниз и вызовите дежурного офицера. Я останусь при убитом».

Вопрос: Оргелл был убит?

Берт Д.: Обе раны в живот были смертельны. Я это видел. Я даже не стал подходить к Оргеллу. Присел на корточки и даже не смотрел в его сторону. Мне было непонятно, как он мог вылезти из Воронки, там стены голые и отвесные. И если мы его сейчас убили, то как он вообще выжил, когда упал в Воронку? В общем, я ничего не понимал. Ну ладно, голый. Но почему он не откликнулся на мой голос? Я ведь четко ему крикнул: «Оргелл, остановись!» В общем, я так и сидел на корточках, пока не вернулись мои напарники. С ними пришел

дежурный офицер, закуда, мы всегда его не любили. Он остановился около меня, глянул, что мы там натворили, и сказал: «Плохо стреляете». Понятно, я воспринял это как упрек: не надо было убивать Оргелла. Ну да, мы были растеряны, нам было не по себе, ребята неправильно истолковали его действия, но убивать Оргелла, конечно, не следовало. Правда, оказалось, дежурный офицер имел в виду нечто другое. Он ткнул пальцем в сторону убитого, и мы увидели, что труп... шевелится. Сперва этот дважды убитый приподнял голову, потом подтянул ноги, потом медленно встал. Его покачивало от слабости, он с трудом стоял, но на его голом животе мы не увидели ни одной царапины. Даже синяки и те куда-то подевались. А вот под ногами Оргелла было много крови. Он наступил в эту лужицу, и, когда пошел к нам, на плоских камнях, на которые он наступал, остались черные отпечатки. Мы никогда не любили нашего дежурного офицера, вечно он ко всем придирался, но тут, надо сказать, он повел себя просто здорово. Мы готовы были схватиться за пистолеты, но офицер сделал нам знак. «Оргелл! — крикнул он воскресшему трупу. — Почему вы разгуливаете тут голый?»

Вопрос: Оргелл ответил?

Берт Д.: Не сразу. Похоже, смысл вопроса не сразу дошел до Оргелла. Он даже переспросил непонимающе: «Голый?» И только потом раздраженно сказал: «Ну, голый. Так получилось. Дайте мне какую-нибудь одежду». Кто-то снял с себя куртку. Так мы и привели его в таможеню.

16

«Спросите его, инспектор, почему выслан на Землю художник Оргелл? Да еще в сопровождении полицейского. Если ответ вас удивит...»

Ответ меня удивил.

Шел второй час ночи, и тревожный свет двух лун то пробивался сквозь плотный облачный слой, то терялся в нем. Вся дупная ночь была заполнена этим призрачным светом и таинственными сполохами. Призрачным тревожным светом и столь же невероятными сполохами.

Я задернул портьеру и нажал на кнопку вызова.

Удивительно, но Лин не спал.

Он сидел за рабочим столом, разбирая грудку странных длинных листочков. Оторвавшись от своего занятия, рассеянно улыбнулся.

— Вы не спите, Лин?

— Как видите... — Лин медленно всплывал из пучины раздумий. — Хотя, пожалуй, давно пора...

— Лин... — спросил я. — Она еще не вернулась?..

— Вы о Бетт Юрген?

— Да. Именно о ней. Она еще не объявилась в Деянире?

— Нет, Отти. Она пока не с нами.

— А где она может быть?

— Планета большая, Отти, — улыбнулся Лин. — Может, Бетт находится на Южном архипелаге. Она прекрасно знает острова. Но, в общем, ей некуда деться. Уверен, что завтра или послезавтра мы ее увидим. Может, даже на островах.

— За ней следили... Вы ведь не будете этого отрицать, Лин, правда?.. Там, на прогулочном вертолете, за ней следили... Вы что, уже тогда в чем-то ее подозревали?..

— Это вопрос к специальным службам, Отти, — уклонился Лин от прямого ответа. — Наверное, она что-то потеряла под Губой, когда убегала от полицейских... Не знаю... Мы очень осторожны, Отти, когда речь идет о Воронке, но полиция, разумеется, всегда принимает меры.

— Лин, вы просматривали дела Уиллера и Оргелла?

Он улыбнулся:

— Разумеется.

— Лин, как вы думаете, зачем они шли к Воронке?

— Они не умеют этого объяснить. — Лин наклонил голову, щуря и без того узкие глаза.

— Почему вы не ознакомили меня с этими материалами сразу?

Лин опять улыбнулся, но печально:

— Тогда вы еще не были к этому готовы, Отти. Вы могли принять это за давление. Вы могли решить, что нами движет только одно желание — спрятаться от Воронки. А теперь вы созрели. Теперь вы, надеюсь, понимаете, что Воронка — это опасность. Это реальная опасность. Таких, как Уиллер и Оргелл, единицы, а все остальные, отправившиеся к Воронке,

погибли. И погибли страшно. Мы действительно высылаем выживших на Землю, но это только потому, что мы хотим их спасти. Здесь, на Несс, они, в общем, обречены. Они вновь и вновь будут повторять свои попытки пройти к Воронке, их невозможно остановить. Как невозможно сейчас остановить Бетт Юрген. В некотором смысле, — печально улыбнулся он, — судьба Бетт Юрген в ваших руках.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду вашу визу. Чем быстрее мы перекроем Воронку стилизованным колпаком, тем быстрее закончится это паваждение.

Я кивнул.

Кажется, Лин был прав.

И это хорошо, что до главного я дошел сам.

По крайней мере, мне не подсунили решение. Я мог судить достаточно объективно. Если Воронка — чудо, без такого ужасного чуда вполне можно прожить. От таких чудес вообще лучше держаться в стороне.

— Послушайте, Лин, но как это все-таки происходит? Кто-то же этим занимался? Какой-то непреодолимый зов, какой-то неожиданный сдвиг в сознании? А? Это грозит всем или действует выборочно?

Лин улыбнулся.

Было бы странно, если бы он не улыбнулся.

— Нет точной картины, Отти. — Вдруг он впился в меня глазами. — Вот вы сказали мне, что слышали Голос. Вы продолжаете его слышать?

— Нет.

— Нет?.. — задумчиво повторил он. — Ну, что ж, это хорошо... Таких, как вы, Отти, большинство... Ночь, неожиданные вопросы, а потом Голос вдруг отстает от таких, как вы... Будто вы не выдержали какого-то испытания или, наоборот, не поддались чему-то... Но почему Голос отстает, этого мы не знаем... Зато нам хорошо известно, что есть категория людей, особенно подверженных влиянию Голоса. В основном это жители Десяниры, хотя зафиксировано несколько случаев и на островах. Более того, однажды Голос был услышан техником «Цереры» на весьма немалом удалении от планеты Несс.

— Эти люди обречены? Я имею в виду колонистов, особенно подверженных влиянию Голоса.

— Если их предоставить самим себе, то да. Но мы следим за каждым, вы в этом убедились. Мы стараемся каждому помочь, каждого оградить хотя бы от Воронки. От Воронки давно пора избавиться, Отти!

Я кивнул.

— Но что вы делаете конкретно?

— Проводим специальное тестирование, блокируем подходы к Воронке. Не так уж это много, но, в общем, даст результаты.

— Но, чтобы следить, надо знать, за кем именно следует следить. Не каждый же кричит, что его посетил Голос, правда? У вас что, есть некий список?.. — Я замаялся. — Ну, этих людей, кто подвержен особому влиянию Голоса, кто действительно нуждается в конкретной защите.

— Конечно.

Я вспомнил вертолет и человечка в плаще, незаметно приглядывающего за Бетт Юрген. Черт возьми, она нашла в себе силы пролететь над Воронкой после того, как ночью ее там чуть не застрелили!

— Могу я ознакомиться с этим списком, Лин?

— Конечно, Отти.

Он что-то там переключил, и на экране инфора поплыли передо мной имена.

— Вам хорошо видно?.. Весь список невелик, в нем около двух тысяч человек, но это именно те люди, которым грозит реальная опасность. К сожалению, Отти, мы не можем предугадать, кто из них решится пойти к Воронке уже сегодня, а кто будет ждать.

— Чего?

— Я не знаю.

С тревогой и недоверием я всматривался в список.

Доктор Алемао, экзобиолог.

Лейстер, Мумин и Хан, артисты цирка.

Зоран Вулич, художник.

Стефан Рай, строитель.

Улаф Тон, ихтиолог.

Мубарак Мубарак, пилот.

Бетт Юрген, синоптик...

— Лин, это похоже на кальку со списка колонистов, добывавшихся встречи со мной.

Лин кивнул:

— Многие из них действительно хотели поговорить с вами.

— Я не знал... Я бы их принял...

— У вас нет на это времени, да это ничего бы и не изменило, Отти.

— Почему они не настояли на своем?

— Думаю, их успокоила обстановка, Отти. Они поняли, что вы поддержите проект Большой Базы. Ведь если не будет Воронки, уйдет страх.

Ежи Гароти, расчетчик.

Ен Мунк, инженер.

Ивэн Плучек, Ия Гарбо, морские инженеры...

Я изумленно поднял брови.

Сто двадцать вторым, сразу после морских инженеров Ивэна Плучека и Ии Гарбо, шло хорошо знакомое мне имя.

Лин Е, архитектор, член Совета.

— Это вы, Лин?

Лин просто кивнул.

Я встал и подошел к окну.

Оказывается, я не совсем верно воспринимал мир планеты Несс.

Мир планеты Несс оказался вовсе не таким простым, как можно было подумать. И Воронка не показалась мне сейчас чудом. Это я мог работать на Несс более или менее спокойно, а те же Бетт Юрген, Лин Е, доктор Алемао, Ен Мунк и многие другие колонисты жили на планете Несс под постоянным и чудовищным давлением. Они носили в себе невидимую бомбу, которая в любой момент могла взорваться. На их месте я бы давно потребовал перекрыть Воронку.

Я вернулся к экрану.

— Не смотри на меня так. — Лин уже взял себя в руки и улыбнулся сладкой, несколько приторной улыбкой. — Я не герой и не жертва. Я всего лишь один из многих. И мы контролируем ситуацию.

— Но, Лин! Так нельзя жить!

— Хорошо, что это сказал именно ты, Отти. Пока Воронка открыта, мы все в опасности. Но ты же помнишь, как поступил Геракл с бессмертной головой Лернейской гидры... -- Лин торжествующе рассмеялся: — Геракл не стал хитрить, он не стал попусту размахивать мечом, ибо что меч перед бессмертием? Он просто завалил бессмертную голову Лернейской гидры камнями. Мы так же поступим с Воронкой.

Он помолчал и вдруг спросил:

— Мы ведь забрасаем ее камнями, Отти?

На секунду я представил Лина дрожащим, ничего не понимающим, против своей воли ползущим ночью среди камней куда-то во тьму, навстречу низкому, никогда не смолкающему реву Воронки, и мне стало страшно.

— Конечно, мы ее забросаем, Лин.

17

Там, на Европе, Бент С. почти три минуты разговаривал с Уве Хорстом.

Разделенные ледяной броней, они не сразу потеряли связь, но скафандр Уве Хорста выдержал недолго.

О чем они говорили в течение трех почти бесконечных минут?

Бент С. молчал.

Во всем остальном он был открыт, даже откровенен, по эти три минуты вгоняли его в ужас.

Я спросил: «Вы боитесь меня, Бент?»

Он ответил: «Нет, инспектор. Теперь нет. Я боялся вас, когда впервые увидел на экране. Мне показалось, что у вас каменное лицо, инспектор, что вы меня не поймете. А вблизи вы оказались совсем не такой»

Я спросил: «Вы считаете себя виновным в случившемся?»

Он ответил: «В равной мере с Уве. Просто мне повезло. Я шел на шаг от него, всего лишь».

Я спросил: «Он сам вам это сказал?»

Бент С. опустил голову: «Это касается только нас двоих, инспектор. Только нас двоих...»

Я вспомнил это, ведя вертолет над причудливыми островами Южного архипелага.

То абсолютно голые, облизанные до блеска соленой водой, то колючие от множества зеленых и белесоватых каламитов, они проходили подо мной в нежном мареве дня.

Я впервые видел над Несс чистое небо.

Вдали, на западе, небо было загромаждено чудовищными пирамидами кучевых облаков, совсем как на полотнах Парка, но надо мной небо голубело нежно, как еще одна чаша, опрокинутая над океаном.

Лин догнал меня на второй день.

Мы вместе летали к Морскому водопаду.

С гигантского уступа, образованного цепочкой базальтовых островов, выдавливаемый течением, падал вниз почти на пятнадцатиметровую глубину каскад прозрачной воды, оправленный черными берегами.

Воздух дрожал.

Слева и справа вспыхивали чудовищные цветные радуги.

— Полетишь со мной к Землекопу?

— Нет, Отти. У меня назначены деловые встречи. Я занятый человек.

Лин вовсе не хотел меня уколоть.

Он даже улыбнулся.

18

Остров, на котором трудился Землекоп Рикарда, находился милях в трехстах от Морского водопада. Высокие берега, исключая приливную зону, буйно заросли каламитами. Над ними вздымались мощные скалы. Они-то, вероятно, и интересовали палеонтолога Рикарда.

Я сделал круг над островом.

И увидел Землекопа.

Робот стоял в центре большой голой поляны, подняв вверх все три руки.

Посадив вертолет, я отбросил боковой люк.

Мертвая тишина.

Тишину не нарушали ни птицы, ни цикады, а неумолчный, выровненный расстоянием рокот прибоя, доносившийся снизу сквозь заросли, только подчеркивал тишину.

Вншине Землекоп напоминал горбатого громоздкого человека, хотя избыток конечностей, несомненно, портил впечатление. Он явно был рассчитан на тяжелый физический труд, но отличался невероятной ловкостью. Чуть позже, взлетая, я видел, как он упорно взбирался по почти вертикальной стене.

Я вздрогнул, когда Землекоп сказал голосом Рикарда:

— Приветствую вас, инспектор Аллофс.

Скажи это Землекоп, я вполне мог обвинить его в амиконистстве, но разговаривал со мной, конечно, Рикард.

— Где вы сейчас? — поинтересовался я.

— В своем рабочем кабинете. Надеюсь, теперь вам яснее преимущества современного палеонтолога?

— Еще бы!

— Вы не разочарованы прогулкой, инспектор?

— Нисколько.

— Я рад, — вполне искренне заметил Рикард, но не смог скрыть привычного самодовольства. — Я обещал вам это. Кстати, — напомнил он, — вы спрашивали, где можно увидеть картины художника Оргелла. Так вот, вам, оказывается, повезло: они почти все вывезены на Землю. Так что, вы их увидите.

— Такая маленькая планетка и так много загадок, — пробормотал я.

— Загадок? — удивился Рикард. — Ну, вы преувеличиваете.

Все это время Землекоп стоял передо мной, неделпо растопырив все свои металлические конечности. Оптика Землекопа тупо взидала на меня из-под стальных козырьков.

— Жизнь, в сущности, проста, — самодовольно заметил Рикард.

Мне здорово мешало то, что я вижу не его, а эту неподвижную раскоряченную махину.

— Вы, кстати, первый человек на этом островке, инспектор. Куда бы вы ни пошли, вы увидите одно и то же — камни, вода, заросли каламитов. Какие уж тайны. А если вы опять имеете в виду Воронку, инспектор, то уверен, что и там ответ окажется прост. Мы просто еще не доросли до ответа, мы еще не можем объяснить механизм действия Воронки, ее цель, ее назначение, но уверен, ответ, который мы

когда-нибудь получим, будет предельно прост. Жаль, конечно, что мы с вами можем его не услышать. Но кто-то же докопается... — Рикард рассмеялся. — Вы еще не просматривали «Модели» Хакса? Нет? Зря. Этот неутомимый Хакс придумал несколько совершенно невероятных, но как бы убедительных теорий. Вся беда в том, что все его теории слишком сложны. Работай Воронка по принципу Хакса, она не могла бы сохранить динамику.

— Почему?

— Не будьте ленивы, инспектор, — опять рассмеялся Рикард. — Просмотрите «Модели».

Землекоп вдруг сделал шаг и остановился прямо передо мной.

Я бы сказал, он остановился в опасной близости.

Одна из рук ловко скользнула в пластиковый мешок, подвязанный к его поясу, и извлекла из мешка обломок породы, явно не вулканического происхождения.

— Взгляните внимательно, — услышал я голос Рикарда, который шел откуда-то из самых недр Землекопа. — Этой осадочной породе почти миллиард лет. Океан в те времена выглядел несколько иначе, иной выглядела и суша, но все, как везде, начиналось с простого. Видите эти крошечные образования? Они fossilized, они окаменели много миллионов лет назад, но когда-то они были живыми, когда-то они были жизнью. Очень простой, с нашей точки зрения, даже примитивной, но жизнью, проначалом всего, что сегодня существует на Несс. Одинокая первичная жизнь под горячим дыханием звезды Толлиман! А? — При всем его самодовольстве, Рикард, несомненно, не был лишен романтических чувств. — Но откуда взялись на планете эти странные существа? Каким образом неорганические молекулы оформились в нечто такое, что со временем может подняться над самим собой, позволит жизни осознать саму себя? А? Вот где настоящая тайна, Аллофс. Истинная, настоящая тайна! А загадки... Бог с ними, со всеми этими загадками! Уверен, разгадка — лишь дело времени. К тому же при чем тут вы, инспектор? И почему именно вы?

Я замер.

Совсем недавно точно такой вопрос мне задавала Бетт Юрген.

— Да, да. Именно так. Почему *вы*, инспектор? Вы появляетесь на Несс неожиданно, вы проводите тут месяц или два, а мы на Несс проводим всю жизнь. Понимаете, всю жизнь! Это не мало. Можете мне поверить. Не обижайтесь, но вы смотрите на происходящее поверхностно.

— Разве я от вас чего-то требую? — рассердился я.

— А разве вы еще не поняли, что Воронка могла появиться только на Несс?

19

— Где ты научился водить эти машины?

Если Лин и льстил мне, то по делу: технику я знал.

— В Лоусон-парке. Обязательная практика.

Лин улыбнулся:

— Когда-нибудь на такой вопрос, Отти, можно будет ответить проще: в Несс-парке. Тоже неплохо звучит, правда?

Я кивнул, хотя манера Лина постоянно разделять землян и колонистов меня несколько раздражала. Если говорить всерьез, то это и есть первый признак провинциальности.

— Три часа над океаном, — подсчитал Лин. — Включай автопилот, Отти, и заваливайся спать.

— Не хочу.

— Твое дело.

Лин долго пыхтел, устраиваясь поудобнее на раздвижных креслах.

Салон был пуст, только позади, отгораживая нас от аварийного люка, лежали плоские ящики, предназначенные для Рикарда. Землекоп действительно оказался весьма работоспособным.

Наконец Лин затих.

Нагрузки последней недели дали себя знать: выглядел Лин неважно.

Впрочем, пара таблеток беллы, проглоченных им, гарантировала ему сон до самой Деяниры.

— Лин, *она* еще не обнаружила себя?

— Ты опять о Бетт Юрген? — откликнулся Лин сонно. — Пока нет... Но скоро она объявится, ей некуда уйти с планеты...

И добавил, засыпая:

— Было бы лучше, если бы она сама пришла ко мне...

— Лин, а почему?..

Я не закончил вопроса.

Лин спал.

И, в общем, завидовать ему не стоило.

С большой высоты океан открылся до самого горизонта — переливающаяся смутно-голубая громада. Я не сразу понял, что за короткие тени испещряют его поверхность. Потом до меня дошло: это сорванные с островов стволы каламитов. Их сорвало приливами. Обычно каламиты быстро тонут, нужно хорошее течение, чтобы отнести их так далеко от берега.

Лин прав.

И Рикард прав.

И, наверное, Бетт права.

Я всего лишь гость на этой морской планетке.

Я всего лишь наблюдатель со стороны, я даже не вхожу ни в какие списки.

А они все живут под Голосом.

Они имеют право смотреть на меня с некоторым превосходством. Но и с завистью. Это ничем не может им помочь, но такое право они имеют. Не завизирую я документы на перекрытие Воронки стигматитовым колпаком, они, наверное, возненавидели бы меня.

И Бетт Юрген?

И она, конечно.

Я не знал, почему Бетт Юрген совершенно не верит Лину, по гадать не хотел. Расскажет сама. До возвращения на Землю, до посадки на «Цереру», может, даже до того, как мы отправимся на борт «Цереры»... Я был уверен, она все расскажет... Подумать только, я принял ее чуть ли не за истеричку...

Океан не может надоеть.

Я вел вертолет над смутно-голубыми водными плоскостями, кое-где взрытыми легкой рябью — там резвились стаи летающих рыб. На глаза я натянул солнцезащитные очки — вдруг прорывались сквозь облачность яркие лучи звезды Толлиман. Мне хотелось длить и длить удовольствие, но все в конце концов кончается — я вывел тяжелую машину прямо

на южный обрыв хребта Ю. Я собирался еще раз (последний?) заглянуть сверху в Воронку. Разрешение получено было еще на Южном архипелаге, об этом позаботился Лин. Сам он, впрочем, не испытывал удовольствия от предстоящего путешествия, потому, наверное, и накачался снотворным.

Грузные ледники лежали на склонах.

Языки льда хитро закручивались, выпирали мрачными бутрами, нависали над темными мертвыми долинами. Крики, и глыбы льда покатаются вниз, все сметая на своем пути.

Но и кричать не понадобилось.

Хватило рева турбин.

Я увидел, что там, внизу, что-то изменилось.

Чтобы понять, что именно, я стащил с глаз очки.

Без очков пики выглядели прямо устрашающе. Их острые ледяные вершины угрожали мне, они отторгали меня от Несс. Они будто чувствовали: это и по моей воле часть хребта может в ближайшее время взлететь на воздух. А пики этого, кажется, не хотели. Они предпочитали стоять вечно. Сами по себе. Они лишь намекнули мне, на что способны, пустив по одному из ущелий лавину.

Чудовищная масса снегов и льда, пенясь, пришла в движение, разбухла и ринулась вниз.

Сперва безмолвная, дымная, все более и более набирающая скорость, лавина исторгла низкий и долгий рык, и я увидел, как над пенящейся дымной массой, как мячики, начали подпрыгивать многотонные валуны.

Лавина не дурачилась.

По узкому ущелью, дымя, катилась смерть.

Что значит смерть? Этому можно научиться?

Я усмехнулся.

Спроси, что полегче.

— Ну, где ты там? — бормотал я, выводя вертолет на Воронку. — Где ты прячешь свою бессмертную голову?

Небо над Воронкой оказалось на удивление чистым.

Ни одной машины в воздухе. Мне освободили все эшелоны.

Никогда не думал, что явление природы (а чем еще можно было считать Воронку?) можно так сильно возненавидеть, но проклятия так и сыпались с моих губ. Я ничуть не

боялся разбудить Лина, от полученной дозы снотворного он должен был проспать до самой Деяниры. Ну где там Минотавр, жадно пожирающий колонистов? Не пора ли заткнуть злобную пасть Воронки? Не пора ли накинуть на ее пасть стилизованный намордник?

Я был один и никого не стеснялся.

Можно было наконец выкричаться, отвести душу.

Наверное, поэтому меня буквально обожгло ужасом, когда из-за моей спины донеслось:

— Аллофс!

20

Окликнул меня не Лин.

Следовало обернуться, но я медлил.

— Аллофс! — Женский голос прозвучал твердо. — Задайте программу — круг над Воронкой, затем пересечение по диаметру. И включите автопилот.

Я наконец повернул голову.

За ящиками, у аварийного люка, в самом конце салона, стояла Бетт Юрген.

За те несколько дней, что я ее не видел, она похудела, смуглое лицо было туго обтянуто кожей, но ее глаза горели так же неистово. И тот же пепельный широкий балахон облегал, скрывал ее шею, грудь, плечи, спускался по бедрам, ниспадал на ноги. И руки она по-прежнему прятала в тонких перчатках.

— Как вы сюда попали?

Вопрос прозвучал грубо, но Бетт этого не заметила.

Она сказала:

— Аллофс, вы похожи на Оргелла.

Не знаю, что она хотела этим сказать, но меня вновь окатило волной непонятного ужаса.

— Я не Оргелл!

— Я знаю. — Бетт Юрген глядела на меня, как на пустое место.

— Отойдите от люка, — попросил я. — Эта штука распадается от простого нажатия. Раз уж вы оказались здесь, устраивайтесь удобнее.

Я украдкой взглянул на Лина.

Лин ничем не мог мне помочь.

Он безмятежно спал и собирался спать до самой Деяниры.

Бетт Юрген надо отвлечь, пришло мне в голову. Она, похоже, не в себе, ее следует отвлечь от мрачных мыслей. Ее надо спросить о чем-то таком, что привлекло бы ее внимание. Скажем, о том же Оргелле. Почему, в самом деле, увезли на Землю все его работы? Или почему он когда-то пользовался таким псевдонимом — Уве Хорст? Что могло значить для Оргелла это имя?

Я заговорил, но Бетт Юрген мне не ответила.

Медленно, очень медленно, не спуская с меня глаз, она стянула перчатки — сперва с левой руки, потом с правой.

Меня пронзила волна боли и жалости.

Теперь я знал, почему она и в жару носила перчатки — ногти на тонких пальцах Бетт Юрген были разбиты, два или три совсем почернели.

Ну да, она же ночью пробиралась среди камней.

К Воронке.

Одна.

Но зачем?

Я не мог произнести ни слова.

А Бетт Юрген, помедлив, нашла своими изуродованными пальцами голубую кнопку магнитной молнии, где-то там, под самым подбородком, и резко потянула ее вниз.

Пепельный балахон распался на две части.

Как раковина.

Я не ожидал, что Бетт Юрген выпутается из него так быстро, но она выпуталась и тут же стремительно выпрямилась.

И снова меня тронуло ледяной волной страха.

Бетт Юрген стояла в семи-восьми шагах от меня — вызывающе обнаженная.

Но теперь я знал, зачем она таскала на себе это чуждое пепельное одеяние.

Ее сильное красивое тело во многих местах было покрыто ссадинами и синяками. Никогда я не видел ничего более ужасающего. Бетт Юрген была прекрасна, но она вселяла в меня ужас.

— Что за стринтиз? — спросил я грубо. — Что вы задумали?

— Задайте программу и включите автопилот, Аллофс.

Тон Бетт Юрген не допускал возражений.

Я задал программу и включил автопилот.

И вновь обернулся.

Бетт не сменила позы.

Нагота ее ничуть не смущала.

Она была столь хороша, что ссадины и синяки лишь подчеркивали ее совершенство.

Иола...

Или Исмена...

Сколько их было в истории Несс?..

Но сама Бетт думала о другом.

— Аллофс, — спросила она, — как вы думаете, им было больно?

— Кому? — не понял я.

— Пэйджу... И Уиллеру... И Людвигу... И его дочери... И Ортеллу, наконец...

— Откуда мне знать? Отойдите от люка!

Я прикинул: смогу я достать Бетт в прыжке?

Вряд ли.

Через спинку кресла, на котором спит Лин, я, пожалуй, перемахну, но там дальше ящики.

Бетт будто прочла мои мысли.

Она улыбнулась.

Меня мороз продрал от этой ее улыбки. Я представить себе не мог, что может означать такая странная улыбка. И еще я увидел: искалеченные пальцы Бетт легли на замок аварийного люка.

Я не успел даже вскрикнуть.

Бесшумный взрыв буквально выдернул ее из вертолета.

Бетт Юрген выдернуло из вертолета вместе с оторвавшимся люком, он не был рассчитан на такие нагрузки. Машину резко качнуло и завалило на правый борт, но автопилот справился и, выправив машину, вновь повел ее над рекушей, темно крутящейся внизу Воронкой.

Вспившись руками в кресло, я глянул за борт.

Ни Бетт, ни оторванного люка я не увидел, они уже исчезли под шлейфом коричневатой пыли, застилавшей весь

южный сектор Воронки, но пепельный балахон все еще крутился в воздухе, смеяно взмахивая широкими длинными рукавами. Казалось, он требовал, он просил защиты.

— Что случилось? — услышал я сонный голос Лина. Толчок все-таки разбудил его. Он ничего не понимал, возясь на раскинутых креслах. Спросонья, по-моему, он даже меня не видел. — Отти, ты где? У нас что-то случилось? — Он протер наконец глаза. — У нас вырвало люк?

Я молчал.

Вой турбин и надсадный рев крутящейся под нами Воронки рвали мое сердце.

Я боялся за Лина.

Я не знал, как он поведет себя в этой ситуации.

Внизу беспрерывно вспыхивали взлетающие над пылью камни.

Вечные, несущиеся по кругу сияния вечного камнепада.

Против часовой стрелки...

Против часовой стрелки...

Я боялся за Лина. Ведь он тоже был одним из тех — из списка.

— Возьми на себя управление! — Я ухватил Лина за рукав куртки и чуть не силой перетащил на место пилота. Теперь он не мог проскочить мимо меня к аварийному люку. — Веди вертолет прямо на Деяниру. Я свяжусь с постами.

— Что произошло? — В раскосых глазах Лина стояло непонимание.

— Выполняй! — заорал я.

Наверное, Лин не привык, чтобы с ним так разговаривали. Он побледнел.

До него что-то дошло.

— Здесь кто-то был? — странным голосом спросил он.

Я не стал его утешать. Я сказал:

— Здесь была Бетт Юрген. Кажется, мы ее убили.

21

Я знал, что Вулич придет.

Я не искал художника Вулича. И он ничего не обещал мне. Но я знал, что он придет, и почти не покидал свой номер.

Канал С я теперь включал редко.

Кстати, сообщение о гибели Бетт Юрген прошло почти незаметно.

Колонисты, конечно, склоняли мое имя, но совсем по другому поводу.

Инспектор Аллофс приносит Несс освобождение! Инспектор Аллофс визирует документы, утверждающие Большую Базу! Инспектор Аллофс вычеркивает Воронку из истории Несс!

На Несс меня превращали в героя.

Официальное торжество должно было открыться утром.

Ритуал разрабатывала специальная комиссия. Согласно ритуалу, я, инспектор Управления Аллофс, должен был выйти на балкон Совета, нависающий над центральной площадью Деяпиры, и объявить окончательное решение.

Всего лишь объявить.

Никаких речей.

Меня это устраивало.

В дверь постучали.

Я ответил без всякого волнения, хотя знал, что прийти может только Вулич.

Мы молчали, пока он устраивался в кресле — пыхтя, отдуваясь, никак не объясняя своего появления.

Первым начал я:

— Скорее всего, Бетт спряталась в машине где-то на островах. Страшно, как могла знать Бетт о моих маршрутах?

— Она знала. — Голос у Вулича оказался низкий и ровный. — Она перехватывала наши радиопереговоры, Аллофс. Конечно, не стоит одобрять такое, но это был ее последний шанс.

— Если бы Лин не спал...

— Не корите себя, инспектор. Вы все равно ей не мешали бы.

— Я мог не допустить того, что случилось!

— Оставьте, инспектор. Не стройте из себя жертву. Вы тут ни при чем, Бетт сама все решила и сделала. Сама! Вообще не надо говорить о смерти, инспектор. Надеюсь, наступит такое время, когда вы будете не корить себя, а уважать как раз за то, что не остановили Бетт.

— Уважать?

— Вот именно, — кивнул Вулич. — Ведь, сами того не зная, вы помогли Бетт.

— Но смерть... — пробормотал я.

— Забудьте об этом, — терпеливо повторил Вулич. — Как бы ни оборачивались обстоятельства, итог был предопределен. Вы не могли остановить Бетт, она давно сделала свой выбор. Не все похожи на Липа, инспектор. Лип страдает за все человечество, а Бетт страдала за нас с вами. Конкретно за меня, и конкретно за вас, и конкретно за Оргелла. Поверьте мне, страдать за конкретного человека всегда сложнее, чем сразу за всех.

Вулич вздохнул.

Он видел, что я его не понимаю.

— Оргелл и Бетт тоже долго не понимали друг друга. Вы ведь знаете, наверное, что есть люди, особенно расположенные к тому, чтобы слышать Голос. Приступы, которым был подвержен Оргелл, длились иногда месяцами. Он скрывал это, но я знаю. Я дружил с ним. Я часто находился с ним рядом. Оргелл чудовищно много работал. Он даже Бетт в такие периоды не пускал в мастерскую. Только меня. Я знаю, я сам слышал, — Оргелл постоянно разговаривал сам с собой. Самые серьезные его работы, инспектор, написаны как раз во время таких приступов. Психологически это легко объяснить. Ты вкладываешь в труд все свои силы, но получается совсем не то, что ты задумал. Это раздражает. Ты злишься. Ты начинаешь бормотать что-то про себя. Потом ты замечаешь, что это уже не просто бормотание. Ты пишешь хребет Ю, ты громозишь на полотне его черные отроги, а сквозь камень вдруг начинает что-то просвечивать. Какой-то эфирный кокон. Нежный, неясный. Видимый только тобой кокон. Да что за черт! — злишься ты. Почему? Какой кокон? Тут взбесишься, правда? Ведь этот кокон явно нематериален, он всего лишь вспышка света, ничего больше. Правда, он имеет определенные очертания, определенную динамику. И ты бормочешь, не понимая себя. Ты яростно переругиваешься с управляющим тобой невидимкой. Ты начинаешь осознавать, что известные тебе вершины искусства всего лишь какая-то ступень, вовсе не высшая. Ты начинаешь догадываться, что мож-

но сделать еще один шаг вперед. Вот только как угадать, правильно ли ты понимаешь тебе открывающееся? Представьте, инспектор, что вы нашли на берегу моря какие-то ссохшиеся неопределенные останки. Останки каких-то обезвоженных волокон. Как, скажем, вам, никогда не выдавшему медуз, никогда о них не слышавшему, понять, что ваша находка и есть останки медузы, только высушенные временем? Однажды, разглядывая работы Оргелла, я спросил: что это? — и указал на просвечивающий сквозь камни эфирный кокон. Оргелл ответил просто: не знаю.

— Думаете, сюжеты картин действительно были подсказаны Оргеллу Голосом?

Вулич странно усмехнулся:

— А почему не Воронкой?

— Воронкой?.. — пробормотал я, отчетливо понимая бессмысленность своих вопросов.

— Или почему не другим Разумом?..

Я резко поднял голову.

Нет, Вулич не смеялся надо мной.

Он сидел, низко опустив голую шишковатую голову, спрятав пальцы рук в мошной бороде, и медленно повторил:

— А почему не другим Разумом?

Потом он поднял голову, и в его черных влажных глазах я увидел печаль.

— В конце концов, — сказал он, — были и такие гипотезы.

— Гипотезы отчаяния, всего лишь, — сухо возразил я. — Когда нечего сказать, обращаются к другому Разуму. Но в чем, черт вас побери, разум этого Голоса? В бессмысленном повторении одних и тех же вопросов? «Что значит никогда?.. Что значит погиб?.. Что значит бессмертие?..»

— Вы слышали именно такие вопросы? — В голосе Вулича прозвучало детское любопытство.

— А вы?

Вулич не ответил.

— Ну да, — усмехнулся я. — У вас нет запретов, просто некоторые вещи у вас не обсуждаются. Вы помешались на этой вашей Воронке.

— Почему на *нашей*? — Вулич почему-то прицепился именно к этому слову. — Воронка не наша, инспектор. На-

шего вообще ничего не существует. Даже наш собственный организм рано или поздно выходит из подчинения, начинает давать сбои. Разве не так? Это все условности, инспектор. *Наша Земля, наша Несс, наша Галактика*, это мы только говорим так. С чего вы взяли, что в природе есть что-то наве? Да, конечно, мы можем при желании погасить звезду Толиман, разнести на куски ненужную планету, выставить пару маяков в созвездии Волопаса, но разве от этого что-то станет *нашим*? Наконец, инспектор, мы даже Воронку можем перекрыть стиалитовым колпаком, упрятать ее от глаз, ну и что? Разве она станет от этого *нашей*?

— Послушайте, Вулич, — сказал я. — Все это всего лишь философия двух удрученных людей. А я привык иметь дело с фактами. Просто с фактами. Меня убеждают только факты. Не одна сотня колонистов нашла смерть на Губе, причем мучительную смерть. Почему? Вы можете это объяснить? А некто Оргелл свалился прямо в Воронку, и тому есть подтверждение, и все же Оргелл выбрался из Воронки. А? Каким образом? В Оргелла к тому же несколько раз стреляли, ему разворотили весь живот, он был мертв, он был абсолютно мертв, и этому тоже есть свидетели, тем не менее убитый Оргелл вновь воскрес. Почему? Вы можете объяснить? Сам он ведь ничего не помнит, ничего не может рассказать о своем путешествии в Воронку. И наконец, Бетт Юрген. Это тоже факт. Разве она не знала, чем грозит прыжок в Воронку? Знала. Но почему-то ее это не остановило. Почему? Может, вы это объясните?

— Собственно говоря, те же самые вопросы мог задать вам и я. — Вулич нехотя, через силу улыбнулся. — Кажется, бес сомнений вас еще не замучил.

— Вы о чем-то догадываетесь? — спросил я напрямик. — Если да, то говорите, не тяните. Что может стоять за всем этим?

— Но вы же сами уже почти подошли к ответу. Один умер, но остался жить, а другая полна жизни, но ищет смерти... — Он пожал тяжелыми плечами. — Почему, в самом деле, не объяснить это другим Разумом?

— А почему не Воронкой?

— Воронкой? — Вулич изумленно взглянул на меня. — Но ведь мы говорим об одном и том же. Вдумайтесь. Это

длится веками. Каменный малышрем никогда не утишает свой ход. Над этим бились и бьются лучшие физики, математики, механики мира, а Воронка остается непознаваемой. Что мы имеем в итоге, кроме длиннейшей библиографии, всяческих каталогов, классификационных таблиц и отчетов, набитых заумной терминологией? Очередная гипотеза рождается и умирает. Очередная жертва рождается, растет, потом отправляется на Губу... Отсюда и неприятие, — добавил Вулич, помолчав. — Отсюда и активный протест, отторжение. Не знаем и не хотим знать! Вот станем умнее, тогда разберемся! А пока... А пока надо к черту перекрыть Воронку стиалитовым колпаком! Тем более что причины на это есть. — Он язвительно усмехнулся. — Воронка, видите ли, занимает на планете единственно удобное для космопорта место! Но, инспектор, если мы впрямь имеем дело с другим Разумом, разве на другой Разум можно обижаться, разве можно с ним сводить счёты? А ведь решение перекрыть Воронку стиалитовым колпаком, пусть даже на неопределенное время, это и есть такая месть! Разве нет? Признайтесь!

— Вы против возведения космопорта?

— Разумеется, — вырвалось у Вулича.

— Ну, хорошо, — подумав, сказал я. — Вы против. Бетт Юрген против. Много таких, как вы?

— Это не имеет значения.

— С чего вы взяли? — рассердился я. — В конце концов, речь идет о будущем развитии всего сообщества людей на планете Несс, о месте планеты Несс в семье других населенных планет, наконец, о выходе человечества в по-настоящему дальний Космос.

— Ну да, к новым загадкам... — Вулич неприятно поморщился. — А за нашей спиной останутся шесть антравов...

— Не вижу в этом ничего страшного. Рано или поздно мы обратимся к ним всерьез. Но для этого нам нужна и Большая База. Может, Воронке даже полезно будет поработать в вечной тьме, под плитами космопорта. Раз мы ничего не можем объяснить себе, пусть она хотя бы не мозолит нам глаза. И уж в любом случае мы спасем тех, кто еще может погибнуть в Воронке.

Я всерьез разозлился:

— «Другой Разум! Другой Разум!» Истинный Разум, Вулич, не станет веками топтаться на одном месте. Истинный Разум, Вулич, всегда подразумевает развитис, движение. Зачем истинному Разуму повторять одни и те же вопросы?

— А может, он не торопится? — негромко спросил Вулич. — Может, у него свое представление, когда и какие задавать вопросы? Может, у него вообще свое собственное, отличное от нашего, представление о времени? Не отвергающее время, но трактующее его иначе. Нельзя же, в конце концов, все процессы сводить только к физико-химии. Может, этот Разум бесплотен, а Воронка лишь некий косвенный его след, некое побочное свидетельство его существования. Может, данному Разуму, инспектор, абсолютно все равно, когда он получит ответ на свои вопросы — через сто лет или через тысячу? Разве срок жизни, отпущенной человеку, является эталоном? Может, перед этим Разумом мы все действительно лишь мотыльки, поденки... — Вулич явно вспомнил слова, сказанные Бетт Юрген. — Начинаем жизнь вполне бессмысленно, потом взлетаем. Некоторое время парим... Ну и что?.. Успеваем лишь оплодотвориться и продолжить род... Окажись вы на месте бесконечного бессмертного Разума, инспектор, как бы вы смогли договориться с такими поденками?

— Истинный Разум способен понять, имеет смысл заниматься отдельной особью или всем видом.

— Вы научились разговаривать с муравейниками? — Вулич усмехнулся. — Впрочем, в целом вы мыслите правильно. Рано или поздно истинный Разум должен догадаться о том, что сейчас пришло вам в голову. А какой-то, возможно, уже догадался.

— Что вы имеете в виду?

— Я бы предпочел, инспектор, чтобы вы сами пришли к какому-то выводу. — Он спокойно глянул мне в глаза. — Что, по-вашему, является самой характерной особенностью жизни?

— Смерть.

— Но почему? — Вулич был раздосадован. — Почему смерть? Почему не бессмертие? Может быть, именно бессмертие является самой характерной особенностью жизни во

Вселенной. Может быть, жизнь появляется в самые первые минуты творения вместе со временем, пространством, материей и уходит только вместе с ними. Разум, о котором мы говорим, мог впервые встретиться со смертными видами именно на Несс. Понимаете, инспектор, именно здесь, и впервые! Может, раньше он представления не имел о смерти. Ну, подумайте сами, разве его не заинтересовало бы такое явление? Вспомните, сколько мушк-дрозофил, мышей, собачек мы мучили и убивали, подбираясь к бессмертию и не находя его. А для этого Разума, может быть, не существует тайн бессмертия, напротив, он потрясен своим открытием смерти. Он ставит эксперименты на нас всего лишь потому, что находит нас удобной формой для этого. Не больше. Он же не догадывается, что, умирая, мы умираем навсегда.

— Убийство всегда убийство.

— Но почему убийство? — Вулич даже наклонился ко мне. — Этот Разум чем-то обеспокоен, он ищет. Как бы мучительно ни умирал человек при проводимых им экспериментах, не следует обольщаться и обвинять чужой Разум в жестокости. Он просто не мы.

— Всему есть предел.

— Что за черт! — Вулич возмутился. — О каких пределах вы говорите? Очнитесь! Откройте глаза! Почему дело всегда в сотнях, а не в единицах?

Вулич загорелся.

Он напирал на меня, он требовал понимания.

Что-то и впрямь начинало брезжить в моем мозгу. Некая догадка, тень догадки. Эти сотни жертв, а потом вдруг Уиллер. И снова сотни жертв, а потом вдруг Оргелл. В этой странной цепочке впрямь наблюдалась некая закономерность. Может, Вулич прав? Может, главное действительно не в тех сотнях, которые погибли, а именно и только в тех двоих, которые выжили? Почему, в самом деле, они остались в живых, побывав в Воронке?

Я забыл о Вуличе.

Переключив инфор на свой канал, я спросил диспетчера:

— Пришли записи с Земли?

— Да.

Экран вспыхнул.

Каменная ограда.

Бедный и тесный двор.

Длинные деревянные ящики с цветами.

Вдали чудовищная панорама лиловых гор с посеребренными Солнцем снежными вершинами. Огненные капли медленно сползали с длинной сосульки, взрывались радугами, падали в снег. Старый человек в теплой куртке удобно устроился на скамеечке посреди двора.

Он улыбался.

Он смотрел прямо на меня.

Он ничем не напоминал желчного старикашку с колючим сердитым взглядом, его круглые щеки румянились.

Уиллер?

Я потрясенно покачал головой.

Запись, предоставленная мне, была сделана всего два месяца назад где-то в Гималаях.

— Уиллер. — Вулич тоже узнал старика. — Я догадывался... Вы сделали мне подарок... Ему сейчас, наверное...

— Да, ему сейчас под двести лет, не меньше. Живая история планеты Несс. Неужели и Оргеллу уготовано что-то подобное?

— Уверен, не только ему...

— О ком вы?

Вулич удовлетворенно улыбнулся:

— Ну! Вы же пришли к верным выводам, инспектор.

И подбодрил меня:

— Будьте же мужчиной. Конечно, я говорю о Бетт Юрген.

22

В дверь постучали.

— Войдите.

Это был Лин.

Увидев Вулича, он не убрал улыбку с тонких губ, просто она стала чуть менее добродушной.

Вулич поднялся:

— Мне пора. Надеюсь, мы еще увидимся...

Я кивнул, отпуская Вулича.

Лин откровенно обрадовался.

— Есть новости, Отти, — сообщил он, проводив взглядом художника. — Этот старик на Земле жив. Ты видел? Он жив! Я об Уиллере. Там создана специальная комиссия, я посоветовал включить в комиссию вас. Это дело для крепкого ума. Я сразу увидел, что вы станете настоящим инспектором, Отти. Верный глаз, способность к глубокому анализу. Когда-нибудь, помяните мое слово, вы возглавите все Управление! «Церера» подойдет через три дня, Отти. Жаль, что нам приходится расставаться. Я привык к вам.

Он говорил.

Он улыбался.

Он строил невероятные планы.

Пора закидать камнями голову Лернейской гидры, говорил он. Пусть мерзкая Воронка крутится в тишине, во тьме, в одиночестве. Пусть она крутится, пока мы тут не поумнеем. А когда поумнеем, снова обратимся к ней. Пока же все надежды на комиссию и на ученых Земли, правда, Отти? Ведь можно как-то восстановить утерянную память? Уиллер и Оргелл! — о таком материале можно только мечтать. А к Воронке мы оставим пару секретных проходов. Вдруг они нам понадобятся, правда? Ты здорово нам помог, Отти, теперь мы усмирим Воронку! Теперь мы прищучим сразу и Лернейскую гидру и Минотавра! Иначе и быть не может. Будь что-то иначе, это означало бы, что ничто на свете не окупается — ни страдания, ни бесчисленные жертвы, ни подвиги. А ведь окупается! Должно окупаться, правда, Отти? В конце концов, преодолев десятки световых лет, мы встречаемся не только для того, чтобы выпить по чашке кофе.

— Ну, почему же, Лин? И для этого тоже.

Лин прищурился:

— Как тебя понять, Отти?

— Вы слишком откровенно выталкиваете меня с Несс.

— Разве вам не пора возвращаться?

Ну да, подумал я с раздражением.

На Европе меня тоже старались как можно скорее спровести на Землю.

Сотрудники станции, видите ли, всячески ручались за гляциолога Бента С. Они, видите ли, работали с ним, они жили с ним. Они, видите ли, так давно жили с ним, что

знают о нем все. Они, видите ли, не хотят из-за какого-то заезжего инспектора расставаться с человеком, к которому давно привыкли. Да и где им найти замену такому талантливому сотруднику? Ну да, Уве Хорст погиб, но это несчастный случай. Почему им надо терять еще и Бента С.? Разве Земля пришлет им замену? После гибели Уве Хорста на Европе осталось всего тридцать шесть человек. Зачем снимать с планеты Бента С.? Он нужный человек. Если даже он ошибся, он не совершит такой трагической ошибки во второй раз. Его опыт сейчас особенно важен на ледяной Европе. Вот инспектор, это, конечно, другое дело... Вот инспектору давно пора на Землю... Ведь всем известно, что там, где находится инспектор Управления, всегда происходят неприятности... Почему-то никому в голову не приходит, что афоризм вывернут наизнанку... Они все там, на Европе, больше верили Бенту С., чем мне... Правда, они не знали, что гляциолог почти три минуты разговаривал со своим напарником Уве Хорстом.

Почти три минуты!

Бент С. сказал мне паедине: «У вас каменное лицо, инспектор. Но вы ведь не снимете меня с Европы? Я вовсе не трус, я никого не предал. Просто все произошло слишком неожиданно».

«Неожиданное всегда происходит неожиданно».

Бент С. промолчал.

И тогда наконец я выложил свой главный аргумент: «Скажите честно, Бент. Честно, и только мне. Где вы потеряли три минуты?»

Он побледнел.

Мы сидели с ним в пустом переходе Базы.

Было холодно, зато не было людей.

«Я просчитал каждый ваш шаг, Бент. Я трижды выезжал с вами на место трагедии, и несколько раз я побывал там. Думаю, что вам нелегко было в следственном эксперименте вновь и вновь толкать перед собой тележку Хапсена, зная, что Уве Хорста больше нет, что его не вернешь никакими следственными экспериментами. Я сразу заметил, что вы инстинктивно замедляли шаг. Вы медлили, Бент. Вы старались уложиться в какое-то только вам известное вре-

мя. Но я вычислил это время, Бент. Во всех трех следственных экспериментах вы старались потерять почти три минуты. Целых три минуты. Это не мало. При некоторых обстоятельствах это целая вечность».

«Я мог поскользнуться... Упасть... Я не помню...»

«Вы не падали, Бент».

Он с мучительным выражением на лице уставился на меня:

«Кажется, я, правда, не падал...»

«Вот именно, Бент, не падали. Расскажите мне все, и я оставлю вас на Европе. В принципе, это служебный проступок, но я готов оставить вас на Европе, если вы докажете мне, что способны говорить правду. Вы ведь хотите остаться на Европе, Бент?»

Он кивнул.

«Тогда расскажите все».

«Зачем?» — негромко спросил он.

«Чтобы знать, что в будущем на вас можно положиться».

И он признался:

«Уве умер не сразу. Я слышал его. Я разговаривал с Уве Хорстом. Почти три минуты его рация работала».

«Что он сказал вам?»

Бент С. поднял на меня мрачные глаза:

«Я сказал вам больше, чем даже мог, инспектор. У меня нет сил, но я ответил на все ваши вопросы. Не требуйте от меня большего»

Бент С. не заслуживал будущего, по крайней мере, на Европе.

От Уве Хорста он услышал что-то такое, после чего на него, на Бента С., уже нельзя было полагаться.

Я знал, какую вспышку раздражения вызовет мое решение на станции, но я списал Бента С. на Землю.

Что ж, у каждого в шкафу свои скелеты. У одного это слова умирающего друга, у другого Голос...

И то, и другое требует сил.

Бетт Юрген...

Я понимал, почему Лин, стоя передо мной, говорит все быстрее и все вежливее.

Большая База...

Мощный стилистовый колпак...

Трехсотметровая каменная подушка...

Самые тяжелые корабли класса «Церера» и «Пассад» получают возможность садиться на Несс всего лишь в десятке миль от Деяширы...

Приток людей, новой тяжелой техники...

Потрясающие перспективы!

Я сжал зубы.

Мне орать хотелось, когда я хоть на секунду представлял себе вечную мертвую тьму, царящую под мощным стилистовым колпаком. Я видел изуродованные пальцы Бетт с черными отбитыми ногтями. Я видел, как, обнаженная, истерзанная, она медленно карабкается на Губу, а потом так же медленно бредет по камням, спотыкаясь, неуверенно вытянув перед собой руки, бессмысленно ища выхода в этот, в наш мир.

Вечный мрак...

А всего в полумиле над головой — мир ярких радуг и красок, мир тяжелых кораблей, океанских ветров, людские голоса, судьбы, судьбы...

— Нет, — сказал я.

Лин удивленно смолк.

— Я не смогу завизировать документы.

Лин вкрадчиво улыбнулся.

Он мне не верил.

— А мы, Отти? Ты подумал? Я, например? Или те, другие, из списка? Даже этот Вулич, симпатий к которому у меня меньше, чем к каламиту? Ты хочешь оставить нас беззащитными? А остальные колонисты? Ты что же, действительно хочешь оставить нас на обочине, отнять у нас будущее? Не делай этого, Отти. Тебя проклянут. Тебя даже на Земле будут называть предателем.

— Я не смогу завизировать документы, Лин, — сухо повторил я. — Считайте это моим официальным решением.

Он поморщился, как от внезапной зубной боли, и отступил на шаг.

Потом еще на шаг.

Так, задом, он отступил к двери, перед которой остановился.

— У вас впереди целая ночь, инспектор Аллофс, — он впервые обратился ко мне официально. — Хорошенько подумайте, инспектор Аллофс, как встретят вас утром колонисты. Вам ведь в любом случае придется выходить на балкон. Подумайте, как могут отчаявшиеся колонисты встретить человека, который отнимает у них спокойное будущее?

Он вежливо улыбнулся и вышел.

Я встал у окна.

Ночь выдалась темная, но я не видел прожекторов на фоне хребта Ю.

Это несколько ободрило меня.

Если на контрольных постах спокойно, значит, никто не попытается тайно пройти к Воронке.

Бетт Юрген...

Наверное, там, под стиадитовым колпаком, никогда не будет настоящей тьмы. Правда, там никогда не будет и настоящего света.

Я не был в обиде ни на нее, ни на Лица.

Лица я даже понимал. Ведь он оставил мне шанс.

В конце концов, у меня еще целая ночь до того, как я должен буду выйти на балкон Совета, нависший над огромной, забитой людьми центральной площадью Деяниры. В конце концов, еще от меня зависит, буду ли я встречен торжествующим ревом ликующих колонистов: «База! Большая База!» — или гнетущую тишину людского моря разорвет чей-нибудь одиночный отчаянный выкрик: «Предатель!», который полностью уничтожит меня в глазах колонистов. Несс и еще неизвестно, что принесет заблудившейся в вечности Бетт Юрген.

Многое еще зависит от меня.

Я вздрогнул, услышав звонок рабочего вызова.

Медленно повернувшись, инстинктивно предчувствуя не самые лучшие новости, я включил инфор. За окном, я видел это, стояла тьма. Ни один прожектор еще не разорвал царящей над хребтом тьмы, но на плоском экране инфора уже вспыхивала, пульсировала кровавая литера «Т» — знак внимания и опасности. Почему-то именно эта литера бросилась мне в глаза, и лишь потом я увидел появившееся на экране изображение...

КОСМИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ

Когда разговор заходит о литературном творчестве, вопросы приоритета обычно с негодованием отвергаются. Дескать, важно не то, какую идею ввел и обосновал автор, — важно, как он ее раскрыл. И если сделал он это интересно и талантливо, то честь ему и хвала!

Но совсем по-другому звучит вопрос о приоритете, когда начинают составляться энциклопедии. Довольно трудно бывает объяснить в короткой и суховатой энциклопедической статье, что именно сделал для литературы тот или иной писатель, как он работал с языком, каких персонажей ввел, какие психологические образы нарисовал. Зато куда как просто написать, например, что вот этот автор был основоположником детективного жанра, введя в мировую литературу обаятельный образ частного сыщика, а этот — первым описал звездолет. При этом сразу начинаешь понимать, что фантастика, как и сто лет назад, — это литература идей и что оригинальность заложенных в новом произведении идей по-прежнему имеет значение.

Русской советской фантастике есть чем гордиться. Вопреки сложившемуся мнению, очень многие продуктивные идеи были сформулированы именно русскоязычными фантастами. Например, первый межзвездный «корабль поколений» описал Вивиян Итин в повести «Страна Гоизури» (1922), а первую «звездную оперу» выпустил Виктор Голызаров (роман «Межпланетный путешественник», 1924).

Попадаются и чисто национальные приоритеты. Выше мы уже отмечали, что идея искусственного происхождения

Фобоса обыгрывалась только в советской фантастике, и первыми это сделали братья Стругацкие.

Для того чтобы выявить и отстоять приоритет, прежде всего необходимо четко сформулировать идею, новизна которой оценивается. Поскольку космонавтика — сравнительно молодая область человеческой деятельности, она позволяет довольно свободно оперировать критериями новизны и патентной чистоты. Скажем, можно до хрипоты спорить, кто первым на самом деле вывел формулу Циолковского: сам Константин Эдуардович или кто-то другой, — факт приоритета отрицать невозможно: Циолковский связал свою формулу с космонавтикой, а потому она и носит его имя, являясь исходной во всех «космических» расчетах. Однако использование ракет в качестве движителя для космического корабля первым описал не Циолковский, а французский поэт-забияка Сирано де Бержерак.

В разделе «Космические приоритеты» настоящего сборника впервые за более чем столетие переиздана повесть под банальным названием «Путешествие на Марс». Автор повести — Л. Афанасьев — совершенно не известен современному читателю. Доступные источники сообщают, что под этим псевдонимом в начале XX века печатался Леонид Афанасьевич Богоявленский — русский литератор, работавший в журналах «Русское богатство» и «Русские записки». И это... всё! Интересно было бы узнать, какое образование имел этот человек, ведь в забытой повести не просто рассказывается о полете на Марс (к тому времени таких произведений уже были десятки), но о некоем «проклятом интеграле», разрешив который персонажи получают оптимальную траекторию для полета с Земли на красную планету!

Три сумасшедших русских математика: профессор Виктор Русаков, студент Петр Шведов и любитель Николай Краснов — задумывают полет на Марс. Для этого они переселяются в Лондон (только британские заводы, по мнению автора, могли обеспечить достаточный для построения такого аппарата технологический уровень) и тщательно образом готовятся к первому межпланетному путешествию. Впервые в литературе (и не только в фантастической) указывается, что такой перелет должен происходить не когда пристичит, а основываться

на строгом математическом расчете, на оптимальной траектории перелета, индивидуальной для каждой планеты. Но самое удивительное: Афанасьев-Богоявленский называет продолжительность полета к Марсу — двести шесть земных суток! И попадает в яблочко, ведь продолжительность полета к красной планете современного межпланетного аппарата, запущенного по оптимальной траектории, действительно составляет от двухсот трех до двухсот двадцати суток. Только вот первые результаты расчетов с параметрами оптимальных траекторий немецкий инженер Вальтер Гоман опубликовал не в 1901, а в 1925 году!

Поскольку главными героями повести «Путешествие на Марс» являются математики, то мы можем предположить, что литератор Богоявленский тоже был математиком и посчитал эту траекторию для своих целей на четверть века раньше. Как жаль, что он облек свое открытие в форму фантастического произведения, — глядишь, и сегодня оптимальные траектории достижения других планет носили бы имя не Гомана, а Афанасьева!

Так или иначе, но этой публикацией мы предполагаем закрепить приоритет за соотечественником, сделавшим удивительное открытие, намного опередившее свое время. Ведь приоритет — это не только строчка в энциклопедии. Когда-нибудь люди доберутся до звезд и других планет, им придется составлять карты, и они, несомненно, вспомнят о тех, кто сделал космическую экспансию реальностью. И тогда, быть может, во Вселенной появится тик Афанасьева-Богоявленского — на маленькой зеленой планете, вращающейся вокруг звезды Голлиман...

ЛЕОНИД АФАНАСЬЕВ

Путешествие на Марс

I

Николай Александрович Краснов вскочил ночью с постели как ужаленный и немедленно зажег лампу: он решил наконец свою задачу. Целых три года мучил его этот проклятый интеграл, не поддаваясь никаким его усилиям; но что это достижимо, в том Николай Александрович был убежден. Студенты-математики, которым он предлагал решить задачу, после бесплодных попыток, все категорически ему заявляли, что интеграл в конечном виде не берется; лучший профессор математики местного университета подтвердил то же самое, чтобы поддержать свое достоинство, так как все его попытки решить задачу ни к чему не повели. Но Краснов им не верил: ни студенты, ни профессор не знали, какое великое применение получит этот интеграл, если его удастся взять; все думали, что это лишь искусственно подобранная функция для упражнений в интегральном исчислении и, когда задача показалась им не в меру трудной, спокойно ее оставили. Как они ошибались! Да, Краснов строго хранил свою тайну и до поры до времени не доверял ее даже своему другу, студенту Шведову. Интеграл Краснова был продуктом его долголетнего труда по механике: только он один тормозил его открытие, — великое мировое открытие, — не поддаваясь никаким комбинациям и вычислениям, и тем закрывал таинственную, поразительную по своему значению, истину.

Со страхом Краснов взял лист бумаги и принялся за проверку решения, осенившего его в постели. Неужели же это опять окажется самообманом, и интеграл снова ускользнет, а вместе с тем и его замечательное изобретение не осуществится? Но нет, вычисления вполне согласуются с его мыслями:

интеграл, как и думал Краснов, распадается на три части, и каждая из них борется самым естественным образом. Раз, два, три раза проверяет он свои вычисления, — ошибки не находится. Восторгу его нет конца: он осуществит свою идею, над которой трудится целых семь лет. Задача решена окончательно, и он — властелин мира. Да, властелин, такой же могучий, как сказочные герои Жюль Верна, совершающие с помощью своих изобретений чудеса! Но теперь перед ним не фантастический герой; он сам, никто другой, как Николай Александрович Краснов, — виновник открытия, которое станет выше открытия Стефенсона и Эдисона. Теоретически вопрос решен окончательно, а практически осуществить его идею — сущая безделица. Правительство не пожалеет средств, сознав, какие выгоды оно само здесь выручит. Да, он непременно предоставит свою работу правительству; он — не сухой эгоист, чтобы, подобно капитану Немо, погрузить свой «Наутилус» в морских волнах, а отдаст свой труд на благо человечеству, оставив себе только честь изобретения!..

Но если он снова ошибся и интеграл все-таки не берется? Сомнение охватывает его, и он снова проверяет с начала до конца все вычисления. Нет, все верно, а тревога все-таки растет да растет. Наконец беспокойство овладело Красновым до того, что он поспешно оделся и, взяв шляпу, вышел из комнаты. Часы пробили три пополудни.

— Куда ты, Коля? — спросила старушка-мать.

— Мама! Я взял свой интеграл! — крикнул Краснов, хлопнув дверью и чуть не бегом выходя на улицу.

— Бедный! Он совсем скоро сойдет с ума, — проговорила старушка и скоро опять заснула.

Краснов был математиком недюжишним, хотя не только не получил высшего образования, но даже не окончил курса гимназии. Он служил маленьким чиновником в одном учреждении и тем поддерживал существование свое и матери. Но все свободные часы он нераздельно отдавал науке. Знакомств у него не было. Сослуживцы считали его тронутым, студенты-математики, с которыми Краснов был бы не прочь сойтись, — педантом.

Один только человек любил и понимал Краснова, это — студент Шведов; но это тоже был человек, не совсем пор-

мальный, по отзывам его знакомых. Шведов был очень способный юноша, которому факультет единогласно предсказывал скорую профессию. Он, как и все ученые, настолько зарылся в свои занятия, что совершенно забыл об остальных людях. Краснов благоговел перед Шведовым.

Через полчаса быстрой ходьбы Краснов повернул во двор одного дома и по черной лестнице поднялся в четвертый этаж. Длинный коридор тускло освещался фонарем. Краснов подошел к одной из дверей, на которой была прибита визитная карточка с надписью: «Петр Петрович Шведов, студент-математик», и постучал. Встревоженный стуком, Шведов в одном белье подбежал к двери.

— Кто там?

— Это я, Петр Петрович, я, — Краснов. Отворите.

— С чем вас черт принес ночью? — сказал студент, отворяя дверь.

— Замечательная вещь! Зажгите-ка поскорей лампу.

Пока Шведов добывал огонь, Краснов разделся и разложил свои бумаги.

— Смотрите сюда. Берется этот интеграл в конечном виде?

— Да ведь мы с вами сто раз пробовали его взять, и ничего не выходило!

— А ну-ка, следите за мной повнимательней, не делаю ли я где ошибки.

И Краснов стал быстро делать вычисления. Шведов внимательно следил за ними.

— А ведь в самом деле выходит! Дайте-ка, я попробую.

Он взял бумагу и начал сам вычислять. Ошибки не было.

— А знаете ли, Петр Петрович, почему я так интересовался этим интегралом?

— Почему?

— Дайте мне слово никому не выдавать тайны, которую я вам сейчас открою.

— Даю честное слово. Вы можете мне верить.

— Верю, верю. Ну, слушайте.

Краснов стал излагать свое открытие. С каждым его словом Шведов заинтересовывался все больше и больше. Он вскакивал со стула, садился на стол и не знал, чем выразить свой восторг и удивление. Наконец Краснов кончил.

— Да вы — Георг Стефенсон, Николай Александрович! Больше, вы — Ньютон, настоящий Ньютон!..

Краснов самодовольно улыбался.

— Как же вы теперь поступите с вашим открытием?

Краснов стал излагать Шведову свой план предоставления открытия правительству. Шведов мрачно слушал, не отрывая глаз от бумаги с вычислениями. Краснов спросил:

— Что же, одобряете вы мои намерения?

Шведов отвечал не сразу. Наконец он проговорил, как бы про себя:

— Я на вашем месте так не поступил бы ни в каком случае.

— А что же делать?

— Что делать? Досадно, право! Взрослый человек, великий геометр, механик и астроном, спрашивает, как ребенок, что ему делать с своим гениальным открытием! Неужели вы не понимаете, что вы губите собственное дело, которое может или совсем заглухнуть в чиновничьих руках, или, что еще досаднее, попасть в руки каких-нибудь спекулянтов! Нет, вы не имеете нравственного права этого делать! Вы должны довести дело до конца. Владея вашим могущественным средством, вы должны делать открытия за открытиями и, только умирая, сделать наследницей своих ученых сокровищ Россию. Если вам нужен помощник, то я готов бросить все и следовать за вами на край света.

— В самом деле? А ваша будущая профессура?

— К черту профессуру! С вами я больше принесу пользы, чем на университетской кафедре!

— Отлично! — воскликнул Краснов. — Но все-таки, Петр Петрович, мы с вами не осуществим моего изобретения.

— Почему?

— У нас нет денег.

— Ах, черт возьми! А ведь, действительно, правда. Без денег ничего не сделаешь! Деньги необходимы, а денег-то у нас нет...

Шведов задумался.

— Чепуха! — сказал он через минуту. — Денег нам дадут.

— Кто?

— Есть один богатый человек, который отдаст на наше дело свое состояние.

— Да кто же?

— Виктор Павлович.

— Виктор Павлович? Русаков?

— Ну да! Он очень богат, я знаю наверное. Необходимо лишь пригласить его в нашу компанию — и он пойдет с нами непременно.

— Профессор? Чтобы он бросил свои лекции для нашего предприятия? Этому я не поверю.

— Я же в этом убежден. Он все отдаст для того, чтобы сделать что-нибудь замечательное и превзойти Лессинга, а здесь предоставляется бесконечное поле для его деятельности. Идем сейчас к нему!

— Ночью? Неловко...

— Пустяки! Одевайтесь.

Математики оделись и вышли.

Виктор Павлович Русаков был известным математиком. Он уже больше двадцати лет читал лекции по высшей математике в университете, напечатал несколько выдающихся сочинений и сделал немало научных открытий. По внешнему же виду он, как и все замечательные математики, казался человеком необыкновенно странным. Если Краснова и Шведова считали за людей не совсем нормальных, то профессора Русакова всякий с первого взгляда признал бы помешанным. Трудно было встретить более неряшливого или более рассеянного человека. Он читал своим слушателям прекрасные по содержанию, но безобразные по внешней отделке лекции: говорил неправильно, часто даже обрывал речь, не окончив слова. Однако студенты высоко ценили его лекции, привыкнув Русакова не слушать, а смотреть на то, что он писал на доске; изложение всевозможных частей высшей математики Русаковым было оригинальное, необыкновенно точное и увлекательное. Студенты гордились им и охотно извиняли ему его странности. Математика поглотила все мысли профессора, и он, кроме нее, ничего не видел, ничего не знал и ничем не интересовался.

Единственный человек останавливал на себе его внимание и даже несколько его беспокоил, это — профессор физики того же университета Лессинг. Профессор Лессинг тоже был небезызвестным ученым, но, в противоположность

Русакову, был необыкновенно приличен, аккуратен, внимателен и точен, порой даже изящен. Он постоянно трунил над Виктором Павловичем и его рассеянностью, а равно и над его односторонней ученостью. За это Русаков терпеть не мог Лессинга и считал его своим заклятым врагом. Когда на заседаниях физико-математического общества его председателю, Лессингу, случалось в докладе сделать какую-либо ошибку, восторгу Русакова не было конца. Но это происходило редко; по большей же части такие ошибки встречались в докладе самого Русакова, и он задышался от гнева, замечая иронические улыбки председателя. Он готов был отдать все свое состояние, чтобы придавить, оскандалить ненавистного профессора. Злоба его росла, а Лессинг приобретал все больше и больше известности в ученом мире.

Светало, когда наши друзья подошли к квартире Русакова и позвонили. Долго пришлось им ждать, пока заспанная горничная отворила дверь.

— Что вам нужно?

— Виктор Павлович спит? — спросил Шведов.

— Ну да, конечно.

— Разбудите его. Скажите, что есть важное и неотложное дело к нему.

Горничная стала было возражать, но Шведов настоял на своем, и через четверть часа к ним вышел профессор.

— Какое важное дело? Какое дело?..

— Виктор Павлович, — начал Шведов, — извините; слишком уж важные обстоятельства заставили нас беспокоить вас в это время. Прежде всего позвольте вам представить моего друга, Николая Александровича Краснова, гениального математика, как вы сейчас убедитесь. Видите, в чем дело. Как взять этот интеграл?

— Да ведь я вам доказывал в университете, что он в конечном виде не берется.

— Да, но ваши доказательства оказались софизмами.

— Как — софизмами? Как — софизмами? Так не годится говорить.

— А вот посмотрите.

И Шведов решил ему задачу. Недоумению профессора не было границ.

— Но это еще не все, Виктор Павлович. Расскажите-ка вы сами, Николай Александрович, о вашем открытии.

Краснов еще раз изложил то, о чем только что говорил в квартире Шведова. Русаков был поражен:

— Это, это... удивительно!

— Теперь вот в чем дело, Виктор Павлович, — начал опять Шведов, — сообщать о сделанном открытии правительству правда не стоит?

— Не стоит, конечно, не стоит.

— Значит, нужно работать самостоятельно?

— Самостоятельно, непременно самостоятельно.

— Но у нас нет денег.

— Нет денег? Это не годится. Деньги необходимы, необходимы.

— Вот мы и хотим предложить вам... У вас есть деньги...

— В банке лежат.

— Так возьмите их и примите участие в нашей кампании.

— То есть дать вам их взаймы? Как же это?.. Нет, это не того... Не годится... деньги того...

— Нет, мы предлагаем вам принять непосредственное участие в нашем предприятии.

— Как, а лекции бросить?

— Так что же? Да вы с нами гораздо больше сделаете для науки, чем в университете. А как удивится профессор Лессинг, когда узнает о нашем открытии!..

Глаза Русакова загорелись от радости:

— Это верно! Лессинг повесится с досады. Но все-таки как же деньги... Я не знаю...

— Как вам угодно, Виктор Павлович! Мы сочли своим долгом предложить вам. В случае же вашего отказа мы имели в виду обратиться к профессору Лессингу. Он, наверное, согласится. Как вы думаете, когда его можно застать дома?

— Нет, нет, этого не нужно, этого не нужно. Я согласен, согласен. Сегодня же подам в отставку.

— Ну, вот и отлично! Теперь нужно решить, куда нам следует отправиться, чтобы заняться предварительными приготовлениями.

— На необитаемый остров нужно, — поспешно проговорил Русаков.

— Но, господин профессор, — заметил Краснов, — теперь ведь нет необитаемых островов.

— Как нет? Должны быть, должны быть!..

Через несколько дней весь физико-математический факультет, как громом, поразило известие, что профессор Русаков вышел в отставку, а известный студент Шведов уволился из университета. Профессор Лессинг не знал, что и подумать, и даже немного тревожился, замечая, с каким многозначительным и торжествующим видом поглядывал на него бывший профессор Русаков, коварно улыбавшийся при всякой с ним встрече. Страдающим же лицом в этой истории явилась жена профессора Русакова. Она убедилась в том, что ее ученый супруг окончательно спятил с ума. Кроме непонятной отставки, лишившей их постоянного дохода, в поведении профессора стало проявляться еще более странностей, чем прежде. Он по целым дням вырезал из картона какие-то фигурки, клеил их, кричал: «нет, не годится», и разрывал на части; затем снова клеил и так далее. Наконец, профессор взял из банка почти все свои деньги и сказал жене, что завтра едет, но куда, зачем, об этом упорно молчал. Русаков обещал писать жене, но добавил, чтобы она ему не отвечала, так как он ни под каким видом не может дать своего адреса.

На другой день профессор действительно уехал. Профессорша выпросила себе право хоть проводить его до вокзала железной дороги. Там она увидела, что ее муж сел в вагон не один, а с двумя какими-то субъектами, показавшимися разгневанной и опечаленной женщине крайне подозрительными. В одном из них она признала студента, нередко навещавшего ее мужа и написавшего какое-то сочинение о наибольших и наименьших величинах функций, с которым профессор долго носился. Другой же, с реденькой бородкой, в пенсне, был ей положительно неизвестен. Наконец пробил третий звонок. Профессор окончательно попрощался с женой, посоветовав ей в заключение остерегаться Лессинга, и поезд тронулся, увозя профессора и его товарищей неизвестно куда.

С тех пор прошло несколько лет, а о профессоре Русакове, студенте Шведове и чиновнике Краснове не было ни слуху ни духу. Они словно провалились сквозь землю.

II

В вагоне железной дороге между Лондоном и Ливерпулем сидели четыре господина и одна дама. Двое, по-видимому, были иностранцами. Одному из них было на вид лет тридцать с небольшим, другой был еще юноша; одеты они были оба хотя прилично, но довольно небрежно. Они держались все время отдельно, не желая завязывать дорожных разговоров и дорожных знакомств. Двое других были чистокровными англичанами, безукоризненно одетыми. Старшему из них можно было дать лет пятьдесят, младшему — лет тридцать пять. Они вели между собою оживленный разговор по поводу вышедшего недавно астрономического сочинения одного из французских ученых. Что касается дамы, то это была еще совсем молодая особа, лет двадцати, очень красивая, вся в трауре. Она сидела в углу и безучастно смотрела в окно. Младший иностранец часто на нее посматривал и, видимо, сочувствовал горю своей случайной спутницы; по крайней мере его лицо часто также принимало грустное выражение.

— Я лично, безусловно, согласен с автором, — говорил младший англичанин, — что смена светлых точек на Марсе — явление не случайное, а есть не что иное, как сигналы, которые жители планеты дают нам. Очевидно, они вызывают нас на разговор. Заметьте, что расположение этих светлых пятен всегда имело строго правильную геометрическую форму: сначала три пятна в виде правильного треугольника, затем три пятна по вертикальной прямой и, наконец, одно пятно в центре диска. Вот если бы на земле обратили на это должное внимание, то могли бы с успехом разговаривать с Марсом.

— Но каким же образом?

— Очень просто. Стоит лишь повторить те же самые сигналы и в том же порядке — и жители Марса увидят, что их сигналы поняты. С помощью же электричества вполне возможно устроить соответствующую группу пятен в различных пунктах земной поверхности, и это будет стоить даже не особенно дорого. Для того чтобы образовать, например, треугольник, следует устроить одновременно свечение в Сахаре, Гималайских горах и на Балканском полуост-

рове; для вертикальной прямой можно избрать ту же Сахару, мыс Доброй Надежды и Ашенинский полуостров и так далее.

— Хорошо. Предположим, что нашлись на земле предприимчивые люди, которые повторили по порядку все сигналы Марса: допустим даже, что на Марсе поняли нас и наши работы по устройству световых эффектов не пропали даром: скажите же, сэр, какой практический смысл в этих действиях? Чтобы убедиться в том, что на Марсе есть жизнь и жители, нет нужды меняться сигналами: это можно решить чисто теоретическим путем. Кто же из образованных людей нашего времени сомневается в том, что на Марсе есть люди и цивилизация? Все научные данные доказывают это ясно как день. К чему же нужна такая трудная проверка?

— В том-то и дело, сэр, — отвечал младший англичанин, — что значение этих световых сигналов более серьезно, чем вы думаете. Начало — половина дела. Если бы успешно завязались переговоры, то они скоро бы развились и у нас возникли бы более близкие сношения. Важно заключить только, так сказать, союз между двумя планетами.

— Не думаете ли вы, что между Землей и Марсом установится телеграф?

— Весьма возможно.

— Вы договоритесь, пожалуй, до того, что со временем найден будет способ пересылать на Марс не только предметы, но и живых людей.

— Это очень возможно.

— Нет, невозможно. Уже потому невозможно, что не найдется такого сумасброда, который согласился бы полететь в ядре на неизвестную планету.

— Вы думаете?

— Я в этом уверен.

— А я, в свою очередь, уверен в том, что если доказать вполне точным, логически-научным образом возможность долететь до Марса, то охотников совершить полет найдется такое множество, что придется отказать за недостатком места девяносто девяти из ста.

— Я с вами согласна, сэр, — вмешалась вдруг в разговор дама в трауре. — На земле слишком много горя и страданий,

и немало найдется обездоленных судьбой, которые готовы даже на смерть, а не только на жизнь в другом мире, лишь бы оставить ненавистную землю, Да вот я, например. Я бы отдала все свое немалое состояние, если бы могла покинуть землю. Я с радостью улетела бы и на Луну, и на Марс, если бы только было можно вырваться из этого мира. Но, к несчастью, о таком путешествии можно только мечтать.

— Мало завидного представляет неизвестный мир, где, может быть, вас ожидает немедленная смерть, — сказал старший англичанин.

— А здесь разве нет смерти? — с горечью возразила дама. — Я убеждена, что в другом мире смерть не так зла и несправедлива, как на Земле.

— Осмелюсь спросить, мисс, — сказал второй иностранец — юноша, до сих пор не принимавший никакого участия в разговоре, — вы, вероятно, перепесли тяжелое горе?

— Да, сэр; я могу вам его поведать. Я потеряла любимого человека за несколько дней до нашей свадьбы. Он утонул в море, и с ним погребло все дорогое для меня на земле. Я говорю серьезно, что готова была бы улететь хоть на Марс, куда бы то ни было, чтобы только уйти от моего горя, которое всюду меня преследует. Я уже давно покинула дом и, как Агасфер, еду, еду, сама не зная куда и зачем, еду без цели, без интереса.

— Но разве на земле у вас нет других привязанностей, мисс?

— Нет. Я круглая сирота: ни отца, ни матери, ни близких родных у меня нет. Мой Эдуард составлял для меня все, и это все потеряно навеки. Я ни в чем не вижу отрады для себя в будущем, хотя мне все сулят счастье, так как я — очень богатая девушка. Вы, вероятно, слышали имя моего покойного отца, Томаса Эдвардса в Ливерпуле?

— Томаса Эдвардса? — спросили в один голос англичане. — Кто же не знал Томаса Эдвардса? Значит, мы имеем честь видеть его дочь, мисс Мэри Эдвардс, наследницу его миллионов?

— Да, господа, я — Мэри Эдвардс, несчастная миллионерша. О, с какой радостью я отдала бы свои миллионы, лишь бы мне возратить мое счастье, или, по крайней мере,

скрыться на другую планету от моего горя! Что может быть ужаснее, как чувствовать себя одинокой во всем мире! Да, только на Марсе я бы возвратила себе свой душевный покой.

Через несколько минут поезд примчался к лондонскому дебаркадеру и остановился. Оба англичанина немедленно вышли на платформу, а мисс Эдвардс стала приводить в порядок свои картонки. Юный иностранец подошел к ней и проговорил вполголоса:

— Мисс! Вы действительно согласились бы отправиться на Марс?

— Да, сэр, но это невозможно.

— Нет, возможно. Если вы хотите проверить мои слова, будьте завтра в Лондоне на Риджент-стрит в доме доктора Гаукинса; там вам докажут, что это возможно, самым строгим научным образом.

Глаза мисс Мэри заблестели от радости:

— Я вам верю, сэр. Так если это возможно, я с охотой полечу. Как я вам благодарна, если бы вы знали! Надеюсь, что вы сами будете моим попутчиком?

— Да, и не я один, а еще несколько моих друзей. Но только, мисс, моя законная к вам просьба: храните эту тайну.

— Конечно. Даю вам честное слово.

— Благодарю. Так пока до свидания. Не забудьте адреса.

— О нет, как можно! Завтра в двенадцать часов я буду на Риджент-стрит в доме доктора Гаукинса. Я вам очень, очень благодарна, сэр. До свидания.

Она вышла из вагона. Старший иностранец безмолвно слушал этот короткий разговор с широко раскрытыми от удивления и ужаса глазами и, лишь только мисс Мэри скрылась, набросился на своего товарища с бранью и упреками.

III

Доктор Гаукинс, поселившийся незадолго перед этим в Лондоне, был иностранец. Он прибыл в Англию из Нью-Йорка и окружил свою жизнь непонятной таинственностью. Гаукинс купил себе на Риджент-стрит огромное пустое пространство земли, занимавшее почти целый квартал города, построил здесь маленький домик и поселился в нем совер-

шенно одиноко, даже без прислуги, за исключением необходимого привратника, которому была отведена отдельная будка у ворот. На вид Гаукинсу было лет пятьдесят. В два часа ежедневно он ходил обедать в одну из ближайших гостиниц. Остальное время он сидел дома, за редкими исключениями. Он сам покупал все необходимое и не принимал у себя никакого человека. Никто из посетителей гостиницы, где обедал Гаукинс, не мог никогда добиться от него ни одного слова; лишь только кто-нибудь пробовал с ним заговорить, Гаукинс бормотал себе под нос что-то бессвязное. Такая подозрительная таинственность сначала было обратила на себя внимание полиции, но так как Гаукинс ничего предосудительного не совершал, то власти скоро успокоились и решили, что это ни больше ни меньше как полупомешанный чудака, совершенно безвредный. Соседи говорили, что это какой-то известный ученый, помешавшийся на одной идее. Все знали, что Гаукинс был очень образованный человек, доктор каких-то наук, кажется математики, и даже, как утверждали некоторые, бывший профессор. По вечерам соседи видели в доме доктора огонь до поздней ночи, но что он делал, об этом никто не имел никакого понятия.

Вскоре доктор Гаукинс стал ходатайствовать о том, чтобы ему было дано разрешение устроить в собственной усадьбе электрический завод для приготовления искусственных дождевых облаков из морских волн и направлять их в те местности Европы, которые в данное время страдают от засухи. Как ни нелепо было такое предприятие, формальных препятствий к нему не было, и доктор Гаукинс получил требуемое разрешение на устройство дождевого завода. Затем к нему стали доставлять из Шеффилда и Бирмингама разные непонятные машины, которыми скоро уставилась огромная площадь в усадьбе чудака. Каждый день он откуда-то получал письма и телеграммы, и в усадьбе молчаливого иностранца закипела жизнь, а вместо прежней тишины началась шумная работа. В доме поселились еще несколько лиц. Целый день сновали взад и вперед по Риджент-стрит к дому Гаукинса разные люди, и сам Гаукинс совершенно изменился. Теперь его можно было встретить во всевозможных публичных местах, в театрах, на гуляньях, в обществе молодых джентльме-

нов. Он весь сиял, и по всему было видно, что в его жизни произошла какая-то счастливая перемена.

Постройка знаменитого дождевого завода, над которым смеялись лондонские электротехники, подвигалась тем временем быстро вперед. Никто из рабочих не понимал, для чего будет служить та или иная часть гигантских сооружений, и все только слепо исполняли данные приказания. Работами непосредственно заведовал инженер, еще довольно молодой человек, тоже иностранец, пользовавшийся заметно полным доверием Гаукинса.

Мало-помалу все привыкли к работам доктора и перестали ими интересоваться, работы между тем продолжались и продолжались, и скоро делу было суждено разъясниться самым неожиданным образом.

Вечером того же дня, в который произошел описанный в предыдущей главе разговор в вагоне о планете Марс, оба иностранца имели продолжительную беседу с доктором Гаукинсом.

— Ну, вот, Виктор Павлович, — говорил инженер, — наши работы и кончены. Теперь дело осталось только за мелочами. Через месяц Марс будет в положении, когда нам как раз и нужно будет махнуть на него.

— Все это хорошо, хорошо, а только не годится так делать, как Шведов. За каким чертом ему понадобилась эта женщина? Чтобы разболтала всем?

— Во-первых, Виктор Павлович, — отвечал помощник инженера, это — не женщина, а молодая девушка, во-вторых, она никому ничего не скажет уж потому, что сама полетит с нами.

— Да на что она нам нужна? Куда лучше бы было полететь втроем! А то поднимет визг, поразвесит по всему судну свои юбки, а там еще окажется в интересном положении... Возись тогда с псу!

— Виктор Павлович! Побойтесь Бога! Она еще барышня.

— Барышня, барышня! Все они такие! В гимназии до квадратных уравнений еще не дойдет, а уж завяжет альбом с любовными стихами!..

— Ну, перестаньте ворчать, Виктор Павлович, — сказал инженер. — Что сделано, того не воротить. Я думаю, что

нам опасаться не следует: лицо этой англичанки такое симпатичное, что невольно внушает доверие.

— Да пусть летит, мне все равно! Я боюсь только одного, как бы она не разболтала по всему Лондону прежде, чем мы тронемся с места. А Лессинг и явится тут как тут, и все дело погубит.

— Виктор Павлович! Когда вы перестанете наконец бояться Лессинга? — спросил помощник инженера. — Ведь целых четыре года прошло с тех пор, как вы оставили университет. Лессинг о вас и думать забыл.

— Как же, забыл! Это животное все сделает, лишь бы мне повредить... Он у меня ни на минуту не выходит из головы. Еще бы мне не бояться! С тех пор как мы прочитали в газетах, что Лессинг командирован с научною целью в Англию, я и спать спокойно не могу. Боюсь, что мы не улетим благополучно.

— Да откуда же он может знать, что доктор Гаукинс из Нью-Йорка и Виктор Павлович Русаков — одно и то же лицо? Вы так хорошо скрыли свое имя, что этого никто никогда не узнает!

— Лессинг может узнать. Это — хитрая бестия, а все через вашу девчонку — она разболтает.

— Да не разболтает, я в том порукой. Не понимаю, почему вы так предубеждены против нее. Каким вы сделали несправедливым женщин!

— Ну, да что там толковать! — сказал профессор. — Пусть едет! Теперь ничего не подделаешь. Дорогой научим ее в винт играть; все лучше, чем с болваном.

— Вот видите, — сказал Шведов, — вам же будет лучше. Да, теперь все готово... А право, как подумаешь, что через несколько дней предстоит такое путешествие, странно становится.

— Да, времени у нас осталось всего лишь один месяц, — сказал Русаков, — надо усиленно готовиться.

— Да ведь все готово, — заметил Шведов. — А зарядить цилиндры следует не раньше как девятого сентября. Теперь нужно только меблировать корабль.

— В этом уж мы положимся на вкус Эдвардс. Но вы напрасно думаете, Петр Петрович, что нам делать больше уж

нечего, — заметил Краснов. — Работы много. А закупить все необходимое по составленному списку, а запаковать и привезти все? Это потребует немало времени. Вы ведь знаете, что если для нас безразлично расположение предметов в дороге, то в момент толчка много значит правильная установка. Если окажется заметная фальшь в равновесии, то мы не попадем на Марс; а если равновесие и не будет нарушено, но вещи будут плохо упакованы, то многое может разбиться, поломаться от внезапного толчка, который нарушит общую инерцию. А нужно, чтобы ни того ни другого не было. Пождем барышню и завтра же примемся за покупки.

— Не забудьте купить карты, — сказал профессор.

— Хорошо, — отвечал Краснов и сделал отметку в своей записной книжечке.

IV

На другой день, часов около двенадцати утра, к дому доктора Гаукинса подъехала карета, из которой вышла мисс Эдвардс и позвонила. Доктор сам открыл ей дверь.

— Имею удовольствие видеть доктора Гаукинса?

— Он самый, он самый. А вы — мисс Эдвардс? Очень рад, очень рад. Едем, едем на Марс. Дорогой будем играть в карты. Вы играете?

— Играю. Но разве вы думаете дорогою взяться за карты?

— А что же мы будем делать двести шесть дней, пока не долетим до планеты?

— Хорошо, — засмеялась Мэри. — Но будет ли это удобно?

— Уж не думаете ли вы, что мы отправимся на каком-нибудь аэростате? Нет, сударыня, мы летим на большом корабле, в котором будет общая зала и у каждого пассажира по отдельной комнате.

— Где же мои вчерашние знакомые?

— А, мои инженеры! В машинном отделении. Пойдемте туда.

Они направились к машинному отделению. Инженеры заметили их приближение и поспешили им навстречу.

— Здравствуйте, друзья, — сказала мисс Мэри. — Покажите же мне ваше диковинное изобретение.

Все вместе вступили под навес машинного отделения.

— Честь этого изобретения, — заговорил Русаков, — принадлежит Краснову. Принцип его состоит в том, что совершенно закупоренное судно, в котором мы все четверо поместимся, получит настолько сильный толчок, что благодаря ему оно приобретет огромную скорость, достаточную для того, чтобы в течение двухсот шести дней долететь до Марса. Здесь вы видите, мисс, два отделения. Первое представляет тот механизм, который выбросит нас в пространство; а там, навсрху, видите, находится вторая наша постройка, наше будущее жилище, уже положенное на место и приспособленное должным образом. Начнем осмотр по порядку с первого.

— О нет, нет! — возразила Мэри. — Что я тут разберу? Понять такой сложный механизм свыше моих сил. Здесь без конца колеса, цилиндры, рычаги, ремни!.. Оставим это и пойдемте лучше смотреть корабль. Но скажите, господа, по секрету, — кто вы такие? Ведь мы теперь — свои люди.

— Я — бывший профессор математики в русском университете, Гаукис, то есть, собственно говоря, моя фамилия не Гаукис, а Русаков.

— Ах, это вы. Я хорошо помню, как три или четыре года тому назад газеты много писали о загадочном исчезновении знаменитого русского математика Русакова. Так вот чем объясняется ваше исчезновение! Это вы тот знаменитый профессор?

— Да, это я...

— Что же мне сомневаться в успехе поездки, если за него ручастся такое светило ученого мира! А вы, господа, тоже профессора?

— Нет, мисс, — сказал Шведов. — Я всего только бывший студент-математик, ученик Виктора Павловича...

— И лучший ученик, — перебил Русаков. — А вот Краснов так совсем самоучка-математик, но такой ученый, что перед ним сам Ньютон — только мальчишка и щенок. Если бы вы знали, как он остроумно интегрирует!..

— Вот как! Как же после этого мне не радоваться поездке на Марс, которая сводит меня с такими выдающимися людьми! Идемте же посмотреть наше будущее помещение.

Все поднялись по лестницам вверх. Корабль инженера Краснова представлял почти правильный конус, сделанный

из какого-то неизвестного металла. Посредине было небольшое круглое отверстие, которое изнутри легко можно было закупорить так, что судно закрывалось герметически. Стены были очень толстые и состояли, по словам Краснова, из нескольких перегородок, между которыми находилось не что иное, как обыкновенная вода, что требовалась для оказания необходимого сопротивления первоначальному толчку. Через весь корабль по боковой стене проходила витая лестница, достигавшая почти самой вершины конуса. Войдя внутрь, Мэри увидела, что корабль состоит из трех этажей. Первый этаж был предназначен для дорожных запасов пищи и воды, продуктов для добывания искусственного воздуха и поглощения углекислоты и для склада прочих необходимых в путешествии вещей. Почти весь первый этаж состоял из многочисленных шкафов с мягкими стенками, устроенными для того, чтобы защитить от первоначального толчка хранящиеся в шкафах предметы. Весь корабль был выложен изнутри с тою же целью эластичной обивкой. В этом же этаже находились различные приборы и машины, а также резервуар для поглощения разных нечистот. Второй этаж занимала большая общая зала, а верхний был разделен на четыре квадранта, из которых каждый представлял отдельную комнату для одного из пассажиров корабля.

— Как же называется ваше судно? — спросила Мэри.

— Ах, об этом мы еще не подумали, — отвечал профессор. — В самом деле, как нам его назвать?

— Нужно подумать, — промолвил Шведов.

— Я предлагаю назвать его «Галилеем», — сказал Краснов. — Галилей первый проник умственным взором в небесные тайны; пусть же и теперь «Галилей» первый посетит другую планету!

— Отлично, отлично! — воскликнула Мэри. — Я в восторге. Так вы все согласны, господа, чтобы наш корабль назывался «Галилеем»?

Профессор и Шведов не протестовали.

— Ну, как вам нравится, мисс, наш «Галилей»? — спросил Краснов.

— Судно прелестное! Я уверена, что дорога отнюдь не будет нам тягостна.

— Тягостна! — воскликнул Русаков. — Не повторяйте больше этого наивного выражения! Дорога будет очень интересная и веселая, а не тягостная. Эти двести шесть дней промелькнут, как одна неделя. У нас будет порядочная библиотека, будут различные игры и развлечения... Будем играть в винт, я вам буду читать лекции, будем дифференцировать, интегрировать...

— Нет, мерси, я отказываюсь от вашей математики, — сказала Мэри.

— Как?! Вы не хотите слушать лекции?

— Да, конечно, не хочу. Я уже забыла алгебру с геометрией, а вы навязываетесь с вашими интегралами!

— Я вам сначала прочту повторительный курс элементарной математики.

— Не хочу я вовсе вашей математики: я ее терпеть не могу.

— Как же это!.. Не знать математики!.. Это, это... Пусть лучше на Земле остается, чем едет на Марс, не зная дифференциального и интегрального исчисления. Я не хочу, чтобы жители Марса смеялись над нею...

— Да они даже и арифметики, может быть, толком не знают! — заметила Мэри. — Вы мне лучше скажите, почему я не вижу окон? Неужели мы весь путь и будем сидеть, как в тюрьме, не видя, что вокруг нас делается? Это электрическое освещение ведь надоест до крайности.

— Окна у нас имеются со всех сторон корабля, не беспокойтесь, — отвечал Краснов. — Только они теперь пока закрыты, чтобы не разбились от толчка. А когда мы вылетим в пространство, солнечный свет заменит нам электрический, который нам будет светить только сначала. Электричество — это бесподобная вещь: оно будет нас и освещать, и согревать, и обед нам готовить.

— Не нужны ли вам, господа, деньги? — спросила Мэри. — Пожалуйста, говорите, пока не поздно. У меня их, кажется, очень много, более миллиона, и они мне теперь, как жительнице Марса, совсем не нужны.

— Очень благодарны! — отвечал Русаков. — Глубоко ценим ваше предложение, но должны от него отказаться только потому, что нам также деньги будут уже бесполезны: все

необходимое в дороге у нас будет, а без роскоши мы обойдемся.

— Напрасно отказываетесь; вы этим меня сильно огорчаете. Зачем отказываться от роскоши и комфорта, если они нам доступны!

— Ну, хорошо. Мы поручаем вам меблировать корабль и приобрести необходимый дорожный инвентарь.

— Охотно принимаю это почетное поручение и постараюсь не ударить лицом в грязь. Земля не должна вызывать порицания на Марсе.

— Но предупреждаю, что вам будет очень много работы. Видите, корабль совершенно пустой. А нужно все закупить и покончить все дела к десятому сентября.

— Тем лучше, что много дела: я, следовательно, не буду скучать. Чтобы не тратить напрасно времени, я отправляюсь сейчас по делам. Вечером я буду снова у вас. Вы же приготовьте мне список нужных вещей, и завтра я начну ездить по магазинам. До свидания!

— Не смеем удерживать, — сказал профессор. — Смотрите же, вечером приезжайте снова, мы так рады будем вам.

Мэри уехала.

— Какая симпатичная девушка! — заметил Русаков. — Я очень рад, очень рад, что она едет с нами.

Но если кто был этому особенно рад, так это Петр Петрович Шведов. Юный математик сразу влюбился по уши в хорошенькую англичанку. Она целый день не выходила у него из головы, как он ни старался увлечься работой; он с нетерпением ждал вечера. Наконец он не выдержал, оставил работу и пошел погулять по городу, чтобы немного освежиться. Но в городе его ожидал сюрприз, который совершенно испортил его настроение духа. На одной из больших улиц Шведов чуть не столкнулся с господином средних лет. Подняв голову, он с ужасом увидел, что это был не кто иной, как профессор физики Лессинг. Под влиянием постоянных речей Русакова о злобредности Лессинга Шведов и сам привык считать Лессинга самым опасным для них человеком. Профессор, конечно, не узнал Шведова, так как последний значительно изменился за четыре года; но зато Шведов узнал Лессинга с первого взгляда. Это событие так взволновало юношу, что он

немедленно возвратился домой. Он решил никому не говорить о своей встрече, чтобы не тревожить друзей, особенно Русакова.

Вечером он успокоился, так как к ним снова приехала мисс Эдвардс, которая провела с ними весь вечер. Они долго разговаривали о предстоящем путешествии, пили чай, играли в карты. Мэри уехала только в два часа ночи, успев очаровать всех троих математиков.

Наступило 11 сентября. Мэри в течение месяца проводила целые дни на Риджент-стрит, занимаясь меблировкой «Галилея». Корабль был отделан на славу. Мэри с честью выполнила возложенное на нее поручение. «Галилей» блистал ценными и дорогими предметами, установленными необыкновенно уютно и прочно. В своей маленькой каюте наверху каждый из четырех пассажиров «Галилея» мог найти все, что только пришло бы в голову самому прихотливому человеку. В каждой комнатке были койка, письменный стол со всеми необходимыми принадлежностями, туалетный столик, шкаф для платья и белья, кресло и по два стула. Здесь же были электрическая лампа для освещения и электрическая печь на случай холода. Каждая комнатка имела по одному окну, которые пока были наглухо закрыты. В общей зале около стены стояло два шкафа с дорожной библиотечкой. Здесь же была и столовая «Галилея». Посреди комнаты находился круглый стол; у стен стояли две кушетки, ряд кресел, пианино, изящные столики и прочая мебель. Окна и здесь пока были закрыты. Кладовые были переполнены съестными припасами. Посуды, а также белья и платья были взят достаточный запас. Путешественники взяли с собою для сведения жителей Марса много предметов, наглядно свидетельствующих о земной цивилизации, например фотографический аппарат, фонограф, стереоскоп и прочее. Все это также находилось в общей зале. 10 сентября все было окончательно установлено, проверено по списку и надежно упаковано.

Краснов раньше всех проснулся 11 сентября и тотчас же отправился в машинное отделение. Он внимательно осмотрел все части механизма. Было бы очень досадно, если бы в критический момент оказалась какая-нибудь неисправность. Но Краснов мог быть спокоен: все работы велись под его

личным наблюдением, и неисправности нигде не оказалось. Часам к двенадцати приехала Мэри, которая в этот день была уже в светлом платье, так как решила вместе со своим траурным костюмом оставить на Земле свое горе и начать на Марсе новую жизнь. Друзья позавтракали на Земле в последний раз и стали готовиться к отъезду. Под руководством Краснова внимательно обошли еще раз все машинное отделение, а также проверили дорожный инвентарь. Все было в порядке, только Русаков не нашел в кармане своей записной книжечки с вычислениями. Сначала было это обстоятельство его взволновало; он не мог вспомнить, где мог он ее выронить; если бы она попала в чужие руки, то планы их были бы отчасти обпаружены. Однако Шведову и Краснову удалось его скоро успокоить: вряд ли кто мог понять, что, в сущности, означают его вычисления; а если бы это и случилось, то теперь их действиям уже никто не помешает: через несколько часов они оставят Землю.

В семь часов наши путешественники распрощались с Землею и вошли внутрь «Галилея». Краснов герметически закрыл отверстие, и наши друзья оказались наглухо запертыми в своем корабле. Они сели в общей зале, которая имела красивый и несколько фантастический вид. Совершенно круглая, с закрытыми окнами, залитая электрическим светом, она поражала своей роскошью и оригинальностью. Бархатная мебель, богатые картины на стенах и лепные изображения на потолке были расположены с большим вкусом, и в целом зала имела вид необыкновенно роскошный и в то же время уютный. Лестница, соединявшая залу с нижним этажом и верхними комнатами, скрывалась красивой драпировкой. Краснов сел в кресло подле электрического аппарата, который должен был привести в движение механизм, и положил перед собой хронометр, тщательно выверенный. Профессор в заметном волнении расхаживал по комнате, а Мэри и Шведов сидели вдали от Краснова на кушетке.

— Итак, прощай, Земля! — сказала Мэри.

— Что день грядущий нам готовит? — продекламировал Шведов. — А что если мы не выдержим толчка и разобьем себе головы?

Краснов возмутился:

— Вечно у вас всякие нелепые сомнения! Это о мягкие-то стены или мебель вы боитесь разбить свою драгоценную голову?

— Если вы, Петр Петрович, боитесь толчка, — сказала Мэри, — я советовала бы вам уйти в свою комнату и лечь в постель.

— Нет, нет, нет, последние минуты на Земле мы должны провести вместе, — решительно сказал профессор.

— А что если на Марсе нет атмосферы? — не унимался Шведов.

— А что если нет и самого Марса? — в тон ему проговорил Краснов. — А что если Земля стоит на трех китах?..

— Чего вы злитесь? Я ведь только шучу. Если бы я в самом деле сомневался хоть немного, я бы не поехал с вами. Разве можно математику сомневаться в том, что так строго научно доказано!

— А как, однако, неприятно это выжидательное бездействие! — сказал Русаков, шагая по комнате.

— Не хотите ли в винт? — пошутила Мэри.

— Нет, теперь не до винта.

— А сколько времени, Николай Александрович? — спросила Мэри.

— Двадцать минут восьмого.

— Уже? Однако ждать-то недолго. Не заметим, как и пролетят последние минуты нашей земной жизни и наступит новое бытие.

— Будем надеяться, что не загробное, — заметил Русаков.

— О нет! — воскликнула Мэри. — Тогда лишь и начнется у нас настоящая жизнь, как пробьет третий звонок и Николай Александрович двинет свой поезд.

В таких разговорах незаметно прошло время, пока Краснов, не спуская глаз с хронометра, не объявил:

— Восемь часов шесть минут!

— Да? Только шесть минут осталось?

— Ну, господа, принимайте позы поудобней, — сказал Краснов.

— Уходят, Петр Петрович, — сказала Мэри, — я помещусь одна на этой кушетке.

Шведов пересел на соседнее кресло. Профессор занял другую кушетку, а Краснов не изменял своей позы над аппаратом.

— Сколько времени остается? — снова спросила Мэри, когда все расположились на своих местах.

— Восемь минут двадцать две секунды.

— Еще целых четыре минуты! За это время Петр Петрович успеет еще раз поссориться с Николаем Александровичем.

— Нет, я лучше уж буду молчать, — сказал Шведов.

— И хорошо сделаете, — заметил Краснов.

— Одиннадцать минут! — сказал Краснов.

— Ай! — вскрикнула Мэри. — Одна минута! Нужно теперь крепко держаться, не то подбросит меня с этой кушетки прямо на голову уважаемому профессору! Ну, скоро? А? Скоро?

Краснов молчал и не спускал глаз с хронометра.

— Прощай, Земля! — повторила Мэри.

В это мгновение Краснов сильно нажал кнопку. «Галилей» весь как-то дрогнул и подбросил вверх своих пассажиров. Однако все обошлось благополучно, и мягкие стены спасли всех от ушибов. Все свершилось настолько тихо и незаметно, что не верилось, в самом ли деле снаряд дал нужный толчок. Краснов бросился к одному окну и порывисто стал отвинчивать гайки, закрывавшие его. Через минуту внутренняя закладка отпала. Краснов надавил электрическую пружинку, — отпала внешняя закладка, и обнаружилось эллиптическое окно, сделанное из толстого хрусталя. Все бросились к окну. Земля тянулась внизу темной тучей, причем море резко отличалось от суши серебристым цветом. Где находился Лондон, о том можно было только догадываться. Через несколько секунд Земля заволочлась какой-то дымкой, и уже трудно было отличить море от суши.

— Как просто это произошло, однако! — сказала Мэри.

— А вы разве ждали грома и молний? — спросил Краснов.

— Нет, но все-таки думала, что произойдет немало пертурбаций.

— Ну, господа, — торжественно проговорил профессор, — наши работы кончены, и нам остается ждать только резуль-

татов. Будем коротать время до тех пор, пока Марс не примет в число своих жителей четырех новых членов. Из земных обитателей всех времен до сих пор никто не был на Марсе. Эта честь выпадает на нашу долю.

— Да, на нашу долю, Виктор Павлович! — раздался вдруг позади него голос.

Все оглянулись.

Перед ними стоял профессор Лессинг.

V

В первую минуту все остолбенели и не могли выговорить слова от изумления. Лессинг молча стоял подле лестницы, слегка улыбаясь, и ожидал, что ему скажут. Наконец Русаков первый ономнился и сделал шаг вперед:

— Как вы смели, милостивый государь, забраться сюда воровским образом?

— Не волнуйтесь, Виктор Павлович, — отвечал Лессинг, не изменяя своей позы. — Вы ведь сами жаждали, чтобы Лессинг поскорее узнал о ваших работах и путешествии на Марс. Вот он и узнал, и вам незачем отправлять с Марса депеши.

— Как! У вас еще хватает наглости трунить надо мной! — горячился Русаков. — Вы забываете, что нас четверо против вас одного, что мы можем сию же минуту выбросить вас вон из корабля, и вы шлепнетесь на Землю!..

— Охота вам, Виктор Павлович, чепуху говорить! Ведь вы не можете этого сделать.

— А почему, почему?

— Да потому, что вы все — прекрасные люди и отнюдь не способны на такое злодеяние. Разве возможно, чтобы люди науки лишили жизни одного из своих товарищей! Я надеюсь, что во имя гостеприимства вы больше не будете мне делать упреков за мое самовольное появление. Прощу, господа, в этом у вас всех прощения, но иначе поступить я не мог. Я готов пожертвовать жизнью за то, чтобы побывать на Марсе, а для этого у меня не было другого средства, кроме того, которым я воспользовался. Надеюсь, что вы более любезно примете профессора Лессинга, чем Виктор Павлович.

— Конечно, конечно! — сказала Мэри, обменявшись взглядами с Красновым и Шведовым. — Мы рады вам, господин профессор, а я просто в восторге оттого, что на «Галилее» стало больше еще одним ученым. За что, собственно, вы не любите, Виктор Павлович, господина Лессинга?

— Это мой заклятый враг.

Лессинг расхохотался:

— Неужели вы это серьезно говорите, Виктор Павлович? Этого я, признаться, уж не ожидал. Какой же я вам враг, Виктор Павлович? И не грех вам при других так называть старого друга и сослуживца? Могут подумать, что у нас с вами в самом деле есть какие-то старые счеты. А разве я вам сделал что-нибудь дурное?

— Дурное? Дурное? — горячился Русаков. — А кто постоянно издевался надо мной и в профессорской и на заседаниях физико-математического общества? Это вы забыли?

— Ну а еще?

— Еще, еще? А помните, Иван Иванович, как однажды мы с вами были экзаменаторами на полукурсовых испытаниях и я хотел уйти с экзамена, а вы меня не пустили? Я забыл галстук надеть, а вы говорите, что я не имею права уйти, что я на службе; а студенты смеются...

— Ну, господа, теперь судите меня с Виктором Павловичем! — сказал Лессинг, обращаясь к остальным.

— Какой же вы злока, Виктор Павлович! — вскрикнула Мэри. — И не стыдно вам сердиться из-за таких пустяков?

— Да разве Виктор Павлович действительно сердится! — сказал Лессинг. — Мы с ним большие приятели, а он только хотел перещеголять меня научными исследованиями. Ну, что ж, я признаю свое поражение. По рукам, Виктор Павлович! Да как бы вы были-то без меня? Мы с вами вдвоем ведь целый факультет; на Земле в нашем университете осталась одна мелочь.

— Это правда, это правда!

— Так не будете на меня дуться?

— Как, господа, тут быть? — обратился Русаков к остальным. — Что мне делать с Лессингом?

— Поблагодарить за компанию! — сказал Шведов.

— И предложить кресло гостю! — прибавил Краснов, придвигая Лессингу кресло.

Лессинг улыбнулся и сел.

— Так, значит, это электричество шнырнуло нас на Марс? Когда же эта машина нас доставит к месту?

— Пятого апреля будущего года, — ответила Мэри.

— К этому времени я обещал ректору возвратиться из командировки — медиков экзаменовать. А тут вот какая оказия вышла...

— Но где же нам вас поместить, господин профессор? — спросила Мэри.

— Это где я спать-то буду?

— Да, у нас только четыре комнатки.

— Так мы с Виктором Павловичем в одной будем жить, а заниматься я буду сюда приходить. Он пусть у себя занимается, а то здесь он беспорядку наделает; а я вот на этом столе буду работать. Спать будем вместе. Койки все широкие. Я лазил смотреть.

— Это вы, Шведов, выдумали этот снаряд?

— Нет, Николай Александрович Краснов, — отвечал Шведов, — он у нас мастер на все руки.

— Николай Александрович все знает! — заявила Мэри. — Он даже взял какой-то интеграл, которого и сам Виктор Павлович не решил.

— Вот как!

— И зачем это Лессингу рассказывать? — напустился Русаков на Мэри. — Болтает без толку!.. А Лессинг станет опять смеяться!

— Нет, это очень интересно. Как так профессор Русаков не мог взять интеграла! — пристал Лессинг.

— Вы его тоже не возьмете.

— А может быть, возьму.

— А ну, делайте!

Русаков вынул из кармана клочок бумаги и, написав на нем интеграл, подал Лессингу. Тот посмотрел и сел к столу.

— Не возьмет, не возьмет! — суетился Русаков. — Он плохо знает интегральное исчисление, ему нужно еще простую алгебру повторить... Ну что, что? Решили? А еще председатель математического общества!

— Вы не мешайте мне, Виктор Павлович! Я лучше пойду в вашу комнату. Какая там ваша?

- Там моя шапка лежит.
 - Ну, где я буду искать по всем комнатам вашу шапку?
 - Пойдемте, господин профессор, я вам покажу, — предложила Мэри.
 - Идемте. Вы, барышня, что же, вероятно, вторая Ковалевская?
 - О нет! Я совсем не знаю математики.
- Они поднялись вверх.

Не прошло и десяти минут после ухода Лессинга из залы, как он снова возвратился и, улыбаясь, подал Русакову исписанный листок бумаги со словами:

- Это вот как берется, Виктор Павлович!

Русаков был убит. Лессинг взял интеграл совершенно тем же приемом, как решил его четыре года тому назад сам Краснов. Русаков сконфузился.

— Ну что ж, что ж! — бормотал он. — Хорошо, делает вам честь... У меня тогда голова была не свежа, я плохо соображал... А Иван Иванович сразу понял суть дела.

— Нет, Виктор Павлович, суть дела понял только Краснов, а мы с вами оба лишь школьники, а не профессора. Я так же, как и вы, считал интеграл эллиптическим, пока не прочел его решение в вашей книжечке.

С этими словами Лессинг подал Русакову его потерянную записную книжечку с вычислениями.

— Где вы ее взяли? — изумился тот. — Так это вы стащили у меня этот важный документ?

— Я не стащил, а только поднял на улице. Разве я виноват, что вы разбрасываете по тротуарам такие заметки? Во всяком случае, я вам очень благодарен, Виктор Павлович: благодаря вашей способности терять ценные бумаги я получил возможность отправиться на Марс. Когда я рассмотрел эти заметки, я вскрикнул от изумления: такие там были поразительные выводы по механике! Я тогда целую ночь не спал, потому что не мог оторваться от ваших вычислений. Возможность посетить Марс, без сомнения, должна поразить каждого мыслящего человека.

— Как же вы могли догадаться, что дело идет именно о Марсе? В моей книжечке ни слова об этом не говорится, стоят лишь одни голые вычисления.

— Да ведь я тоже математик, Виктор Павлович! Для меня не требовалось никаких пояснительных надписей. Все написано в самых вычислениях.

— Все-таки не понимаю, не понимаю...

— Да ведь расстояние от Марса до Земли во время его оппозиции было у вас выставлено? Масса Марса была дана? В формуле живых сил данные Марса и Земли были помечены? В задаче о трех телах массы и взаимные расстояния Солнца, Земли и Марса были выписаны? Согласитесь, что этого для меня было вполне достаточно, чтобы понять, о чем идет речь.

— Конечно, — подтвердил Краснов. — Ах, Виктор Павлович, Виктор Павлович, как вы неосторожны!

— Виктор Павлович был настолько любезен, — продолжал Лессинг, — что даже выписал в своей книжечке адрес доктора Гаукенса на Риджент-стрит. Словом, все складывалось так, как будто сам Виктор Павлович приглашал меня сопутствовать ему в путешествии на Марс. Заметьте, господа, что почерк Виктора Павловича я прекрасно знаю, а потому сразу понял, кто автор найденных мною записок.

Русаков при этих словах даже подпрыгнул.

— Вот скандал, вот скандал! Ну и вляпался же я! — проговорил он.

— Конечно, в следующую же ночь я был на Риджент-стрит, увидел в освещенное окно Виктора Павловича и потихоньку осмотрел ваши сооружения. Я знал, что Виктор Павлович на меня дует, а потому решил добиться возможности посетить Марс хитростью... Если бы вы знали, господа, сколько за это время я перенес страха и волнений! Каково это ординарному профессору, доктору физики, лазить впотьмах, подобно вору, прислушиваясь к каждому шороху! Прошлую ночь я дежурил на улице часов пять, пока вы не улеглись спать, и я мог незаметно прокрасться на судно. Нужные вещи я раньше перенес...

— Мы рады вам, господин профессор, — сказала Мэри, — но только я, как хозяйка, наперед вам заявляю, чтобы вы не смели больше обижать Виктора Павловича, а то вам достанется от меня... Я уж вам придумаю какое-нибудь наказание. Вообще, господа, я вам объявляю, что я заведу на «Галилея»

строгий порядок и субординацию. А то ведь вы все — математики: если вас не держать в ежовых рукавицах, то тут беспорядков не оберешься.

— При чем здесь слово «математики»? — спросил Лессинг.

— Математики — взрослые дети. Вам лишь бы интегрировать, а там вы и спать и есть забудете. Вот, например, никто не вспомнит, что мы еще ничего не ели. Пора обедать. Кто мне пойдет помогать?

Вызвался Шведов и вместе с Мэри отправился вниз. Через полчаса стол был накрыт на пять приборов, и начался первый обед в пространстве за пределами земной атмосферы.

Жизнь путешественников с первых же дней вошла в нормальную колею. Русаков, конечно, сидел над своими математическими работами. Краснов большую часть времени проводил с Лессингом, разъясняя профессору подробности своих сооружений и возбуждая по этому поводу различные научные вопросы. Шведов постоянно находился в комнате Мэри: молодые люди затянули любовную канитель, хотя этого пока еще никто не замечал, потому что ученые, устремляясь в мыслях к предслам бесконечности, обыкновенно не видят ничего у себя под носом. Русаков однажды, совершенно, впрочем, случайно и без всякой задней мысли, сконфузил нашу парочку и заставил Шведова потупить глаза. Как-то за обедом профессор выпалил вдруг такую фразу:

— Вот что, господа! Я не хочу спать с Лессингом на одной кровати: он страшно храпит, а я этого не люблю. Женитесь, Шведов, скорей на мисс Мэри, и комната освободится.

Краснов и Лессинг расхохотались и стали поддерживать Русакова. Шведов переконфузился и не нашелся что ответить. Мэри слегка покраснела, но не потерялась и сказала:

— Вместо того, Виктор Павлович, чтобы заботиться о моем браке, подумали бы вы лучше о моем образовании! А то в самом деле, какое ненормальное явление: еду на Марс с целым математическим факультетом и остаюсь полным профаном в математике! А еще сами обещали мне читать лекции.

Можно себе представить радость Русакова.

— Как?! Вы хотите слушать лекции? Хотите слушать лекции?

— Непременно. Я со всех сторон только и слышу: «дифференциал, интеграл», и ничего не понимаю. Пока долетим до Марса, я должна узнать не меньше того, что знают студенты-математики двух-трех первых семестров.

Все общество горячо отнеслось к желанию Мэри слушать математические науки. Тут же после недолгих споров были разделены предметы преподавания. Виктор Павлович должен был читать повторительный курс элементарной математики, а затем прямолинейную и сферическую тригонометрию; Лессинг, конечно, взял механику и физику; Краснов — аналитическую геометрию и астрономию, а Шведов — высшую алгебру и дифференциальное исчисление. Метеорология, как наука исключительно земная, в программу не вошла. Каждая лекция должна была продолжаться около получаса, и в общей сложности занятия должны были отнимать не больше двух часов в сутки. Деканом летучего факультета единогласно был избран Виктор Павлович.

— Итак, следовательно, завтра вы начнете меня просвещать? — спросила Мэри.

— Да, завтра, завтра! — отвечал Русаков. — А все-таки, Иван Иванович, если вы не перестанете хранить, я не хочу с вами жить в одной комнате.

— Если вы не можете ужиться вместе, — сказала Мэри, — то можно кому-нибудь поместиться здесь, в зале. Легко можно даже отделить целую комнату.

— Да переселяйтесь ко мне, Иван Иванович, — предложил Краснов.

— А вот и отлично, — согласился Лессинг. — Только вы, Виктор Павлович, пожалеете, когда меня не будет с вами: вам будет скучно без меня.

— Нисколько; очень буду рад, что вас не будет.

На другой день, в десять часов утра, Виктор Павлович открыл занятия в своем маленьком университете и начал первую лекцию математики. Аудиторией была избрана комната самой слушательницы, куда поочередно должны были являться лекторы согласно составленному расписанию. Кроме очередного лектора, в данное время никто другой сюда не допускался. Это было решено Русаковым в видах успешности занятий, так как присутствие третьего лица, хотя бы

и ученого, могло, по его мнению, способствовать рассеянности слушательницы.

Удачнее всего шли лекции высшей алгебры и дифференциальных исчислений, потому что вместо назначенного получаса Шведов оставался в аудитории часа два с половиною, после чего молодые люди являлись вместе в залу прямо к завтраку с сияющими глазами и покрасневшими лицами, очевидно от увлечения наукой.

VI

Прошло полгода с тех пор, как «Галилей» с своими пятью пассажирами оставил Землю. За это время, конечно, много воды утекло. Что делалось теперь на Земле, о том наши друзья не знали, да мало этим и интересовались. В их маленьком мире было много событий, занимавших их больше, нежели земные войны и революции. За эти полгода, например, успел жениться Шведов на Мэри. Виктор Павлович, как декан профессорской корпорации «Галилея», сначала было и слышать не хотел о том, чтобы их единственная студентка выходила замуж, говоря, что тогда она окончательно пропадет для науки; но потом смягчился и только категорически ей заявил, что до тех пор не выдаст ей свидетельства на брак, пока она не выдержит семестрового экзамена из выслушанных ею математических наук по утвержденной им, Виктором Павловичем, программе. На это Мэри ответила профессору, что он забывает, где находится, что «Галилей» — не Россия, что здесь никаких свидетельств не полагается, а потому она может выйти замуж и без разрешения, но Русаков сказал, что ни он, ни Лессинг до экзамена не дадут благословения на брак, а Шведова, в случае непослушания, исключат из своей профессорской корпорации.

Нечего было делать. Пришлось готовиться к экзамену по программам, составленным профессорами и утвержденным Русаковым. Мэри добросовестно просидела в своей комнате над учебниками два месяца, отказавшись от винта, чтения и музыки. Винт был одним из любимых развлечений на «Галилее», и даже Краснов, раньше мало игравший, к концу путешествия сделался завзятым картежником. За картами разгорались жестокие споры, особенно доставалось Лессингу

от Русакова: профессор физики играл довольно рассеянно, кроме того, ему страшно не везло, в силу чего он успел на «Галилес» проиграть в карты несколько сот тысяч рублей, которые должен был уплатить по возвращении на Землю, в чем выдал своим кредиторам расписки, которые Краснов и Шведов сейчас же уничтожили, а Русаков тщательно спрятал в карман.

Шведов несколько раз пытался заходить к Мэри, выводившей свои формулы, чтобы помочь ей заниматься, но Русаков, заметив это, строго-настроено запретил ему входить в комнату своей невесты до брака, за исключением часов, когда по расписанию полагалась его лекция. Наконец Мэри собралась с духом и однажды заявила Русакову, что готова держать экзамен. На другой же день приступили к испытанию. Шведов, как лицо заинтересованное, не был избран экзаменатором, и комиссия составила из Русакова, Лессинга и Краснова. Лучшие познания студентка обнаружила по аналитической геометрии и получила круглое «пять», за что Виктор Павлович изъявил профессору Краснову благодарность от факультета за образцовое преподавание. По механике, физике, астрономии, элементарной математике и сферической тригонометрии Мэри получила по «четыре». Что же касается дифференциального исчисления и высшей алгебры, то по ним она ответила еле-еле на «тройку». Это были именно те предметы, которые ей читал жених. Поэтому после экзамена Русаков сказал Шведову:

— Вы, должно быть, с ней все целовались, а не задачи решали!

Так или иначе, но экзамены Мэри выдержала успешно. За обедом вышли за здоровье Мэри и Шведова.

— Ну, вот теперь я не буду спорить, — сказал Русаков. — Теперь и я вас благословляю — впрямь до скрепления ваших уз на Земле.

— Теперь и время самое подходящее для женитьбы, — сказал Лессинг, — у нас в России теперь весна.

Это было первого марта. Через месяц с небольшим, пятого апреля, они должны были прибыть на Марс. «Галилей» уже настолько приблизился к нему, что планета теперь казалась большим диском, диаметр которого превосходил видимый с земной поверхности диаметр Луны. Через какой-

нибудь месяц перед ними откроется новый мир, начнется новая жизнь: что она даст им? что они увидят?

Русаков за время путешествия успел написать учебник по вариационному исчислению, хотя Лессинг и советовал ему не терять напрасно времени, потому что на Землю вряд ли они возвратятся, а на Марсе математика преподается, конечно, на иных началах. Сам Лессинг за это время ничего не сделал для науки, а по целым часам просиживал над латинской грамматикой, неизвестно, с какою целью. Когда его о том спрашивали, он весьма серьезно отвечал, что на Марсе непременно должны говорить по-латыни, на что Русаков неизменно повторял:

— Лессинг с ума спятил, с ума спятил!

С первых чисел марта замедленная скорость «Галилея» стала возрастать, и очень заметно: теперь оказывал на корабль притяжение Марс, и это притяжение все усиливалось по мере уменьшения расстояния. Мэри, зная уже, что по законам физики скорость «Галилея» должна возрастать прямо пропорционально квадрату расстояния до Марса, предложила Краснову вопрос о том, что если скорость движения их судна так сильно возрастает, то не разобьется ли «Галилей» при падении с своими пассажирами вдребезги.

— Вот так вопрос! — отвечал Краснов. — За кого же вы меня считаете, чтобы я не предвидел этого обстоятельства! Конечно, в последний момент скорость будет такая ужасная, что никакой снаряд не уцелел бы от толчка. А наш «Галилей» не должен даже и погнуться. Над этим важным пунктом я немало потрудились. Наш «Галилей» не просто дом для жилья, а очень сложный механизм. Мы снабжены такими электрическими приспособлениями, что, приведя их, когда пужно, в действие, мы плавно опустимся на Марс с самой ничтожной скоростью. С последних чисел марта нужно учредить дежурство для наблюдения за Марсом. Ведь дело идет о нашей жизни.

Шли дни за днями. Марс принимал все большие и большие размеры. Ясно можно было различить и материки, и моря, и острова, и каналы. Явилось опасение, что «Галилей» может упасть не на сушу, а в море, хотя он, конечно, не потонет, тем не менее в этом плаваньи не было бы ничего

хорошего. Сходство Марса с Землей было поразительное, только распределение суши и воды было более равномерно. Чем больше приближался Марс, тем более волновались пассажиры «Галилея». Русаков перестал даже задачи решать, а по целым часам смотрел в окно. Лессинг чаще прежнего бросал беседу с классиками, заменяя ее разговором с Красновым, с которым он очень подружился; их связывали научные интересы, и Краснов для Лессинга являлся более подходящим собеседником, нежели Русаков и Шведов: Русаков слишком узко смотрел на науку, оказывая из всех точных наук слишком большое предпочтение чистой математике; что же касается Шведова, то он, видимо, умер для науки и редко показывался с женой из своей кельи; да и понятно: для молодой четы ведь начался медовый месяц. Русаков, когда оставался со Шведовым вдвоем в комнате, всякий раз укоризненно качал головою и повторял:

— Променял, променял науку на девчонку!

Пятого числа все ждали с нетерпением. Каждому, несмотря на комфорт и удобства, которыми он пользовался на «Галилее», хотелось все-таки побольше свободы и простора, а также слишком уже овладевало нетерпение увидеть другую планету.

А скорость «Галилея» все росла и росла. Движение усиливалось, как говорится, не по дням, а по часам. К концу марта Марс казался огромной тучей странной формы и вида, надвигавшейся на корабль. Предположениям и гипотезам относительно образа жизни на Марсе не было конца. Все были согласны с тем, что жители Марса — люди цивилизованные и культура там стоит высоко, но что это за существа? какой у них внешний вид? чем отличаются мужчины от женщин и какой пол там господствует?

— А мне кажется, — сказал, улыбаясь, Краснов, — что там нет ни мужчин, ни женщин.

— Как так? — удивилась Мэри.

— Да почему вы думаете, что там всего лишь два пола? Это водится только на нашей отсталой Земле. А на Марсе, как на планете более развитой, больше простора для развития всех жизненных форм. Поэтому там должно быть не два пола, а N.

— Чему же равняется N?

— Почему я знаю? Пяти, шести!.. Словом, целому числу.

— Положительному или отрицательному? — спросил Шведов.

— И тому, и другому. Может быть, там пуль полов, что будет означать отсутствие людей, а может быть, там и минус четыре, и минус пять полов.

— Но что же значит — отрицательный пол? — недоумевала Мэри.

— А это будет значить, что вместо людей там живут лишь черти, тении, духи и, пожалуй, спириты.

— Все это вздор! — возразил Лессинг. — На Марсе живут только греки, римляне и покойный Михаил Никифорович Катков.

— Да ведь он умер! Откуда же он там возьмется? — возразил в свою очередь Краснов.

— По вашей же теории, Марс есть жилище теней и покойников.

— Так я могу там встретить своего Эдуарда? — испугалась Мэри. — Боже!.. А я клялась быть ему верной до смерти...

— Придется, мой друг, из-за тебя еще на дуэли драться на Марсе, — заметил Шведов.

Русаков в этом разговоре не участвовал, так как им при приближении Марса овладело поэтическое настроение и он, запершись у себя в комнате, сочинял стихи. Этим он несказанно изумил своих спутников; все думали, что Русаков по-прежнему занимается математикой, и были сильно поражены, когда Виктор Павлович прочел вдруг целую поэму своего сочинения. Поэма была довольно туманного содержания: в ней говорилось и про любовь, цветы и луну, и про исчисление конечных разностей, упоминался ряд Тэйлора и его остаточный член, говорилось и про терзания сердец двух любящих молодых людей.

— Вот так фортель! — воскликнул Лессинг. — Если бы это Петр Петрович написал, я бы не удивился: мало ли каких штук не выкидывают влюбленные! Но Виктор Павлович, Виктор Павлович...

— Что это вам вздумалось, Виктор Павлович? — спросила Мэри. — Такой великий математик и сочиняет стихи!

— А вот потому-то я и сочинил, что я — математик. Вы думаете, что математик в поэзии ничего не понимает? А я вот вам и хотел доказать, что хороший поэт непременно должен быть математиком, а хороший математик должен уметь писать стихи... Математика и поэзия — это синонимы. И чем поэт остроумнее, тем ему легче дается математика. Сама Ковалевская...

— Позвольте, Виктор Павлович, — возразил Лессинг, — разве мы мало знаем поэтов, которые понятия не имеют о математике!

— То плохие, плохие поэты! Хороший поэт обязательно должен быть геометром. Вот Боккачио...

— Помилуйте, Виктор Павлович! Боккачио не знал математики.

— Не знал, не знал! Что ж из этого? Не знал потому, что не учился. А если бы стал учиться, из него вышел бы первоклассный геометр. В поэзии остроумие так же необходимо, как и в интегральном исчислении. Стихи сочинять — все равно что задачи решать.

— Нельзя сказать, Виктор Павлович, что ваша догадка о том, будто из Боккачио вышел бы ученый, если бы он занимался математикой, особенно остроумна, — заметил Краснов.

Все засмеялись. Разговор о поэзии на этом прекратился.

Прошло еще несколько дней. Теперь Марс казался на расстоянии какой-нибудь версты, хотя действительное его расстояние было еще очень значительно. Размеры его казались огромные. С 28 марта учредили полусуточное дежурство для наблюдения за Марсом. Хотя, по вычислениям, оставалась еще целая неделя пути, однако ввиду возможной погрешности в вычислениях необходимо было быть наготове. Дежурному вменялось в обязанность немедленно привести в действие механизм, который должен был оказать противодействие скорости падения «Галилея» в последний момент и тем спасти судно с его пассажирами от гибели, лишь только корабль вступит в область атмосферы Марса. Начало атмосферы определить легко, так как здесь небесная сфера непременно должна получить какую-нибудь окраску, вероятнее всего голубую, как и на Земле. Пространство же от начала атмосферы до поверхности планеты «Галилей»

должен был пролетать даже с уменьшенной скоростью от противодействия снаряда — всего лишь несколько минут.

Математическому анализу и тонкости соображений наших ученых предстояло полное торжество. Вычисления оказались безукоризненно правильными. Прошло 4 апреля, а Марс находился, как казалось, все в прежнем расстоянии. В двенадцать часов ночи очередное дежурство принял Краснов. Сначала никто было не хотел ложиться спать в эту последнюю ночь на «Галилес». Все решили провести ее вместе и так же волновались, как семь месяцев тому назад, когда ожидали на Земле полета. Солнце ярко светило в окно. Ночи наши ученые не видели за все время своего путешествия: Земля не заслоняла солнечных лучей, и дни узнавались только по хронометру; когда ложились спать, то делали искусственную темноту, закрывая ставни окон. Пока никаких признаков атмосферы не было заметно. Краснов, как и в роковой день 11 сентября, был серьезен и сидел на прежнем месте, приблизив к себе проволоку от аппарата; но только его взор был устремлен теперь не на хронометр, а в окно. Шведов экзаменовал Лессинга по латинскому языку, а Мэри и Русаков играли за столом в «свои козыри». Однако компания провела таким образом время только до пяти часов утра. Русаков первый не выдержал и захотел спать, сказав, уходя в свою комнату, что этого Марса никогда не дождешься. Скоро его примеру последовали и супруги Шведовы. Лессинг бодрился дольше других, но в конце концов должен был также покинуть Краснова: Лессинг дежурил прошлую ночь, а днем ему не дал спать Виктор Павлович, который завел речь о том, что экспериментальная физика — вздор.

Краснов остался один на своем посту. Ему также хотелось спать, но мысль о возможной опасности заставляла его бодро смотреть в окно. Не закрывая ни на минуту глаз, он просидел так до одиннадцати часов, как вдруг заметил, что в его глазах даль как бы заволакивается туманом. Протерев глаза, он уже увидел, что в окно глядит голубая лазурь, по которой плавают легкие облака. Краснов довольно улыбнулся, поняв, в чем дело, и моментально замкнул ток от аппарата. «Галилей» сильно дрогнул, и в то же время раздался легкий треск: одно из окон в зале не выдержало толч-

ка и разбилось; осколки посыпались на пол. Испуганный Краснов бросился закрывать ставни, чтобы воздух не вышел и не рассеялся в пространстве, так как на более или менее отдаленном расстоянии от Марса атмосфера должна быть еще достаточно разреженной. Но тревога его была напрасна — в окно дул легкий ветерок: «Галилей», следовательно, уже давно вступил в пределы Марса. Выглянув в разбитое окно, Краснов увидел, что «Галилей» тихо опускается вниз: певедомый мир был у него под ногами. Взглянув на хронометр, он увидел, что было четверть двенадцатого.

Проснувшись от толчка, все остальные пассажиры «Галилея» через несколько минут собрались в зале. Краснов молча и торжественно указал им на разбитое окно.

— Неужели Марс, неужели Марс? — обрадовался Русаков.

— Смотрите, и лес вдали виден! Совсем как на Земле! — закричал Лессинг.

— Нет, вы взгляните-ка сюда! — сказал Шведов, стоя у противоположного окна. — Видите сооружения? Это может нас совершенно успокоить. Без всякого сомнения, это город; значит, люди здесь есть.

— Где, где? — бросился Русаков к Шведову. — Конечно, город; конечно, город!

— Да, но я боюсь, что в нем живут только покойники, как говорит Иван Иванович, — жалобно сказала Мэри.

— Садитесь-ка лучше по местам да держитесь крепче, — сказал Краснов. — Сейчас будет станция.

Все повиновались. «Галилей» опускался, опускался и вдруг как-то подпрыгнул, подбросил вверх своих пассажиров, опрокинулся на бок и лег неподвижно.

— Поздравляю, господа, с благополучным прибытием на воинственную планету, — сказал Краснов, сидя у потолка, куда его отбросило толчком.

— Ну, идем скорее на Марс! — сказала Мэри. — Открывайте, Николай Александрович, дверь.

— Зачем дверь, зачем дверь? — сказал Русаков. — А это зачем?

И он полез в разбитое окно. Все последовали его примеру.

Через минуту все уже стояли на Марсе подле опрокинутого «Галилея» и с восторженным изумлением озирались кругом.

Перед ними открывался новый мир.

VII

Едва только наши математики огляделись кругом в первые минуты по прибытии на Марс, прежде чем они успели принять какой-нибудь план действий, как к ним приблизилась толпа карликов человек в тридцать. Эти карлики были приблизительно в аршин росту, с длинными, нестриженными волосами и бородами. Одеты они были крайне своеобразно, причем их костюмы отличались большой пестротой. На голове каждого карлика красовалась невысокая разноцветная коническая шляпа; цветная туника, не достигающая на вершок донизу, была перехвачена легким поясом, на котором висело много, много украшений и побрякушек; поверх туники был наброшен короткий плащ; обувь составляли высокие башмаки различного цвета. Карлики не подходили очень близко, а, остановившись на некотором расстоянии от «Галилея», с изумлением рассматривали диковинных великанов. Путешественники обрадовались столь скорой встрече с жителями Марса и решили тотчас же вступить с ними в переговоры. Лессинг выступил вперед и заговорил на латинском языке. Карлики стали вслушиваться, но на лицах их выражалось недоумение: язык Цицерона, очевидно, им был неизвестен. После неудачи Лессинга стали объяснять карликам жестами, чтобы их провели в город и представили начальству, но пантомима также не имела успеха. Ученые сделали несколько шагов вперед, чтобы ближе подойти к марсианам и лучше объяснить им свои желания, но карлики, зорко следившие за каждым движением великанов, испугались и пустились бежать.

Оставшись одни, путешественники решили ожидать второго появления карликов, так как беглецы, несомненно, расскажут в городе о виденной ими диковинке и администрация, конечно, не замедлит сделать на этот счет каких-нибудь распоряжений. И в самом деле, едва лишь наши ученые пообедали и снарядились к предстоящему путешествию по

Марсу, как к ним приблизились целый отряд карликов человек в пятьсот. Путешественники решили не возбуждать против себя карликов и беспрекословно подчиняться всем их требованиям, чтобы тем легче достигнуть взаимного согласия и вызвать полное к себе доверие марсиан. Отряд сопровождал металлическую клетку на колесах, вроде тех, в которых у нас содержатели зверинцев возят львов или белых медведей. Клетку везли человек пятьдесят карликов. Эта клетка, конечно, предназначалась для пленников, если их удастся взять живыми. Карлики на этот раз были вооружены какими-то сетями или арканами и длинными шестами. Нельзя было сомневаться в том, что в случае борьбы победа останется на их стороне.

Маленький начальник отряда выступил вперед и обратился к великанам с речью, которой наши друзья, конечно, не поняли, но из жестов говорившего заключили, что он предлагает им добровольно сесть в клетку.

Путешественники решили исполнить его желание и среди испуганной, расступившейся толпы направились к клетке и вошли внутрь. В ту же минуту дверь автоматически закрылась, и несколько карликов бросились укреплять затворы. Начальник пришел в восторг от послушания великанов и, довольный, что так легко окончилась его опасная экспедиция, стал что-то быстро говорить пленникам, те знаками старались показать, что они не понимают его слов. Несколько человек впряглись в колесницу, остальные окружили клетку, и наших друзей куда-то повезли.

— Однако это никуда не годится! — заворчал Русаков. — Нас, как зверей, везут в клетке! Я доктор математики...

— Да, на Земле, Виктор Павлович, — заметила Мэри, — а здесь вы ничего больше, как диковинное чудовище.

— Не возмущайтесь, Виктор Павлович, — сказал Лессинг, — ведь нам следовало ожидать того, что с нами случилось. Должны же эти человечки принять меры предосторожности. Вот скоро мы расскажем им, откуда и зачем мы приехали, объясним свои мирные намерения, — и тогда наше положение сразу изменится к лучшему.

Однако в ожидании лучшей будущности земным ученым пришлось на первых порах испытать немало неприятностей

на Марсе. Часа через полтора их привезли в город. Этот город состоял из маленьких, словно игрушечных, домиков, аршина в три высоты, с плоскими крышами, большей частью одноэтажных. Большинство домиков имело цилиндрическую форму. Иногда попадались маленькие баненки аршин в восемь высоты. Ничего похожего на улицы нельзя было заметить. Домики теснились беспорядочными кучками. Между строениями росли деревья, так что вообще город казался построенным в саду или в лесу. Стаповилось темно, когда отряд вступил в город. Лес усиливал наступавшие сумерки. Предметы принимали фантастические очертания. Во многих домах светились огоньки. Во всем этом новом, словно сказочном, мире было столько чарующей прелести и поэзии, все увиденное путешественниками на Марсе было так похоже на земное, что пленники охотно бы примирились со своей участью, если бы у них не было беспокойства за свою жизнь и благоприятный исход дела.

Колесница медленно пробиралась между деревьями, по-прежнему окруженная конвоем. Наступила уже ночь, а отряд все подвигался и подвигался вперед. Кажется, проехали уже и город; по крайней мере домики попадались все реже и реже. Наконец пленников привезли на довольно обширную поляну, окруженную металлической оградой. Ночной мрак и деревья скрывали ее границы. Начальник отряда сделал какие-то распоряжения, после чего карлики удаллись, оставив ученых одних в своей клетке, и затворили за собой ворота ограды.

— Однако дадут ли нам поужинать? — проговорил Лессинг. — Я проголодался. Эй, эй, господин маленький! Выпустите же нас из этой шкатулки!

Но на его крик не последовало никакого ответа. Прождавши напрасно несколько часов, наши друзья убедились, что к ним уже больше никто не появится, а потому им больше ничего не остается, как постараться заснуть.

Проснувшись на другой день, путешественники увидели, что двор, на котором стояла их клетка, наполнен карликами. Толпа народа тесно окружила клетку и с любопытством рассматривала диковинных великанов. Некоторые смельчаки подходили к самой клетке, но большинство не подступали к ней

ближе двух аршин, видимо опасаясь, как бы какой-нибудь из великанов не укусил смельчака, поймав его протянутой сквозь решетку рукой. Однако мало-помалу толпа, видя мирное поведение великанов, делалась смелей и смелей; а когда Лессинг снова заговорил на латыни, то все стихли и стали прислушиваться. Но римская речь и на этот раз осталась непонятной. Путешественники поочередно говорили с толпой на различных европейских языках, но, конечно, с одинаковым неуспехом. Наконец Мэри стала объясняться с карликами пантомимой, показывая на рот и двигая челюстями, желая этим выразить, что они голодны. На этот раз их поняли тотчас, и через несколько минут карлики панесли целые кучи разных плодов и принялись угощать ученых великанов, причем многие карлики доводили свою смелость до того, что передавали плоды из рук в руки. Голод ли был так силен, или плоды Марса были так вкусны, но только ученые позавтракали с большим аппетитом и мало-помалу стали приходить в хорошее настроение духа. Только Виктор Павлович был мрачен. Каково же было его негодование, когда один легкомысленный мальчик, просунув в клетку палку, стал ею махать, с очевидною целью разозлить чудовищ.

— Это, это уж черт знает что! Нас дразнят, как обезьян в зверинце! Ах вы негодяи! Что ж мы, звери, что ли? Да понимаете ли вы, что мы — профессора, ученые. Ах вы ослы! Ах вы болваны! Значит, нам нет другого места, как в зоологическом саду?

Толпа поняла причину гнева Виктора Павловича, и в ту же минуту один пожилой карлик выступил из толпы, разгневанным голосом сделал виновному мальчику выговор, вырвав из его рук палку и отбросив ее в сторону, после чего тот с виноватым видом, опустив голову, быстро удалился. Это немного успокоило Виктора Павловича, но он все-таки продолжал ворчать вполголоса.

Скоро к клетке подошел какой-то важный сановник в сопровождении свиты; перед ним толпа почтительно расступилась. Осмотрев внимательно великанов, сановник обратился к ним с речью. Великаны стали объяснять ему знаками, что они его не понимают. Сановник сделал какие-то распоряжения и важно удалился.

В тот же день в положении наших путешественников произошла перемена: их всех разъединили друг от друга. По уходе саповника им принесли обед, очевидно для них специально приготовленный, состоявший из нескольких блюд. Каждому пища подавалась в отдельной чаше, но ни ложек, ни вилок, ничего подобного им не давали, и ученые должны были извлекать пищу руками. После обеда им подали по чашке очень вкусного горячего напитка, но, видимо, содержавшего большой процент какого-то наркотического вещества. Краснов заметил, что их, вероятно, угощают этим питьем для того, чтобы усыпить, а затем сонных куда-нибудь перенести. Остальные согласились с этим мнением, но тем не менее от питья не отказались. В самом деле, через несколько минут земные великаны погрузились в сон. Когда же они очнулись, то каждый из пяти путешественников увидел себя уже в другой обстановке и без своих товарищей: где же находились другие путешественники и что было с ними, он не знал. Таким образом, наши друзья с этого дня потеряли один другого из виду, за исключением Виктора Павловича и Мэри, которым посчастливилось через три дня увидеться и с этого дня уже не разлучаться.

Краснов проснулся в маленькой круглой комнатке. Он с изумлением осмотрелся кругом и увидел, что друзей с ним не было, а против него сидел маленький седой старичок. Краснов оказался пленником в большом замке, в большом с точки зрения обитателя Марса, но в котором Краснов мог ходить, не сгибаясь, только в некоторых комнатах. Он был совершенно свободен в пределах замка, но ему строго-на-строго запретили выходить за ворота, объяснив знаками, что при малейшей попытке с его стороны к бегству стража его убьет. Краснов дал понять, что он охотно повинуется такому требованию и прежде всего желает научиться местному языку. Такому его желанию вполне сочувствовал и хозяин замка и сам целые часы проводил с ним, объясняя, как называются различные предметы и понятия. Уже через три дня Краснов мог сказать на языке Марса, когда он хочет есть, спать или гулять по саду замка. Владелец замка был в восторге. Он объяснил Краснову, что, когда они научатся вполне понимать друг друга, ему будет дано больше свободы и он узнает

много интересного. А пока жизнь Краснова была хотя и однообразна, но отнюдь не тягостна: он пользовался полным комфортом и относительной свободой, в его распоряжении было несколько слуг.

Краснов ближе и ближе сходиллся со своим хозяином, необыкновенно умным и симпатичным карликом. Скоро уже он мог объяснить карлику, откуда он прибыл со своими друзьями, причем карлик вполне ему поверил: очевидно, осмотр оставленного «Галилея» многое объяснил карлику и без слов Краснова. Через месяц Краснов уже настолько владел языком Марса, что с успехом мог говорить со своим хозяином обо всем и вести с ним ученые диспуты по всевозможным вопросам. С этих пор началась для Краснова новая жизнь, его ближайшее знакомство с Марсом. Много интересного он узнавал из слов и объяснений своего хозяина, многое наблюдал лично, — и все вместе заставляло его больше и больше раскрывать глаза от изумления.

VIII

Тихая светлая ночь. Две полные луны, одна в зените, другая над горизонтом, освещают Марс бледно-голубоватым светом. Тишина ночи изредка нарушается шелестом леса, когда по листьям пробежит легкий ветерок. Город еще не спит. Из раскрытых окон маленьких домиков несутся пение и разговор. Толпы маленьких человечков еще видны в различных местах, под деревьями. На площадке под высокой башенкой, принадлежащей одному из лучших замков в городе, видны две фигуры, великана и карлика: это Краснов и его хозяин. Они ведут оживленный разговор. Краснов заметно горячится, карлик рассуждает более спокойно.

— Я выслушал твои возражения, — сказал карлик, — и отчасти могу с тобой согласиться. Я не спорю, что многие из указанных тобой явлений нужно отнести к отрицательным сторонам нашей общественной жизни. Но нельзя же, Николай, замечать только дурное. Ты сам указал мне на некоторые светлые стороны в жизни нашей планеты. Я не был на Земле, но если бы я туда попал, я нашел бы, право, больше случаев возмущаться земной жизнью, чем ею восхищаться. Мы на

многие возмутительные явления часто смотрим только потому легко, что мы к ним привыкли. Когда я слушал твои рассказы о Земле, я много раз приходил в ужас и негодование. Вспомни, как часто я содрогался от твоих рассказов о том, как жестоко земные люди обращаются с другими живыми существами на Земле. Ваши люди, несмотря на всю вашу пресловутую цивилизацию, отличаются самою зверскою кровожадностью, которая доходит до того, что вы убиваете целыми массами животных затем, чтобы есть их трупы; и у вас никто не приходит от того в ужас. Даже ты, человек развитой и больше других отрешившийся от варварских привычек, по твоим же рассказам, много раз ел трупы птиц, рыб и зверей без всякого отвращения. У вас существуют трупные магазины, где можно купить на вес кусок трупа какого угодно зверя; и такие магазины у вас даже дозволены законом. Люди, которые из омерзения к подобной пище употребляют растительную пищу, у вас очень редки.

— В этом виновата природа: мясная пища более пригодна для человека, — заметил Краснов.

— Неправда. Ты сам нашел, что жители Марса здоровее земных людей. А если бы ты был и прав, то ты этим несколько не оправдываешь земной жестокости. Для того чтобы сделать животных или лошадей, как ты их называешь, более покорными себе, вы подвергаете их бесчеловечным пыткам. Вспомни свои рассказы о том, какие странные отношения существуют у вас между двумя полами и как ненормальны ваши семейные отношения. У вас почему-то стараются всеми средствами уничтожить в молодых людях свободное проявление любви или извратить это чувство пенужными стеснениями. Пока молодой человек не приобрел еще самостоятельного положения в обществе, он не смеет, несмотря ни на годы, ни на физическое развитие, ни на темперамент, вступить в брак. Посмотрим же теперь, к чему приводит ваш обычай. Так как легальные браки для огромной массы вашей молодежи недоступны, то возникает множество браков тайных на самых ужасных основаниях. Необходимость скрываться, боязнь наказания и другие подобные причины превращают возвышеннейшее и благороднейшее чувство любви в разврат. А так как ты сознался, что никакой другой порок не распространен на Земле так сильно, как

разврат, то, следовательно, это зло есть неизбежное следствие ваших порядков. Да разве только в разврате заключаются бедствия, возникающие от ненормальных ваших семейных отношений? Вследствие ваших странных взглядов и обычаев происходит то, что любовные ласки распределяются между женщинами неравномерно до нелепости. Некоторые женщины изнывают от жажды любви, но, не имея возможности отдаться любви, тоскуют, сходят с ума.

— Ты прав, — сказал Краснов. — Зло, так ярко освещенное тобой, безгранично. Но скажи мне по совести, учитель, неужели Марс свободен от этого зла? Неужели у вас царит нравственность, а порок неизвестен?

— Да, Николай, к несчастью, встречаются и у нас случаи нарушения семейного долга, но на них нужно смотреть как на исключения. Преступление против нравственности считается у нас настолько чудовищным, что редко кто на него решается. Вот почему ваша земная жизнь показалась мне такою жалкою, когда ты мне рассказал о том, как извращают у вас природу и в каком состоянии находится у вас семья. И после этого вы еще думаете о счастье и прогрессе? Можете ли вы идти вперед, когда вы лишены самой основы счастья, семейного благополучия? После этого вся ваша цивилизация — только призрак.

— Ты не прав, учитель, — возразил Краснов. — Семейные отношения жителей Марса, может быть, неизмеримо выше наших. Но посмотри на нашу жизнь с других точек зрения, — и ты увидишь, как далеко Земля опередила Марс. Ты не станешь отрицать, что жители Земли учнее и талантливее марсиан. Науки, искусства и технические изобретения стоят у нас так высоко, что Марс не сравняется в этом отношении с Землей даже через много столетий. Я приведу тебе несколько примеров. Если бы ты перенесся на Землю, в один из больших городов, то ты в первые же минуты пришел бы в восторг и изумление. У вас, например, все тяжести переносятся людьми, и ваши способы передвижения самые несложные, тогда как мы проезжаем большие расстояния на пароходах или электрических машинах. Благодаря телеграфу и телефону люди свободно разговаривают между собой с одного конца планеты на другой. Благодаря

книгопечатанию наши книги выходят в бесчисленном количестве экземпляров, благодаря железным дорогам они распространяются по всему земному шару в самое короткое время. Поэтому наука и образование стоят у нас на такой высоте, какой вы вряд ли когда-нибудь достигнете. А если бы ты увидел земные постройки, земную живопись, статуи, театры, магазины, наполненные самыми изящными предметами роскоши, то ты в восхищении преклонился бы перед земным человечеством!..

— И у вас все пользуются этой роскошью? — спросил карлик.

— Это уже другой вопрос, — отвечал Краснов. — К сожалению, довольством у нас пользуется только небольшой класс людей, остальная же масса населения живет не лучше, чем обитатели Марса, а многие бедняки, я должен сознаться, еле-еле могут удовлетворить своим необходимейшим потребностям.

— И ты считаешь это счастьем? Ты не понимаешь, что счастье немногих счастливых вызывает зависть у огромной массы бедняков.

— Но зато хоть немногие могут достигнуть такого счастья, о котором у вас на Марсе не имеют даже понятия! — возразил Краснов.

— И это неправда. Гуманный человек не может чувствовать себя счастливым, видя горе вокруг. Забывать о других могут только сухие эгоисты. А разве эгоисты счастливы? Разве может быть счастливым тот человек, который делит весь мир на две половины: я и все остальные — и пренебрегает второй половиной, как недостойной внимания? Нет, кто вечно носит с самим собой, для кого весь интерес жизни сосредоточен в собственной особе, тот скоро почувствует себя лишним в мире, и жизнь ему станет в тягость. В том-то и заключается, по моему мнению, главный недостаток земной жизни, что у вас стремятся не к истинному счастью, а к внешнему блеску. У нас не так. Мы обратили все свои способности на то, чтобы у нас было как можно меньше обездоленных людей. Цель нашего прогресса — возможно большее счастье людей узами любви и равенства.

— Однако мои наблюдения, учитель, расходятся с твоими словами. Ты говоришь, что вы стремитесь к всеобщему

равенству, но как же ты мне объяснишь тот несправедливый закон, по которому у вас все дети, родившиеся с белыми волосами на голове, считаются благородными, получают образование и пользуются потом различными правами и преимуществами, тогда как детям, имевшим несчастье родиться с темными волосами, навсегда закрыт путь к образованию и неизбежно грозит участь чернорабочих? У нас нет таких диких и несправедливых законов.

— Неправда. У вас водится совершенно то же самое. Ты ведь говорил мне, что у вас есть дворяне и крестьяне. Вся разница между Марсом и Землею заключается в том, что у вас привилегированными делает людей социальное положение их родителей, а у нас цвет волос. Личные же достоинства человека в этом случае не играют никакой роли как у вас, так и у нас.

— Да, но у нас всякий крестьянин может, если действительно обладает выдающимися дарованиями, добиться высокого общественного положения и даже дворянства. Согласись, учитель, ведь глупо воздавать почет людям только потому, что они белокуры.

— Светлый цвет волос, Николай, есть признак божественной искры в человеке. Впрочем, я не утверждаю, что Марс стоит выше Земли или наоборот: и на Марсе, и на Земле много и хорошего, и дурного. Мы не можем решить, на какой планете жить лучше; постараясь же выяснить, что именно хорошо на Земле и что на Марсе. Теперь ты уже достаточно подготовлен к обзору наших общественных учреждений и порядочно владеешь нашим языком. Поэтому я дольше не буду откладывать этого обзора, и мы завтра отправимся в путь.

— Учитель, я снова обращаюсь к тебе с мучающим меня вопросом: где мои друзья?

— А я снова повторяю тебе, что ты напрасно о них беспокоишься: им не сделают ничего дурного.

— Могу ли я быть спокойным, мучась неизвестностью? По крайней мере скажи, зачем нас разлучили?

— Хотя мне запрещено касаться этого вопроса, однако, уступая твоим настойчивым просьбам, я кое-что скажу, надеясь, что ты поймешь и оправдаешь наше начальство. Тебе вполне понятно, что прибытие на Марс пяти великанов, не-

известно откуда появившихся, должно было смутить и беспокоить нас. Могли ли мы наперед знать, что ваши намерения мирного характера? Во всяком случае мы должны были принять меры предосторожности. С этою целью мы вас усыпили и сонных развезли по разным местам. Каждый из вас поручен надзору одного из первых сановников страны, который должен снять допрос со своего пленника. Осмотр «Галилея» и согласные ваши объяснения убедили нас в том, что вы прибыли с той планеты, с которой мы давно старались завязать сношения. Теперь не только я, все население Марса в этом уверено, и высокая цель вашего путешествия — научное знакомство с новым миром — вызвала к вам общее глубокое уважение, а потому ничего худого вы для себя не должны ожидать. Очень скоро вам позволять видетсья, а затем дадут свободу. Но на каких условиях это будет сделано и когда именно, — я сам не знаю. Больше я ничего не смею добавить. Я и так сказал тебе слишком много, приняв на свой страх последствия моей откровенности. Будь же спокоен за друзей, Николай. А теперь пойдем спать. Кажется, уже рассветает.

IX

— Да успокойтесь же, Виктор Павлович, придите в себя!
 — Не могу я успокоиться, Мэри, не могу! Как я могу прийти в себя, если этот дурак меня совершенно измучил!
 — Потерпите еще немного: скоро наши испытания кончатся.

— Как бы не так! Этот осел, эта скотина, этот идиот, этот пророк еще какую-нибудь глупость придумает!.. Нет, я больше не могу терпеть... Я лучше завтра повешусь.

Мэри улыбнулась:

— Почему же не сегодня?
 — Сегодня? Сегодня я должен плюнуть в рожу этому пророку. Негодяй! Морит нас голодом, мучает бессонницей, заставляет участвовать в своих дурацких процессиях!.. Мало того! Он еще запер меня на десять часов в храме, а когда я ушел через крышу, он хотел меня даже побить... Нет, это, это... Это черт знает что такое! Меня побить, меня, ординарного профессора, доктора математики!..

— Что же ему делать, если ординарный профессор не хочет его слушаться.

— Стану я исполнять дурацкие приказания! Зачем он запер меня в храме?

— Затем, чтобы на вас снизошло благословение богов Марса. Я терпеливо высидела свои часы, и пророк остался очень доволен.

— А вы и рады, что угодили подлецу! Нет, Мэри, вы — лицемерка! Я не знал, что вы способны подлизываться. Это пошло, пошло... Я и говорить с вами после этого не хочу!

— Виктор Павлович! Зачем нам вооружать против себя человека, от которого всецело зависит наша участь? Отчего не сделать даже и глупости, если она вполне безвредна?

— Как можно его слушаться, если все его приказания глупы, если он сумасшедший! Зачем он надел на меня эту шутовскую рубашку, зачем он отнял у меня скюртук и брюки? Я не могу ходить без брюк, не могу ходить без брюк, — я не привык: это безобразно, неприлично!.. В боковом кармане скюртука лежала моя записная книжечка; он и ее отобрал вместе с скюртуком, а там у меня новое доказательство теоремы Стирлинга, новые признаки сходимости рядов и несколько задач. Нет, я больше никогда не поеду на Марс, никогда не поеду на Марс!

— Вы рассуждаете, Виктор Павлович, как будто на Марс поехать все равно что съездить в Чернигов или Калугу. Посмотрим еще, удастся ли нам вернуться на Землю.

— Обязательно нужно возвратиться, обязательно! Как только увижу Николая Александровича, попрошу его немедленно снарядить «Галилей» к обратному путешествию. Я не могу больше терпеть здешних безобразий, не могу!..

Русаков снова разразился ругательствами по адресу пророка.

Положение Виктора Павловича было в самом деле незавидное. Он и Мэри были отданы для изучения языка Марса одному из четырех пророков планеты. Но, на беду Виктора Павловича, пророк счел присланных ему великанов за нечистых духов, посланных на Марс за его грехи. Остановившись на этой мысли, пророк стал заботиться не столько об обучении великанов языку, сколько о смягчении гнева богов. С этой

целью он почти ежедневно заставлял жителей города Блаженства, где это происходило, совершать религиозные церемонии. Виктор Павлович выходил из себя, и Мэри стоило много труда, чтобы сдерживать гнев вспыльчивого профессора. Особенно много произошло неприятностей и недоразумений потому, что Виктор Павлович совершенно не понимал местной речи, так как хотя к путешественникам и были приставлены учителя, но Виктор Павлович ничему не хотел у них учиться, увлекшись в это время исследованием какого-то вопроса из теории эллиптических функций, и только Мэри научилась немного объясняться с окружающими. Пророк, видя непочтительность и непокорность великана, стал налагать на него разные наказания, которые еще больше подливали масла в огонь и раздражали Русакова.

Последний проступок Русакова, самовольный уход из храма, грозил крупными последствиями. Разгневанный пророк приказал сообщить профессору, что боги возмущены его поведением и что преступление должно быть искуплено, посему Виктор Павлович на другой день должен быть подвергнут публичному наказанию. Профессор пришел в негодование, а Мэри просто сгрусела. Она боялась, что на этот раз Виктор Павлович выкинет какую-нибудь сумасброднейшую выходку, — до того было велико его исступление. Убедить безумного пророка в чем-нибудь было невозможно, и он, несомненно, приведет в исполнение свою угрозу. Оставалось только немедленно и во что бы то ни стало бежать из города. Но как совершить побег? Мэри стала придумывать разные способы и наконец придумала. Замок был окружен со всех сторон высокой стеной и окопан рвом. Правда, ни решеток на окнах, ни часовых не было, но тем не менее перелезть через стену было невозможно. В предлах замка великаны были совершенно свободны, то есть могли гулять по саду, по двору и по всем трем этажам замка, но переступать за ограду им было запрещено, и нарушить это запрещение было невозможно вследствие строгого надзора. А если бы им это и удалось, то всякий, кто бы ни увидел их в городе, за пределами замка, поднял бы тревогу.

Через сад замка протекал неширокий, но довольно глубокий канал, который выходил из-под одной стены сада и скрывался под другой. На этот канал Мэри прежде всего обратила

внимание, почувствовав, что именно в нем должно заключаться спасение. Над каналом ограда замка немного поднималась, образуя небольшие арки, в самой высокой части которых до уровня воды было не больше полуаршина. Следовательно, проплыть каналом под стеной бы вполне возможно, но ни Виктор Павлович, ни Мэри, на свою беду, не умели плавать. Необходимо было измерить глубину канала и затем, если это окажется возможным, идти вброд. К счастью, за ними никто не следил. Мэри нашла веревку, сплетенную из вьющихся растений, привязала к ней камень и, изготовив такой лот, стала ожидать вечера, чтобы незаметно для других измерить глубину канала. Никаких запасов для предстоящего путешествия беглецы не могли сделать, потому что все их вещи у них были отобраны, а из пищи ничего нельзя было достать: все остатки их обеда уносились. По выходе из замка предстояло пройти около четверти версты городом, по улицам которого сновали люди и днем, и ночью. Нужно было проскользнуть незаметно через город и добраться до оврага, который находился за городом. Этот овраг был очень велик, покрыт густым кустарником, в котором легко было скрыться, и выходил в лес. Задача, следовательно, сводилась к тому, чтобы незаметно достигнуть оврага.

В саду замка находился мост через канал, соединявший обе половины сада. На мосту возвышался столб с укрепленной на его вершине металлической тарелкой и привязанной к ней деревянной колотушкой. Пророк звонил в эту тарелку всякий раз, когда устраивал какое-либо религиозное празднество. Кто бы в городе ни услышал звон, немедленно должен был идти в замок, опасаясь в противном случае гнева богов и пророка. По совету Русакова Мэри привязала к колотушке длинную веревку.

Лишь только наступила ночь, Мэри приступила к измерению глубины канала и получила самые благоприятные результаты: глубина канала нигде не превышала двух аршин, а потому смело надо было идти вброд. Беглецы стали ожидать, пока весь замок погрузится в сон.

Наступил наконец час, когда все в замке успокоилось и заснуло. Ночь была довольно темная: одна луна еще не восходила, а другая была покрыта тучами; можно было ожидать

дождя. Беглецы осторожно подошли к каналу и хорошенько осмотрелись. Кругом царила полная тишина.

Мэри первая погрузилась в воду и тихо пошла на середину канала. К ее ужасу, дно канала под аркой опускалось все ниже и ниже, так что идти дальше было рискованно: можно было утонуть. Мэри стала бродить вдоль арки, отыскивая ногами менее глубокое место. Наконец она убедилась, что у самого берега можно пройти. Кое-как, ударяясь головой об арку, Мэри выбралась на свободу. Виктор Павлович пробирался по ее следам. Через несколько минут беглецы, дрожа от холода, сидели во рву за оградой и собирались с силами, чтобы быстро миновать город и добраться до оврага. Конiec веревки, привязанной к колотушке, Мэри принесла с собой. Начал идти дождь, и темнота ночи усилилась. Собравшись с духом, Мэри потянула за веревку и зазвонила. В ту же минуту поднялась суматоха и в замке, и в городе. Толпы народа повалили в замок. Через несколько минут город совершенно опустел, а в замке делалось все шумнее и шумнее; вероятно, там уже догадались о причине ложной тревоги. Дольше медлить было опасно. Через несколько минут беглецы миновали город и стали ползти по обрыву оврага, ежеминутно срываясь, падая, пачкаясь в грязи и царапая о кусты лицо и руки; но зато они могли считать себя уже в безопасности.

Выбившись из сил, путники сели отдохнуть. Дождь перестал, и небо прояснилось. Вторая луна выплыла из-за горизонта; две луны, точно два электрических фонаря, осветили местность. В нескольких саженях от беглецов тянулась полянка, за которой начинался лес. Промокнув до костей, они чувствовали себя очень скверно. Русаков, ежась от холода, ворчал, ругая и подлеца-пророка, и Краснова, затащившего его на Марс, и тех бездельников-астрономов, которые открыли эту идиотскую планету, и, наконец, самого себя, потерявшего на старости лет рассудок и бросившего лекции для того, чтобы взглянуть на коротконогих болванов. Мэри при побеге из замка захватила с собой единственную, но очень ценную вещь -- это камень из породы кремнезема и кусок металла, с помощью которых жители Марса, еще не додумавшиеся до спичек, добывают себе огонь. Однако разложить костер было нельзя: пламя привлекло бы внимание

карликов; нужно было терпеть до рассвета, чтобы обогреться первыми солнечными лучами.

Мало-помалу Русаков успокоился и, съевшись в клубочек, заснул. Мэри сидела возле него на страже, не смыкая глаз и дожидаясь рассвета. Только утром, когда Виктор Павлович проснулся от теплоты солнечных лучей, она заснула сама и проспала часа три. Сон подкрепил наших путников, и они отправились дальше. Добравшись до леса, густо разросшегося, в котором было много непроходимых мест, беглецы остановились и стали обдумывать свое положение.

— Нам во что бы то ни стало нужно увидеться с нашими друзьями, — сказал Русаков, — без них мы пропали. Необходимо все силы употребить на то, чтобы их отыскать.

— Я с этим согласна, — отвечала Мэри, — но думаю, что разыскать друзей — задача нелегкая. Мы не знаем даже, где они теперь находятся; весьма вероятно, что они и до сих пор живут в том городе, в который мы попали тотчас по прибытии на Марс, — в городе Трех богов, откуда уже нас с вами увезли в город Блаженства. Как вы думаете, Виктор Павлович, сколько верст от города Блаженства до города Трех богов?

— Верст восемьдесят—сто приблизительно.

— Да, вероятно, не больше. Итак, нужно, следовательно, разыскать город Трех богов. Если же там никого из наших не окажется, тогда следует думать, что их увезли в столицу, куда и направим наши стопы. Столица называется городом Солнца и находится от города Трех богов всего лишь на расстоянии двадцати двух земных верст.

— А если нас опять заберут в плен?

— Это не беда. Будем просить, чтобы нас представили самому королю, который, как мне говорили, благосклонно отнесся к известию о нашем прибытии с Земли и приказал представить всех нас к нему во дворец, лишь только мы научимся местному языку. Беда нам грозит только в том случае, если нас схватят в здешней местности и мы снова попадем к пророку. Поэтому мы должны уйти как можно дальше от этого противного города Блаженства.

— Но в какую же сторону мы пойдем? — сказал Русаков. — Где находится этот город Трех богов? Ведь мы не видели дороги, по которой нас везли.

— Пойдем пока наугад. А когда отойдем отсюда верст на пятьдесят, на шестьдесят, тогда станем разыскивать какое-нибудь человеческое жилье и в первом же доме спросим, как найти город Трех богов.

Составив такой план действий, путники отправились дальше. Идти по лесу было чрезвычайно неудобно. На каждом шагу встречались затруднения: то густые, непроходимые кустарники, то выющиеся между деревьями растения, образовавшие непроходимые стены, то повалившиеся деревья. Видно было, что в этот лес редко заглядывал человек. Виктор Павлович ежеминутно спотыкался и ворчал всякий раз, когда приходилось перелезать через лежащее дерево или обходить кусты. Мэри успокаивала его, как могла.

Часа через три путники вышли к небольшой речке. Идти по ее берегу было бы гораздо легче, так как здесь дорога была хорошая, но Мэри нашла это неудобным, потому что речка могла вывести к какому-нибудь жилью, а это, ввиду еще близкого расстояния от города Блаженства, было для них опасным. Речка была довольно глубокая, и через нее пельзя было переправиться вброд. Пришлось сделать плот, что было нелегко при отсутствии всяких инструментов. Однако часа через четыре путешественники соорудили плот из длинных жердей, связав их вместе гибкими молодыми ветками, и на этом плоту, гребя вместо весел шестью, переправились на другую сторону речки. Когда путники вышли на берег, был уже вечер. Пора было подумать о ночлеге. Углубившись в лес версты на полторы от речки, беглецы разложили костер, окончив дневной переход.

Спать им в эту ночь не пришлось. Едва только Виктор Павлович погрузился в сон, как его разбудил пронзительный крик Мэри. Вскочив, профессор увидел, что Мэри подле него уже не было, а на некотором расстоянии от него слышался треск сухих сучьев, покрываемый криком Мэри. Очевидно, ее кто-то уводил или уносил в глубь леса; несомненно было также, что Мэри находится во власти сильного существа или, может быть, нескольких существ. Голос Мэри раздавался все слабее и слабее; следовательно, ее быстро уносили. Профессор бросился на крик, но в темноте ничего не видел. Тем временем крик доносился все слабее

и скоро совсем затих. Профессор остался один ночью в глухом лесу. Им овладело отчаяние.

Опустив на грудь голову и охватив руками колена, Виктор Павлович погрузился в раздумье. Самые ужасные мысли вихрем закружились в его голове. До сих пор он мало думал о своей судьбе: за него думала Мэри. Ее присутствие ободряло и успокаивало его; он слепо верил, что Мэри спасет его. Теперь же он почувствовал себя беспомощным, как ребенок, и его гибель казалась ему несомненной. Под утро Русаков, однако, незаметно для себя заснул.

Проснувшись, Русаков часа через три ходьбы вышел из лесу. Перед ним расстилалась обширная степь, покрытая густою травою. Идти по степи было легче, нежели пробираться по лесу, но профессор чувствовал сильный голод и усталость, а потому еле волочил ноги. Наконец судьба над ним сжалась, и он набрел на человеческое жилье: одиноко в степи стоял небольшой цилиндрический домик, около которого Виктор Павлович заметил двух карликов. Русаков ускорил шаги и направился к ним, но карлики, лишь только завидели его, пустились бежать что было силы; тем не менее Виктор Павлович вошел в дом и, не найдя там никого из людей, стал шарить по всем углам, отыскивая пищу. В одной комнате ему посчастливилось найти несколько плодов, которые он и съел. Подкрепив силы, он отправился в дальнейший путь.

Скоро Русаков подошел к какому-то городу. Он остановился в раздумье, идти ли ему туда или пройти мимо. Сообразив, что он еще не далеко ушел от своего врага, пророка, профессор решил миновать город и свернул в сторону. Однако когда Виктор Павлович уже отошел на значительное расстояние от города, он раскаялся в своем поступке, потому что почувствовал себя нездоровым: его знобило, и во всем организме он чувствовал слабость; было несомненно, что он простудился. На его беду, скоро пошел сильный дождь, от которого ему негде было укрыться, так как в степи не попадалось ни деревца, ни кустика. Виктор Павлович выбивался из сил, пробираясь по мокрой траве, вязнул в грязи, но все-таки понемногу продвигался вперед. Наконец вдали что-то зачернело. Профессор радостно направился туда, надеясь пайти человеческое жилье. Но каково же было его разочарование, ко-

гда, приблизившись, он увидел, что это снова начинается лес и крутом не видно никакого жилья. Виктор Павлович в изнеможении опустился под деревом. Он совершенно ослабел, голова сильно болела, все тело ныло, и мерзкий холод охватывал все его члены. Скоро, однако, озноб сменился жаром, и вместе с тем Виктор Павлович впал в забытие. С этого момента он уже не помнил, что было с ним дальше.

Х

Из всех наших путешественников на Марсе лучше всех себя чувствовал профессор Лессинг. Он приобрел такое уважение среди населения планеты, что ему мог бы позавидовать сам король Марса; везде, где показывался Лессинг, его встречали чуть не с царскими почестями; достаточно было его взгляда или жеста, чтобы любой из жителей Марса помчался исполнять его желание, считая это для себя великой честью. Счастливое стечение обстоятельств было тому причиной.

Лессинг, как и его друзья, был отдан для изучения местного языка одному из первых вельмож в государстве, а именно главному инженеру путей сообщения на Марсе, то есть лицу, на котором лежала забота о поддержании в должном порядке общественных лодок и судов, заменявших для марсиан пароходы, очистка от зарослей и наносных песков судоходных рек и каналов, постройка мостов, поправка дорог и общее наблюдение над различными способами передвижения жителей планеты.

Едва только Лессинг научился с грехом пополам объясняться с окружающими, как главный инженер позвал его к себе для допроса. Лессинг объяснил инженеру, откуда он и его товарищи прибыли на Марс, сказал, что все они — люди науки, что намерения у них самые мирные и что, осмотрев планету и ознакомившись с вещами наиболее замечательными, по их мнению, на Марсе, они хотели бы улететь обратно на Землю. Окончив допрос, главный инженер повел Лессинга к «Галилею», который уже охранялся стражей днем и ночью, и предложил профессору объяснить назначение многих непонятных для жителей Марса предметов, найденных на «Галилее». Вот это-то обстоятельство и помогло Лессингу заручиться большим авторитетом.

Профессор весьма охотно согласился объяснить, что за предметы и для какой надобности находились на «Галилее», и начал с демонстрации привезенного с собою фотографического аппарата. Через две-три минуты Лессинг преподнес инженеру его портрет на жестяной пластинке. И инженер, и все бывшие при нем карлики пришли в неописуемый восторг как от поразительного сходства портрета с оригиналом, так от быстроты работы. Лессинг сделал еще несколько моментальных снимков на жести с других карликов, а также снял вид местности, где лежал «Галилей». Снимки переходили из рук в руки, и карлики осыпали Лессинга похвалами. Довольный произведенным впечатлением, профессор сказал, что на бумаге он может изготовлять портреты, которые будут еще лучше, но только может их выполнить не раньше как через два дня. В ответ на это и сам главный инженер, и многие из сопровождавших его карликов стали просить Лессинга, чтобы он сделал им их портреты на бумаге.

Лессинг тотчас понял, что для него будет полезно поддерживать в обитателях Марса их восторженное настроение, и стал показывать любопытной толпе чудо за чудом. После фотографии появился на сцену фонограф, также привезенный с собою путешественниками. Профессор предложил желающему из публики что-нибудь пронести, на что из толпы карликов отозвался молодой человек, обладавший довольно сильным голосом. Став на указанном ему месте, карлик запел. Толпа молча и внимательно слушала пение, недоумевая, зачем это нужно великану. Но когда через несколько минут карлики услышали ту же самую песенку из фонографа, исполненную тем же голосом, со всеми особенностями певца, изумление карликов достигло геркулесовых столбов. Фонограф несколько раз повторил записанную песню, после чего выступили другие марсиане, пожелавшие записать свои голоса. Около часа забавлял Лессинг свою публику фонографом, пелись песни, говорились речи, — и все это прекрасно повторялось аппаратом. На Лессинга смотрели уже как на полубога.

С этого дня Лессинг приобрел неограниченный авторитет на Марсе. Жители планеты чуть не молились на него, и каждый из них считал для себя большим счастьем оказать ему какую-нибудь услугу. Правда, профессору физики пришлось

с этого времени без отдыха работать: почти все знатные граждане города пожелали взглянуть на фонограф. Кроме того, он по целым часам должен был заниматься фотографией, так как первые изготовленные им на бумаге карточки произвели фурор, переходя из рук в руки по всему городу, и у каждого возбуждали желание увидеть свое собственное фотографическое изображение. Лессинг по мере возможности старался удовлетворить карликов.

Вскоре после этого профессор обратился к своему патрону, главному инженеру, с проектом провести на Марсе железную дорогу, по которой можно будет ездить без затраты силы человека или животных. «Пусть мои товарищи, — думал Лессинг, — замечают и перенимают все хорошее на Марсе для блага Земли; я же исполню другую часть нашей общей задачи и постараюсь принести возможную пользу населению Марса». Для достижения своей цели Лессинг решил насадить на Марсе, насколько это было в его силах, земную культуру. Устройство железной дороги казалось профессору первым к тому шагом, после чего он думал приняться за привитие различных отраслей техники.

Главный инженер с большим интересом отнесся к предложению Лессинга, несколько не сомневаясь в его осуществимости: ему казалось, что для Лессинга нет ничего невозможного. В полное распоряжение профессора было отпущено требуемое число рабочих и дан необходимый материал, — и работа закипела. Пока одни карлики по указаниям Лессинга отливали рельсы и различные части локомотива, другие тем временем производили работы по расчистке и планированию почвы для новой дороги и укладывали шпалы. Железная дорога должна была соединить город Мудрости, где жил главный инженер, с ближайшим к нему городом — Высокой Горы. Длина железнодорожной линии была около пяти земных верст. Прошло не больше двух месяцев, и работы были окончены. Правда, изготовленный под надзором Лессинга локомотив был сделан так уродливо и аляповато, полотно новой линии имело столько недостатков, что на Земле подобную дорогу называли бы карикатурой на железные дороги, однако Лессинг остался вполне доволен достигнутыми результатами. Ведь первый локомотив Стефенсона тоже, вероятно, был не лучше. Когда же

локомотив с двумя открытыми вагонами, в которых поместились знатнейшие граждане города Мудрости, управляемый машинистом Лессингом, тронулся с места и плавно покатился по рельсам, то толпа, собравшаяся подле линии посмотреть на новую диковинку, пришла в такой восторг, какого Лессинг не видел еще ни разу в своей жизни.

Лессинг с увлечением предался открывшейся ему новой деятельности. Скоро под его руководством возникло несколько литейных, механических и лесопильных заводов, пробудивших новую жизнь на Марсе. По открытому железнодорожному пути установилось правильное движение, и маленькие поезда ежедневно обращались между двумя городами, переполненные пассажирами и разным товаром.

Земная цивилизация понемногу стала прививаться на Марсе. Явилось несколько предприимчивых карликов, которые на свой риск приступили к проведению второй на Марсе железнодорожной линии, протяжением уже до шестидесяти земных верст. Слава Лессинга гремела по всей планете. Он уже приступил было к разработке грандиозного плана относительно открытия на Марсе правильного пароходства, когда по приказу короля ему пришлось оставить все начатые работы и прибыть в город Солнца, столицу государства.

В то время как Краснов под руководством верховного учителя знакомился с духовною жизнью жителей Марса, Русаков и Мэри по требованию сумасшедшего пророка умиляли богов Марса, а Лессинг насаждал на планете земную цивилизацию, — Шведов проводил свои дни при дворе самого короля Марса. По приказу короля к нему был приставлен целый штат учителей: король очень хотел поскорей поговорить с жителем другой планеты; прибывшие на «Галилее» великаны его крайне интересовали. Король был еще молодой человек, весьма образованный и особенно интересовавшийся успехами астрономии, которую он раньше сам читал ученикам высшей школы в городе Трех богов. Король очень тяготился своим положением, его больше интересовали научные занятия, нежели управление государством; но он не мог отказаться от королевского сана, чтобы не возбудить гнева богов. Поэтому управление государством лежало в значительной части на королевском кандидате, который должен был вступить на трон по смерти

настоящего короля. Когда местные ученые, по осмотре «Галилея», приняв во внимание все данные, донесли королю, что великаны прилетели с Земли, король велел взять одного из великанов ко двору. Выбор пал на Шведова.

Петр Петрович научился объясняться с придворными очень скоро и, заслужив доверие и симпатию первого королевского министра, получил полную свободу в пределах королевского двора. Как только он начал осваиваться с языком жителей Марса, король потребовал пленника к себе.

В назначенный день Шведов с раннего утра стал готовиться к предстоящему ему свиданию с королем. Человек тридцать слуг суеилось, одевая его в костюм местного покроя, приготовленный специально для этого дня придворными портными. Петр Петрович облачился в богатую тунику из мягкой материи зеленого цвета с черными разводами, надел остроконечную шляпу, белые башмаки, подпоясался желтым поясом, на плечи накинул белый плащ с голубыми пятнами и, нарядившись таким попугом, вызвал всеобщий восторг и похвалы своей парадной одежде. Первый министр набросил Шведову на глаза что-то вроде густой вуали, чтобы смягчить в его глазах блеск королевской особы, что делалось со всяким, кто в первый раз удостоивался видеть короля, и повел его в королевские палаты.

Пройдя несколько маленьких комнат, с трудом пролезая в двери, Шведов в сопровождении первого министра вступил в большую залу, откуда неслись пронзительные крики и адские звуки местных музыкальных инструментов, в смешанном гуле которых слышалось что-то, напоминавшее и звуки медного таза, и стук колотушки, и пискливые трели дудочек, и треньканье балалайки. Мотива или просто стройной связи между отдельными звуками Шведов не мог уловить.

При появлении великана музыка смолкла. Шведов увидел посреди залы колонну аршин в шесть вышины, на вершине которой, окруженный барьером, восседал король. Властитель Марса забрался так высоко вовсе не из предосторожности, как подумал Шведов, или боязни нападения чудовищного великана, в мирном характере которого он мог быть не уверен, но для того, чтобы показать жителю Земли величие королевской особы. Шведов перекувырнулся перед королем так, как этого

требовал этикет Марса, чему его обстоятельно научили придворные, и почтительно остановился перед колонной. Король приятно улыбнулся и стал говорить. Всей королевской речи Шведов не понял, но общий смысл ее заключался в том, что король очень рад видеть жителя другой планеты, что он вполне понимает тот научный интерес, ради которого земные люди предприняли такое трудное и опасное путешествие, не зная, что их ждет впереди, и что он преклоняется перед их умом и знаниями, благодаря которым они сумели осуществить такое необыкновенное предприятие.

— Скажи же, земной человек, — заключил король свою речь, — чем я могу быть вам полезным? Я хочу угодить великим людям, чтобы они не имели поводов быть недовольными королем Марса и не раскаивались в своем путешествии.

— Благодарю, великий повелитель Марса. Тебе не трудно будет исполнить мою и вместе с тем общую нашу просьбу. Позволь нам всем снова соединиться и затем свободно и неразлучно путешествовать по твоим владениям, чтобы, осмотрев все, что есть замечательного на Марсе, мы через несколько времени могли спокойно улететь на Землю, обогатив себя научными сведениями.

— Вы думаете возвратиться на вашу планету?

— Я надеюсь, что ты, могучий и просвещенный король, не станешь нам в этом препятствовать.

— Но почему вы не хотите навсегда остаться жить у нас? Вам будет хорошо.

— Как бы здесь ни было хорошо, всегда будет казаться лучше там, где мы родились, где протекла наша жизнь. А главное, наша научная задача не будет выполнена и долг перед своей совестью не будет уплачен, если мы не приложим всех сил к тому, чтобы возвратиться на Землю и поведать земному миру о нашем путешествии.

— Но сумеете ли вы вторично совершить трудное межпланетное путешествие?

— В этом я не сомневаюсь. Если мы сумели прилететь на Марс, то возвращение на Землю не представит для нас никаких затруднений: мы уже имеем за собой опыт. К тому же с Марса до Земли долететь в полтора раза легче, нежели с Земли до Марса.

Глаза короля загорелись.

— Земной человек, — сказал он, — я дам вам все, чего вы только захотите, буду исполнять все малейшие ваши желания, — только возьмите меня с собой, дайте мне увидеть другой мир!..

Шведов охотно изъявил согласие от себя и своих друзей. Нельзя было отказывать в чем-либо королю Марса, от которого зависела самая их жизнь. Король обещал немедленно послать за остальными великанами для того, чтобы они вместе обсудили предстоящее им дело постройки сооружения для полета на Землю и своевременно могли начать работы; при этом король добавил, что как Шведов, так и его товарищи, могут считать себя на Марсе свободными, полноправными гражданами. На этом аудиенция кончилась.

XI

Через несколько дней Краснов, в сопровождении верховного учителя, прибыл в столицу, где его встретили с особенным почетом: король и придворные уже знали, что это именно он — изобретатель «Галилея» и что от него зависит успех предстоящего путешествия короля Марса с земными великанами на Землю. Лессинг прибыл в столицу еще накануне. Что же касается Русакова и Мэри, то об их судьбе наши друзья еще ничего не знали и спокойно поджидали их со дня на день; королевский посол, отправленный за ними к пророку в город Блаженства, еще не возвращался. Шведов, Лессинг и Краснов несказанно обрадовались, увидев друг друга живыми и невредимыми. Лессинг и Краснов были в восторге, узнав от Шведова, что их обратное путешествие на Землю обеспечено благодаря намерению короля Марса им сопутствовать и что дальнейшее их пребывание на планете значительно улучшится, так как они находятся под верховным покровительством короля и считаются не только свободными, но и полноправными гражданами Марса, а не плешиками.

— Нам положительно везет, Петр Петрович, — сказал Краснов, когда Шведов рассказал ему о своем свидании с королем, — редко кому судьба так покровительствует, как нам. А между тем нельзя отрицать, что предпринятое нами путе-

шествование на Марс — одно из самых трудных предприятий, на которые когда-либо решался земной человек. Уже самое благополучное прибытие на Марс является таким успехом в нашем деле, что он сам по себе мог бы вполне вознаградить нас за наши труды и мы могли бы спокойно умереть с чувством удовлетворения и сознанием исполненного долга. Но наше торжество этим не оканчивается, и мы благополучно возвратимся на Землю.

— Не торопитесь, Николай Александрович, — перебил Лессинг, — вы забывали, что Марс — не Земля и что вы в ваших строительных работах можете встретить непреодолимые затруднения.

— Почему же это? — спросил находившийся тут же верховный учитель.

— Да хотя бы потому, что человек сам иногда недостаточно знаком с тем делом, которым он заведует.

— Если он заведует делом, то, следовательно, он его хорошо знает; в противном случае на его месте был бы другой, — сказал верховный учитель.

— Но разве у вас не случается, что опытные люди, специалисты, стоят в стороне от известного дела, а им руководят другие, хотя и менее сведущие, но пользующиеся покровительством начальствующих лиц? — спросил Лессинг.

— Никто у нас и не станет добиваться места, зная, что есть другой, более способный, — отвечал верховный учитель. — Более способный занимает большую должность, менее способный меньшую. Это так естественно и просто.

— Да, — подтвердил Шведов. — Я тоже наблюдал, что при дворе короля все более или менее ответственные должности занимают люди, вполне достойные их. Я всегда видел, что человек добился здесь своего положения благодаря лишь собственным достоинствам, а не протекции.

— А что такое «протекция»? — спросил верховный учитель.

— Это довольно трудно тебе объяснить, учитель, — сказал Краснов. — А протекция — явление слишком интересное и характерное, чтобы обойти его молчанием и не ответить на твой вопрос. Я начну издали. У нас на Земле люди не получают в школе утилитарных знаний, имеющих

прямое отношение к их последующей деятельности; практические сведения приобретаются людьми уже по окончании ими школьного образования, которое находится лишь в слабой связи с будущей общественной деятельностью учащихся, давая им лишь общие теоретические начала разных наук. Если же человек в высшей школе и избирает какую-нибудь специальность, то он изучает ее только теоретически. Но обыкновенно и специальное образование человека, и его практическая деятельность большею частью независимы друг от друга; очень часто человек, имеющий какую-нибудь специальную теоретическую подготовку, совершенно не занимается своей специальностью, отдавая свои силы и время совершенно другому делу. Например, изучает человек в школе теологию, а, закончив образование, становится не жрецом, а писарем в каком-нибудь департаменте; изучает медицину — и делается музыкантом; изучает педагогику — и делается судьей. В результате оказывается, что общественные должности у нас сплошь и рядом занимают лица, не знающие и не понимающие своего дела. Особенно много страдают интересы публики тогда, когда такой несведущий человек делается не простым исполнителем возложенных на него обязанностей, а начальником и руководителем других. Ответственные общественные должности бывают заняты неподготовленными к тому людьми не всегда, впрочем, от недостатка в опытных работниках, могущих с успехом нести порученное им дело; беда не была бы так велика, если бы на Земле не существовало другого прискорбного явления, называемого протекцией.

— Но что же такое «протекция»? — повторил свой вопрос верховный учитель.

— Сейчас объясню. Иногда достойных кандидатов на какую-нибудь общественную должность, знающих дело и теоретически, и практически, и, кроме того, людей вполне порядочных и добросовестных, находится много; из массы конкурентов человеку, от которого зависит их назначение на должность, казалось бы, легко выбрать достойное лицо, и в таких случаях естественно быть уверенным в том, что дело будет поручено человеку, который отлично с ним справится. А между тем в действительности приходится наблюдать как

раз противное: именно те должности, на которые имеется много достойных кандидатов, соперничающих друг с другом и своими знаниями, и своей опытностью, большею частью получают люди, совершенно для того непригодные. Объясняется это тем, что если какой-нибудь должности добивается много кандидатов, то, следовательно, эта должность выгоднее других или благодаря хорошему вознаграждению за труд или благодаря почету, с ней связанному. А в таких-то случаях и выступает особенно заметно так называемая протекция. Под словом «протекция» разумеется покровительство влиятельных лиц своим родным и знакомым при назначении их на общественные должности и во время их служебной деятельности. Человек, от которого зависит назначение на должность, избирает на нее не достойнейшего из кандидатов, а одного из своих родственников и знакомых, оказывая этим ему, как говорят, протекцию. Если у администратора между своими родными и знакомыми для данной вакансии нет подходящего лица, то его осаждают знакомые просьбами отдать должность кому-нибудь из их родных. В результате назначение получает почти всегда или родственник самого начальника, или родственник кого-нибудь из его знакомых, очень часто человек не достойный занять не только данную должность, но вообще какую-нибудь общественную должность. А достойные кандидаты остаются в стороне.

— Но ведь интересы общества страдают, если назначения на должности делаются по протекции, а не по достоинствам человека! — воскликнул верховный учитель.

— Я к тому и повел свою речь, — отвечал Краснов. — Так как никакой выгодной должности без протекции получить нельзя, то наши молодые люди, готовящиеся к общественной деятельности, еще в школе заботятся не столько о приобретении знаний, сколько о том, чтобы заблаговременно заручиться протекцией. У кого нет влиятельных родственников, тот старается завязать полезное знакомство, старается поправиться какому-нибудь важному сановнику или его жене, сестре, бабушке и так далее. Юноша лицемерит и, конечно, нравственно пошлеет. Излишне уже говорить о том, что делается, когда такой человек займет видный пост. Протекция приносит особенно много вреда морального. Это явление так

развратило общество, и люди так привыкли к нему, что редко даже кому приходит в голову, что протекция — вещь дурная и ненормальная. Многие молодые люди приобретают протекцию вместе с родством влиятельных особ, женись на их дочерях или родственницах. Таким образом протекция идет вместо приданого.

— А «приданое» что такое? — спросил верховный учитель.

— Я уже говорил тебе, что число заключаемых на Земле браков с каждым годом уменьшается вместо того, чтобы возрастать с возрастанием населения. Понятно, что такое положение дел крайне невыгодно для наших девушек, которые желают выйти замуж. Бедняжки прилагают все старания, употребляют все средства, чтобы понравиться молодым людям и возбудить в них желание жениться; но часто все средства оказываются бессильными. В таких случаях девицы передко прибегают к крайнему средству и покупают себе мужей за деньги, иногда очень большие. Деньги, которые невеста отдает жениху, вместе со своей рукой за то, что тот соглашается вступить с ней в супружество, и носят название приданого.

— Как же так?! — воскликнул верховный учитель. — Ведь женитьба за деньги есть не что иное, как разврат.

— О нет, не всегда, — возразил Краснов. — Развратом называется на земле продажная любовь женщины, а не мужчины, и притом на короткое время, а не на всю жизнь. Если же любовь продается навсегда, оптом, и хотя и за деньги, но мужчиной, то это называется браком. В приданом у нас никто не видит ничего дурного: к этому явлению мы привыкли, и оно считается у нас нормальным.

— Нет, я положительно не понимаю твоих рассуждений, — сказал верховный учитель. — Я вижу в них столько противоречий, что ясно не представляю себе даже того, что считается на земле хорошим и что дурным. Вся ваша мораль совершенно условна.

Краснов ничего не ответил на это замечание. Воцарилось короткое молчание, после чего Лессинг переменял разговор, заговорив о предстоящих им работах по снаряжению «Галилея».

Через несколько дней из города Блаженства от пророка возвратился королевский посол, который сообщил, что Мэ-

ри и Русаков бежали ночью из замка пророка и неизвестно, где находятся в настоящее время, так как отправленная за ними пророком погоня возвратилась без успеха. Это известие сильно встревожило Шведова, Лессинга и Краснова. Русаков отыскался дня через два: партия рабочих, производившая земляные работы в лесу для новой железнодорожной линии, случайно натолкнулась на Виктора Павловича, лежавшего в беспамятстве, и доставила его в столицу к королю, что же было с Мэри, наши друзья не знали. Виктор Павлович не мог дать по этому вопросу никаких разъяснений, так как был болен горячкой и не приходил в сознание.

ХП

Когда Мэри была так неожиданно разлучена со своим спутником, она разглядела сквозь ночной мрак, что около нее толпится несколько карликов, уже завладевших ее руками и ногами и быстро их связывавших, чтобы лишить ее возможности сопротивляться. Она сильно испугалась и закричала. Первая мысль, пришедшая ей в голову, была та, что овладевшие ею люди были посланы в погоню за нею и Русаковым из города Блаженства. Карлики между тем положили ее на два связанных между собою дерева и понесли в глубину леса.

Скоро Мэри вынесли на поляну, тянувшуюся между деревьями длинной полосой. Начинался рассвет. Всматриваясь в своих похитителей, Мэри с изумлением заметила, что это все были женщины. Это обстоятельство заставило ее отказаться от предположения, что она находится во власти посланцев пророка; слуги пророка, кроме того, не оставили бы на свободе профессора. Мэри достаточно хорошо владела языком Марса и попробовала заговорить со своими похитительницами, обратившись к ним с вопросами, куда и зачем ее несут. Но те упорно молчали и только как-то виновато улыбались, переглядываясь между собою. Скоро они вышли к реке, на которой у берега качалось какое-то судно вроде парома, к которому они и направились. Этот паром был сколочен из бревен довольно примитивным образом. На нем стоял небольшой домик цилиндрической формы, видимо целиком перенесенный сюда с суши. Женщины внесли Мэри внутрь

домика, освободили ей руки и ноги от веревок и вышли, крепко затворив за собой дверь. Пленница осталась одна.

Уже было утро, и первые солнечные лучи заливали светом тюрьму Мэри, проникая сквозь маленькие окна у потолка. Осмотревшись, Мэри осталась довольна своим помещением. Ее маленькая комната была светлая и чистенькая; стены были украшены кусками пестрой материи и гирляндами цветов, издававшими приятный аромат, букеты цветов были разбросаны и по полу. Большую часть комнаты занимало мягкое ложе из травы, покрытое чистой разноцветной материей. Мэри опустилась на постель и стала раздумывать о странном приключении прошлой ночи, но никакого вероятного объяснения ему не могла придумать: на Марсе для нее все было ново и непонятно. Тем временем послышался плеск воды, и паром заколыхался, отплывая от берега. Утомленная ночной тревогой, Мэри скоро заснула под тихое покачивание парома и проспала довольно долго.

Разбудили ее раздавшиеся вдали громкие крики. Паром остановился, и через минуту дверь отворилась. На берегу реки шумела и волновалась толпа народу, состоявшая из нескольких сот женщин, окружавших деревянную террасу, разукрашенную пестрой материей и усыпанную цветами. По бокам террасы стояло несколько светильников, горевших каким-то особенным, зеленым фантастическим пламенем. От двери домика через весь паром был перекинут ковер ярко-красного цвета, который тянулся дальше на террасу и оканчивался на ней возле небольшого трона. Мэри вышла из двери, и в ту же минуту раздались голоса:

— Приветствуем тебя, посланница богов!

— Приветствуем тебя, наша избавительница!

— Приветствуем тебя, великая пророчица и королева Марса!

— Тридцать тысяч лет ждали мы тебя, покровительница огненных женщин! Великое чудо совершилось, и настало счастливое время.

— Радость нам! Исполнилось древнее пророчество.

Не понимая этих странных возгласов, по нимало не сомневаясь в том, что они направлены по ее адресу, Мэри вышла на берег и важной поступью направилась к приго-

товленному для нее месту. Толпа почтительно перед ней расступалась и бросала ей под ноги цветы. Стараясь держаться с большим достоинством, Мэри заняла место на возвышении и торжественно обратилась к толпе со словами:

— Чего вы хотите от меня, женщины Марса?

— Исполни повеление богов, великая королева! Скорее соверши дело, для которого ты прибыла к нам на Марс! Освободи нас! — раздались голоса.

— От кого же я должна освободить вас?

— Зачем ты испытываешь нас, могущественная посланница богов? Ты сама знаешь, что мы все, составляющие общество независимых женщин, жаждем избавления от тирании мужчин, этих бородатых извергов! Избавь нас от их притеснений! — раздалось в ответ.

— Да разве на Марсе мужчины притесняют женщин? Наоборот, вы пользуетесь равными правами с мужчинами, вам открыты все роды деятельности, вы можете подвигаться на любом поприще!..

— Мы не хотим таких прав! — слышалось со всех сторон. — Мы не хотим, чтобы мужчины изнуряли нас работой!.. Они должны ценить главным образом нашу красоту; они же в этом отношении не дают женщине никаких преимуществ. Наша нежная организация грубеет... Они не признают культа любви, который хотим установить мы, члены общества независимых женщин, а за нарушение нами супружеской верности ведут нас к судьям, которые жестоко нас наказывают!..

«Кажется, я попала к каким-то вакханкам, — подумала Мэри. — Однако нужно считаться с обстоятельствами и петь в тон этим странным женщинам, пока я в их власти».

— Итак, вы недовольны настоящим положением женщины на Марсе? — сказала вслух Мэри. — Вы находите, что мужчины поступают несправедливо, заставляя женщин работать наравне с собой и нести те же обязанности? Каковы же обязанности женщин, по вашему мнению?

Толпа зашумела так, что в смешанном гуле голосов ничего нельзя было разобрать.

— Пусть говорит одна из вас! — сказала Мэри. — Я не могу слушать всех вместе.

Женщины стали совещаться. Через несколько минут из толпы выступила красивая молодая женщина, глаза которой сверкали злым огоньком; видимо, она особенно сильно была возмущена не нравившимися ей порядками на Марсе и была одной из самых страшных революционерок.

— Мы все думаем, — сказала представительница, — что назначение женщины — любить, а не трудиться.

Мэри невольно улыбнулась.

— Главное, что требуется от женщины, это — красота и грация... Женщина — нежный цветок, за которым должен ухаживать мужчина. Своими красками и ароматом цветок заплатит за заботы о нем. Труд — достояние мужчины.

— С какими же силами мы объявим войну мужчинам? Сколько считается членов в вашем обществе женщин?

— Общество независимых женщин, — отвечала представительница собрания, — в настоящее время имеет около трех тысяч членов. Это не много, но для начала этого достаточно. Потом к нам присоединится много других женщин, лишь только они узнают, чего мы добиваемся. Мы должны победить, так как все одушевлены страстным желанием добиться признания своих прав и ниспровергнуть господство противных мужчин, которых мы готовы любить, но произволу которых мы не желаем подчиняться. Мы победим, великая королева, так как теперь ты будешь руководить нами. Так сказано в пророческой книге.

— Что же именно там сказано?

— Там написано: «Когда придут великие люди из иного мира и великая женщина спустится на Марс, то настанет другая жизнь и женщины станут царить над мужчинами; великая же женщина станет царить над человечеством». Поэтому мы, узнав о твоём прибытии, королева, решили сплотиться и приступить к решительным действиям. Боги избавят нас наконец от господства мужчин.

— Расскажи же мне, как возникло общество независимых женщин и давно ли оно существует.

Представительница стала рассказывать. Из ее слов Мэри узнала, что все женщины, не желавшие подчиняться семейным началам, а равно и все те женщины, которые по каким бы то ни было причинам были недовольны своей семейной

жизнью и разошлись во взглядах и желаниях со своими мужьями, образовали союз и решились поднять знамя восстания на Марсе, с тем чтобы, согласно своим желаниям и прихотям, перевернуть весь государственный строй планеты. Прибытие на Марс необыкновенных великанов, в числе которых оказалась женщина, дало сильный толчок их делу. Когда некоторые из принадлежавших к тайному обществу независимых женщин увидели Мэри у пророка в городе Блаженства, они тотчас же решили, что это и есть та великая женщина, которая покорит им мужчин. Между тем Мэри и Русаков бежали из города Блаженства, и пророк отправил за ними погоню. Общество независимых женщин, как они себя называли, встревожилось, зная характер пророка, который любил применять к нарушителям его повеления крутые меры и потому легко мог назначить Мэри вечное заключение в какой-нибудь из башен своего замка. Женщины решили спасти свою повелительницу и будущую королеву Марса и сами отправили на розыски небольшой отряд. Им посчастливилось больше, нежели посланцам пророка, и они скоро нашли Мэри, спящей в лесу. Тотчас же они овладели ею и доставили ее в свой главный лагерь, чем избавили ее от опасности вторично попасть во власть пророка, хотя и против ее воли. Когда представительница рассказала об этом Мэри, толпа заволновалась и раздались многочисленные крики:

— Прости, прости нас, великая королева, за то, что мы осмелились насильем овладеть тобой. Мы хотели спасти тебя от пророка, который является и твоим, и нашим главным врагом. Он мог погубить тебя, посланницу богов, которую мы ожидали тридцать тысяч лет, передавая от поколения к поколению пророчество о твоём прибытии.

Мэри пожелала более подробно ознакомиться с желаниями независимых женщин и с причинами, побудившими каждую из них поступить в общество. Причины оказались довольно разнообразными, хотя в основе всего лежала жажда праздной и разгульной жизни. Так, например, одна девушка объяснила Мэри, что, не имея родителей, она проживала у родственников, которые заставляли ее путем разных наказаний, преимущественно философий, работать, между тем как она совсем не любит работать.

— Это что за наказание — философия? — спросила с удивлением Мэри.

— Судьи, — отвечала карлица, — заставляли меня выучивать наизусть по нескольку страниц философских книг разных ученых и пророков. Эти злые судьи знают, что красивая женщина терпеть не может философии. Потому-то поступила в тайное общество женщин.

Другая марсианка поступила в общество независимых женщин, по ее словам, потому, что была возмущена несправедливостью и произволом мужчин, не позволявших ей заниматься любимым делом — вызыванием духов и теней умерших: и муж ее, и братья, и судьи, к которым они ее водили, строго ей это запрещали, говоря, что ее искусство оскорбляет богов. Между тем это искусство, которое она очень долго изучала, заставляло всех остальных трепетать перед нею и доставляло ей большой почет. Третья, очень хорошенькая марсианка, сообщила, что она сделалась членом общества независимых женщин после того, как написала книгу, которую противные мужчины называли глупой и сказали, что ее не стоит читать; автору показалось это обидным.

— Да, я вижу, что у вас всех имеются основательные причины восстать против гнета мужчин, — сказала Мэри. — Как же мы будем перестраивать государство после того, как овладеем им и ниспровергнем власть мужчин?

— Прежде всего, — отвечала представительница независимых женщин, — мы всеми царедворцами назначим женщин и непременно из нашего общества. Затем мы издадим новые законы, согласно которым все работы будут исполнять мужчины. При заключении браков выбор будет принадлежать женщине, которая по собственному желанию будет выбирать мужа.

— Боюсь, — возразила Мэри, — что большинство женщин не захочет последовать за вами.

— Да, мы знаем, что многие уже привыкли к рабству и побоятся свободы и независимости. Но мы их легко подчиним себе, когда овладеем властью. Мы просто прикажем им последовать нашему примеру и быть счастливыми.

«Их не разубедишь, — подумала Мэри. — И они ни за что не откажутся от своих нелепых взглядов и намерений».

— Скажите же мне, — проговорила Мэри вслух, — почему вы, осмелившись самовольно овладеть мною, оставили в лесу моего спутника, который дан мне богами затем, чтобы он помогал мне покорить мужчин и основать на Марсе царство женщин?

— Мы не знали этого, — отвечала представительница, — а без твоего повеления мы не смели коснуться великого человека, боясь гнева богов.

— Без него я не могу начать своих действий. Поэтому немедленно пошлите несколько женщин на розыски моего помощника, оставленного в лесу. Пусть они отправятся сию же минуту на прежнее его место и идут по его следам. Когда они найдут его, пусть передадут ему мое послание, которое я сейчас готовлю ему. Предупредите посланных, чтобы они обращались с ним как можно почтительнее и исполняли все его требования.

— Все будет исполнено, великая королева, — отвечала представительница.

— Богам угодно, чтобы на Марсе владычествовали женщины, и я повинюсь богам. Мы победим, если вы будете строго исполнять мои приказания. Завтра я сама созову вас, а теперь я утомлена и хочу отдохнуть. Покажите мне мое жилище.

— Слава великой королеве Марса! Слава посланнице богов! — закричала толпа и стала расходиться.

ХIII

Виктор Павлович между тем понемногу выздоравливал. Когда он пришел в сознание, первый вопрос его был о том, где Мэри. Так как ни Шведов, ни Краснов с Лессингом ничего о ней не знали, то Русаков прерывающимся от волнения голосом рассказал друзьям о своем бегстве вместе с Мэри из города Блаженства и о таинственном похищении в лесу его спутницы. Рассказ профессора взволновал его друзей. Шведов немедленно отправился к королю и, рассказав ему о похищении своей жены, просил разрешить ему сформировать отряд человек в сто и отправиться на поиски Мэри, на что король охотно согласился. Через несколько дней Шведов прислал своим друзьям записку, в которой

сообщал, что до сих пор его поиски не привели ни к чему, но что он не прекратит их до тех пор, пока не осмотрит в лесу каждого кустика.

Оправившись от болезни, Виктор Павлович совершенно замкнулся в себе. Несмотря на все попытки Лессинга вызвать Русакова на спор, втянуть в научную беседу и вообще как-нибудь его расшевелить, ему это не удавалось: Виктор Павлович ко всему относился апатично и старался отделаться от Лессинга односложными ответами. Единственное, что теперь еще интересовало Русакова, это работы Краснова по снаряжению корабля для обратного полета на Землю; он с нетерпением ждал дня, когда можно будет покинуть «эту идиотскую планету, населенную коротконогими подлецами», как он выражался. Виктор Павлович самым усердным и аккуратным образом выполнял все нужные для Краснова вычисления, неотлучно присутствовал при всех его работах и, кроме этого, не желал больше ничего видеть на Марсе, будучи преисполнен негодования против обитателей планеты.

Работы Краснова весьма успешно подвигались вперед. Недалеко уже было то время, когда отважным земным путешественникам можно будет совершить вторичный междупланетный полет. Лессинг, в противоположность Русакову, усердно изучал новый мир и дорожил каждым случаем узнать что-нибудь новое из жизни марсиан, их наклонностей и стремлений.

Путешествие на Марс доказало Лессингу, что натура человеческая везде одинакова и что тщеславие, жадность, зависть, эгоизм и все другие человеческие недостатки зависят не столько от большей или меньшей испорченности человека, сколько от выгодно или невыгодно сложившихся для него обстоятельств. Марсиане, сравнительно с жителями Земли, обладали указанными недостатками в меньшей степени, но это зависело преимущественно оттого, что жизненные условия на Марсе были почти одинаковы для всех, что незачем было вести борьбу друг с другом, так как интересы одного не мешали интересам другого. По мере же развития на Марсе насажденной Лессингом земной цивилизации, нравы жителей стали заметно портиться. Лишь только в чем-нибудь проявлялось соревнование марсиан, как вместе с тем обнаружи-

валось и стремление каждого выдвинуться самому и помешать это сделать другому. Таким же образом и Мэри, которую судьба забросила к восставшим марсианкам, увидела, что на Марсе, как и на Земле, много женщин, все помыслы которых устремлены на то, чтобы проводить жизнь в праздности и наслаждениях, и что Марс до сих пор был выше Земли в этом отношении только потому, что для подобных женщин там было меньше свободы.

Марс до последнего времени был счастливою планетой по сравнению с Землей, и, по наблюдению Лессинга, коренная причина этого счастья заключалась в том, что население Марса вело образ жизни, который на Земле теперь называли бы первобытным, так как он приближался к образу жизни прежнего, доисторического земного человечества. Население Марса для обширного пространства планеты было невелико, и места хватало для всех, так что не было никакой необходимости вести ссоры и войны из-за лишнего клочка поля или леса. Роскошная растительность и тучная почва щедро одаряли земледельцев. Приятный, ровный климат большей части обитаемых мест планеты благотворно отражался на здоровье жителей. Марсиане болели редко. Разные тифы и лихорадки, а тем более холера, уносящие на Земле тысячи жертв, на Марсе были совсем неизвестны. Излишества, роскошь и комфорт, порожденные на Земле цивилизацией, на Марсе не имели места. На этой планете, например, никому не пришлось бы в голову употреблять в пищу неудобоваримые кушанья, столь излюбленные земными гастропомами; в которых даже трудно разобрать, из чего они приготовлены. Пища карликов Марса была самая простая, без особенных приправ.

Больших фабрик или заводов на Марсе не было, а следовательно, не было ни капиталистов, ни пролетариев. Экономическое состояние всех обитателей планеты было почти одинаковое; Марс не знал ни нищеты, ни богатства. Нищета на планете была невозможна, потому что богатая природа давала нуждающемуся все необходимое — и пищу, и одежду, и жилище; богатство же на Марсе не имело смысла. Незачем было копить и беречь сокровища там, где они не приносят никакой пользы: предметы первой необходимости были до-

ступны на планете каждому, а комфорт и удовольствия были так скромны и дешевы, что для пользования ими не было нужды обладать богатством. Конечно, достатки всех карликов не были совершенно равными, но это зависело уже главным образом от большего или меньшего желания человека трудиться. Материальная обеспеченность, ограниченность желаний, невысокое развитие технических знаний, простой образ жизни и отсутствие резкой разницы в умственном развитии отдельных лиц были причинами царивших между карликами мира и согласия. Развлечения марсиан были самые скромные, а высшие радости они черпали в тихой семейной жизни. Семья являлась главным устоем общественной жизни, и карлики бдительно его оберегали.

С развитием железных дорог, с постройкой фабрик и заводов, с ростом промышленности и обмена товаров между отдельными гражданами на глазах профессора Лессинга стали заметно развиваться борьба и соперничество. Одному хотелось опередить другого и отличаться, а многие просто почувствовали прелесть земного комфорта и выгоды земной цивилизации, которая так легко стала прививаться на планете: Соперничество сделало недавних друзей врагами, появились неизвестные раньше у карликов хитрость и недоверие, возникли интриги, — и Лессинг убедился, что он, вместе с добром, принес Марсу огромное нравственное зло. Счастливая Аркадия простых людей исчезала и заменялась борьбой просвещенных эгоистов. Это движение началось так быстро и развилось так сильно, что уже нельзя было ожидать его прекращения. Очарованные успехами техники, марсиане устремились к ним со всею страстью. Период первобытной жизни карликов окончился навсегда. На смену ему появился период машинного труда и господства техники. Лессинг уже видел в перспективе борьбу разных имущественных классов и капиталистический строй.

XIV

Прошло два года после событий. Наступил день, назначенный земными великанами для обратного полета на Землю. На этот раз путешественники не могли выждать, когда Марс по отношению к Земле будет в оппозиции с Солнцем

и когда, следовательно, расстояние между двумя планетами сделается наименьшим. Поэтому им теперь предстояло пролететь значительно большее пространство, чем в первый раз. Впрочем, это обстоятельство их мало беспокоило: совершить путешествие с Марса на Землю было гораздо легче, нежели с Земли на Марс, вследствие меньшей плотности Марса, и Краснов нимало не сомневался в благополучном исходе путешествия. Последние дни на Марсе земные ученые чувствовали себя очень скверно. Их считали причиною многих несчастий, выпавших в последнее время на долю жителей планеты, и почти все население Марса относилось к ним с ненавистью. Один из четырех сумасшедших пророков Марса, пользовавшихся в государстве огромным авторитетом, потребовал от короля даже смерти всех великанов. Хотя на Марсе смертной казни и не существовало, но наших друзей не считали за людей, а за что-то среднее между чудовищем и нечистым духом. Только заступничество просвещенного короля Марса, искренно расположенного к земным ученым, спасло им жизнь; но, уступая общему раздражению, король заставил их в присутствии многих почетных граждан государства назначить срок, к которому они могут окончить свои постройки и улететь на Землю, с тем чтобы вторично не пытаться прилететь на Марс, в чем великапы должны были торжественно поклясться. Сам король не оставил своего намерения сопровождать наших путешественников на Землю, но, опасаясь народного возмущения, должен был хранить свое намерение в тайне.

Земные великаны, и особенно Лессинг, пробудили планету от спячки. Самое существование земных людей указало марсианам на то, что есть другие мыслящие существа помимо обитателей Марса, а то удивительное межпланетное путешествие, которое с успехом совершили земные великаны, ясно показывало, что они очень высоко стоят по своему развитию, знаниям и способностям. Те же чудеса, которые на глазах у всех совершил Лессинг, заставили всех карликов признать свою отсталость от земных людей. Вместе с тем у многих пробудились новые желания и стремления, настоящие условия жизни им уже казались неудовлетворительными, и спокойное довольство жизнью было нарушено. Стремление к зем-

ному комфорту и тем удобствам, с которыми познакомили марсиан земные жители, нарушило экономическое равенство населения, а вместе с тем стали пропадать согласие между гражданами и взаимное доверие. Несогласие с окружающими отразилось и на семейной жизни карликов: неудовлетворенное самолюбие и зависть к успехам соседа портили характер марсиан, которые срывали злобу на членах своей семьи. Вообще с развитием на Марсе технического прогресса стали быстро исчезать беззаботность и душевное спокойствие карликов. Они хорошо замечали это сами, но уже не могли остановить начавшегося движения. Карлики, опередившие других, не удовлетворялись достигнутыми результатами, а жаждали все новых и новых успехов, которые их ошпыняли и возбуждали их деятельность. Карликам оставалось покориться судьбе и признать, что для Марса начались новая эпоха и новые веяния, с которыми неизбежно нужно считаться. Приверженцы старины — а таких на Марсе было большинство — оплакивали доброе старое время, когда все жили в мире и согласии, и страстно возненавидели земных путешественников, развративших, по их мнению, молодое поколение Марса. Особенно против них были вооружены жрецы и пророки, так как с распространением технических знаний на Марсе их авторитет на Марсе заметно стал колебаться.

Прибытие на Марс земных ученых совпало с самым разгаром женского движения на планете, когда несколько женщин задумали добиться владычества над мужчинами. Этот женский заговор кончился полным скандалом. Жрецы узнали о нем прежде, чем заговорщицы успели что-нибудь предпринять, и в результате все главные зачинщицы были наказаны на городских площадях, после чего «общество независимых женщин» прекратило свое существование. Что же касается Мэри, которую члены этого общества захватили и привезли в свой лагерь, навязав ей предводительство над ними, то ей удалось бежать к своим друзьям раньше, чем был открыт заговор; в противном случае ей, вероятно, несмотря на полную ее невиновность в этом деле, пришлось бы перенести немало неприятностей. Жрецы все-таки впоследствии узнали о пребывании Мэри в лагере независимых женщин и, воспользовавшись этим предлогом, стара-

лись убедить марсиан, что начавшееся было движение против семейных обязанностей женщины было возбуждено земной великаншей и что она — главная виновница женского заговора. Потерпевшие же фиаско «независимые женщины» считали Мэри виновницей своего неуспеха, видя в ней предательницу. Таким образом, Мэри без всякой причины приобрела на Марсе множество врагов, она боялась даже выходить из королевского дворца, где теперь жили все пять земных путешественников.

В назначенный для отъезда день путешественники распрощались с Марсом и вошли внутрь корабля. Шведов пока еще оставался на планете, поджидая короля, который должен был вместе с ними улетать на Землю. Королю было трудно проскользнуть на «Галилей» незаметно для своих подданных, так как жрецы, видя покровительство короля земным ученым, были им очень недовольны и следили за каждым его шагом. До отъезда оставалось всего лишь полтора часа, а Шведов с королем не появлялись. Путники стали беспокоиться. Особенно волновался Русаков.

— Где же это, где же это Петр Петрович пропал? — ворчал он. — Еще останешься из-за него на этой дурацкой планете!

Решено было, чтобы Лессинг вышел из корабля, спустился вниз и, отыскав Шведова, узнал, в чем дело. Через несколько минут Лессинг возвратился и сообщил, что король присылал к Шведову доверенного человека сказать, что он испросит для путешествия благословения богов Марса, после чего немедленно к нему явится.

— И Петр Петрович будет ждать, когда он окончит свои китайские церемонии? — спросил Русаков.

— Конечно, — отвечал Лессинг.

— Да что он, с ума сошел, что ли? — заволновался Виктор Павлович. — Один час остался до отъезда, а он там валандается! Честное слово, честное слово, мы все останемся из-за него... Бежите опять, Иван Иванович.

— Нельзя, Виктор Павлович. Если король разгневется, то и мы не улетим. Он может приказать испортить наши сооружения. Необходимо подождать. Петр Петрович сам волнуется не меньше вас.

Прошло еще полчаса, а Шведов не являлся. Русаков чуть не плакал.

— Останемся, непременно останемся! — бормотал он. — Погибли навеки...

В эту минуту по лестницам стремительно поднялся на корабль Шведов, он был очень взволнован.

— Господа! Случилось несчастье! — сказал он. — Жрецы узнали о намерении короля лететь с нами и произвели возмущение. Жрецы грозят королю проклятием богов... Поднялась целая революция. Марсиане неистовствуют и грозят нам смертью. Сюда бежит целая толпа народу, чтобы уничтожить нас и наши сооружения...

— Боже! Что же нам теперь делать? — воскликнула Мэри. — Николай Александрович! Нельзя ли сию минуту улететь, пока они не успели добраться до нас?

— Вы чепуху говорите, — отвечал Краснов. — Если мы двинемся раньше срока, то никогда не попадем на Землю. Осталось ждать около получаса. Надо суметь отразить их нападение.

— Тогда закроем отверстие и закупиримся, чтобы они не добрались до нас.

— Нельзя этого! — возразил Лессинг. — Нужно наблюдать за их действиями...

В это время внизу раздался крик. Толпа в несколько сот человек ворвалась во двор машинного отделения и окружила главный механизм, отыскивая глазами великанов. Последние же, прижав лицами к отверстию в полу, следили за их действиями.

— Негодяи! — вскричал Краснов. — Они хотят оборвать проволоки, ведущие к электрическому прибору нашего «Галилея».

Действительно, несколько человек тянули руки вверх, чтобы достать проволоки, висевшие над их головами. Вдруг неожиданно для всех Русаков выстрелил из револьвера. Пуля пробила остроконечную шляпу одного из карликов, ставшихся оборвать проволоку. Выстрел произвел между ними суматоху. Крики усилились, и разъяренная толпа полезла по лестницам к кораблю.

— Иван Иванович, — закричал Русаков Лессингу, — не сите сюда еще какое только есть у нас оружие!

— Не беспокойтесь! Сюда они не войдут, — отвечал Лессинг. — Только бы они не испортили чего внизу!.. Я им сейчас приготовлю угощение.

С этими словами Лессинг стал натягивать на нижнее отверстие корабля проволоку, так что нельзя было войти в корабль без того, чтобы не коснуться ее. Тем временем на верху лестницы показалась голова карлика. Виктор Иванович выстрелил в воздух над его головой. Карлик скрылся.

— Господа, будьте осторожней! — закричал Лессинг. — Сейчас я соединю проволоку с электрической машиной. Готово!

На лестнице показались на этот раз несколько карликов вместе. Но лишь только они коснулись проволоки, стараясь взойти на корабль, как вскрикнули и кувырком покатались вниз по лестнице. Через минуту в отверстии показались еще несколько человек, но и они тотчас же покатались вниз.

— Что, болваны? — закричал Русаков. — Не так-то легко до нас добраться!

Толпа остановилась внизу и стала о чем-то горячо спорить. Они, очевидно, обсуждали вопрос, как овладеть великанами. Мало-помалу карлики стали расходиться. Путешественники облегченно вздохнули. До полета оставалось около четверти часа. Тем не менее великаны продолжали смотреть вниз. Вдруг Лессинг вскрикнул:

— Мы горим! Смотрите, они подожгли наши постройки.

Деревянная ограда с навесом, окружавшая механические сооружения путешественников, пылала. Огненные языки поднимались все выше и выше. Мэри не выдержала и зарыдала.

— Теперь уж мы, несомненно, погибли! — промолвила она.

— Успокойтесь! — сказал Краснов. — Мы еще можем спастись. Через восемь минут мы должны вылететь в пространство, а до тех пор пожар не успеет сильно распространиться. У нас только ограда деревянная, а балки и все постаменты под нашими машинами сделаны из местного металла «марсианина», который огнеупорен и тверд. Огонь не скоро доберется до на-

пких приборов. Я только спущусь вниз и посмотрю, не испортили ли чего карлики.

Краснов полез вниз, но через минуту возвратился.

— Нельзя добраться до низу, — проговорил он, — страшная жара, и можно задохнуться от дыму. Кажется, все в порядке. Надо закупориваться и лететь.

Все бросились закрывать отверстие.

— Ну а если карлики или огонь уже испортили наши приборы? — спросил Шведов. — Не лучше ли оставить рискованную попытку лететь при таких условиях, а постараться пробраться во дворец, а затем через несколько времени снова построить все нужное?

— Если машины порчены, то мы совсем не полетим, — отвечал Краснов. — А если полетим, то благополучно доберемся до Земли. Сейчас мы узнаем все. Садитесь по местам.

— Летим, летим! — проговорил Русаков. — Лучше умереть в междупланетном пространстве, чем от рук этих бездельников.

— Держитесь, господа, — сказал Краснов, — и попрощайтесь с Марсом!

Краснов нажал кнопку от электрического аппарата. «Галилей» дрогнул, и все пассажиры попадали от толчка.

— Кажется, мы спасены, — проговорил Краснов. — Машина дала нужный толчок, а так как это сделано вовремя, то мы будем на Земле.

Лессинг и Шведов тем временем открывали ставни окон.

— Взгляните, господа, — сказал Шведов. — Марс у нас под ногами.

«Галилей» уже мчался по направлению к Земле.

— Ну, гора с плеч свалилась! — вздохнул Русаков. — Набрались же мы страху. Вот негодяи-то! Чуть было не сожгли нас живыми...

— Забудьте, Виктор Павлович! — сказала Мэри. — Все хорошо, что хорошо кончается.

— Забыть! Нет, я никогда не забуду, чего потерпелся на Марсе. Я им это припомню!

Все расхохотались.

— Разве вы думаете полететь туда вторично? — спросил Лессинг.

- Я? И врагу закажу... Будет с меня одной глупости.
- Неужели вы не находите никакой пользы в своем путешествии на Марс?
- А вы в чем ее находите?
- Да мало ли в чем! Мы столько видели нового и интересного, столько сделали важных научных открытий в области физики, химии, естественных наук и даже социологии, что обработать собранный материал вряд ли мы успеем даже в десять лет.
- Да, мы можем гордиться достигнутыми результатами, — подтвердил Краснов, — без лишней скромности мы имеем право заявить, что обогатим науку.
- Меня смущает лишь одно, — проговорил Лессинг. — Что наша поездка самому Марсу припесла не пользу, а вред. И в этом особенно я виноват.
- Что же дурного вы сделали? — спросил Шведов.
- Благодаря мне, — отвечал Лессинг, — у марсиан пробудились новые стремления и желания; они поняли несовершенство своего быта и ограниченность своих знаний.
- Но это же хорошо, — сказал Шведов. — Вы пробудили их умственную жизнь.
- Да, но вместе с тем они потеряли душевный покой и навеки утратили прежнее счастье.
- Значит, по вашему мнению, следовало их оставить в прежнем состоянии и не пытаться развить их ум?
- Да. Знание счастья не дает.
- Правда, — подтвердил Краснов, — чем человек больше знает, тем он несчастнее. Ребенок счастливее взрослого человека, мужик счастливее интеллигента...
- Свинья счастливее мужика, — перебил его Шведов, — червяк счастливее свињи... Правда?
- Правда, — подтвердил Краснов.
- Следовательно, труп счастливее живого человека? То же правда?
- То же правда.
- То есть вы проповедуете смерть?
- Эх, госнода, давайте лучше играть в винт. Мы успеем еще пофилософствовать на Земле.
- А есть карты? — спросил Русаков.

— Есть. Я упробил королѧ возвратитѧ нам все наше имущество, найденное на «Галилее».

Через несколько минут в междупланетном пространстве началась игра.

Через семь месяцев «Галилей» тихо опустился на Землю. Когда все пять путешественников вышли из корабля, они увидели, что находятся на берегу большой реки. Вдали виднелся какой-то город.

— Господа, — сказал Лессинг, — а ведь мы, кажется, паходимся в России. Смотрите, к нам идет мужичок.

— Да, так одеваются только наши крестьяне, — подтвердил Краснов. — Послушай, любезный, — обратился он к подошедшему мужичку. — Какая это река?

— А вы нездешние? Это Амур.

— Амур? А какой это город виднеется?

— Благовещенск.

— Вот как! Однако хотя мы и в России, но до Европы нам еще далеко.

— Стоит говорить о таких пустяках, — заметил Русаков, — после того, как мы съездили на Марс и вернулись обратно!

Содержание

<i>Антон Первушин. Границы воображения в безграничном космосе</i>	5
---	---

ПРОБНЫЙ ШАР

<i>А. и Б. Стругацкие. ДЕСАНТНИКИ</i>	19
<i>Владимир Михайлов. РУЧЕЙ НА ЯПЕТЕ</i>	43
<i>Андрей Балабуха. МОГИЛЬЩИК</i>	71
<i>Вячеслав Рыбаков. ПРОБНЫЙ ШАР</i>	90

ВРАГ НА ОРБИТЕ

<i>Антон Первушин. ВЫСТУПЛЕНИЕ КОСМОНАВТА КОМАРОВА В СЕЛЬСКОМ КЛУБЕ</i>	124
<i>Андрей Измайлов. НАШ ОТВЕТ ЧЕМБЕРЛЕНУ. Альтернатива</i>	139
<i>Алексей Бессонов. ВОЗВРАЩЕНИЕ В КРАСНОМ</i>	154

НАШИ В КОСМОСЕ

<i>Олег Дивов. ЭПОХА ВЕЛИКИХ СОБЛАЗНОВ</i>	165
<i>Сергей Лукьяненко. МАЛЬЧИК-МОНСТР</i>	215
<i>Александр Етоев. ЭКСПОНАТ, ИЛИ НАШИ В КОСМОСЕ</i>	225

ДОРОГА К ЗВЕЗДАМ

<i>Юлий Буркин. ВОИ! К ЗВЕЗДАМ!</i>	242
<i>Елена Первушина. ТЫ ЛЮБИШЬ ДЖАЗ?</i>	251
<i>Святослав Логинов. Я НЕ ТРОГАЮ ТЕБЯ</i>	266
<i>Александр Громов. СЕКУНДАНТ</i>	309
<i>Геннадий Прашкевич. АНГРАВ-VI</i>	326

КОСМИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ

<i>Леонид Афанасьев. ПУТЕШЕСТВИЕ НА МАРС</i>	424
--	-----

К 71 Космическая фантастика, или Космос будет нашим!:
Антология. — СПб.: Фантастика, 2008. — 512 с.
ISBN 978-5-91377-018-9

Много лет отечественные фантасты мечтали о покорении человеком космоса. В антологии «Лучшая космическая фантастика, или Космос будет нашим!» представлены лучшие произведения признанных русскоязычных авторов разных поколений: от классического рассказа братьев Стругацких «Десантники» до нового рассказа Сергея Лукьяненко «Мальчик-монстр», ранее в книжных изданиях не выходившего. Авторы сборника объединяет вера в то, что космическая экспансия неизбежна. Ведь проникновение человечества в глубины Вселенной принесет землянам не только доступ к неограниченным ресурсам, но и богатство новой культуры, ростки которой пробиваются уже сегодня в книгах тех, кто мечтает о завоевании космоса во благо всего человечества. Космос должен быть нашим! Космос будет нашим!

Литературно-художественное издание

**Космическая фантастика,
или Космос будет нашим!**

Руководитель проекта Денис Лобанов

Ответственный за выпуск Василий Владимировский

Редактор Анатолий Гусев

Художественный редактор Александр Золотухин

Технический редактор Ольга Иванова

Корректоры Татьяна Никонова, Алевтина Борисенкова, Ольга Крылова

Верстка Александра Савастеи

Подписано в печать 05.03.2008

Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Гарнитура «Петербург». Тираж 10 000 экз.

Усл. печ. л. 26,88. Изд. № 18. Заказ № 9247.

ООО «Фантастика»

196105, Санкт-Петербург, ул. Решетникова, д. 15

Отпечатано по технологии СtP

в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Много лет отечественные фантасты мечтали о покорении человеком космоса. В антологии из серии «Лучшее» «Космическая фантастика. Космос будет нашим!» представлены лучшие произведения признанных русскоязычных авторов разных поколений: от классического рассказа братьев Стругацких «Десантники» до нового рассказа Сергея Лукьяненко «Мальчик-монстр», ранее в книжных изданиях не выходившего. Авторы сборника объединяет вера в то, что космическая экспансия неизбежна. Ведь проникновение человечества в глубины Вселенной принесет землянам не только доступ к неограниченным ресурсам, но и богатство новой культуры, ростки которой пробиваются уже сегодня в книгах тех, кто мечтает о завоевании космоса во благо всего человечества. Космос должен быть нашим! Космос будет нашим!

ISBN 978-5-91377-018-9

9 785913 770189

www.azbooka.ru